

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№11 2020

Казань - 2020

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №11 2020г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – 208.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № Е11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Л.К. Байрамова</i> СТИХОТВОРЕНИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «БОРОДИНО» И ЕГО ДОКУМЕНТАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ, ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	9
<i>Н.В. Бараханова</i> ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»	13
<i>А.Р. Борова, С.Ю. Виндижева</i> ТРАДИЦИОННАЯ АЛЛЕГОРИЯ В РУССКОЙ КЛАССИЦИСТИЧЕСКОЙ ОДЕ	16
<i>Т.Н. Воронина</i> ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»	20
<i>Сун Тяньяо</i> ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА В РАССКАЗАХ М. ШОЛОХОВА «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА» И ЛЮ ЧЖЭНЯ «МЕЛОДИЯ ГЕРОЯ»	25
<i>Н.В. Чаунина</i> МОТИВНО-ОБРАЗНЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ РАННЕЙ ЛИРИКИ В. ДАНИЛОВОЙ И А. АХМАТОВОЙ	28

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>В.А. Виниченко</i> ВИЗУАЛИЗАЦИЯ МЕДИАТЕКСТА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА	31
<i>З.З. Гилязов</i> ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В МУЗЕЯХ ТАТАРСТАНА (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)	34
<i>А.П. Данилов, А.А. Данилов</i> РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЭТНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)	37
<i>М.Г. Данилова, А.П. Данилов, А.А. Данилов, А.М. Эшкерт</i> О ВКЛАДЕ ДИНАСТИИ ПЕТРОВЫХ-МИНЕЕВЫХ В ЧУВАШСКУЮ ЖУРНАЛИСТИКУ	40
<i>Г.Н. Зайнеева, Г.А. Хуснутдинова, Л.Ш. Гарипова</i> АВТОБИОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АВТОБИОГРАФИЙ Г.ИБРАГИМОВА)	43
<i>В.В. Костенкова, Г.А. Абрамова, В.П. Абрамов</i> СЛОГАН КАК КОМПОНЕНТ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ	46
<i>А.К. Малаховский</i> К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ НАЧАЛА III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ	49

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>А.В. Блохин, Т.А. Колоскова, Е.П. Филиппова, О.С. Шемонаева</i> ПРЕОБРАЗОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ДНЕВНИКАХ М.А. БУЛГАКОВА	52
<i>В.В. Зубченко</i> СОВЕТСКИЕ БАСНИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ САТИРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ЗООМОРФНЫЕ КОМПОНЕНТЫ	56
<i>О.Н. Кушнир, М.В. Тодика</i> НАИМЕНОВАНИЯ ВИДОВ ДОКУМЕНТОВ В АСПЕКТЕ ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ	62
<i>Е.В. Меркель, Л.А. Яковлева</i> ФОНЕТИЧЕСКАЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЭВЕНКИЙСКИХ ТОПОНИМОВ К СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	66
<i>К.А. Окишева, А.В. Потанина</i> УРОВНЕВЫЕ ЗАДАНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПАРОНИМОВ	70
<i>О.О. Петрова</i> К ВОПРОСУ О КОННОТАТИВНОЙ МЕТОНИМИИ	73

<i>В.В. Радченко, И.М. Гаврильева</i> ХАРАКТЕР ОЦЕНОК В ТЕКСТАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	76
<i>П.Е. Топорков</i> ИМЕНА СОСТОЯНИЙ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДИКАТИВА КАК КЛАССА СЛОВ	79

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>В.Е. Глызина, Н.Е. Горская, А.В. Федорюк</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	82
<i>В.Е. Глызина, И.В. Пашаева</i> УСТОЙЧИВОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ЗАВЕРШЕННОСТИ СЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	85
<i>Ю.А. Джураева</i> К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ КИНОДИСКУРСОВ	88
<i>Л.М. Зиннатуллина</i> РЕШЕНИЕ ВОПРОСА МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	92
<i>В.С. Машошина</i> МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА LOVE В РОМАНЕ Г. МЕЛВИЛЛА «ПЬЕР, ИЛИ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ»	96
<i>А.В. Мерзлякова, Ю.В. Рябкова, П.Л. Голякович</i> ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРАТИВА КАК СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ	99
<i>В.М. Насртдинова</i> ЗЛОБОДНЕВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: «КОВИДНЫЕ» НЕОЛОГИЗМЫ И ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	102
<i>О.Н. Поддубская, С.Г. Ларина, А.В. Сахарова</i> СОВРЕМЕННЫЙ СЛЕНГ ВЕЛИКОБРИТАНИИ	105
<i>Д.А. Романов</i> ПРОБЛЕМЫ РАСПОЗНАВАНИЯ И ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ИНФИНИТИВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦЕЛИ	108
<i>О.А. Хабибуллина</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	111
<i>Е.Б. Цыганова</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. КЭБОТ)	114
<i>Л.Ю. Щитицина</i> СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ОНЛАЙН-ДИСКУРСЕ	117

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>А.В. Абрегова, Р.Б. Кенетова, Р.А. Теуважукова</i> СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ)	121
<i>Г.А. Афанасьева, К.Г. Егорова</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОГО ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН ГРУППЫ “BTS”)	126
<i>З.Х. Бижева, А.Л. Латипова</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)	129
<i>Т.Г. Боргоякова, А.В. Гусейнова</i> ШОРСКИЙ ЯЗЫК В С. МАТУР ТАШТЫПСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА)	132
<i>О.В. Гончарова, С.А. Халеева</i> СТРАТЕГИИ МАНИФЕСТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БИЛИНГВА	136
<i>А.В. Гусейнова, А.П. Лопсан</i> НОМИНАЦИЯ ТЕМНЫХ СИЛ В ХАКАССКОМ И ТУВИНСКОМ ПЕРЕВОДАХ НОВОГО ЗАВЕТА	140

<i>Н.В. Егоришина, Ю.Ю. Дмитриева, Ю.В. Шуйская</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПЕРЕВОДЫ РУССКИХ ПОЭТОВ, ВЫПОЛНЕННЫЕ КАК ФРАГМЕНТ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА	143
<i>Е.П. Игнатьева</i> ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ АНТРОПОНИМ КАК ЦЕННОСТЬ И АНТИЦЕН-НОСТЬ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	146
<i>Н.М. Краснова</i> УДАРЕНИЕ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	149
<i>М.И. Кысылбаикова</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «КУЛЬТУРА» В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ	152
<i>Ф.Ф. Ларионов, С.В. Филиппова</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ПОБЕДИТЕЛЯ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ	155
<i>А.Е. Михайлов, Н.В. Сабурова</i> СПОСОБЫ СМЫСЛОФОРМИРОВАНИЯ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА НА МАТЕРИАЛЕ КАРИКАТУР О ПРОТЕСТАХ В ГОНКОНГЕ	158
<i>Н.О. Орлова, О.Ю. Богданова, О.Л. Крамаренко</i> ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВОЕННОГО ДИСКУРСА КАК ОСОБОГО ТИПА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА	161
<i>Е.В. Петрушова</i> К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ СЛОВАРЯ-ТЕЗАУРУСА ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ БИЗНЕСА	164
<i>Д.Н. Потапова, К.Г. Егорова</i> ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБТИТРОВ В КОРЕЙСКИХ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ТЕЛЕПРОГРАММАХ	167
<i>Н.Г. Пушкарёва, Л.Д. Раднаева, Б.В. Соктоева, Н.С. Талдыкина</i> ПРОБЛЕМЫ УСВОЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА	170
<i>Ю.Н. Родионов</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА	173
<i>А.В. Сахарова, Е.Л. Смирнова</i> ЯЗЫКОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ВЫЗОВЫ ЭПОХИ ПОСТГРАМОТНОСТИ	176
<i>А.А. Смерчинская</i> ИНФЕРЕНЦИЯ ИМПЛИКАТУР КАК СПОСОБ ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	179
<i>Н.Ф. Хасанова</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИТОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЖАРГОНАХ НАРКОМАНОВ	182
<i>Чжан Тао</i> КОНЦЕПТ «СЫНОВНЯЯ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ» 孝 (СЯО) В КИТАЙСКОЙ РЕКЛАМЕ	185
<i>Чжан Хундань</i> ВОЕННАЯ МЕТАФОРА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ COVID-19 В СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ СМИ	188
<i>Чу Цзяньминь</i> ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ КАТЕГОРИИ УЧАЩИХСЯ, В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	191
АННОТАЦИИ	194

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE**

<i>L.K. Bairamova</i> POEM BY M.YU. LERMONTOV "BORODINO" AND ITS DOCUMENTARY- HISTORICAL, LITERARY-AESTHETIC BASES	9
<i>N.V. Barakhanova</i> CHRISTIAN MOTIVES AND IMAGES IN THE NOVEL "THE FOUNDATION PIT" WRITTEN BY A. PLATONOV	13
<i>A.R. Borova, S.Yu. Vindizheva</i> TRADITIONAL ALLEGORY IN RUSSIAN CLASSIC ODE	16
<i>T.N. Voronina</i> ESCHATOLOGICAL MOTIFS IN THE STORY «BUSINESS AS USUAL» BY VASILY BELOV	20
<i>Song Tianyao</i> MAN AND WAR IN THE SHORT STORIES OF M. SHOLOKHOV "THE FATE OF MAN" AND LIU ZHEN "MELODY OF A HERO"	25
<i>N.V. Chaunina</i> MOTIVE AND FIGURE PARALLELS OF EARLY LYRICS BY V. DANILOVA AND A. AKHMATOVA	28

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>V.A. Vinichenko</i> VISUALIZATION OF MEDIA TEXT AS A MEANS OF FORMING THE IMAGE OF THE FEDERAL UNIVERSITY	31
<i>Z.Z. Gilazev</i> LITERARY HERITAGE IN MUSEUMS OF TATARSTAN (ON THE EXAMPLE OF TATAR WRITERS)	34
<i>A.P. Danilov, A.A. Danilov</i> DEVELOPMENT OF THE STRUCTURE OF RELATIONS OF THE STATE AND ETHNIC MEDIA (ON THE EXAMPLE OF THE CHUVASH REPUBLIC)	37
<i>M.G. Danilova, A.P. Danilov, A.A. Danilov, A.M. Eshkerat</i> ON THE CONTRIBUTION OF THE PETROV-MINEYEV DYNASTY TO CHUVASH JOURNALISM	40
<i>G.N. Zayneeva, G.A. Husnutdinova, L.Sh. Garipova</i> AUTOBIOGRAPHY AS A SOURCE OF INFORMATION (ON THE EXAMPLE OF G. IBRAGIMOV'S AUTOBIOGRAPHIES)	43
<i>V.V. Kostenkova, G.A. Abramova, V.P. Abramov</i> SLOGAN AS A COMPONENT OF ADVERTISING COMMUNICATION IN THE EDITING ASPECT	46
<i>A.K. Malakhovsky</i> ON CRISIS OF ANGLO-AMERICAN PRESS OF BEGINNING OF THE THIRD MILLENIUM	49

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>A.V. Blokhin, T.A. Koloskova, E.P. Filippova, O.S. Shemonaeva</i> TRANSFORMED IDIOMS IN THE DIARIES OF M.A. BULGAKOV	52
<i>V.V. Zubchenko</i> SOVIET FABLES AS A FORM OF SATIRICAL DISCOURSE: ZOOMORPHIC COMPONENTS	56
<i>O.N. Kushnir, M.V. Todika</i> NAMES OF TYPES OF DOCUMENTS IN THE ASPECT OF THEIR FUNCTIONAL PURPOSE	62
<i>E.V. Merkel, L.A. Yakovleva</i> PHONETIC AND WORD-FORMATIVE ADAPTATION OF THE EVENK PLACE NAMES TO THE SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE	66
<i>K.A. Okisheva, A.V. Potanina</i> LEVEL-SPECIFIC ASSIGNMENTS AS A MEANS OF FULFILLING DIFFERENTIATED APPROACH TO PARONYMS LEARNING	70
<i>O.O. Petrova</i> ON THE QUESTION OF CONNOTATIVE METONYMY	73
<i>V.V. Radchenko, I.M. Gavrilova</i> THE NATURE OF ASSESSMENTS IN THE TEXTS OF LINGUISTIC EXPERTISE	76
<i>P.Y. Toporkov</i> STATE NOUNS IN THEIR RELATION TO PREDICATIVES AS A SPECIFIED CLASS	79

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

V.E. Glyzina, N.E. Gorskaya, A.V. Fedoryuk LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING INTENSITY IN THE ENGLISH LANGUAGE	82
V.E. Glyzina, I.V. Pashaeva SUSTAINABILITY OF PHRASEOLOGICAL INTENSIFIERS AS A DEMONSTRATION OF THE RELATIVE COMPLETENESS OF SEMIOLOGICAL PROCESSES IN THE ENGLISH LANGUAGE	85
Yu.A. Dzhuraeva ON THE ISSUE OF CINEMATIC DISCOURSE CLASSIFICATION	88
L.M. Zinnatullina THE PROBLEM OF INTERLINGUAL CORRESPONDENCE OF ADVERBIAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH AND RUSSIAN	92
V.S. Mashoshina METAPHORICAL REPRESENTATIONS OF LOVE IN H. MELVILLE'S "PIERRE, OR THE AMBIGUITIES"	96
A.V. Merzlyakova, Yu.V. Ryabkova, P.L. Golyalovich THE PECULIARITIES OF IMPERATIVE AS AN IMPACT MEANS IN GERMAN SOCIAL ADVERTISING.	99
V.M. Nasrtdinova TOPICAL WORDBUILDING: COVID-ASSOCIATED NEOLOGISMS AND OCCASIONALISMS IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES	102
O.N. Poddubskaya, S.G. Larina, A.V. Sakharova MODERN SLANG OF GREAT BRITAIN	105
D.A. Romanov PROBLEMS OF IDENTIFICATION AND TRANSLATION OF THE INFINITIVE EXPRESSING PURPOSE FROM ENGLISH INTO RUSSIAN	108
O.A. Khabibullina FUNCTIONAL FEATURES OF SOUND WORDS IN THE ENGLISH LANGUAGE	111
E.B. Tsyanova TRANSLATION FEATURES OF YOUTH SLANG FROM ENGLISH TO RUSSIAN (BASED ON THE WORKS OF M. CABOT)	114
L.Yu. Shchipsina EVALUATIVE MEANS IN ARTISTIC ONLINE DISCOURSE	117

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

A.V. Abregova, R.B. Kenetova, R.A. Teuvazhukova WAYS OF EXPRESSING MODALITY IN LANGUAGES OF DIFFERENT TYPES (ENGLISH, RUSSIAN, KABARDIAN-CIRCASSIAN)	121
G.A. Afanasieva, K.G. Egorova LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE KOREAN SONG DISCOURSE (BASED ON THE LYRICS OF THE GROUP "BTS")	126
Z.Kh. Bizheva, A.L. Latipova DERIVATIONAL FEATURES OF INTERNET DISCOURSE LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND TURKISH LANGUAGES)	129
T.G. Borgoiaikova, A.V. Guseinova SHOR LANGUAGE IN TASHTYP DISTRICT OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA (ACCORDING TO THE RESULTS OF A SOCIOLINGUISTIC SURVEY)	132
O.V. Goncharova, S.A. Khaleeva LINGUISTIC AND CULTURAL BILINGUAL IDENTITY MANIFESTATION STRATEGIES	136
A.V. Guseinova, A.P. Lopsan NOMINATION OF THE DARK FORCES IN THE KHAKASS AND TUVAN TRANSLATIONS OF THE NEW TESTAMENT	140
N.V. Egorshina, Yu.Yu. Dmitrieva, Yu. V. Shuyskaya PECULIARITIES OF THE TRANSLATION DISCOURSE: TRANSLATIONS BY RUSSIAN POETS, PERFORMED AS A FRAGMENT OF A PROSAIC TEXT	143
E.P. Ignatieva VALUE AND DISVALUE OF ENCYCLOPEDIA ANTHROPONYM IN SEMIOTIC SPACE	146
N.M. Krasnova STRESS IN HILL MARI	149
M.I. Kysylbaikova CONCEPTUAL FEATURES IN THE STRUCTURE OF THE CONCEPT "CULTURE" IN THE YAKUT LANGUAGE	152

<i>F.F. Larionov, S.V. Filippova</i> REPRESENTATION OF WINNER IMAGE IN INTERNET DISCOURSE	155
<i>A.E. Mikhailov, N.V. Saburova</i> MEANING-FORMATION METHODS OF CREOLIZED TEXT IN POLITICAL CARTOONS ABOUT HONG KONG PROTESTS	158
<i>N.O. Orlova, O.Y. Bogdanova, O.L. Kramarenko</i> MAIN COMPONENTS OF MILITARY DISCOURSE AS AN INSTITUTIONAL DISCOURSE SPECIAL TYPE	161
<i>E.V. Petrushova</i> TO THE QUESTION OF BUILDING THE DICTIONARY-THESAURUS OF THE SUBJECT BUSINESS AREA	164
<i>D.N. Potapova, K.G. Egorova</i> THE LEXICO-GRAMMATICAL FEATURES OF SUBTITLES IN KOREAN ENTERTAINMENT TV PROGRAMS	167
<i>N.G. Pushkar'ova, L.D. Radnaeva, B.V. Socktoeva, N.S. Taldykina</i> PROBLEMS OF MASTERING OF ENGLISH PRONUNCIATION RUSSIAN SPEAKERS	170
<i>Y.N. Rodionov</i> SOME FEATURES OF TEMPORAL ORGANISATION OF ENGLISH NEWS DISCOURSE	173
<i>A.V. Sakharova, E.L. Smirnova</i> LANGUAGE LITERACY AS A LINGUISTIC CAPITAL: CHALLENGES OF THE POST-LITERACY ERA	176
<i>A.A. Smerchinskaya</i> IMPLICATURE INFERENCE AS A WAY OF PRAGMATIC AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF LINGUISTIC PERSONA	179
<i>N.F. Khasanova</i> CONTRASTIVE ANALYSIS OF PHYTOMORPHIC IMAGES IN RUSSIAN AND ENGLISH DRUG ADDICTS' SLANG	182
<i>Zhang Tao</i> THE CONCEPT "FILIAL PIETY" 孝 (XIAO) IN CHINESE ADVERTISING	185
<i>Zhang Hongdan</i> MILITARY METAPHOR IN THE REPRESENTATION OF COVID-19 IN MODERN CHINESE MEDIA	188
<i>Chu Jianmin</i> VOCABULARY DENOTING THE CATEGORIES OF LEARNERS IN CHINESE	191
ABSTRACTS	194

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Л.К. Байрамова д-р филол. наук

Казанский федеральный университет,
кафедра русского языка и методики его преподавания,
Казань, luiziana08@mail.ru

**СТИХОТВОРЕНИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «БОРОДИНО»
И ЕГО ДОКУМЕНТАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ,
ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ**

Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В статье анализируется отражение в стихотворении «Бородино» М.Ю. Лермонтова исторических фактов и возможность определения центральной идеи стихотворения: её гармонический центр.

Ключевые слова: война, сражение, умереть, клятва, бородинский бой, Кутузов, гармонический центр.

Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Бородино» (1837) посвящено Бородинскому сражению во время Отечественной войны 1812 г. между русской армией (главнокомандующий генерал М.И. Кутузов) и французской армией Наполеона I. Сражение состоялось 26 августа (7 сентября) в районе с. Бородино, в 124 км к западу от Москвы.

М.И. Кутузов после осмотра позиции решил дать противнику генеральное сражение, чтобы упорной обороной ослабить французскую армию и остановить её продвижение к Москве. Сосредоточив свыше 2/3 сил на правом фланге, М.И. Кутузов надёжно прикрыл Новую Смоленскую дорогу, по которой наступал Наполеон. [4, с. 578]

Наполеон стремился разгромить русскую армию, намереваясь прорвать центр русской позиции, обойти её левый фланг и отрезать русскую армию от дорог на Москву. Силы сторон были примерно равными: в русской армии – ок. 132 тыс. человек, 624 орудия; во французской армии – ок. 135 тыс. человек, 587 орудий. [4, с. 578]

Генеральному сражению предшествовал бой 24 августа за Шевардинский редут, где русские войска под командованием генерала А.И. Горчакова (около 8 тыс. пехоты, 4 тыс. кавалерии и 36 орудий) в течение всего дня героически отражали атаки превосходящих сил противника (30 тыс. пехоты, 10 тыс. кавалерии и 186 орудий). [4, с. 579]

*«Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя,
Богатыри – не вы!».* [2, с. 46]

Шевардинский бой обеспечил русским войскам время для оборонительных работ на основных позициях. [4, с. 578–579]

Бородинское сражение началось около 5 ч. 30 мин. 26 августа атакой французских войск. Атака была отбита. Около 6 часов начались атаки главных сил Наполеона на флешы, продолжавшиеся почти свыше 6 часов. Ценой огромных потерь французы к 12 час. овладели флешами. Генерал-лейтенант П.П. Коновницын принял командование после смертельного ранения Багратиона. [4, с. 579]

В стихотворении «Бородино» эта информация нашла отражение в следующих строках:

*«Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам ...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой»... [2, с. 47]*

В полдень кавалерийские полки генералов Ф.П. Уварова и М.И. Платова по приказу Кутузова нанесли удар по левому флангу французской армии, вызвав переполох и панику в тылах. Около 14 час. французы начали атаку батареи Раевского и к 16 час. в упорном бою вынудили русских оставить разрушенную батарею. Попытки французской кавалерии развить наступление были отражены русской кавалерией, после чего атаки прекратились. Наполеон не рискнул бросить в бой резервную гвардию. С наступлением темноты Наполеон отвёл войска на исходные позиции, оставив занятые ранее русские укрепления. [4, с. 579]

В Бородинском сражении французская армия понесла невосполнимые потери – свыше 58 тыс. человек (по французским данным 30 тысяч человек), в том числе 47 генералов. Русские войска потеряли 44 тыс. человек (из них 38,5 тысяч 26 августа), в том числе 23 генералов. [4, с. 579]

*«Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала.
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел...». [2, с. 48]*

Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» при описании Бородинского сражения высказал идею о значимости «духа войска, армии»: «...И по неопределимой, таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называемое духом армии и составляющее главный нерв войны, слова Кутузова, его приказ к сражению на завтрашний день передались одновременно во все концы войска». [5, с. 262]

И в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Бородино» этот дух русского войска отражён в следующих строках:

*«Изведал враг в тот день немало.
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!...». [2, с. 48]*

О Бородинском сражении, оставшемся навсегда в исторической памяти российского народа, поётся в песне (созданной на основе стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино»):

*«Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!». [2, с. 46]*

После Бородинского сражения 1(13) сентября 1812 г. состоялся созванный М.И. Кутузовым военный совет в Филях для решения вопроса: дать ли сражение под Москвой или оставить город без боя. На совете генералы высказывали своё мнение. [6, с. 392] В заключение Кутузов сказал: «Господа, я слышал ваши мнения. Некоторые будут не согласны со мной. Но я (он остановился) властью, врученной мне моим государем и отечеством, я – приказываю отступление». [5, с. 290]

М.И. Кутузов, исходя из того, что русская армия была ослаблена в Бородинском сражении и её позиции были не лучшими, принял решение: оставить Москву без сражения (ибо, по его словам, «с потеряннием Москвы не потеряна ещё Россия»), чтобы сохранить армию для продолжения войны и сблизиться с подходящими резервами. [6, с. 392]

В стихотворении «Бородино» этот исторический факт отмечен:

*«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?». [2, с. 46]*

Одной из важных семантико-функциональных категорий поэтического текста, представляющей компонент его структуры, является гармонический центр. Его можно определить методом «золотого деления»: общее количество строк (или строф) умножается на коэффициент золотого деления, вычисленного Леонардо да Винчи как $h=0,618$. Полученное число обозначает, на наш взгляд, строку или строфу, являющуюся гармоническим центром (h), указывающим одновременно на: 1) «соразмерность изящного соотношения между целым и частным» и 2) желание автора «сосредоточить внимание читателя на главном пункте художественного произведения». [3]

В стихотворении М.Ю. Лермонтова «Бородино» таким «золотым делением» – гармоническим центром является строка строфы:

*«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой». [2, с. 47–48]*

Эта строка раскрывает преемственность идеи преданности русского человека родине и готовность умереть в борьбе за её свободу.

Надёжность вывода путём определения гармонического центра методом «золотого деления» подтверждена была нами ранее [1, с. 30] исследованиями стихотворений на русском языке: А.С. Пушкина, С. Есенина, на немецком языке – Г. Гейне. Исследование показало, что гармонический центр – текстовая семантико-функциональная универсальная категория. Гений поэта, создающего произведение, интуитивно выделяет гармонический центр, которым могут быть выражены:

1. Главная мысль автора.

Н. Heine. „Wenn ich an deinem Hause...“, $h=9,788$: „*Ich bin ein deutscher Dichter, bekannt im deutschen Land...*“.

С. Есенин. «Спит ковыль ...», $h=14,882$: «*И моей коснулась жизнь судьбы, Всё равно остался я поэтом Золотой бревенчатой избы*».

Как видно, в стихотворениях Г. Гейне и С. Есенина гармонический центр представлен строкой, подчёркивающей мысль авторов о себе как о поэте своей родины.

2. Эпицентр стихотворения.

В «Вакхической песне» А.С. Пушкина $h=9,888$: «*Поднимем стаканы, содвинем их разом, да здравствуют музы, да здравствует разум!*». В «Вакхической песне», воспевающей бога вина, веселие, вполне естественно ожидать данную строку в эпицентре стихотворения.

3. Деталь, несущая особую идейную нагрузку.

С. Есенин. «Гори, звезда моя, не падай...», $h=17,284$: «*Я знаю, знаю. Скоро, скоро, Ни по моей, ни чьей вине Под низким траурным забором Лежать придётся так же мне*». Как известно, стихотворение написано С. Есениным 17 августа 1925 года, т.е. за несколько месяцев до его гибели.

4. Образ, создающий ассоциативную параллель с идеей произведения.

А.С. Пушкин. «К Чаадаеву», $h=12,978$: «*Мы ждём с томленьем упованья Минуты вольности святой ...*».

Таким образом, надёжность метода «золотого деления» (по Леонардо да Винчи) не оставляет сомнения. И строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино»:

*«Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!». [2, с. 47–48]*

являются кульминационным центром стиха с его великой идеей: свобода Родины дороже всего, даже самой жизни.

Список литературы

1. Байрамова Л.К. Гармонический центр как семантико-функциональная категория поэтического текста // Wechsel. Wirkungen bei der Könnensentwicklung im Sprechen. – VII. Symposium, Jena – Minsk – Tbilissi, 1990. – S. 30.
2. Лермонтов М.Ю. Бородино. // Стихотворения. Поэмы. Герой нашего времени. – М.: АСТ, Олимп, 1996. – 480 с.
3. Розенов Э.К. О применении золотого деления к музыке. Эстетическое исследование. – СПб, 1904. – 19 с.
4. Сихов В.Г. Бородинское сражение [Текст]. // Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – Т. 3. – С. 578–580.
5. Толстой Л.Н. Война и мир. [Текст]. – М.: Художественная литература, 1956. – Т. 3, Ч. 2. – С. 262.
6. Фили [Текст]. // Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – Т. 27. – С. 392.

10.01.01

Н.В. Бараханова канд. филол. наук

Технический институт (филиал)
Северо - Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
кафедра филологии,
Нерюнгри, nata.priwet@mail.ru

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

В работе представлены результаты мотивно - образного анализа повести А. Платонова «Котлован» сквозь призму христианства.

Ключевые слова: *религиозность, христианские мотивы и образы, Град Божий, Вавилонская башня, юродство.*

К числу наиболее актуальных проблем современного платоноведения можно отнести те из них, которые связаны с кругом вопросов о внутренней цельности авторской картины мира А. Платонова, обусловленной единством мироощущения, инспирирующего на каждом этапе творческого пути писателя внутренне связанный комплекс магистральных идей и образов.

Особо отметим значимость постижения специфики претворения категории «религиозное» в сюжетной канве произведений А. Платонова, хотя этот аспект авторского мировосприятия до настоящего времени остается весьма полемичным в современном литературоведении. Многие исследователи склоняются к точке зрения о глубинном, но во многом неотрефлексированном, подсознательном характере платоновской религиозности, которую, например, Л. Карасев определяет как «безотчетную религиозность» [3], В. Вьюгин - как «изначальную религиозность» [2]. С. Семенова называет душевное устройство писателя «поразительно близким тому, что называется христианским сердцем, христианской юродивостью и даже святостью» - при его внешнем отказе от веры в Бога [5].

Уже в ранних произведениях герои уже находятся на пути поиска «земли обетованной», что реализовано в соответствующей мотивно-образной парадигме.

Многие литературоведы и исследователи (Л. Авербах, Т. Сейфрид, И. Бродский, А. Гурвич и др.) полагают, что одним из магистральных в повести «Котлован» является мотивов построения Вавилонской башни. Позволим себе оспорить эту точку зрения. Ведущей идеей произведения является возведение Града Божьего, причем этот образ осмысливается в апокалипсическом ключе (ср.: в платоновском повествовании - мечта о возведении Дома с разноцветными стеклами, в Откровении Иоанна Богослова - различные цвета стен Небесного Города Иерусалима Откр., 21).

Заметим, что строительство «общепролетарского» дома является ничем иным как миражом, призванным заместить реальную действительность. Проект строительства «единого здания, куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата» [4], изначально утопичен: по сути дела, котлован даже не углубляется и не принимает тех форм, которые могли бы намекнуть на конфигурацию будущего фундамента, он просто расширяется, постепенно выходя за пределы оврага, и расползается по земле. Не случайно в финале повести появится и характерное уточнение - «пропасть котлована» [4], которую можно рыть до бесконечности.

Интересно, что идея амбивалентности образа «пропасти», «бездны» в христианской традиции (с одной стороны, это «бездна богатства и премудрости и ведения Божия» (Рим. 11: 33), с другой же - она - вместилище «демонических сил» (ср.: «Иисус спросил его <нечистого духа>: как тебе имя? Он сказал: легион, - потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну» (Лк. 8: 30-31) реализуется и в самой ткани повествования.

Так, возведение «единого здания» призвано, с одной стороны, решить не только проблему места жительства всех униженных и обездоленных (заметим, что именно этих людей выбрали на роль строителей), но и в принципе решить вопрос о всеобщем благополучии тех, «кто при жизни много страдал» (ср.: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» Мф. 5: 3-5).

С другой же стороны, в платоновском повествовании с образом котлована постоянно происходят метаморфозы: котлован - Вавилонская башня (ср.: мечтания Вощева о ее возведении [4]), котлован - бездна, котлован - могила (ср.: в начале повести бригадир землекопов говорит одному из рабочих: «Так могилы роют, а не дома» [4]; в финале повествования - одна из стен котлована станет могилой для ребенка).

Особенно подчеркнем значимость последней метаморфозы: котлован - могила, которая на протяжении всей повести поддерживается одним из магистральных мотивов - мотивом омертвелости (ср.: частное употребление эпитета «мертвый»: «мертвый мир», «омертвелая земля», «мертвый слой», «мертвый материал» и др.). Заметим, что, по Платонову, смерть является не только окончанием каждой отдельной жизни, но и всеохватывающим событием, наделенным богатой символической нагрузкой, вследствие чего кончина того или иного человека может отступить на задний план, заменяясь общим апокалипсическим настроением - ожиданием конца жизни.

Заметим, что стремление построить Град Божий вопреки божественным законам, приводит, по Платонову, к духовной деградации личности. Обращает на себя внимание, что в повести отчетливо прослеживается стирание границы между образом человека и животного: в финале произведения «чистая одежда» строителей-праведников превращается в звериную шкуру (ср.: «ожившая сила превращала мертвую еще при жизни в обрастающее шкурой животное» [4]).

Сходство с эсхатологическими представлениями налицо (ср.: библейские повествования о Содоме и Гоморре и вершении Страшного Суда), но в то же время обнаруживается глубокая разница: идея «вечной жизни» трансформируется в платоновском повествовании в идею смерти, так как город, строящийся на мертвой земле «мертвым стройматериалом», обретает статус общей могилы. Таким образом, Платонов выводит как бы своеобразный смысловой итог строительству: смерть в настоящем и потеря веры в «светлое будущее» (ср.: реплика Вощева в финале произведения - «Я тебе ни во что не верю!» [4]), - вот идейная основа повести.

В повести преломляется и еще один мотив (актуальный для русской литературы в целом) - мотив юродства. Однако в платоновском повествовании этот мотив используется со знаком «минус». Чиклин в отличие от юродивых, особенно почитаемых на Руси, не берет на себя традиционную роль аскета и провидца, его функция заключается в наказании «инакомыслящих» (роль палача). Кроме того, введение в ткань повествования образа «жирного калеки» (на фоне изнеможенных героев-строителей котлована) и употребление эпитета «саранча» относительно этого персонажа также позволяет трактовать этот образ в апокалипсическом ключе (ср.: «И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть... И дано ей не убивать их <людей>, а только мучить» Откр. 9: 3-5).

Заметим так же, что образ одного из центральных персонажей повести - Вощева - соотносится с образом странника, находящегося в вечном поиске истины и смысла «всеобщего существования». Интересно, что маршрут героя постоянно сбивается, и он вновь и вновь возвращается к котловану (ср.: «Вощев, прибывший на подводе из неизвестных мест, тронул лошадь, чтобы ехать обратно в то пространство, где он был» [4]), что подспудно знаменует преломление в платоновском повествовании мотива вечного возвращения.

Кроме того, имя одной из героинь повести - становится контекстуальным символом идеи будущего воскрешения мертвых (ср.: Анастасия - в переводе с греческого - обозначает «воскресшая»). Заметим, что именно эта идея является источником для черпания сил и энергии многими героями произведения, хотя смерть Насти, по сути дела, подводит

своеобразный логический итог деятельности людей: в Доме некому будет жить (ср.: «Вошел стоял в недоумении над этим утихшим ребенком, он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и убежденном впечатлении?» [4]). Таким образом, в финале повествования подспудно формируется идея ненужности построения «единого здания» вообще: надежды на будущее воскрешение, как и на познание смысла «новой» жизни, оказались пустыми.

Кроме того, на протяжении платоновского повествования достаточно часто упоминается красный цвет («красные губы», «красное мясо» и др.), являющийся - и в Апокалипсисе, и в платоновской повести - контекстуальным символом проливающейся крови и неизбежности страданий многих людей, так или иначе задействованных в строительстве котлована.

Обращает на себя внимание и упоминание в повествовании христианских обрядов (например, поминовения) и праздников (в частности, Пасхи), что знаменует возникновение совершенно особенных причинно-следственных отношений, придающие символический смысл описываемым в произведении событиям.

Таким образом, через обилие и переосмысление религиозных мотивов и образов в повести, Платонов стремится не просто осмыслить, но и буквально религиозно и философски обобщить значимость эпохальных преобразований.

Список литературы

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета // [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/read/svyashchennoe_pisanie/bibliya_knigi_svyashchennogo_pisaniya_vet_hogo_i_novogo_zaveta.html#0 (дата обращения 17.10.2020)
2. Вьюгин В.Ю. Повесть А.Платонова “Строители страны”. К реконструкции произведения (Публикация, вступительная статья и комментарий) // Из творческого наследия русских писателей XX века. М.Шолохов. А.Платонов. Л.Леонов. СПб., 1995.
3. Карасев Л.В. Движение по склону: Пустота и вещество в мире А. Платонова // Вопросы философии. 1995. №8. С.120-125.
4. Платонов А. Котлован // [Электронный ресурс] URL: <https://ilibrary.ru/text/1010/p.1/index.html> (дата обращения 18.11.2020)
5. Семенова С.Г. Сердечный мыслитель // Вопросы философии. 1989. № 3. С.23-30.

10.01.01

А.Р. Борова д-р филол. наук, С.Ю. Виндижева

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова,
филологических факультет,
кафедра русской и зарубежной литератур,
Нальчик, assbora@mail.ru

ТРАДИЦИОННАЯ АЛЛЕГОРИЯ В РУССКОЙ КЛАССИЦИСТИЧЕСКОЙ ОДЕ

В статье представлены результаты исследования проблемы интерпретации устойчивых образных фигур в одических текстах эпохи русского классицизма, прослеживается важный эволюционный шаг национального поэтического мышления – переход от барочного по своему происхождению мировидения к классицистической эстетике. Авторы, на примере одических произведений М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина, предлагают свою трактовку трансформации изобразительно-словесных презентаций эпохи русского классицизма в развёрнутые словесные описания автологического характера.

Ключевые слова: *русская литература XVIII века, М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, ода, аллегория, классицизм.*

Прижизненные публикации произведений Г.Р. Державина открывают одну интересную особенность в оценке поэтом некоторых собственных текстов, конкретно – од. Эти стихи он называет «аллегорическим сочинением» [8, с. 82]. Между тем, произведение может классифицироваться лишь в качестве оды и никак иначе. И даже беглый обзор одических текстов Державина убеждает нас – поэт старательно избегал применения термина «ода» в отношении собственных произведений. Причину этого, как видится нам, следует искать в истории зарождения и развития русского классицизма.

Первичный отказ от системы иерархической идентификации сущностей познаваемого воплотился в философии и эстетике барокко. И именно здесь – в эклектике и непосредственном опыте, свойственном гносеологии нарождающейся буржуазии, мы наблюдаем оформленную реакцию на движение к неупорядоченному пониманию вселенной, бытия в целом. Барочный тип фиксации и осмысления окружающего – реального и иллюзорного – отмечен наличием своеобразных жёстких ориентиров, играющих роль организаторов актуального информационного контента и, фактически, автономны в семантическом плане. Понятие эмблемы и конвенциональной аллегории были центральными в скульптуре, живописи и графике эпохи барокко, но аллегория стала не просто центральным выразительным элементом барокко, она реформировалась в визуальную эмблему с абсолютно однозначным и независимым от окружающего контента содержанием. Стройность, стабильность и однозначность аллегорий барокко органично вписалась и получила законченные формы в системе эстетических воззрений классицизма.

Однако развитие классицизма в России имело свои специфические черты. Русское барокко не имело собственной базовой системы закреплённых аллегорий, и тексты создавались с помощью автологических единиц, семантика которых во многом определялась контекстом. Отсутствие сквозного реестра знаковых презентаций означало, помимо всего, и невозможность стилевой дифференциации, что чётко видно по произведениям предшественников Ломоносова: «...*Лист написав, два иль три изодрал, изхерил, // Да и так достойну глаз твоих быть не верил. // Аполлу послушен я, ты из край до края // Тихим сердцем ту прочтёшь, зрак не пременяя*» [3, с. 5]. – одическое в смысле темы и цели стихотворение требованиям «высокого штиля» не удовлетворяет, хотя ода – изначально, так сказать, по определению – не может принадлежать любому другому. Разговорное «изодрал»,

«изхерил», относящееся, скорее, к первым «канцеляризмам» русского языка, грубое, натуралистическое «поты», безусловно снижают слог стихотворения, что и отразилось в авторской классификации текста – у Кантемира, при всей его толерантности к просторечным выражениям и народному живому языку, [2, с. 52] это «посвящение» цикла сатир Елизавете I, то есть, с определённой степенью вероятности – стихотворение, никоим образом не соответствующее разработанным позднее нормам «высокого стиля».

Оно и не могло быть таковым – барокко не знало селективных барьеров в лексике, образности и идеях [6, с. 67]. В сущности, к моменту реформации русского стихосложения Ломоносовым, реальный опыт творчества российских авторов в части устойчивых образных структур был ограничен.

До установления классификационных норм высокого и низкого слога русские поэты столкнулись с проблемой адаптации наработанного европейской поэтикой фонда барочных канонических образов, проще говоря – с проблемой внедрения их в сознание национального читателя. Первые опыты в этом направлении принадлежат перу Ломоносова. Он однозначно относил оду к «высокому штилю» [4, с. 589]. И его понимание общеевропейской образности, онтологии её различных слоёв, кажутся нам в высшей степени показательными: «...Я слышу там натуры глас. // Зелёну ризу по лугам // И по долинам расширяя, // Из уст Зефирами дыхая, // С веселием вещает к нам...» [5, с. 148-149] – как уже упоминалось, система образных аллегорий классицизма имела преимущественно визуальный характер. Все основные концепты барокко имели чётко разработанные аналоги в живописи, графике и скульптуре. Их совокупность обладала определённым и достаточно чётким смысловым полем, включавшим обязательные эмотивные, понятийные и идейно-философские компоненты. В цитируемом отрывке мы видим подобное образование – Зефир. Оно настолько константное, что не нуждается в авторской интерпретации и поэтому в оригинале даётся, как имя собственное.

Однако в отрывке упомянута и другая аллегорическая форманта – «натура». Ломоносов подаёт её в ином качестве. Сегодня мы вряд ли сможем точно установить, насколько знакомым и безусловным был визуальный образ «Натуры-Природы» во времена реформатора русского стиха, однако считать, что авторская дешифровка апеллятива, включающая в себя распространенное описание свойств и действий «натуры» есть плод случайных колебаний мысли поэта, по всей видимости, было бы необоснованным. Тем более, используя наименование визуальной фигуры в качестве имени нарицательного, Ломоносов прямо указывает нам, что данная аллегория ещё не устоялась в сознании, как отдельный самостоятельный и устойчивый объект – в отличие от Зефира.

Думается, что в тех случаях, когда положение литературной фигуры в сознании потенциального читателя было стабильным и атрибутированным в порядках визуальных концептов – аллегорий изобразительных искусств – русский поэт ограничивался прямой адресацией к полю европейской культуры. В тех же моментах, когда необходимая ассоциативная база, завязанная и подкреплённая зримой картиной, отсутствовала, Ломоносов вынуждено шёл на нарушение стилевых норм классицизма, прибегая к детальной словесной обрисовке соответствующих – оформившихся, либо находящихся в стадии становления – визуальных объектов.

В «Поэтическом искусстве» краткая характеристика классицистического поэтического произведения гласит о его ясности и образном кларизме, однако, говоря об оде, Буало констатирует возможность применения картин иного вида, он упоминает и «причудливый мысли ход», и «хаос – искусства зрелый плод» [1, с. 68-69]. Ломоносов, вне всякого сомнения, хорошо знакомый с воззрениями Буало, использовал его мысли, допуская многословие и детализированность описания [4, с. 293-294].

Сама манера Ломоносова, раскладывая визуальный образ устойчивой барочной аллегории на составляющие, создавая её словесный рисунок, говорит о полностью осознанном стремлении адаптировать западную визуальную аллгорию к национальной культуре, о стремлении перенести на русскую почву широчайший набор зримых

семантических блоков, в Европе получивший свой законченный вид в эпоху барокко [6, с. 40]. Он прекрасно понимал невозможность требуемой классицистической простоты и лапидарности в русскоязычных текстах, и одной из главных своих задач видел расширение инструментально-изобразительного диапазона русской поэзии, что автоматически предполагало вынужденные выходы за предписанные границы высокого стиля.

Совершенно иная ситуация сложилась в годы творческой зрелости Г.Р. Державина. Практически весь западноевропейский набор изобразительных аллегорий и эмблем благополучно прижился на русской почве. И перед непосредственными предшественниками Пушкина не стояла задача адаптации русского стиха к системам выразительности, разработанным на Западе, они занимались разработкой национальной семантики и устойчивой символики.

Точно так же, как Ломоносов интерпретировал классические барочные фигуры, выходя за пределы ожидаемой сдержанности и ясности, Державин «разворачивает» и детализирует перед читателем визуальные слепки этнически обозначенных аллегорий. Насколько органичны и обязательными для Державина были семантико-визуальные единицы можно судить, хотя бы, по тому, что он достаточно жёстко придерживался традиции параллельного единовременного представления читателю аллегорий поэтических и изобразительных. Например, в издании сочинений Державина 1864-1883 гг. стихотворение «На выздоровление Мецената», сопровождается гравюрой, изображающей «Здоровье», со всей полагающейся ей атрибутикой, включающей сосуды с лечебными средствами и змеей с кадуцеей Гермеса [8, с. 124].

Объяснение и трактовка графических, скульптурных аллегорий была неотъемлемой составляющей культурной нормы эпохи, сам же Державин вообще посвящал интерпретациям подобного толка отдельные произведения, объединяющие в себе и стихотворчество и моменты просветительства, подробно объясняя читателю значение тех или иных канонических изображений [9, с. 42].

Иначе говоря – классицистическая ода Державина совмещала в себе черты аллегорического выражения европейского типа и зарождающуюся систему автологического описания, ставшую в его творчестве и творчестве последующих поколений русских художников основным средством передачи реципиенту эстетического контента. Его попытки расширить, делокализовать содержание аллегорической фигуры всегда имеют вид придания традиционным объектам гипертрофированных черт. Как следствие, «высокому слогу» Державина были свойственны и экзальтация, и нагнетание определённого эмоционального фона, и целенаправленный выбор объектного антуража.

Эта черта поэтического мышления Державина, давала повод для разных оценок его творчества, вплоть до признания его «варваром в классицизме» [7, с. 67]. Причина появления в его текстах распространённых и детализированных описаний визуально-поэтических фигур очевидна: стремление автора внедрить в коллективное сознание русского читателя образ с законченным и конкретным смыслом. Проистекало это из особого понимания эстетичности художественного текста, свойственного эпохе просвещённого абсолютизма. С другой стороны, эволюция художественного сознания русского поэта вплотную подвела его к порогу интенсивного развития поэтического образа, что и выразилось в первичных формах подобного такого развития – гипертрофированных, «сверхнормативных» и чрезмерных словесных описаниях при презентации канонических аллегорий.

Список литературы

1. Буало Н. Поэтическое искусство. – М.: Художественная литература, 1957. – 232 с.
2. Веселитский В.В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. – М.: Наука, 1974. – 70 с.
3. Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы: В 2-х т. / Под ред. изд. П.А. Ефремова. – Т. I. – СПб.: И.И. Глазунов, 1867. – 557 с.
4. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11-ти т. – Т. VII. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 993 с.
5. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11-ти т. – Т. VIII. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 1279 с.
6. Миф, фольклор, литература. – Л.: Наука, 1978. – 250 с.
7. Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времён по 1925 год. – Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2006. – 872 с.
8. Сочинения Державина: В 9-ти т. / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. – Т. I. – СПб: Издание Императорской Академии наук, 1864. – 812 с.
9. Сочинения Державина: В 9-ти т. / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. – Т. VII. – СПб: Издание Императорской Академии наук, 1864. – 759 с.

10.01.01

Т.Н. Воронина канд. филол. наук

Вологодский государственный университет,
институт социальных и гуманитарных наук,
кафедра литературы,
Вологда, myberegok@rambler.ru

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

В статье анализируются мотивы и образы конца мира и человека, связанные с судьбой главного героя повести В.И. Белова «Привычное дело». Дан разбор и комментарий отсылок к библейским книгам Бытия и пророка Ионы. Делается вывод, что при отчетливой эсхатологической окрашенности названных образов и мотивов каждый содержит внутренний противовес, связанный с надеждой на обновление, возвращением на круги своя.

Ключевые слова: *В.И. Белов, деревенская проза, эсхатология, Книга пророка Ионы, всемирный потоп.*

Творчество В.И. Белова активно изучается в контексте национального менталитета, традиционных ценностей и их кризиса в современной культуре [2; 5; 7; 10]. В связи с этим исследователи неизбежно обращаются к образам и мотивам, иллюстрирующим крушение крестьянской вселенной. Эсхатологическая топика более подробно анализируется на материале произведений писателя 1970-1990-х годов [6; 8]. В данном аспекте повесть «Привычное дело» не становилась ранее объектом научного интереса (за исключением работы Н.С. Цветовой [9], в которой текст Белова привлекается в качестве литературного фона).

Эсхатология – «в религиозных мировоззренческих системах учение о конечных судьбах человеческой личности и всего сущего в "вечности"» [1]. Термин «эсхатология» можно понимать в широком и узком значениях. В христианской теологии он изначально был призван заменить формулу «последние события», дабы перенести акцент с внешней жизни на внутреннюю [4:84], и связан с комплексом представлений о пришествии Христа, Страшном суде и конце света, т.е. об окончательной гибели земного мира. В более широком понимании, из которого будем исходить и мы, эсхатология – представления об уничтожении мира. Здесь довольно сложно разграничить истории о периодических катастрофах, за которыми следует обновление (о гибели богов в «Старшей Эдде», о всемирном потопе), от представлений об окончательной гибели мира. Выделяют «индивидуальную эсхатологию, т.е. учение о посмертных судьбах единичной человеческой души, и универсальную эсхатологию, т.е. учение о цели и назначении космической и человеческой истории, об исчерпании ими своего смысла, об их конце и о том, что за этим концом последует» [1].

Эсхатологические мотивы в литературе связаны с осмыслением конца мира или человека, их посмертной судьбы, смысла и назначения жизни.

Применительно к повести В.И. Белова «Привычное дело» можно говорить как об универсальной, так и об индивидуальной эсхатологии. Первая связана с мотивами надвигающейся гибели мира традиционной русской деревни. Вторая проявляется в судьбе Ивана Африкановича. Цель настоящей работы – проанализировать развитие мотивов, связанных с частной эсхатологией главного героя.

Микромир Дрынова сосредоточен на семье, его неустойчивая гармония держится на взаимосвязи и взаимозависимости всех ее членов. Цементирующим началом здесь выступают особые взаимоотношения супругов, охарактеризованные автором как «горячая любовь». Смерть Катерины знаменует крах семьи, потерявшей главную кормилицу, и

крушение жизни самого Ивана Африкановича, утратившего смысл существования. Метафорой этой частной эсхатологии являются убийство Рогули и пейзаж родной деревни, застывший в перевернутом «с ног на голову» [11:107] виде в мертвых глазах коровы. Часть отстраненно уменьшенного пейзажа – собака, копошащаяся над тем, что осталось от нерожденных телят. Трагический образ опрокинутого мира и уничтоженного будущего проецируется на внутреннее состояние Ивана Африкановича.

Дрынов не видит жизни без жены («Матка, все равно **не жить** теперече» [11:111]). Главка «Привычное дело» посвящена скитаниям героя по лесу, соотносимым с экзистенциальными блужданиями в собственной душе. Параллелизм душевного состояния человека и замирающей осенней природы артикулирован вариацией последних слов Катерины, в которой сливаются голоса персонажа и повествователя: «Ветрено, так ветрено на **опустелой земле...**» [11:114]. Мотив умирания, угасания жизни явственно звучит в пейзажных зарисовках: «расцвеченные **умирающей** листвой леса» [11:114], описании обгорелого леса («такое **мертвое, гиблое** раскинулось вокруг место» [11:117]). На таком фоне разворачивается внутренний монолог Ивана Африкановича. Герой остро переживает смерть жены как собственную, ждет встречи с Катериной на лесной поляне, задает себе «последние» вопросы. Мотив конца, «последнего времени» выражен формулой «ничего нет и не будет»: «Кажись, и **некуда больше идти**, все пройдено, все прожито. И некуда ему без нее идти, да и непошто. **Никого больше не будет, ничего не будет, потому что нет Катерины. Все осталось, ее одной нет, и ничего нет без нее...**» [11:114]. Развитие данного мотива доходит до внутреннего максимума, когда Дрынов осознает, что крепко заблудился в лесу: «А ежели и найдут, то **ничего от него уже не останется, одно пустое место**» [11:118]. Трагическое переживание конца абсолютизируется, становится эквивалентным пустоте жизни, небытию физическому и духовному.

Эмоциональным камертоном состояния душевной катастрофы, ощущения гибели своего мира является молитва бабки Евстоли, помещенная в начале главки «Привычное дело» двумя фрагментами. Особо подчеркнуто, что Евстоля никогда раньше не молилась (во всяком случае, Иван Африканович такого не видел), что она произносит слова речитативом, вполголоса и спокойно. Текст молитвы представляет собой неточную цитату обращения к Богу пророка Ионы из чрева кита (Ион. 2: 3-4, 6-7). Нами был проведен сопоставительный анализ молитвы Евстоли и Книги Иова в церковнославянском и синодальном переводах [12].

Молитва Ионы – не о спасении, она составлена из благодарственных псалмов и прославительная по характеру. Пророк обращается к Господу «из чрева адова», тем самым соотнося свое бедственное положение в утробе рыбы с преисподней, и не сомневается в том, что голос его услышан: об этом он говорит как о свершившемся (Ион. 2:3). Далее Иона детально описывает «скорбь», в которую вверг его Господь за непослушание (Ион. 2: 4-7). Создается впечатляющий образ непоправимой роковой ситуации, из которой, казалось бы, не может быть выхода. Он представлен в виде морской бездны и толщи водных масс как места окончательного, вечного заключения. Иона уверен, что если молитва дошла до Бога, то спасение придет (Ион. 2: 7-8). Пророк обещает исполнить все обеты и принести благодарственную жертву, и в этом обещании звучит твердая надежда на спасение (Ион. 2: 9-10). Псалмы, подобные произнесенному Ионой, пелись в благодарение за избавление от опасности и невзгод.

Данный эпизод жизни Ионы упоминается в Новом Завете (Мф. 12:40), трехдневное пребывание пророка во чреве гигантской рыбы и чудесное спасение понимается как знамение, прообраз воскрешения Христа на третий день после распятия. Полный текст молитвы Ионы входит в состав Девяти песней Священного писания (песнь 6), используемых в православном богослужении.

Автор не случайно вкладывает в уста Евстоляи именно молитву Ионы. Это обращение человека, дошедшего до крайней степени отчаяния, когда только Бог может поднять его из бездны, что соотносимо с ситуацией Дрыновых. Евстоля, которую можно назвать стержнем семьи, стоически принимает удары судьбы и в безвыходном положении спокойно взывает к Богу словами Ионы.

Однако из восьми стихов молитвы (Ион. 2: 3-10) в тексте повести приведены четыре (Ион. 2: 3-4, 6-7), в которых Иона говорит о случившемся и описывает свое бедственное положение. Отрывки, в которых выражены надежда на спасение и благодарность за оное, практически полностью опущены, за исключением стиха 7б (в повести он звучит так: *«И да уйдет от тления жизнь моя к тебе, господи, боже мой...»* [11:113]). Тем самым акцент смещается с благодарения Богу на безнадежность ситуации, в которой оказался молящийся. На первый план выдвигаются образы «чрева адова», разверзшейся морской бездны, заключения в земле под вечными запорами, семантически связанные с эсхатологически окрашенными понятиями конца, смерти, последнего времени: *«Бездна обымет меня последняя... Остынет глава моя в расселинах гор, сойду в землю, под вечные верев и заклёны»* [11:113].

В молитве Евстоляи цитируется с неточностями церковнославянский перевод Библии. Прошедшее время первоисточника, где бедствия, постигшие молящегося Иону, артикулируются как свершившийся факт, заменено на будущее, тем самым создается эффект неминуемо надвигающейся катастрофы. Замена времен несколько ослабляет ощущение уверенности, что голос молящегося будет услышан: *«Услышит меня»* – вместо «услышалъ еси гласъ мой» («и Ты услышал голос мой») (Ион. 2:3). Еще одно несовпадение, на наш взгляд, связано с некоторым смысловым сдвигом и касается 4 стиха 2 главы книги Ионы: *«Все высоты твои и волны на меня падут»* (у Белова) – «вся высоты твоя и волны твоя на мнѣ преидоша» (пришли). Молящийся Иона говорит о толще воды над ним самим, находящимся в беспредельной глубине моря. В варианте Евстоляи эти строки звучат как описание нависшей опасности, ассоциативно связанной с духовно переживаемым потопом.

Молитва Евстоляи, рассматриваемая вне богословского контекста (а она нередко именно так и воспринимается, особенно если иметь в виду подавляющее большинство неискушенную в Библии читательскую аудиторию времен СССР), производит впечатление вопля отчаявшегося человека. Такова реакция Ивана Африкановича: *«Худая стала Евстоля, <...> вон и молиться начала»* [11:113]. Однако именно прирастание библейским смыслом придает молитве иное звучание: благодарности Богу за дарованную жизнь, упования на Его милосердие. Евстоля, а для матери нет ничего страшнее, чем пережить своего ребенка, подобно ветхозаветному Ионе во чреве кита, в трагической ситуации не впадает в отчаяние, а воздает молитву Богу с верой, что Господь видит и не оставит в страдании. Именно бабка Евстоля ранее утихомиривает раздавленного горем и не желающего жить Ивана Африкановича, напоминая ему о детях. Она задает зятю нравственный императив поведения в непреодолимых обстоятельствах, неслучайно молитва предваряет в тексте скитания героя по лесу. Проекция чудесного спасения Ионы на сюжет повести не отменяет катастрофы семьи Дрыновых, но дает надежду на продолжение жизни.

Образы из молитвы Евстоляи повторяются во сне заблудившегося в лесу Ивана Африкановича. Ритм его скитаний организован рефреном «надо идти», формулой несобственно прямой речи персонажа, буквально заставляющего себя идти и искать выход. Это выражение можно трактовать как перифраз библейского «Встань и иди» – слов, произносимых Христом при исцелении людей (Мф. 9:6; Мк. 2:11; Лк. 5:24; Лк 17:19). В тексте Нового Завета принципиальна мысль о важности не только телесного, но и духовного исцеления, на что указывают слова Спасителя: «Ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи?» (Мф. 9:5). Эта мысль соотносится с состоянием Дрынова, его чувством вины в смерти жены и полным отчаянием. Герой находит в себе силы физически двигаться дальше, но не ощущает внутренней опоры и не видит смысла в будущем.

Находясь в состоянии духовной катастрофы, Дрынов ненадолго забывается в тревожном сне, в котором шум окружающего леса трансформируется в эсхатологический образ вселенского потопа: *«Ивану Африкановичу в полузабытьи чудилось, что это катится на него широкий, безбрежный водяной вал, выламывающий подряд многие деревья и смывающий все на своей дороге. <...> Медленно, долго нарождается глухая тревога, она понемногу переходит во всесветный и еще призрачный шум, но вот шум нарастает, ширится, потом катится ближе, и топит все на свете темный потоп, и хочется крикнуть, остановить, но ничего не сможет остановить его, и сейчас он поглотит весь мир...»* [11:118]. Падающие воды и «бездна последняя» из молитвы Евстолии резонируют в сознании героя развернутой картиной гибели мира, эквивалентной положению персонажа. Сон можно рассматривать как реминисценцию книги Бытия, а точнее рассказа о всемирном потопе, в котором представлен образ всепоглощающей бездны: «Разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились» (Быт. 7:11). На фоне кошмарных видений Дрынов остро переживает чувство абсолютного одиночества, постоянно возвращающее его к мыслям о смысле жизни.

Потоп – не «последние времена» в строгом смысле, это гибель мира, но не окончательная. Его определяют как «в мифологических и религиозных представлениях многих народов мира величайший катаклизм, в результате которого происходит как бы вторичное сотворение мира, возрождение человеческого рода» [3:222]. В библейском сюжете о потопе символом обновления и спасения является ковчег, традиционно воспринимаемый как большой корабль. Напомним, что цель похода Ивана Африкановича в лес – срубить осину для новой лодки. Очевидна семантическая связь корабля и лодки, которая в данном контексте наделяется схожими смыслами. Лодка – микрообраз ковчега, уцелевшего в буре житейской, они соотносятся как индивидуальное и универсальное. Строительство лодки взамен утраченной старой символизирует надежду на сохранение семьи Дрыновых, другую жизнь героя в непоправимо изменившихся обстоятельствах.

Надежду на то, что пережитое не сломает Дрынова, можно усмотреть уже в его «мутном» сне: *«Он опять забылся необлегчающим забытьем, и водяной вал, этот страшный потоп, опять раз за разом топил и топил его, но никак не мог утопить совсем»* [11:118-119]. Утопление устойчиво связано с представлениями о гибели мира, в то же время в повести даже во сне событие в полной мере не реализуется, а остается в статусе угрозы существованию. Сокрушительная сила вновь и вновь надвигается, но никак не может поглотить героя и увлечь в бездну. Словно мешает этому видимая сквозь дремоту *«острая холодная звездочка»* [11:119]. Звезды издревле соотносились с судьбами людей, указанием пути, люди верили в их влияние на земные события. Подобные мысли возникают и у Ивана Африкановича: *«А ведь есть еще звезды, и по ним, по многим, можно выбрать, куда идти...»* [11:119]. Звездочка усиливает образ надежды на выход из экзистенциального тупика, хотя ее тусклый, но все же свет не оставляет иллюзий по поводу возможности счастья. Начав выбираться из леса на свет путеводной звезды, Иван Африканович к концу блужданий приходит к мысли о непрерывности жизненного цикла, в котором в тесной взаимосвязи переплетено природное и человеческое, и в этом заново обретает смысл бытия. И сразу вслед его мыслям перевернутый мир обращается в исходное положение: *«Земля под ногами Ивана Африкановича будто развернулась и встала на свое место: теперь он знал, куда идти»* [11:121]. Блуждания героя заканчиваются у той самой осины, которая должна стать материалом для будущей лодки. Потоп не смог сокрушить его, мир рухнул, но не закончился.

Анализ образов и мотивов, связанных с судьбой главного героя и его семьи показывает их эсхатологическую окрашенность. Это наглядно демонстрируют образы перевернутого мира, нерожденного убитого плода, мотивы умирания природы, пустоты, «чрева адова», «бездны последней», потопы, концентрированы представленные в последней главе повести. Однако практически каждый из них содержит внутренний противовес, связанный с надеждой на обновление, возвращение на круги своя. Перевернутый мир приходит в правильное

положение, осеннее замирание природы обещает возрождение; мысль о том, что «ничего не будет» в итоге уравнивается размышлениями, что «*жись-то все равно не остановится и пойдет как раньше*» [11:121]. Воды потопа нависают над героем, но не обрушиваются, а будущая лодка обещает плыть по бурному морю житейскому дальше. В читаемой Евстолей молитве Ионы акценты смещаются на бедственность положения, в то же время судьба пророка (его чудесное спасение) и ее символическая связь с Воскрешением Христа постулируют идею спасения. Белов не использует апокалиптических отсылок, акцентирующих окончательность катастрофического события, образы гибели индивидуального бытия в повести вписываются в циклическую модель мира, соотносятся с идеей последующего за крушением обновления и поддерживают авторскую концепцию круговорота как залога устойчивости и непрерывности бытия.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ
«Энциклопедия «Привычного дела» В.И. Белова», проект № 19-012-00348*

Список литературы

1. *Аверинцев, С.С.* Эсхатология / С.С. Аверинцев // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/>
2. *Аркатова, Т.Е.* Национальный образ мира в прозе В. И. Белова: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореф. дисс. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук / Аркатова Татьяна Евгеньевна ; Благовещенский государственный педагогический университет. – Владивосток, 2008. – 26 с.
3. *Белова, О.В.* Потоп / О.В. Белова // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 тт. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – Т. 4. – Москва: Международные отношения, 2009. – С. 221-226.
4. *Гранин, Р.С.* К вопросу о происхождении термина «эсхатология» и его интерпретации в концепциях библейской герменевтики XX столетия / Р.С. Гранин // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2013. – № 2. – С. 83-91.
5. *Дворянова, Н.В.* Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В. И. Белова 1960-1970-х годов: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореф. дисс. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук / Дворянова Наталья Викторовна; Московский государственный педагогический университет. – Москва, 2008. – 24 с.
6. *Пономарева, Т.А.* «Повесть об одной деревне» В.И. Белова в творческой эволюции писателя / Т.А. Пономарева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2008. – № 2 (17). – С. 8-13.
7. *Савинич С.С.* У. Фолкнер и В. Белов как выразители и творцы мифов о национальной сути человеческих судеб в России и США / С.С. Савинич // Вестник московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – № 1. – С. 203-207.
8. *Сальникова, Я.В.* Художественная картина мира в прозе В. И. Белова: автореф. дисс. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук / Сальникова Яна Вячеславовна; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2011. – 21 с.
9. *Цветова, Н.С.* Эсхатологическая топика в русской традиционной прозе второй половины XX века: монография / Н.С. Цветова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2008. – 220 с.
10. *Широкова, Л.В.* Ведущие архетипические образы в лирической прозе В.И. Белова / Л.В. Широкова // Беловский сборник. Вып. 4 / гл. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. – С.98-103.

Источники

11. *Белов, В.И.* Привычное дело // Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1 / В.И. Белов. – Москва: РИЦ Классика, 2011. – С. 7-128.
12. Библия. Книга пророка Ионы. Церковнославянский (рус.) и синодальный переводы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/>

10.01.01

Сун Тяньяо

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет,
кафедра литературы,
Пермь, styao1iya@163.com

**ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА
В РАССКАЗАХ М. ШОЛОХОВА «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА»
И ЛЮ ЧЖЭНЯ «МЕЛОДИЯ ГЕРОЯ»**

Данная статья посвящена анализу рассказа М. Шолохова «Судьба человека» и рассказа Лю Чжэня «Мелодия героя». Сравнение двух произведений показало, что вторая волна русской литературы о Великой Отечественной войне оказала существенное влияние на произведения Китая в 1950-1960-е годы, о чем свидетельствует рассказ Лю Чжэня «Мелодия героя». Рассказ «Мелодия героя» не только несет в себе черты второй волны русской военной литературы, акцентирует внимание на людях на войне, но и ещё не полностью избежал влияния первой волны, патриотизм и героизм по-прежнему являются значимыми темами произведения. Таким образом, рассказ «Мелодия героя» сыграл роль связующего звена между двумя этапами китайской литературы о войне XX века.

Ключевые слова: М. Шолохов, Лю Чжэнь, военная литература, Великая Отечественная война, сопоставление литературы.

Можно сказать, что китайская военная литература XX века пошла по стопам русской литературы о Великой Отечественной войне, будь то китайская литература о войне 1940-х и 1950-х годов, заимствованная у первой волны русской литературы о Великой Отечественной войне, или третья волна русской литературы о войне, которая оказала значительное влияние на китайскую военную литературу после политики «реформы и открытости», русская литература о Великой Отечественной войне всегда была источником вдохновения для китайских писателей. Однако во время Культурной революции из-за политического давления распространение произведений второй волны русской прозы о Великой Отечественной войне в Китае было приостановлено, нечасто публиковали свои произведения и китайские авторы. Десятилетие с 1968 по 1978 год – период застоя китайской литературы. В этом смысле рассказ Лю Чжэня «Мелодия героя», который под влиянием рассказа Шолохова «Судьба человека» – скорее исключение из правил, уникальный рассказ, имеющий исключительное значение для общества эпохи застоя.

Стоит отметить, что в 1950-е годы Михаил Шолохов был одним из самых популярных русских писателей в Китае: китайские газеты и журналы нередко обращались к его творчеству. В 1955 году в газете «Жэньминь жибао» (《人民日报》) было опубликовано письмо Шолохова китайским читателям. В конце 1956 года опубликовался рассказ М. Шолохова «Судьба человека», всего через месяц в марте, появился и китайский перевод рассказа, произведение было опубликовано в газете «Литература и искусство Народно-освободительной армии» (《解放军文艺》). В апреле 1955 г. в журнале «Переводы» (《译文》) рассказ был опубликован вновь, в переводе Цао Ина, а в сентябре в Издательстве «Новая литература и искусство» (新文艺出版社) рассказ вышел уже отдельным изданием.

В конце 1959 года, писательница Лю Чжэнь написала рассказ «Мелодия героя», которым является воспоминания героини о любимом человеке, погибшем на войне. Герой Чжан Юйкэ и героиня Цинлянь – друзья детства. Война разлучила двух молодых людей, но любовь вновь соединила их сердца. Вместе они пережили тяжелые времена, преодолели всевозможные трудности, но накануне освобождения КНР молодой Чжан Юйкэ погиб, так и не испытав истинного счастья свободы. Это рассказ о любви, но не только о любви, это изображение личностного роста пары молодых революционеров в годы войны.

Показательно, что именно люди, а не война занимают и в рассказе Шолохова, и в рассказе Лю Чжэнь центральное место. Конечно, оба автора и восхищаются своими героями, и стремятся передать радость победы на войне, но собственно описания боев, побед и поражений читатель не найдет на страницах этих произведений – все внимание писателей сосредоточено на эмоциональном общении между людьми во время войны. Герои обоих рассказов – не бесстрашные боги на поле битвы, а простые люди, страдающие, любящие, переживающие.

Как и Андрея Соколова, главного героя рассказа «Мелодия героя» можно считать выразителем литературной концепции второй волны советской прозы о ВОВ. С одной стороны, Чжан Юйкэ – смелый, умный и дисциплинированный. Он спасает своих товарищей, не поддается пыткам противника, бежит из плена. Уже в возрасте девятнадцати лет Чжан Юйкэ стал командиром роты, к двадцати годам за свою «необыкновенную храбрость и интеллект» получил три военные награды и звание командира батальона. Накануне победы в Освободительной войне он повел своих людей в атаку и героически погиб. С другой стороны – и это особенно важно для автора рассказа – он обычный человек с богатым внутренним миром. В молодости Чжан Юйкэ влюбился в прекрасную девушку Цинлянь. Когда он узнал, что Цинлянь постригла свои густые, длинные волосы и притворилась мальчишкой, чтобы спрятаться от врага, то не смог сдержать подступивших к глазам слез (вспомним, что даже когда Чжан Юйкэ был сильно ранен и оказался в больнице, как бы больно ему ни было, он ни разу не показал этого). Чжан Юйкэ не любил говорить о войне: когда Цинлянь попросила его рассказать о боях, Чжан Юйкэ лишь сказал: «Знаешь, слово «бой» написано кровью, так что позволь моему сердцу отдохнуть». Словами Чжан Юйкэ автор стремится выразить мысль, что его герои – это простые люди, у них есть чувства и эмоции, война принесла им не только славу, но и нескончаемую боль.

Очень похож сюжетный рисунок рассказов, строящихся на воспоминаниях. Похожи и судьбы главных героев – и китайский, и русский герой были разлучены с родными, храбро сражались на поле битвы, были в плену, бежали, чтобы вновь сражаться за родину. Главный герой китайского рассказа Чжан Юйкэ погиб в канун Победы в Освободительной войне; в канун Победы погибает сын Андрея Соколова. Подобное развитие сюжета, не вписывающееся в каноны военной литературы того времени с обязательным счастливым концом, усиливает трагическую коннотацию произведений. Оба рассказа не только позволяют читателям увидеть судьбу простых людей на войне, но и дают читателям почву для раздумий, позволяют ощутить ту душевную боль, которую война принесла людям.

Рассказ «Судьба человека» начинается и заканчивается сценой прогулки Соколова и Ванюшки в поле ранней весной; автор размышляет о войне, истории и судьбе человечества. Люди победили войну, и началась новая весна для человечества. А начало и конец рассказа «Мелодия героя» – это описание великолепной и славной площади Тяньаньмэнь в Пекине, провоцирующее философские размышления о связи между историей и реальностью, смертью и надеждой.

Можно утверждать, что рассказ «Мелодия Героя» – это китайское произведение о войне, созданное под влиянием рассказа Шолохова «Судьба человека». При этом очевидным является и тот факт, что рассказ «Мелодия Героя» не сыграл той роли в китайской литературе, которая была бы хоть как-то соизмерима с ролью шолоховского рассказа в дальнейшем развитии военной русской прозы. Рассказ был объявлен типичным образцом китайской ревизионистской литературы и подвергнут резкой критике по всей стране.

Таким образом, можно отметить, что влияние второй волны советской прозы о Великой Отечественной войне на китайскую военную литературу началось уже в конце 1950-х годов, но широкое распространение произведений второй волны российской военной литературы в Китае возобновилось только после наступления периода «реформы и открытости». То есть китайская военная литература, как бы пропустив вторую волну русской прозы, непосредственно приняла литературные концепции третьей волны русской военной литературы (в проекции на историческое прошлое Китая) и открыла новую главу в китайской военной литературе.

Список литературы

1. Шолохов М. Судьба человека. Азбука СПб, 2015. С. 352.
2. Си Пейцю. «Мелодия героя» и исследование военной литературы. Журнал Цицикарского педагогического института (издание по философии и социальным наукам). Цицикар. 1986, № 02. С. 63-65.
3. Му Хуаинь, Ван Лей, Ли Ванчунь. Исследования советской литературы о Великой Отечественной войне в Китае, «Русская литература и искусство», Пекин, 2012 г., №4, стр. 72-78.

10.01.01

Н.В. Чаунина канд. филол. наук

Технический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова,
Нерюнгри, chaunin@mail.ru

МОТИВНО-ОБРАЗНЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ РАННЕЙ ЛИРИКИ В. ДАНИЛОВОЙ И А. АХМАТОВОЙ

В статье представлены результаты сопоставительного анализа художественной практики современной эвенкийской поэтессы В. Даниловой и представительницы поэзии Серебряного века, основоположницы «женской» лирики XX в. А. Ахматовой.

Выявлены и проанализированы переклички на уровне тем и мотивно-образной структуры ранних сборников Ахматовой и Даниловой. Обнаружены сходные и отличительные черты, обусловленные особенностями авторских мироощущений.

Ключевые слова: В. Данилова, А. Ахматова, лирика, тематические и мотивно-образные переклички.

Художественное наследие малочисленных народов Севера является значительной составляющей современного литературного процесса. Основой развития младописьменных литератур северных народов послужили фольклорные тексты и образцы русской классической литературы. В этой связи интересно изучение характера творческих связей и степени воздействия опыта предшественников на современных национальных поэтов. Подтверждением служат работы Ю. Хазанкович [6;7], А. Малевой [3;4], А. Ощепковой, Л. Румянцевой, С. Желобцовой [5] и др.

Новизна данного исследования обусловлена, во-первых, обращением к малоизученному творчеству современной эвенкийской поэтессы, во-вторых, сопоставительным анализом стихотворений первого сборника В. Даниловой «Только ты...» (1992-1996) и ранних стихотворений А. Ахматовой, вошедших в сборник «Вечер» (1912).

Цель исследования – выявить семантические переклички поэтических текстов указанных авторов на тематическом и мотивно-образном уровнях.

Первый сборник Варвары Васильевны Даниловой вышел в 1996 году, в период обучения на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Это время ученичества и поиска собственного стиля и голоса в разработке традиционных для русской литературы тем.

Одной из ключевых для ранних стихотворений обеих поэтесс является тема любви. В. Данилова, так же как и А. Ахматова, избегает прямых указаний на объект лирической эмоции и связанных с ним событий. Например, в первом стихотворении сборника «Сегодня я разбила утро...» [2, с. 3] лирическая героиня на пороге нового дня «разбивает» неприятные воспоминания о недавних событиях. Образ ледяной воды в контексте стихотворения наделяется очистительной, освобождающей от вчерашних заблуждений, силой. Настоящее стало прошлым. Новый день – новая жизнь.

Утро А. Ахматовой иное. Это, как правило, мучительное пробуждение после бессонной ночи. Так, например, в стихотворении «Молюсь оконному лучу...» [1, с. 23] рассвет не избавляет лирическую героиню от ночных страданий, он лишь начало очередного дня ожиданий возвращения возлюбленного. И рукомойник здесь не источник живой и исцеляющей воды, а отражающая солнечный свет поверхность, по которой скользит опустошённый взгляд героини.

Так же, как и Ахматова, эвенкийская поэтесса вводит в текст яркий штрих, деталь, наделяющую стихотворение особым смыслом. Так, метафорическое отождествление процесса пробуждения с разбитым вдребезги стеклом придаёт особую экспрессивность характеру героини, а победное «Ну, здравствуй, утро!» – звучит как вызов новым испытаниям. Героиня Ахматовой, напротив, полностью отдаётся переживаниям, которые вводят её в медитативное состояние.

В отличие от Ахматовой, Данилова не столь глубоко погружает свою героиню в саморефлексию. Здесь больше активного действия, подчас импульсивного. Например, в стихотворении «Моя любовь к тебе скандальна...» [2, с. 19] предстаёт одержимая страстью героиня, которой мало просто быть рядом с возлюбленным, слишком долго она страдала в одиночестве.

Страстная героиня есть и у А. Ахматовой. Примером служат стихотворения «И когда друг друга проклинали...» [1, с. 24-25], «Сжала руки под темной вуалью...» [1, с. 28] и др., но здесь показана страсть на пороге разлуки. Об этой особенности любовной лирики А. Ахматовой – лирике неразделённой любви – неоднократно упоминалось исследователями творчества поэтессы.

«Измотанная» любовь в стихотворениях Даниловой показана сдержанно, несколькими точными, но ёмкими штрихами, позволяющими восстановить целостную картину душевного переживания: «Укутав плечи сигаретным дымом, / Любовь, измотанная, холодно молчит. / И время в тесной чашечке остылой, / Остановившись, ложечкой стучит» [2, с. 22] или «В горле страсть раздавлю, / Стану ниже и суше» [2, с. 29]. Такое, опосредованное, выражение лирической эмоции сближает художественную практику эвенкийской поэтессы с акмеистической традицией (ср.: «У Ахматовой этот мир насыщен предметными и психологическими деталями, имплицитно раскрывающими скрытые смыслы» [8, с. 283]).

Таким образом, можно сделать вывод о тяготении обеих поэтесс к предметно-образной насыщенности пространства стихотворений. У ранней Ахматовой это вещи, окружавшие лирическую героиню в повседневной жизни: позеленевший рукомойник («Молюсь оконному лучу») [1, с. 23], горячая с обеих сторон подушка, окно с белыми занавесками («Подушка уже горяча...») [1, с. 23], тёмная вуаль («Сжала руки под тёмной вуалью...») [1, с. 28-29], перчатка («Дверь полуоткрыта...», «Песня последней встречи») [1, с. 29], сожжённые за ночь свечи и др. Но каждая вещь в контексте стихотворения играет свою важную партию в раскрытии авторского замысла.

То же наблюдаем в текстах В. Даниловой: стакан ледяной воды, разбивающий утро [2, с. 3], картина с символичной надписью «Все равно» [2, с. 5], кисть и краски, воссоздающие желанный облик [2, с. 9] и др. раскрывают скрытые в подтексте смыслы. В большей степени в стихах Даниловой присутствуют детали природного мира: опадающие листья осин или клёнов, летящие по небу звёзды или снежинки, дуновение ветерка или летящие пылинки. Вероятно, особая любовь к природе кроется в биографии поэтессы – дочери охотника, выросшей среди первозданной красоты родного Северного края.

С темой любви тесно связана тема творчества. Уже в ранних стихотворениях обе поэтессы пытаются объяснить феномен рождения поэтического слова. Так, В. Даниловой ближе язык красок и живописной техники, её тексты подобны полотнам, на которых проступают волнующие воображение образы. Например, в стихотворении «Склоняясь тихо над пастелью...» [2, с. 9] можно увидеть, как лирическая эмоция облекается в форму, наполняется цветом и запахом. Подобная конкретизация и материализация также сближает эвенкийскую поэтессу с творчеством А. Ахматовой. Однако в ранней лирике Ахматовой творческий процесс трактуется исключительно как благословенный Богом дар, а рождение стихов – таинство (ср. «Музе» [1, с. 39]).

Подводя итог проведённому анализу стихотворений первых сборников В. Даниловой и А. Ахматовой, можно сделать выводы о наличии сходных тем и мотивов: взаимной / безответной любви; разлуки, мучительного ожидания, страсти, тоски; творчества. Сходство проявляется и в материальном воплощении в текстах акмеистически-предметного мира.

Семантическое наполнение мотивно-образных и тематических комплексов различается в выборе предмета изображения и характере его лирического осмысления. Так, В. Данилова чаще пишет о гармоничных отношениях между равноправными партнёрами, лирическая героиня – сильная, волевая, тесно связанная с природными силами, творческая личность. Ей чужда долгая саморефлексия, она готова начать новую жизнь с первыми лучами утреннего солнца. Эта близость к природной энергии характеризует поэтессу и как дочь охотника, выросшей в суровых условиях северного края, и как носителя традиций национальной эвенкийской культуры.

Таким образом, несмотря на принадлежность к разным литературным эпохам и национальным культурам, стихи В. Даниловой являются своеобразным продолжением традиции «женской» лирики, заложенной А. Ахматовой, а выявленные пересечения позволяют делать вывод о созвучности и общей направленности творчества поэтесс.

Список литературы

1. *Ахматова А.А.* Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Цитадель, 1999. – 448 с.
2. *Данилова В.В.* Только ты...: Сборник стихов 1992-1996. — Нерюнгри(?): авторское издание. — 70 с.
3. *Малева А.В.* Антитеза как способ поэтического осмысления мира лирической героини А. Мишариной и А. Ельцовой // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. – С. 170-177.
4. *Малева А.В.* Женская поэзия коми рубежа XX-XXI веков: некоторые особенности характера и мироощущения лирической героини // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 4 (16). – С. 204-209.
5. Становление поэтики эпических форм в отечественной литературе XX века: монография / А.И. Ощепкова, Л.И. Румянцева, С.Ф. Желобцова [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – 128 с.
6. *Хазанкович Ю.Г.* Современная поэзия малочисленных народов Севера: опыт рецепции творчества С. Есенина // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 6. – С. 158-162.
7. *Хазанкович Ю.Г.* Эвенкийская литература: проблемы периодизации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 108. – С. 99-109.
8. *Чаунина Н.В., Раздьяконова Е.Г.* «Лирический диалог» Н. Гумилева и А. Ахматовой: коммуникативный аспект // Научный диалог. 2020 (2). – С. 275-286.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

В.А. Виниченко канд. педагог. наук

Северо-Восточный федеральный университет,
филологический факультет,
кафедра рекламы и связей с общественностью,
Якутск, vera_vinichenko@mail.ru

**ВИЗУАЛИЗАЦИЯ МЕДИАТЕКСТА
КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Статья посвящена изучению особенностей визуализации медиатекстов веб-сайта в формировании имиджа СВФУ, влияющего на степень привлекательности образовательных услуг, отношение целевых аудиторий. Медиатексты веб-сайта идентифицируют вуз, транслируют его конкурентные преимущества, основные ценности и символы. Визуализация медиатекстов становится приоритетом в условиях «визуального поворота» современного общества.

Ключевые слова: *Имидж, визуализация, веб-сайт, медиатекст, федеральный, университет, формирование.*

Формирование положительного имиджа рассматривается как одна из важнейших задач повседневной деятельности любого вуза на конкурентном рынке образовательных услуг в условиях демографического кризиса. В решении данной задачи значимую роль играет визуализация, представляющая собой в широком смысле – метод и процесс преобразования изображений и создания наглядных образов; представление информации в виде оптического изображения. В узком смысле – возможность сочетать текст и изображение с целью быстрой и полной передачи информации [2].

Визуализация значительно облегчает процесс восприятия нового, повышает эффективность опредмечивания знаний; позволяет компактно и наглядно представить общие закономерности, значительно «сжать» информацию, быстро преподнести собственные идеи, при этом качественно и глубоко проработать проблему или задачу, поскольку активизирует творческое мышление [10].

К основным средствам визуализации контента относят фотографии, инфографику, видеосюжеты, мемы, коубы (зацикленные видео длиной до 10 секунд), анимированные фотографии, лонгриды [3]. Существуют также различные формы мультимедийного контента (видеоролики, клипы, инсталляции, флеш-анимация, слайд-шоу и т. п.) [9].

Визуализация важна в формировании имиджа любого вуза. Исследованиям проблематики имиджа организации в научной литературе посвящено большое количество трудов отечественных ученых: выявляют особенности управления имиджем высшего учебного заведения [4], определяют социальную значимость имиджа вуза [1], создают социально-психологическую модель формирования внешнего имиджа вуза [5], раскрывают содержание этапов проектирования имиджа вуза в контексте общественных ожиданий [7], изучают особенности формирования и потенциал развития имиджа и бренда вуза [8].

Имидж вуза – это обобщенный образ высшего учебного заведения, создающийся в представлении личности или групп общественности и формирующий в общественном или индивидуальном сознании эмоциональное отношение к вузу [5]. Целью формирования имиджа является создание положительного впечатления об организации, способствующего повышению лояльности и уровня доверия целевых групп, привлекательности продукта или услуги.

К эффективным средствам формирования позитивного образа образовательного учреждения относится веб-сайт, укрепляющий его позиции в интернете, где вуз стремится «быть услышанным, правильно прочтенным, попасть в ценности, стереотипы и установки целевой аудитории» [6]. Веб-сайт в качестве основного средства информирования абитуриентов, родителей, спонсоров, инвесторов, партнеров, должен отвечать требованиям к качеству его медиаконтента, оформлению и встроенным сервисам. Значимую роль в удержании внимания целевых аудиторий играют визуальные элементы медиатекста.

Медиатекст как синтетический вид текста характеризуется совокупностью особенностей языка и использованием технологий изображения, графики и звука. Медиатекст – базовый инструмент информационной деятельности вуза.

Визуальная привлекательность медиатекстов веб-сайта для целевых аудиторий заключена в используемой графике, уникальном контенте, его архитектуре, навигации. Визуальный образ идентифицирует университет в Интернет-пространстве, выгодно отличает его от других учебных заведений. Немаловажная роль принадлежит и фирменному стилю. Это основа в создании узнаваемого образа образовательного учреждения, способ продвижения образовательных услуг.

Графические элементы образа вуза транслируют его имидж, способствуют его узнаваемости среди разных групп общественности. Логотип и фирменные цвета организуют единое графическое пространство.

Символы логотипа – кристалл (алмаз) и буква «Y», а также аббревиатура «СВФУ» и полное название вуза. Алмаз – самый благородный из драгоценных камней, ассоциируется с совершенством, чистотой, непорочностью; является символом власти и богатства, твердости, блеска. Это король самоцветов, эталон красоты и ценности, образ духовной силы. Знак «Y» – научный символ: обозначает элемент иттрий («Yttrium»), букву в кириллице, в медицине «Y» – хромосома и др. В культуре народа саха (якутов) знак «Y» – это развитие, процветание и преемственность.

В начертании «Y» присутствует контур голубя мира или стерха. Голубь ассоциируется с миром и возрождением. Стерх (журавль) символизирует счастье, чистоту и верность. Этот символ стремится вверх, как бы тянется к знаниям и совершенству. Символ своим начертанием также напоминает галочку, что означает утверждение, согласие, выбор. Он подразумевает развитие, истину, современность, несет в себе жизнеутверждающее начало, обозначает волю к победе, готовность ко всему новому и прогрессивному.

В качестве основных фирменных цветов Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (СВФУ) были выбраны голубой и белый. Голубой цвет символизирует организованность, идеализм, мягкость, величие. Белый – ассоциируется с чистотой, дружелюбием, силой.

В результате исследования веб-сайта данного вуза мы определили, что к основным средствам визуализации медиатекстов относятся фирменный стиль, фотографии (фотоальбом, фотогалерея, фотослайдер), статичные баннеры, видеолекции, презентации направлений подготовки бакалавров и магистров. Количество медиаматериалов с инфографикой уменьшается с каждым годом. Для удобства навигации по сайту используется фасетная и таксономическая классификация информации. Желательно для комфорта потребителей дополнительно применить фолксономию, «облако тэгов», помогающее быстро найти необходимые данные.

В целях повышения уровня доверия абитуриентов к качеству образовательных услуг университета мы рекомендуем использовать видеоролики об учебном процессе, видеоинтервью со студентами, с успешными выпускниками вуза, с работодателями – представителями производственных компаний, в потенциале рассматриваемых как места для прохождения практики или будущего трудоустройства.

Для достижения поставленных целей желательно расширить спектр используемых визуальных средств. Ведь в потенциале имеются еще незадействованные инструменты, которые можно привлечь для укрепления имиджа. Неразрывная взаимосвязь медиатекста и визуальных элементов образует эффективное средство в формировании позитивного имиджа СВФУ.

Список литературы

1. Вакуленко Р.Я., Колосова В.В. Социальная значимость имиджа вуза: проблемы и перспективы междисциплинарных исследований / Р.Я. Вакуленко, В.В. Колосова // Наукоеведение. – 2013. – Выпуск №6. – Режим доступа: URL: <https://naukovedenie.ru/issues.php> (дата обращения: 10.09.2020)
2. Герасимова И.С. Зарубежный опыт визуализации научной информации в мас-медиа / И.С. Герасимова // Медиаскоп. – 2016. – Вып. 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/2185> (дата обращения: 12.09.2020)
3. Градюшко А.А. Белорусская интернет-журналистика в условиях «визуального поворота» / А.А. Градюшко // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. науч. работ. – Белгород, 2016. – С. 224-230.
4. Дагаева Е.А. Модель конструирования имиджа высшего учебного заведения / Е.А. Дагаева // Журналистика и медиаобразование – 2008: сб. трудов III Межд. науч.-практ. конф. (Белгород, 25-27 сентября 2008 г.): в 2 т. – Белгород: БелГУ, 2008. – Т. II. – С. 9-10.
5. Елинова С.В. Социально-психологическая модель формирования внешнего имиджа высшего учебного заведения: автореф. дисс... канд. психол. наук / С.В. Елинова. – М., 2010. – 24 с.
6. Каминская Т.Л. Коммуникативный потенциал PR-текстов в свете постмодернистской парадигмы / Т.Л. Каминская. – DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(2).279-288 // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т. 7, № 2. – С. 279-288.
7. Лекторова Ю.Ю. Проектирование имиджа вуза в контексте общественных ожиданий / Ю.Ю. Лекторова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2017. – №3. – С. 69-86.
8. Неретина Е.А., Гвоздецкая И.В., Корокошко Ю.В. Имидж и бренд вуза: взаимосвязь, особенности формирования и потенциал развития / Е.А. Неретина, И.В. Гвоздецкая, Ю.В. Корокошко // Интеграция образования. – 2015. – № 1 (78). – С. 13-21.
9. Симакова С.И. Влияние новых технологий на визуальный контент журналистских материалов / С.И. Симакова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 94. – 2015. – № 5 (360). – С. 163-169.
10. Lengler R., Eppler. M.J. Towards a Periodic Table of Visualization Methods of Management: Proceedings of the IASTED International Conference on Graphics and Visualization in Engineering (GVE '07) / ed. Alam M. – Anaheim, CA, USA: ACTA Press, 2007. – P. 83-88.

10.01.10

3.3. Гилязов канд. филол. наук

Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академия наук Республики Татарстан,
Казань, gzz@mail.ru

**ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В МУЗЕЯХ ТАТАРСТАНА
(НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)**

В статье рассматриваются вопросы истории и современного состояния музеефикации и презентации литературного наследия татарских писателей в музеях Республики Татарстан. Выделяются периоды развития сети музеев, направление их деятельности и связи с литературой.

Ключевые слова: *литература, литературные музеи, татарские писатели, музеефикация, музейная сеть.*

Литература органическая и неотъемлемая часть национальной культуры. Она открывает социальный и моральный смысл окружающей действительности, обогащает человека, расширяет его миропонимание. Особую роль в процессе популяризации национальной литературы и ее изучения выполняют музеи, посвященные отдельным писателям или литературе в целом. Их деятельность направлена на «создание эстетического эталона для восприятия, как классического наследия, так и современного литературного процесса» [2, с. 328].

Литературные музеи одна из внушительных профильных групп в структуре музейной сети Российской Федерации. Это связано с особым местом литературы в общественной жизни. Появление литературных музеев в России связано с увековечением памяти о А.С. Пушкине. Задачами первых музеев было «собрание, хранение, экспонирование и пропаганда материалов о писателях или об историко-литературном процессе в целом» [7, с.11].

Несмотря на наличие ряда специальных трудов и отдельных статей [3, 4, 5, 8, 9] проблематика истории литературных музеев Татарстана является по-прежнему остается неразработанной в полном объеме и требует внимания исследователей.

Музеи, посвященные отдельным писателям, на территории современного Татарстана стали открываться в 1940 г. в Казани (ныне «Музей А.М.Горького и Ф.И.Шаляпина – отдел Национального музея Республики Татарстан», здесь и ниже используется современное название музеев) являющимся «крупнейшим музейным центром в республике...» [8, с. 36], был посвящен выдающемуся русскому писателю и общественному деятелю А.М.Горькому (Пешкову). Размещается в бывшем доме Беляева 2-й половины XIX в., где в 1886–1887 гг. писатель работал подручным пекаря в пекарне А.С.Деренкова. Первый литературный музей за пределами г.Казани был так же посвящен А.М.Горькому. Он был открыт в 1950 г. в с.Красновидово Камско-Устьинского района, где писатель жил с июня по сентябрь 1888 г. по приглашению М.А.Ромася (Ромасев) державшим бакалейную лавку. Позже А.М. Горький опишет этот период своей жизни в повести «Мои университеты» и других произведениях. Музей находится в воссозданном кирпичном домике, где прежде размещалась лавка М.А. Ромася. Музей, открытый в стенах школы в с.Красновидово, в 1979 г. стал филиалом литературно-мемориального музея А.М.Горького в Казани, а с 1983 г. - филиалом Национального музея РТ.

Первый музей, посвященный татарскому писателю, открыт в 1950 г. в Казани (ныне «Музей истории татарской литературы с мемориальной квартирой Шарифа Камала – отдел Национального музея Республики Татарстан»). Расположен в доме, построенном в конце XIX в., в котором в 1928–1942 гг. жил Ш.К.Камал.

Зарождение музейной сети, посвященной татарским писателям, происходило до 1990-ых годов. За это время было открыто 7 музеев, три из них - музеи М.Джалиля, два - Г.Тукая, а также музей Ш.Камала, музей С.Хакима. Как справедливо отмечает Е.Н. Мастеница: «1960-1980-е гг. стали временем бурного развития литературных музеев в России, отмеченным не только необычайным ростом их популярности, но и эволюционированием музейных форм репрезентации и интерпретации литературного наследия» [6, с. 110].

В 1990-е гг. окончательно сформировалась общая картина литературных музеев татарских писателей, начали работать 9 музеев, среди которых есть посвященные творчеству Г.Исхаки, Ф.Карими, Г.Кашапова, Ш.Маннура, К.Насыри, Х.Туфана, М.Файзи, Р.Фахрутдинова. Был открыт первый музей истории татарской литературы «Арский музей литературы и искусства». Одной из главных причин развития литературных музеев республики являются общественно-политические процессы, начавшиеся в 80-е гг. XX века и последующее изменение статуса Республики Татарстан. Все это послужило фундаментом для возрождения национальной культуры и роста национального самосознания. Развитие литературных музеев в то время самым тесным образом связано с развитием истории литературы, науки и музейного дела.

После активного периода создания новых литературных музеев татарских писателей в 90-е гг. прошлого столетия в 2000-е гг. наблюдается замедление процесса открытия новых музеев. Связано это с изменением в общественно-политической обстановке в стране и приоритетами развития, воплощаемые Министерством культуры РТ. В это время начали работать 4 литературных музея, которые знакомят с жизнью и творчеством М.Магдеева, Т.Миннуллина, К.Насыри (решение об организации было принято в 1995 г.), Ф.Яруллина. Так же следует упомянуть и о «Большеустиганском краеведческом музее им. Салиха Баттала» (с. Б. Тиганы, Алексеевского района РТ), носящем имя писателя, поэта и драматурга С.Баттала. Это единственный в Татарстане краеведческий музей.

Среди рассмотренных нами литературных музеев преобладают учреждения культуры, посвященные отдельным авторам (мономузеи). В них собраны прижизненные и посмертные издания произведений, рукописи, историко-литературные материалы, связанные с жизнеописанием и творчеством авторов. Рабочие кабинеты писателей являются «святой святых» экспозиции и наиболее сакральным местом, без письменного стола с «недописанной рукописью» не обходился ни один литературный музей. Музеи главным образом связаны с историей литературы и культуры, но не с литературоведением.

Для понимания развития литературной музейной сети татарских писателей следует обратиться к культурной политике. Российские ученые выделяют два периода современной культурной политики: 1) 1990-е гг., которые характеризуются процессами децентрализации политики (передача определенных полномочий и обязанностей, в том числе и финансовых, регионам), деидеологизации общества, разработкой правовой базы нового государства; 2) начиная с 2001 года – осознание взаимозависимости развития культуры и развития общества, увеличение финансирования культуры» [3, с. 86-87]. Если первый период был плодотворным для развития литературных музеев татарских писателей, то во второй наблюдается определенный спад, который можно проследить в уменьшении количества новых открытых музеев. Во многом изменившаяся общественно-политическая ситуация привела к подобному положению, не следует забывать и о некотором уменьшении популярности литературных музеев.

Может возникнуть ощущение, что существующих музеев достаточно, и они уже смогли охватить творчество многих крупных татарских писателей, поэтому и отсутствует необходимость в создании новых. Однако, подавляющее большинство музеев посвящены писателям, творившим в XX в. за исключением Т.Миннуллина, Ф.Яруллина чьи произведения начали печататься в XX в. и продолжили в начале нынешнего века. XIX в. представлен музеем К.Насыри, остальные авторы, творчество которых началось XIX в., в истории литературы принято рассматривать как писателей начала XX в. Кроме К.Насыри в это же время были авторы, внесшие ощутимый вклад в историю татарской литературы,

среди них М.Акмулла, Г.Кандалый, К.Утыз-Имяни и др., заслуживающие меморизации. Более ранний период татарской литературы никак не представлен в музеях, хотя ее история берет свое начало от общетюркских памятников VI-XII вв. и там достаточно много имен, достойных меморизации. Экспозиции музеев по истории литературы несколько увеличивает число упоминаемых имен, но не меняют ситуации, так как таких музеев два на весь Татарстан. Отражает ли такой состав музеев многообразие татарской литературы? Вряд ли. Безусловно, невозможно посвятить музей каждому писателю, но задаться вопросами о том, репрезентативна ли имеющаяся выборка и не нужно ли подкорректировать деятельность по меморизации литературного наследия в форме музеев, стоит.

Список литературы

1. Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Мешкова А.В. Государственная политика РФ в области культуры и образования на рубеже XX – XXI вв. – М., 2008. – 202 с.
2. Бонами З.А. Литературный музей и общество // Музееведение. Музеи мира: Сборник научных трудов. – М.: НИИ культуры, 1991. – С. 327-335.
3. Все музеи Казани. Справочник-путеводитель. – Казань: Изд-во «Заман», 2003. – 256 с.
4. Гаврилова М.Ф. Роль казанского музея А.М.Горького в деле сохранения литературного наследия Татарстана // Вестник Кемеровского Государственного университета культуры и искусств. – 2019. – №46. – С. 152-158.
5. Гилязов З.З. Музеи русских писателей Республики Татарстан: штрихи к истории // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения: сборник статей научной конференции (г.Казань, 27 мая 2020 г.). – Казань, 2020. – Вып. 9. - С.171-175;
6. Мастеница Е.Н. Литературные музеи России: генезис и эволюция // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. – №2. – С.108-111
7. Минц Н.В. О путеводителях по литературным и художественным музеям. – М., 1960. – 168с.
8. Руденко К.А. Культурное наследие и его роль в современном обществе (на примере музеев Татарстана) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств, 2018. – №3. – С. 35-40.
9. Синицына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917-1967 годов. – Казань: «Kazan-Kazan», 2002. – 280 с.

10.01.10

А.П. Данилов канд. ист. наук, А.А. Данилов д-р ист. наук

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
факультет русской и чувашской филологии и журналистики,
кафедра журналистики,
Чебоксары, danilov.andrey@mail.ru

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЭТНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

В работе проанализирован характер взаимоотношений государственных структур и этнических СМИ на региональном уровне. Отмечается, что государственные СМИ получают гарантированную финансовую поддержку, но в недостаточном объеме. На господдержку претендуют в основном государственные газеты, радио и телевидение, хотя и частные издания несут социальную ориентированность. Несмотря на сложности в развитии этнические СМИ Чувашии отмечены достижения последнего времени.

Ключевые слова: этническая журналистика, средства массовой информации, государство, Чувашская Республика.

В современных условиях характер взаимоотношений государственных структур и этнических средств массовой информации на региональном уровне определяется, прежде всего, принятой системой финансирования и государственной поддержки масс-медиа. Опыт Чувашской Республики показывает, что государственные СМИ получают гарантированную финансовую поддержку, хотя надо признать, что в недостаточном объеме, который необходим для их независимого функционирования. Прежде всего, под предлогом «социально ориентированных СМИ» на федеральную господдержку претендуют в основном государственные газеты, радио и телевидение, хотя и частные издания несут социальную ориентированность. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям ежегодно присуждает гранты печатным средствам массовой информации на выпуск, распространение и тиражирование социально значимых проектов. Преимущественным правом на получение гранта обладают редакции региональных и муниципальных СМИ, а также детские, молодежные, литературно-художественные, культурно-просветительные, научно-популярные печатные издания. Более 25 тем определены в прошлом году в качестве приоритетных для разработки социально значимых проектов. В их числе – информационное противодействие преступности, терроризму и экстремизму, пропаганда чтения, укрепление института семьи, освещение проблем социальной адаптации инвалидов, формирование экологической культуры, информационное обеспечение инновационной деятельности в сферах науки, экономики, техники, пропаганда массовых видов физкультуры и спорта. Получателей государственной поддержки определяет Экспертный совет Роспечати, в состав которого входят представители органов власти, эксперты медиаотрасли [1, с. 300].

Такая же методика существует и при распределении средств из республиканского бюджета. Министерство информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики ежегодно объявляет республиканский конкурс социально значимых проектов средств массовой информации. Участниками конкурса могут быть редакции средств массовой информации, организации, производящие теле- и радиопрограммы, распространяющие свою продукцию на территории Чувашской Республики, независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности. В число приоритетных входят следующие темы: освещение воспитания духовности, нравственности, патриотизма и толерантного поведения; распространение знаний об истории и современном состоянии родного края, выдающихся людях Республики (в связи с празднованием 550-летия основания г. Чебоксары и 100-летия образования Чувашской автономной области) и др.

К примеру, в 2018 г. дополнительную государственную поддержку получили только государственные периодические издания: газеты «Советская Чувашия», «Грани», «Хыпар», «Хресчен сасси», «Самраксен хасаче», радиоканалы «Таван радио», «Национальное радио Чувашии», ФГУП «ВГТРК» в лице филиала ГТРК «Чувашия», редакция Ибресинской районной газеты «Сёңтерүшён» («За победу»); АУ «Редакция Батыревской районной газеты «Авангард»; АУ «Цивильский издательский дом» [2, с. 82].

Единственный проект негосударственной структуры, который был поддержан в 2018 г., проект «Пёрлэхре – пирён вай» («В единстве наша сила») МОО «Чувашский национальный конгресс». С учетом такой ситуации, в последние годы частные печатные и электронные периодические издания ни разу не участвовали в конкурсе на предоставление финансовой господдержки со стороны государства. Частным каналам также сложно претендовать на победу в Федеральной целевой программе «Цифровое эфирное телевидение».

Состав пакетов цифровых телеканалов РТРС-1 (первый мультиплекс) и РТРС-2 (второй мультиплекс) определен на федеральном уровне. В каждый из них входит по 10 общероссийских телеканалов в современном цифровом качестве стандарта DVB-T2. Платить абонентскую плату за просмотр этих каналов не требуется. Главное отличие цифрового телевидения от аналогового – это принципиально качественный уровень вещания. Где бы ни находился телезритель – в городе или в глубинке – на телеэкранах всегда будет качественная картинка. Несмотря на сложности в развитии этнических СМИ Чувашии можно отметить ряд достижений последнего времени. Чувашия вошла в число трех регионов-лидеров, где зафиксировано наибольшее количество жителей, пользующихся электронными госуслугами. Завершено строительство сети вещания первого мультиплекса [5, с. 47].

На Всероссийском конкурсе проектов региональной и муниципальной информатизации «ПРОФ-ИТ» проект Чувашской Республики, посвященный организации информационного межведомственного взаимодействия при оказании медицинской и социальной помощи инвалидам, занял второе место в номинации «ИТ в социальной сфере». Система помогает выстроить удобное и эффективное взаимодействие между органами исполнительной власти, медицинскими учреждениями и организациями социального обслуживания при оказании помощи людям с ограниченными возможностями здоровья.

Беспроводной интернет появился в малых населенных пунктах Чувашии. В рамках программы «Устранение цифрового неравенства» филиалом ПАО «Ростелеком» в Чувашской Республике сданы в эксплуатацию 77 точек Wi-Fi в Моргаушском, Красночетайском, Батыревском, Ядринском, Красноармейском, Вурнарском, Порецком, Ибресинском, Козловском, Шемуршинском, Шумерлинском, Мариинско-Посадском, Цивильском и Комсомольском районах. С августа 2017 г. пользоваться интернетом в точках доступа, построенных по проекту ликвидации цифрового неравенства, можно бесплатно. Совершенствуются также интернет-ресурсы органов исполнительной власти Чувашии. Изменения коснулись не только внешней составляющей, но и внутренней структуры. Работать с информационным ресурсом стало проще как простым читателям, так и администраторам сайтов. Сайты печатных СМИ стали сетевыми изданиями. Районные СМИ перешли на новые сайты [4, с. 45].

Сайты районных газет постепенно переходят на новые интернет-платформы. К настоящему моменту обновленные сайты имеют 9 районных печатных изданий, подведомственных Министерству: Алатырская, Батыревская, Вурнарская, Ибресинская, Красночетайская, Канашская, Моргаушская, Шумерлинская, Яльчикская газеты. Новые информационные ресурсы радуют характеризуются ярким дизайном, дружелюбным интерфейсом и новыми возможностями.

СМИ Чувашии являются призерами и лауреатами Всероссийских конкурсов. Творческие работы Национальной телерадиокомпании Чувашии признаны победителями Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России-2017», XX Межрегионального фестиваля военно-патриотических телевизионных и радиопередач «Щит России», VIII Всероссийского конкурса «В фокусе – детство». Проекты ГТРК «Чувашия» отмечены в числе лучших на VII Всероссийском конкурсе региональных СМИ «Панацея», XIII Тарусском фестивале телевизионных фильмов и программ «Берега». 10 средств массовой информации Чувашии вошли в «Золотой фонд прессы» [3, с. 5].

Немало усилий приложили печатные средства массовой информации для сохранения подписных тиражей, которые сегодня остаются стабильными. В целом, несмотря на сложности в развитии этнических СМИ Чувашии можно отметить ряд достижений последнего времени. Чувашия входит в число регионов-лидеров, где зафиксировано наибольшее количество жителей, пользующихся электронными госуслугами.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики
в рамках научного проекта № 19-412-210003*

Список литературы

1. Веденеева Е.Э. Информационное пространство Чувашской Республики // Инновационные технологии в науке и образовании. – 2016. – № 2 (6). – С. 300.
2. Данилов А.А., Данилов А.П. «Новые медиа» и массмедиа в Чувашии: стратегии взаимодействия // Мультимедийная журналистика Евразии-2015 : медиатизация социально-культурного пространства и медиакратия в условиях новой медиареальности Востока и Запада: сб. материалов и научных статей IX Международной научно-практической конференции. – Казань, 10-11 декабря 2015 года / науч. ред. проф. Е. С. Дорошук. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 82.
3. Данилов А.А. Расширение культурно-воспитательной функции регионального телевидения: исторический опыт советского государства (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 1. – С. 5.
4. Данилов А.А. Эволюция жанрово-тематической составляющей передач телевидения Марийской, Мордовской и Чувашской республик в советский период // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 3. – С. 45.
5. Кочубей Н.В. Сетевые и системные коммуникации в контексте новых медиа // Информатика и образование. – 2011. – № 3. – С. 47.

10.01.10

**М.Г. Данилова канд. филол. наук, А.П. Данилов канд. ист. наук,
А.А. Данилов д-р ист. наук, А.М. Эшкерат канд. ист. наук**

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
факультет русской и чувашской филологии и журналистики,
кафедра журналистики,
Чебоксары, danilov.andrey@mail.ru

О ВКЛАДЕ ДИНАСТИИ ПЕТРОВЫХ-МИНЕЕВЫХ В ЧУВАШСКУЮ ЖУРНАЛИСТИКУ

Статья посвящена малоизученной теме - творческому наследию династии Петровых-Минеевых в чувашской журналистике. Подробно изучена жизнь и деятельность журналиста А.П. Петрова (Этмен); творческий путь его дочери - члена Союза журналистов России В.А. Минеевой и ее супруга - военного журналиста С.И. Минеева (Юханкка). Особое внимание уделено их биографии, журналистской деятельности в различных СМИ Чувашской Республики.

Ключевые слова: Петровы-Минеевы, этническая журналистика, средства массовой информации, Чувашия, история, династия.

Традиции региональной журналистики, опыт прежних поколений всегда востребованы, они используются в подготовке современных журналистов. Цель статьи – проанализировать творческий путь двух поколений журналистов из одной семьи и изучить их вклад в чувашскую журналистику.

Статья посвящена журналистской династии, юбилярам 2020 г., оставивших заметный след в истории чувашской печати. 11 ноября 2020 г. исполнилось 125 лет со дня рождения А.П. Петрова (Этмен); его дочери В.А. Минеевой 31 декабря 2019 г. исполнилось 95 лет со дня рождения; 22 ноября 2020 г. исполнилось 110 лет со дня рождения военного журналиста С.И. Минеева (Юханкка). Эта династия оставила чувашскому народу богатое творческое наследие. Перу А.П. Петрова (Этмен) принадлежат первые публицистические статьи о развитии чувашской юмористической литературы, множество фельетонов и памфлетов, опубликованных в чувашском журнале «Капкӑн», переводы художественных произведений. В. Минеева, как журналист и исследователь культуры чувашского народа, оставила уникальное наследие – труды по вышивке, узорному ткачеству, о творчестве патриарха чувашской живописи М.С. Спиридонове, чей 130-летний юбилей отметила нынче Чувашская Республика [2, с. 19].

Алексей Петрович Петров (Этмен) (11.11.1895 – 24.02.1936) – журналист, участник Первой мировой, Гражданской войн. Родился в деревне Нюргечи Комсомольского района Чувашской Республики. Трудовую деятельность начал в 1921 г. в сельской школе, позже преподавал в Советской партийной школе, на курсах Чувашского областного управления милиции, был руководителем курсов учителей в Батыревском районе.

В 1927–1928 гг. Этмен работал сотрудником – репортером газеты «Канаш» (ныне «Хыпар» (Весть)). Нужно отметить, что он и раньше публиковался в этом издании [1, с. 5]. 1927–1930 гг. – активный творческий период А. Петрова. Этмен стоял у истоков чувашского юмористического журнала «Капкӑн» (Капкан), являлся его литературным секретарем. Написал и опубликовал в журнале множество фельетонов: «Продажа корабля» (1912), «Две старухи» (1928), «Гнилая рыба или гнилые люди» (1929), («Неверный адрес» (1925), «У дорогих гостей и пир дорогой» и др. Перу Этмена принадлежит публицистическая статья «Есть ли у нас, у чувашей, юмористическая литература?», где он пишет, что чувашскому народу нужны комедии о чувашах, их не хватает для чувашской сцены. В данной статье автор затрагивает также вопросы театра и кино.

В семье Петровых в п. Ибреси родилась и выросла будущий журналист и исследователь чувашской народной культуры Валентина Алексеевна Минеева (30.12.1924 – 24.04.2010). Мать Валентины – Ксения Николаевна Петрова – была очень трудолюбивой, грамотной и доброй женщиной. Родители очень любили своих детей и хотели дать образование. Отец с малых лет, когда Валентине было 3-4 года, покупал ей книги. Первая книга – «Читай, пиши, и считай». В 5 лет девочка уже читала книги А.С. Пушкина. Детство ее прошло в д. Нюргечи Комсомольского района Чувашской АССР, куда родители переехали, когда Валентина была еще грудным ребенком. После окончания седьмого класса Нюргеческой школы она поступает в Батыревское педагогическое училище. После трех лет обучения переезжает к матери и младшему брату в г. Чебоксары и продолжает учебу в Чебоксарском педагогическом училище. В 1941 г. поступает на историко-филологический факультет Чувашского государственного педагогического института. По ее воспоминаниям, здесь она научилась играть на гармошке. Композитор В. П. Воробьев научил ее петь по нотам.

Еще в школьные годы Валентина сочиняла стихи, писала статьи. Ее журналистская карьера началась в 1954 г. Валентина начинает работать литературным сотрудником и старшим корреспондентом отдела культуры, литературы и искусства республиканской газеты «Коммунизм ялавлӑ». Здесь она поняла силу газетного слова. Это было время активного творчества Валентины. Во время командировок иногда приходилось оставаться в какой-то деревне, и она просила на ночлег определить ее к пожилым женщинам, так как интересовалась узорным ткачеством и вышивкой, расспрашивала о них. М.И. Юрьев поддерживал ее во всех творческих начинаниях. Она всегда с теплотой вспоминала своих учителей и наставников-журналистов А. В. Малова, И. М. Алтын-Баш и М. И. Юрьева.

Но ей пришлось на время оставить любимую газету. Супруг Валентины Алексеевны – Минеев Степан Иванович (Юханкка) (1910–1982 гг.) – военный журналист. Родился 22 ноября 1910 г. в деревне Большое Аккозино ныне Мариинско-Посадского района Чувашской Республики. До войны работал редактором газеты «Ҫамрӑк большевик» (Молодой большевик), сотрудничал с газетой «Чӑваш коммуни» (Чувашская коммуна). В 1937 г. вместе с писателями М. Алигер, К. Симоновым, А. Макаровым окончил литературный институт имени М. Горького. В 1941 г. поступил в Московскую театральную студию. В сентябре 1941 г. он был призван в Красную Армию, назначен специальным корреспондентом газеты Военно-Воздушных Сил «Сталинские соколы». В послевоенные годы свыше 20 лет прослужил в печатных органах Военно-Воздушных сил СССР.

Степан и Валентина Минеевы рука об руку прошли как журналисты свой жизненный и творческий путь. На время они переехали в его родной Марпосадский район, где Валентина Алексеевна некоторое время трудилась в школе, позже работала начальником отдела писем Марпосадской районной газеты «Пирӗн сӑмах». С. Минеев был начальником отдела пропаганды того же издания. В эти годы он написал и опубликовал в журнале «Тӑван Атӑл» очерки о герое Советского Союза танкисте Сергее Бутякове «Сквозь огонь», «До последнего вздоха»; нашем земляке Герое Советского Союза Никифоре Маркове «Пока дремлет враг», герое Советского Союза полковнике Г. С. Васильеве «Командир полка» и др.

В 1966 г., после возвращения семьи в Чебоксары, В. Минеева стала ответственным секретарем редакции республиканской детской газеты «Пионер сасси». В течение пяти лет была редактором детских передач Чувашского радио. Здесь она почувствовала силу другого направления журналистики – детских передач. Опыт работы в школе помог найти дорогу к сердцу детей и открыто обсуждать с ними насущные вопросы. Школьной жизни был посвящен радиожурнал «Хатӗр пул». Не менее значительными были выпуски «Звездочка», «Бабушкины сказки», «Лесная поляна» и др.

И все же ее любимым изданием был «Коммунизм ялавлӑ», она опять становится газетчиком и работает там до 1979 г. Даже после выхода на пенсию В. Минеева активно публикует свои материалы в этом издании. Она часто выступала с передачами и публиковала статьи о проблемах народного искусства и художественных промыслов. В 1986–1989 гг. В. Минеева работала художником по узорному ткачеству в лаборатории Объединения

художественных промыслов «Паха тёрё».

Со дня открытия 24 апреля 1990 г. до 2002 г. В. Минеева работала заведующей мемориальным музеем-квартирой патриарха и основателя чувашской живописи, народного художника ЧР, живописца, графика, члена Союза художников СССР, заслуженного деятеля искусств РСФСР, народного художника Чувашской АССР М. С. Спиридонова, чей 130-летний юбилей в 2020 г. отпраздновал весь чувашский народ. В этот период ее творчество развивалось в нескольких направлениях: вела научно-исследовательскую и просветительскую работу; были систематизированы фонды музея; публиковались очерки и статьи по народному искусству в прессе; организована детская студия узорного ткачества. Много работала для сохранения творческого наследия уникального мастера и исследователя чувашской вышивки Е.И. Ефремовой. Участвовала в радиопередачах о декоративно-прикладном искусстве и художественных промыслах чувашского народа, изучала творчество талантливых умельцев Н.М. Ермолаевой и др. Опубликовала статьи «Вышивка души», «Сто тысяч вышивок» и др.

В 2007 г. опубликовала книгу «Чувашское узорное ткачество». В 2008 г. увидел свет биографический очерк «Мастер искусства вышивки Екатерина Ефремова» [3, с. 7], где описывается жизнь и творчество выдающегося мастера искусства чувашской вышивки, народного художника Чувашской Республики, заслуженного художника Российской Федерации Е. И. Ефремовой (1914–2000 гг.), многие годы работавшей главным художником фабрики «Паха тёрё». В 2008 г. В. Минеева издает автобиографический очерк «Краткие мгновенья жизни». Для читателя особенно интересны эпизоды описания жизни и творчества ее отца А. Этменя и супруга Степана Минеева (Юхэанкка), которые оставили заметный след в истории чувашской культуры. В этой книге она знакомит с древом жизни своего рода. В 2009 г. издала книгу «Свет минувших дней», в основе которой лежат воспоминания о личных встречах с деятелями культуры и искусства. Приводятся новые сведения о творчестве художников П. Д. Корины, П. Т. Кориной, М.С. Спиридонова, Н. К. Сверчкова и др.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики
в рамках научного проекта № 19-412-210003*

Список литературы

1. Матросов И.М., Леонтьев А.П. Первая чувашская газета «Хыпар» 1906–2006. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – С. 5.
2. Минеева В.А. Краткие мгновения жизни. – Чебоксары : ЧГИГН, 2008. – С. 19.
3. Минеева В.А. Мастер искусства вышивки Екатерина Ефремова. – Чебоксары: ЧГИГН, 2008. – С. 7.

10.01.10

**Г.Н. Зайнеева канд. филол. наук, Г.А. Хуснутдинова канд. филол. наук,
Л.Ш. Гарипова канд. филол. наук**

ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ,
отдел текстологии,
Центр письменного и музыкального наследия,
Казань, gulnara.zaineeva@mail.ru, kh-gulnaz71@mail.ru,
leilyashamilevna@mail.ru

АВТОБИОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АВТОБИОГРАФИЙ Г.ИБРАГИМОВА)

Автобиография считается документальным отображением жизненного пути личности. Этот жанр довольно широко распространен в литературоведении, журналистике. В статье рассматриваются все известные автобиографии Г.Ибрагимова, хранящиеся в Государственном архиве РТ. В них прослеживаются фактические биографические материалы.

Ключевые слова: *Г.Ибрагимов, автобиография, чистка партии, общественная деятельность, личность.*

Автобиография — последовательное описание человеком событий собственной жизни. Из автобиографий знаменитостей мы черпаем какие-либо интересные, необычные факты. Поэтому автобиография считается документальным отображением жизненного пути личности. Написание автобиографии дает исследователям возможность выявить уникальность, развитие, особенности того или иного человека в контексте его биографии. К биографическому методу прибегают и литературоведы, и журналисты, когда пишут о каком-либо человеке, берут интервью. Автобиографические произведения в литературе во все времена были популярными и актуальными. Они ценны тем, что там прослеживаются эмоции, переживания, личностный взгляд на ту или иную ситуацию в своей жизни. Например, в татарской литературе автобиографическая повесть Г.Тукая «Из воспоминаний» («Исемдә калганнар») невозможно читать без эмоционального переживания, автобиографическое произведение Ф.Яруллина «Паруса крепнут на ветру» («Жилкәннәр жилдә сынала»), Д.Нагим и Р.Набиева «Жизнь, собранная по крупичкам» («Бөртекләп жыелган гомер») ни одного читателя не оставят равнодушным. Есть и такие произведения, в которых показывается определенный автобиографический отрезок, произошедший с автором, главному герою в этом случае присуждается псевдоним. К таким можно отнести рассказ Г.Ибрагимова «Изгнание Заки шакирда из медресе» («Зәки шәкертнең медресәдән куылуы»), где Заки шакирд — прототип Г.Ибрагимова.

В истории татарской литературы имя Галимджана Ибрагимова занимает особое место. Учитывая тот факт, что его общественная деятельность связана с такими организациями как Центральный мусульманский комиссариат, Академический центр Татарского народного просвещения, в год столетия ТАССР нельзя не упомянуть это имя. Его творческое наследие и политическая деятельность совпала с общественно-политическими изменениями, с эпохой революционных движений. Исторические события в какой-либо степени нашли отражение и в его творчестве.

На сегодняшний день в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ в отделе текстологии ведется работа по подготовке пятнадцатитомного академического издания «Сочинений» Галимджана Ибрагимова. Читателям в 2018-2019 годах были представлены первые десять томов данного проекта, в которые включены все известные литературные произведения, труды по литературе, языку. В статье

«Новое издание Г.Ибрагимова» («Г.Ибраһимовның яңа басмасы») дается полная информация о томах, в которые вошли художественные произведения Г.Ибрагимова [1, 33-47]. Историческая действительность четко прослеживается в его литературных произведениях, таких как «Красные цветы», «Люди», в драме «Новые люди». В статье «Исторические реалии в произведениях Г.Ибрагимова (на примере произведений «Новые люди», «Красные цветы», «Люди») подробно рассматривается сказанный выше факт [3].

После реабилитации имени Г.Ибрагимова в 1955 году внимание литературоведов было направлено в русло изучения его литературного, творческого наследия, поиску и сбору документов, писем.

Например, литературовед А.Шамов лично занимался сбором писем и документов, многие письма хранились в его личном архиве. В 2000 году выходит в свет «Г.Ибрагимов. Сочинения. Письма и документы. 9 том» [2], который составила литературовед Ф.Ибрагимова. Биография писателя многогранна, географический охват его жизни также широк: Казань, Уфа, Казахстан, Москва, Петербург, Крым. Следовательно, во всех архивах данных городов имеются документы, связанные с именем Г.Ибрагимова. В Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ) имеется множество документов в различных фондах.

В фондах ГА РТ хранятся несколько автобиографий писателя. Автобиографии Г.Ибрагимова можно считать документальным отображением его жизненного пути. Данный жанр относится к литературно-документальному жанру. Каждый из них написан при каких-либо обстоятельствах, в той или иной степени отражают жизнь и деятельность писателя и общественного деятеля. В ГА РТ в различных фондах есть автобиографии Галимджана Ибрагимова 1921, 1924, 1925, 1927, 1929 и 1936 годов.

Автобиография «Биография члена РКП (большевиков) Галимджана Ибрагимова») является рукописью, написанная на русском языке, на двух листах (ГА РТ фонд 292, опись 1, дело 51), имеется собственноручная подпись и датирована «26 сентября 1921 года». Эта автобиография самая первая и самая короткая по объему. Она написана в связи с чисткой партии, которая была проведена в связи с постановлением X Съезда РКП(б) (8-16 марта 1921 года). В этот период подвергались проверке социальное происхождение, участие в революции, идеологическая грамотность, морально-бытовой облик партийца. После автобиографии прикреплены положительные рекомендации на его имя от С.Еникеева, Т. Гайнуллина и еще одного члена партии человека (подпись неразборчива). Здесь же имеются положительные рекомендации, написанные Г. Ибрагимовым на имя работника полиграфии А.Зиганшина, активисткам Абруй Сайфи и Кояш Валитовой.

Следующая автобиография 1924 года датирована «Казань, 1924 г[ода], февраль» (ГА РТ фонд П15, опись 6, дело 6367 л.70-74), напечатана на машинке на русском языке, поставлена подпись «Г.Ибраһимов». В начале автобиографии имеются слова, написанные от руки: «В ГРУ тов. Журавлеву [как материал]», в конце приписано: «1924 г. январь, Казань». В тексте говорится: «Чистку прошел без всякого возражения».

Автобиография 1925 года (ГА РТ в фонде П292, опись 1, дело 4543 л.6-11), датирована «апрель 1925 года», имеется собственноручная подпись «Г.Ибраһимов», напечатана на машинке на русском языке. Данная автобиография написана после XIII съезда в 1925 году, в связи с чисткой советских вузовских ячеек.

Четвертая автобиография 1927 года (ГА РТ фонде П15, опись 6, дело 6367 л.54-58) датирована «16 апреля 1927 года», собственноручная подпись отсутствует. Текст данной автобиографии схож с автобиографией 1925 года, об этом сам Г. Ибрагимов оговаривает в тексте. Здесь имеется «Дополнение» к автобиографии, где описаны дополнительные факты в биографии в период 1925-1926 г.г. (сентябрь 1925 г. командирован Правительством ТР в Ленинград и Москву для участия в торжествах по случаю 200-летия Всесоюзной Академии Наук, февраль 1926 года поездка на Тюркологический съезд в Баку, состояние здоровья).

Следующая автобиография 1929 года хранится в ГА РТ фонд П292, опись 2, дело 1987 л.99-136). На первой странице имеется надпись, написанная рукой Г.Ибрагимова и его же подпись: «Татреспублика. Казань. Старому большевику тов. Сибгату Гафурову. 1929 г. Ялта.

Г.Ибрагимов». Сибгат Гафуров в 1925-1929 г.г. был секретарем партколлегии Татарской областной Контрольной комиссии ВКП(б), до 1934 года членом ее президиума. Писатель же с 1927 года находился на лечении в Ялте. Данная автобиография является самой полной. В ней писатель считал нужным прикрепление некоторых его документов (декрет Совета Народных комиссаров, грамота, членский билет и т.д.). По решению XVI партийной конференции (апрель 1929) была проведена вторая общепартийная чистка партии, которой руководил И.В.Сталин. Данная автобиография также написана по этой причине. Содержание автобиографии разделено по главам: происхождение; годы ученичества; период работы над созданием и развитием татарского литературного языка и художественной литературы; к общественно-политическим проблемам; период февральской революции; Октябрь; партийность (от левого народничества к революционному марксизму); работа на идеологических фронтах; болезнь; несколько сообщений официального характера.

Автобиография 1936 года так же хранится в ГА РТ в фонде ПЗ0, опись 3, дело 1260 л.24-37, собственноручная подпись отсутствует, датирована «1936 г. Ялта, Боткинская, 23». Данная автобиография считается самой последней, написанная при жизни писателя. В 1935-1936 г.г. проходит новая чистка: кампания по «проверке» и обмену партийных билетов, следовательно данная автобиография написана по этой причине. Она разделена на главы: происхождение; учеба; литературная, научная и общественно-педагогическая работа (до 1917 года); период Февральской революции; Октябрьская революция; партийность; период работы в советском аппарате; в Крыму, лечение и работа. В конце Г.Ибрагимов приводит полный текст грамоты о награждении званием Героя Труда.

Судя по текстам автобиографий читатели могут отслеживать жизненный путь, литературную, научную, общественно-политическую деятельность писателя. Они написаны четко, конкретно, содержательно. Писатель, разделяя биографические данные по разделам, преподносит материал, подчеркивая определенные факты.

Список литературы

1. Алиева Ә.Х., Зәйниева Г.Н. Г.Ибраһимовның яңа басмасы // Фәнни Татарстан. № 1, 2019. – б.33-47.
2. Ибраһимов Г. Әсәрләр: тугыз томда. – 9 т.: хатлар һәм документлар / төз. Ф.Ибраһимова. – Казан: Фикер, 2000. – 464 б.
3. Зайнеева Г.Н., Хуснутдинова Г.А. Исторические реалии в произведениях Г. Ибрагимова (на примере произведений «Новые люди», «Красные цветы», «Люди»). – Казанская наука, №10. – 2018. Казань: Издательство Казанский Издательский Дом, 2018. – С.30-32.

10.01.10

¹**В.В. Костенкова** канд. филол. наук, ¹**Г.А. Абрамова** д-р филол. наук,
²**В.П. Абрамов** д-р филол. наук

Кубанский государственный университет,
¹Факультет журналистики,
кафедра издательского дела, стилистики и медиаиндустрии,
²Филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного,
Краснодар, v-zhilinka@mail.ru

СЛОГАН КАК КОМПОНЕНТ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ

Объектом работы является текст современного рекламного слогана, а также стилистические приемы, лежащие в его основе. В статье дается типологическая классификация слоганов, выделяются его основные функции, анализируются самые актуальные и эффективные способы создания указанного типа текста. В заключении перечисляется ряд требований, которых должен придерживаться автор при написании и редактировании рекламного слогана.

Ключевые слова: *слоган, рекламная коммуникация, рекламный текст, редактирование рекламных текстов, стилистические приемы.*

Слоган – это рекламный лозунг, то есть короткая запоминающаяся фраза, являющаяся языковой репрезентацией бренда; своеобразный девиз, выражающий основную мысль коммерческого предложения, с помощью которой рекламодатель рассчитывает привлечь потенциального потребителя. По мнению Е. Н. Сердобинцевой, слоган – это рекламный словесный эквивалент логотипа фирмы [3, с. 29], являющийся долгосрочным рекламным символом и идентификационным кодом компании. В. Ю. Балахнина находит прообраз этого типа рекламного текста в традиционной русской культуре – присказках и прибаутках торговцев древнерусской ярмарки [1, с. 34].

Слоган является важной составляющей маркетинговой кампании. Он в сжатой, сконцентрированной форме отражает суть рекламной идеи, а также помогает сформировать у потребителя объемный и яркий образ продукции, что повышает воздействующую функцию рекламы.

Слоган может отражать уникальность объекта рекламы и специфику предложения рекламодателя, передавая таким образом ключевое сообщение рекламодателя и способствуя передаче его концепции позиционирования. Зачастую слоган связан с уникальным торговым предложением (УТП), то есть той характеристикой продукта, которая отличает его от подобных товаров или услуг и является наглядным средством его репрезентации. Примером удачного совмещения слогана с УТП может служить слоган курьерской службы «FedEx»: «Когда посылку необходимо доставить за одну ночь». Слоган является лаконичным и ярким, при этом он отражает тот аспект услуги, который выделяет ее на рынке (в данном случае – скорость доставки товара).

Основными функциями слогана можно назвать следующие:

- отражать позицию и политику рекламируемой фирмы, являясь важной частью фирменного стиля;
- привлекать внимание потенциального потребителя за счет наличия особого языкового «образа» рекламируемого товара, отличающего его от ряда подобных предложений;
- стимулировать покупку определенного товара / товара избранного бренда;

- повышать привлекательность и узнаваемость бренда за счет четкого понимания потребителем того, что именно выделяет данную компанию на фоне конкурентов, занимающих ту же нишу на рынке;
- транслировать потребителю актуальную информацию о товаре / услуге / рекламной кампании фирмы.

За счет воздействия в основном на чувственную сферу слоган должен вызывать эмоциональный отклик у представителя целевой аудитории. В некоторых случаях слоган становился отправной точкой рекламной кампании, придающей цельность серии рекламных мероприятий. Например, слоган компании «Nike» «Just Do It» («Просто сделай это») появляется составной частью лозунгов отдельных рекламных акций данной фирмы, например, лозунга кампании «Just Do It: Possibilities» («Просто сделай это: Твои возможности»), подготовленного к 25-летию юбилею оригинального слогана. Придерживаясь общей рекламной политики «Nike», компания «Just Do It: Possibilities» запустила собственное «challenge»-приложение «Nike+ Running» в смартфонах, которое позволило его пользователям ставить долгосрочные цели, бросать вызов («challenge») друзьям и соревноваться с ними в спортивных достижениях. Благодаря ему участники движения получили возможность давать название своему собственному вызову, определять сроки и участников виртуального соревнования, а также общаться в чате приложения в режиме настоящего времени.

В. Ю. Балахнина выделяет следующие типы слоганов:

- связанные, то есть включающие название рекламируемого объекта (например, «Новое поколение выбирает “Pepsi”», «“Milky Way” – только для детей», «“Любимый сад” – сок из любимых фруктов» и т. п.). Они создают в сознании потребителей прочную связь между рекламным слоганом и брендом, что способствует его узнаваемости;
- привязанные, то есть связанные с названием бренда фонетически и ритмически («“Мезим” – для желудка незаменим», «Каждый маленький ребёнок очень любит сок – “Спелёнок”», «Ваша киска купила бы “Вискас”», «Есть идея – есть “Ikea” и т. п.). Использование звукового подобия слов, то есть рифмы способствует лучшему запоминанию названия рекламируемого продукта;
- свободные, то есть не привязанные к названию бренда («“Lindt”. Искусство швейцарского шоколада с 1845 года», «“Черный жемчуг”. Наука о красоте», «“Билайн”. Живи на яркой стороне»). Самый простой и частотный по употреблению тип [1, с. 26].

Связанные и привязанные слоганы, как правило, используются в случае недостаточной известности и «раскрученности» бренда, а также в тех ситуациях, когда российский потребитель испытывает сложности с усвоением труднопроизносимого иностранного слова. Упоминание названия бренда в рекламном лозунге – один из самых легких и продуктивных способов сделать его узнаваемым потенциальным покупателем. При визуальном или слуховом контакте со слоганом потребитель каждый раз будет вспоминать имя рекламодателя.

И. Морозова дифференцирует слоганы по типу широты их применения, разделяя их на слоганы, используемые в комплексных рекламных кампаниях, и слоганы, созданными специально под конкретный рекламный продукт или определенную рекламную форму (например, для прессы или для радиорекламы) [2, с. 8]. Правильно подобранный рекламный слоган поддерживает тот «месседж», который заложен в бренде. Эффектный, лаконичный слоган находит отклик у потребителей и способствует возникновению прямых ассоциаций с рекламируемым продуктом.

Для создания удачного слогана необходимы знания психологии, филологии, социологии и маркетинговых стратегий. Эффективным средством привлечения внимания слоган делают стилистические приемы, использованные при его создании. Такими приемами могут быть:

- использование интертекста (цитат, аллюзий, реминисценций), обыгрывание известных фраз и идеоматических выражений (например, лозунг витаминного комплекса «Витабс» – «Разделяй и здравствуй!» отсылает к афористическому высказыванию «Разделяй и властвуй»);
- использование метафор (например, слоган кофе «Nescafe» – «Нового дня глоток»);
- использование рифмы (например, слоган стирального порошка «Tide» – «Чистота – чисто “Tide”»);
- использование повторов (например, «Солидный банк для солидных клиентов», «Свежий взгляд на свежие фрукты»);
- использование неологизмов (например, слоган шоколадного батончика «Snickers» – «Не тормози – сникерсни!»);
- использование аллитерации, то есть повторения согласных (например, слоган косметической фирмы «Wella» – «“Wella”. Вы великолепны»);
- использование неологизмов и молодежного сленга (например, слоган шоколадного батончика «Snickers» – «Не тормози – скикерсни!»);
- использование юмора, иронии (например, слоган напитка «Sprite» – «“Sprite” – не дай себе засохнуть»);
- использование цифр и процентов (например, слоган шампуня «Pantene» – «100 % силы. 0 % утяжеления»).

Слоган – один из самых важных компонентов рекламной коммуникации, тонкий инструмент воздействия на потенциального покупателя. Тенденции развития рекламы направлены на поиск необычных путей взаимодействия с потребителем, поэтому для продуктивного продвижения продукта наиболее интересны такие слоганы, которые выделяются в ряду других (например, в слоганах для зубной пасты «Белоснежная улыбка», «Чистота зубов и свежее дыхание», «Ослепительная белизна зубов» используются избитые фразы, которые звучат расплывчато и неконкретно).

Подводя итоги исследованию, мы можем сделать вывод о том, что при создании и редактировании текста рекламного слогана следует придерживаться следующих требований:

- краткость и лаконичность;
- яркость (апелляция к эмоциональной сфере);
- эвфония (благозвучие);
- ориентация на целевую аудиторию;
- соответствие имиджу компании;
- отличие от слоганов конкурентов.

Список литературы

1. Балахнина В.Ю. Мастер-класс «Работа с текстами в рекламе» : учебное пособие / В. Ю. Балахнина. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнФГТУ», 2013. – 60 с.
2. Морозова И. Слагая слоганы / И. Морозова. – М. : РИП-холдинг, 2007. – 174 с.
3. Сердобинцева Е.Н. Структура и язык рекламных текстов : учебное пособие / Е.Н. Сердобинцева. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 161 с.

10.01.10

А.К. Малаховский

К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ НАЧАЛА III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В статье рассматриваются два примера, свидетельствующих о кризисе англо-американской прессы второго десятилетия XXI в.: скандал с британской газетой «The News of the World» и скандал, связанной с убийством американского журналиста саудовского происхождения Дж. Хашогджи, сотрудника американской газеты «The Washington Post». Делаются выводы о падении доверия аудитории к СМИ в целом.

Ключевые слова: кризис журналистики, «The News of the World», Р. Мэрдок, Дж. Хашогджи, «The Washington Post», уровень доверия публики.

Журналистику, как и все общественные социальные институты, периодически потрясают кризисы. Однако их цикличность и глубина в силу неустойчивости экономической основы этой системы происходят значительно чаще, чем в других составных частях надстроечной структуры общественной жизни.

Вполне логично, что на журналистике сполна отразились катаклизмы, с которыми мир столкнулся на рубеже третьего тысячелетия. Ныне журналистикой и СМИ в значительной степени управляют такие мультимедийные корпорации, как News Corporation, Microsoft, Google, Fox News, CNN, Yahoo, Amazon, Facebook, Instagram и т.д. По сути дела, журналисты в значительной степени утратили большую часть своего социального престижа, который во многом базировался на романтизме и снобизме, а также совершенно необоснованном чувстве способности в той или иной мере решать важные глобальные проблемы. Выживают лишь СМИ, функционирующие в таблоидном формате, но и они временами попадают в кризисные ситуации.

Наглядным подтверждением этому являются события, связанные со скандалом вокруг газеты «The News of the World», так называемый «Murdochgate». Как известно, сотрудники этого лондонского таблоида долгое время попирали все канонические нормы морали и этики журналистики. Они занимались не только сбором информации об интересующих их лицах, привлекая для этого частных детективов, но и широкомасштабным прослушиванием телефонных разговоров англичан, представлявших все слои общества. Отметим, что пристальное внимание было обращено на королевскую семью (Project Bumblebee) [1, p. 58].

В 2011 г., столкнувшись со взрывом негодования в масштабах всей Великобритании, Р. Мердок, владевший основанной еще в первой половине XIX в. «The News of the World» более сорока лет, был вынужден ее закрыть. Руководители таблоида Э. Коулсон и Р. Брукс, одновременно являвшиеся важным связующим звеном между Даунинг-стрит, 10 и Р. Мердоком, оказались в эпицентре международного скандала.

Первый этап этой эпопеи завершился многомесячными слушаниями комиссии, возглавляемой королевским судьей сэром Брайаном Левесоном. По итогам работы комиссии, заслушавшей 337 свидетелей и мнения около трехсот специально приглашенных лиц, был издан том объемом в 2000 страниц. Кроме того, к нему было добавлено отдельное резюмирующее приложение (ноябрь 2012 г.) [7].

Содержание этого документа повергло в смятение британскую, так и мировую общественность, которая на протяжении многих месяцев с глубоким интересом наблюдала за разворачивавшейся на экранах телевидения информационной драмой.

В июне 2014 г. завершился второй этап этого процесса. В итоге судебного разбирательства, которое началось в 2013 г. Э. Коулсон был приговорен к восемнадцатимесячному тюремному заключению за прослушивание телефонных разговоров. Его шеф, Р. Брукс, которая также фигурировала в суде в связи с данным делом, отделалась

«легким испугом», хотя ранее ее положение казалось таким же безнадежным, как и у ее подчиненного [3]. В 2014 г. под стражей также оказался и бывший главный редактор этого издания Иэн Эдмондсон [4].

Предполагалось, что будет опубликована вторая часть доклада Комиссии Левесона, однако против этого выступили такие влиятельные политические и деловые силы, что в 2018 г. от данной идеи пришлось окончательно отказаться [2]. При этом новостная журналистика Великобритании понесла значительные репутационные потери: так, согласно ежегодному исследованию Института Рейтер, в 2015 г. новостям СМИ доверял 51% британцев, а в 2019 г. лишь 40% [8, p. 22].

Еще один скандальный сюжет возник в англо-американской журналистике в 2018 г., когда произошел «турецкий инцидент» с журналистом Джамалем Хашогджи. Представитель элитного саудовского клана, получивший образование в США, проведя большую часть жизни вне саудовского королевства, Дж. Хашогджи находился в откровенной оппозиции к существующему саудовскому королевскому режиму, о котором не раз нелегитимно высказывался. В 2000-е гг. Дж. Хашогджи являлся обозревателем американской газеты *The Washington Post*. Прибыв в Стамбул 2 октября 2018 г., Дж. Хашогджи пропал при загадочных обстоятельствах после того, как вошел в здание консульства Саудовской Аравии [5].

Западные страны провели своеобразный бой с тенью, обвиняя в гибели журналиста наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бин Сальмана [6]. Однако довольно быстро грандиозный международный скандал, главным действующим лицом которого стал журналист влиятельной американской газеты *The Washington Post*, начал угасать. Правящие классы таких стран, как США, Великобритания, Франция и Германия, видимо, не были намерены терять миллиардные контракты на поставки вооружений Эр-Риаду. Так, предполагаемое зверское убийство Дж. Хашогджи в центре Стамбула, в официальной дипломатическом учреждении Саудовской Аравии, нисколько не помешало президенту США Д. Трампу в 2019 г. заключить в обход Конгресса США сделку с аравийскими монархиями по продаже американских вооружений на сумму 8,1 млрд. долл. [9]. Своеобразной посмертной «компенсацией» для Дж. Хашогджи стало то, что незадолго до заключения этой сделки он был назван «Человеком года» по версии влиятельного американского общественно-политического журнала *Time* [10].

Если говорить о репутационных потерях американской новостной журналистики, то закончившийся ничем скандал с Дж. Хашогджи внес свою лепту в более низкий по сравнению с Великобританией уровень доверия американской публики к новостной журналистике США. Так, согласно данным исследования Института Рейтер, в 2019 г. новостям СМИ доверяли 32% американцев [8, p. 22].

Не секрет, что на протяжении всей многовековой истории своего существования журналистика была объектом откровенной манипуляции со стороны сильных мира сего. Все рассуждения относительно того, что она, якобы, является «четвертой», или даже «пятой» властью, не более как замысловатые фигуры речи, рассчитанные на непосвященных в суть хитроумных игр финансовых олигархов и международных политиков. Отметим, что наблюдается кризис печатной прессы, газеты исчезают одна за другой, не выдержав конкуренции с телевидением, а те, что еще держатся на плаву, стремительно теряют тиражи.

Список литературы

1. *Davies N.* Hack Attack. The Inside Story of How the Truth Caught up with Rupert Murdoch. – N.Y.: Faber and Faber, Inc. An affiliate of Farrar, Straus and Giroux, 2014. – 430 p.
2. Government sees off 'Leveson two' bid in Commons vote. BBCNews UK. 9 May 2018. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-44051990> (дата обращения 10.11.2020).
3. Hacking trial: Coulson guilty, Brooks cleared of charges. BBCNews UK. 24 June 2014. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-27997688> (дата обращения 10.11.2020).
4. *Halliday J.* Ian Edmondson jailed for eight months over phone hacking. Guardian. 7 November 2014. URL: <https://www.theguardian.com/media/2014/nov/07/ian-edmondson-jailed-eight-months-phone-hacking-news-of-the-world> (дата обращения 10.11.2020).
5. *Haltiwanger J.* Here's everything we know about the troubling disappearance and death of Saudi Journalist Jamal Khashoggi. Business Insider. Dec 10, 2018. URL: <https://www.businessinsider.com/who-is-jamal-khashoggi-turkey-accuses-saudi-arabia-of-murdering-reporter-2018-10> (дата обращения 10.11.2020).
6. *Harris S., Miller G., Dawsey J.* CIA concludes Saudi crown prince ordered Jamal Khashoggi's assassination. Washington Post. November 17, 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/cia-concludes-saudi-crown-prince-ordered-jamal-khashoggis-assassination/2018/11/16/98c89fe6-e9b2-11e8-a939-9469f1166f9d_story.html (дата обращения 10.11.2020).
7. *Leveson Inquiry. Brian Henry Leveson.* An Inquiry into the culture, practices and ethics of the press: executive summary and recommendations (Leveson report). House of Commons Papers. – L.: TSO, 2012. – 46 p.
8. Reuters Institute Digital News Report 2019. URL: <https://www.digitalnewsreport.org/survey/2019> (дата обращения 10.11.2020).
9. *Robiou M.* What you need to know about Trump's \$8 billion Saudi arms deal. PBS Frontline July 16, 2019. URL: <https://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/saudi-arabia-arms-deal-trump-what-to-know> (дата обращения 10.11.2020).
10. Time Person of the Year 2018. URL: <https://time.com/person-of-the-year-2018-the-guardians> (дата обращения 10.11.2020).

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

**А.В. Блохин канд. филол. наук, Т.А. Колоскова канд. филол. наук,
Е.П. Филиппова канд. филол. наук, О.С. Шемонаева канд. филол. наук**

ГОУ ВО МО «Государственный Гуманитарно-технологический университет (ГГТУ)»,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Орехово-Зуево, avb6767@mail.ru, koloskova_tak@mail.ru,
filippova.elena.68@mail.ru, olser09@mail.ru

ПРЕОБРАЗОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ДНЕВНИКАХ М.А. БУЛГАКОВА

Данная статья посвящена стилистическому использованию индивидуально-авторских приемов преобразования фразеологических единиц в дневниках М.А. Булгакова. В работе рассматриваются такие приемы видоизменения устойчивых оборотов, как замена компонента, контаминация, изменение категориального значения оборота, компаративация, образование устойчивых оборотов по существующим в языке моделям, эллипсис, перестановка компонентов фразеологизма и др. Авторами делаются выводы о том, что трансформированные единицы становятся образными символами определенных авторских размышлений, приобретают обобщающий смысл, связанный с основной идеей писателя.

Ключевые слова: *М.А. Булгаков, дневники, фразеологические единицы, приемы преобразования фразеологических единиц.*

Фразеология писем и дневников писателей вызывает особый интерес у исследователей, так как наиболее ярко отражает языковую личность художников слова: дневники и письма отражают вкусы, интересы, взгляды и мировоззрение писателей, характеризуют их творческий метод. При выборе дневниковых записей как источника фразеологического материала важным явился тот факт, что эти записи создаются в процессе общения и размышления автора. Именно тексты дневников, в отличие от текстов художественной литературы, дают возможность исследователю языка изучить фразеологию в речи, в «живом» употреблении. Для анализа модифицированных фразеологизмов мы использовали тексты двух дневников М.А. Булгакова: «Под пятой» и «Мой дневник».

Узуальные фразеологические единицы (далее ФЕ) в дневниках Булгакова занимают значительное место. Употребляются такие обороты, как *видит Бог, один Бог знает, очень может быть, царская водка, волей-неволей, ставить вопрос, выбиваться из колеи, взять за горло, держать себя, изо дня в день, в долгу как в шелку, в душе, злоба дня, заколдованный круг, на худой конец, лезть из кожи вон, частное лицо, без места, в места не столь отдаленные, до мозга костей, как один, Валамова ослица, открыть рот, подать в отставку, полным-полно, с Божьей помощью* (2 употребления), *производить впечатление* (2 употребления), *пьяный как свинья, сесть в калошу, Qui vivre – verra, держать речь, не может быть и речи, с чистым сердцем, ни слуху ни духу, совладать с собой, сойти с ума, потерпеть фиаско, то да се, увидеть свет, гудеть как улей, себе на уме, цены нет, черт его возьми* (3 употребления), *черт знает и др.*

Однако больший интерес с языковой точки зрения представляют преобразованные фразеологические единицы. М.А. Булгаков, как и многие писатели, использовал пластические возможности ФЕ, умело подвергая их творческой обработке, мастерски придавая им иную экспрессивную окраску, усиливая их образность и выразительность. Приведем наиболее показательные примеры из дневниковых записей М.А. Булгакова.

Самым распространенным среди писателей приемом модификации оборотов является **замена компонента** фразеологизма словом или словосочетанием. Его популярность обусловлена неоспоримой наглядностью, так как в результате происходит обновление семантики фразеологизма, её ослабление или интенсификация. Данный прием встречается в тексте дневников писателя либо как самостоятельный способ преобразования ФЕ, либо в комбинации с другими приемами. Пример: «Хлеб белый – 14 миллионов фунтов. Червонцы (банкноты) *ползут в гору* и сегодня 832 миллиона» [См. об этом 1, с. 102]. Ср.: *идти в гору*.

Встречается данный прием также в комбинации с другими способами модификации: «Партийные явились и за это вынесли постановление, что они дают вдвое больше беспартийных <...>, *наплевав*, таким образом, *беспартийным ослам в самую физиономию*» [1, с. 111]. Ср.: *плевать в лицо*. В данном примере наблюдается замена компонента, расширение компонентного состава (беспартийным ослам в самую), морфолого-синтаксическое преобразование (плевать – наплевав), дистантное расположение компонентов.

Достаточно редко М.А. Булгаков использует **прием семантического преобразования оборота**. Этот способ модификации протекает без изменения традиционного лексического состава и структуры фразеологизма. Конечный результат семантического преобразования достигается за счёт определённым образом организованного контекста, например: «Я озабочен вопросом, как устроить так, чтобы в Г<удке> меня *не сдвинули* за время болезни с места» [1, с. 109]. Оборот *сдвинуть с места* имеет значение «заставить кого-либо начать действовать, вывести его из застоя» [4, с. 604]. У Булгакова оборот употребляется в значении «уволить».

Встречается у М.А. Булгакова **контаминация**, определяемая как «объединение частей двух или более ФЕ, в результате которого может возникнуть новая ФЕ» [3, с. 30]. Примеры:

«В ней потеряли два моих фельетона. Возможно, что Кольцов... их забраковал. Я не мог ни найти оригиналы, ни добиться ответа по поводу их. *Махнул в конце концов рукой*» [VIII, 109]. Ср: *махнул рукой* + *в конце концов*. У Булгакова данный тип контаминации проявляется как внедрение между компонентами одного фразеологизма целиком другого (a + cd + b).

«О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет *соскребать накопившуюся грязь со своего имени*» [1, с.113]. В данном случае объединяются два оборота *смыть грязь* + *доброе имя*. Контаминация здесь сопровождается такими приемами, как замена компонента и расширение компонентного состава оборотов.

Нередко писателем используется такой прием, как **дистантное расположение компонентов ФЕ**. Он представляет собой включение в состав фразеологизма слов и/ или словосочетаний, грамматически не связанных с компонентами фразеологизма. У М.А. Булгакова часто в структуру оборота внедряются вводные слова и словосочетания. Примеры: «*Finita*, как говорится, *la comedia*. Интересно было бы знать, сколько времени «Союз социалистических республик» просуществует в таком положении» [1, с. 120].

Достаточно редко наблюдается прием **включения ФЕ в сравнительные обороты**. Такой процесс называется исследователями **компаративацией**: «Хотя я вовсе не претендую на роль ментора, но нужно бы прекратить разговоры в коридоре... рабкоры приезжают... они смотрят на газету *как на святое святых*» [1, с. 121]. Ср.: *святая святых*.

Компаративация может сопровождаться эллипсисом глагола: «В антракте между фокстротными разъездами был взят за горло милыми еврейками по поводу бабьих писем. Сжали, и кругом правы. Я жму в свою очередь, но ни черта, конечно, не сделаю. Ни в коем случае не пришлёт. *Как кол в горле*» [1, с. 135]. Ср.: *Становиться/ стать колом в горле*.

Индивидуально-авторские преобразования, основывающиеся на **изменении категориального значения ФЕ**, или **транспозиция** – перевод фразеологической единицы из одного семантико-грамматического класса в другой [2, 519]. Н.Ф. Шумилов утверждает, что перевод возможен только тогда, если «грамматически опорные слова были соотнесёнными друг с другом семантически... Не может быть соотносительных субстантивных фразеологизмов у глагольных сочетаний, если семантика возможного

отглагольного существительного не соотносительна с семантикой производящего глагола» [5, с. 75]. У Булгакова используется только такая разновидность транспозиции, как образование от глагольной ФЕ субстантивной. ФЕ *сводить счёты* преобразуется у Булгакова в оборот *эпоха сведения счётов* и употребляется в значении «время мщения кому-либо за нанесённые обиды, оскорбления, унижения»: «Когда же я говорил о том, что нынешняя эпоха – это эпоха *сведения счётов*, он сказал с ненавистью: – Чепуху вы говорите...» [1, с. 131].

Прием расширения компонентов ФЕ представляет собой внедрение разнообразных элементов, которые играют роль пояснительных и распространительных слов. В состав устойчивого выражения вводятся слова, являющиеся определением по отношению к именному компоненту ФЕ, управляющиеся глагольным компонентом оборота или примыкающие к нему. Пример: «Лежнёв ведёт переговоры с моей женой, чтобы роман «Белая гвардия» взять у Сабашникова и передать ему. Люба отказала, баба бойкая и расторопная, и я *свалил с своих плеч обузу на её плечи*» [1, с. 133]. Ср.: Сваливать/ свалить с плеч.

Достаточно оригинально используется автором **прием образования ФЕ по существующим в языке моделям**. Структурно-семантическая модель таких оборотов, как *перевёртываться/ перевернуться вверх (кверху) дном, перевёртываться/ перевернуться вверх ногами, перевёртывать/ перевернуть вверх тормашками* интересно преобразуется писателем: «Всё идёт *верхним концом и мордой в грязь*. Вся Москва растеклась в оттепельной грязи, а я целый день тратил на разъезды, приглашая гостей» [1, с. 135]. Художники слова достаточно часто используют модели узуальных ФЕ, при условии сохранения преобразованным оборотом деривационных связей с общезыковым фразеологизмом, чтобы создать новую единицу. При этом семантика оборота может как сохраняться, так и меняться: «Все они настолько считают, что партия безнадежно сыграна, что *бросаются в воду в одежде*» [1, с. 128]. Ср.: *бросаться в омут с головой*.

Интересно реализуется в тексте дневниковых записей писателя прием **сокращения состава ФЕ до одного компонента**. При этом происходит переключение семантики всего оборота на один из его компонентов. Иногда в результате такого приёма образуются так называемые фразеологические осколки. Они бытуют в тексте часто в изменённой грамматической форме, но при этом обладают фразеологическим значением. Пример: «*Соль* не в кошунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. *Соль* в идее, её можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника... Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены» [1, с. 137]. Ср.: *соль земли*. Стоит отметить, что у Булгакова семантика фразеологического осколка *соль* в контексте ещё больше сужается: «самое важное, ценное; суть чего-либо».

Редко используется Булгаковым прием **перестановки компонентов ФЕ**. Пословица *тише едешь, дальше будешь*, употребляющаяся в значении «чем меньше поспешности в чём-либо, тем лучше», преобразуется у Булгакова следующим образом: «Вечером была Л.Л. и говорила, что есть на свете троцкисты. Анекдот: когда Троцкий уезжал, ему сказали: «*Дальше едешь, тише будешь*» [1, с. 137]. Как известно, в 1924 году Троцкого отправили в «отпуск с полным освобождением от всяких обязанностей, на срок не менее 2-х месяцев» [1, с. 115]. Булгаков, отрицательно относившийся к фигуре Троцкого, комментирует этот «отпуск» следующим образом: «Итак, 8-го января 1924 г. Троцкого выставили» [1, с. 115]. Перестановка компонентов фразеологизма привела к тому, что модифицированное выражение стало обозначать: «чем дальше ты уедешь, тем меньше от тебя и твоей деятельности будет вреда».

Таким образом, преобразованные ФЕ становятся образными символами определенных авторских размышлений. В этом случае трансформированные обороты поднимаются на качественно новый уровень, начинают выражать не какие-либо конкретные смыслы в отдельном высказывании, а приобретают обобщающий смысл, связанный с основной идеей писателя.

Список литературы

1. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 8 томах. Т.8. Письма/ Составление, вступ. ст. и коммент. В.В. Петелина. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 605 с.
2. Гак В.Г. Транспозиция// Лингвистический энциклопедический словарь/ [Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 [3] с.
3. Фразеологизмы в русской речи: словарь: ок.1000 единиц/ А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – 2-е изд., стер. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. – 853, [11]с.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц/ А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008, - 878, [2]с.
5. Шумилов Н.Ф. Соотносительные фразеологические обороты в русском языке// Русский язык в школе. – 1975. – №3. – С. 74-77.

10.02.01

В.В. Зубченко

Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков,
кафедра русского языка,
Краснодар, zubchenko.violetta@mail.ru

СОВЕТСКИЕ БАСНИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ САТИРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ЗООМОРФНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

В работе представлены результаты изучения басен советского периода как литературной формы сатирического дискурса в аспекте использования в них образов животных. Отмечено, что в баснях советского периода активно используются разнообразные зооморфизмы, участвующие в осмеянии общественных пороков и негативных свойств личности. Рассмотрена контекстная семантика зооморфного образа собаки в баснях С. Михалкова.

Ключевые слова: *дискурс, сатира, басня, зооморфизм, советский сатирический дискурс.*

В настоящее время наиболее популярным лингвистическим термином, используемым в работах многих исследователей, является термин дискурс, причём обозначаемое им понятие, по-разному интерпретируясь авторами, применяется к продуктам речевой деятельности в самых разных коммуникативных сферах: художественной, политической, научной, спортивной, развлекательной, смеховой и т.д. (см., например, диссертационные исследования О.Л. Михалевой, С.А. Громыко, А.С. Калашовой, Т.М. Грушевой по политическому дискурсу, М.И. Барсуковой, Э.В. Акаевой – по медицинскому, Л.А. Осадчей, Н.В. Федоровой – по художественному и др.).

Среди многочисленных трактовок этого термина наиболее ёмкими остаются характеристики, данные явлению Н. Д. Арутюновой, утверждавшей, что дискурс это не просто текст, а «текст, взятый в событийном аспекте», «дискурс – это речь, "погруженная в жизнь"» [1, с. 136–137]. В этих замечаниях особо ценным, на наш взгляд, является соположение понятий 'речь – текст – дискурс' в их отношении к более широкому понятию 'событие'. Именно как особого рода отклик на событие рождается, по нашему мнению, и смеховой текст.

Проблему смехового дискурса рассматривал известный учёный В. И. Карасик в своей работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс». Развивая мысль Н. Д. Арутюновой применительно к юмористическому дискурсу, автор определяет его как «текст, погружённый в ситуацию смехового общения» [6, с. 252]. По мнению В. И. Карасика, мотивом для такого вида дискурса является «спонтанное юмористическое действие», поскольку юмор понимается им как настроенность участников шутить и смеяться [Там же, с. 253]. При этом ученый различает степень и формы комического и отмечает, что по мере нарастания в дискурсе отрицательной оценочности возрастает и вероятность перехода беззлобного юмора в недружелюбное общение, в сатиру, сарказм, издёвку или розыгрыш [Там же, с. 254].

В. З. Санников в своей книге «Русский язык в зеркале языковой игры» также указывает на неоднородность словесных форм комического в их отношении к изображаемому и сравнивает совокупность этих форм с семьей, где «брат (юмор) добродушно, иногда даже со стыдливой любовью подтрунивает над частным, второстепенным, сёстры же – ирония и сатира – злые насмешницы, отрицающие общее, основное; при этом, если в иронии обидный оттенок ещё несколько скрыт, то сатира бескомпромиссно враждебна к объекту» [12, с. 23]. Автор отмечает континуальность общего пространства комического и вместе с тем дискретность его проявления в отдельных речевых произведениях, поскольку «каждая шутка имеет юмористическую, ироническую или сатирическую направленность» [Там же, с. 23].

В целях определения объекта данного исследования попытаемся уточнить содержание смехового дискурса, именуемого сатирой, в отношении к смежной форме комического, называемой юмором.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова приводятся такие толкования значений этих двух слов: «Юмор – 1. Беззлобно-насмешливое отношение к чему-н. 2. В искусстве: изображение чего-н. в смешном, комическом виде» [9, с. 891]; «Сатира – 1. Обличающая, бичующая ирония. 2. Литературное произведение, обличающее отрицательные явления действительности» [Там же, с. 686]. Как видим, оба слова в их исходных значениях называют разную степень эмоционально-оценочного, а именно насмешливого, отношения субъекта к объекту, тогда как в своих производных значениях они именуют формы произведений искусства, главным образом литературные, т.е. речевые, нацеленные на художественное изображение объекта, заслуживающего такого отношения. Представляется, что слова «сатира» и «юмор» обретают дискурсивную семантику именно в этих вторичных значениях, обозначающих эмоционально-оценочные тексты, обусловленные актуальной жизненной ситуацией и призванные определенным образом воздействовать на изображаемый объект и на читателя. Причём характер этого воздействия различен: в юмористических текстах – это беззлобная шутка, лёгкая насмешка, не пытающаяся задеть или обидеть собеседника, а в сатирических – хлёсткая, «бичующая» ирония, стремящаяся выявить и обличить недостатки, задеть за живое высмеиваемый объект, возможно даже унижить или оскорбить носителя пороков. Понятно, что более или менее сильная степень осмеяния явления действительности, в первую очередь, определяется самим этим явлением и тем, как оно оценивается обществом на том или ином этапе его развития. Меняется окружающий мир, меняется человеческое общество и его отношение к миру, и то, что в одну эпоху представляется неприемлемым и уродливым, в другие времена вызывает лишь лёгкую усмешку.

Социальная обусловленность сатиры показана в Большом энциклопедическом словаре, который, являясь энциклопедическим, в отличие от толковых не объясняет значений слов, а раскрывает содержание понятий. Сатира представлена здесь как способ проявления комического, состоящий в уничтожающем осмеянии явлений, которые представляются автору порочными. Сила сатиры зависит от социальной значимости занимаемой сатириком позиции, от эффективности комических средств (сарказм, ирония, гипербола, гротеск, аллегория, пародия и др.) [4]. В этой дефиниции обращает на себя внимание атрибутивное сочетание «уничтожающее осмеяние», актуализирующее семантику отрицания и разрушения того, что представляется негативным, порочным. На это же свойство сатиры указывает и А. Н. Тепляшина, по мнению которой «... в сатирическом произведении всегда неизменным остаётся одно: безоговорочное отрицание описываемого явления» [15, с. 41].

Специфический механизм сатирического отрицания оговаривается в Литературной энциклопедии терминов и понятий, где сатира показана как вид комического, отличающийся от других видов (юмора, иронии) не только резкостью обличения объекта: «Специфика сатиры не в том, что она вскрывает отрицательные, вредные или позорные явления, но в том, что она всегда осуществляет это средствами особого комического закона, где негодование составляет единство с комическим изобличением, изобличаемое показывается как нормальное, чтобы обнаружить через смешное, что это норма – только видимость, заслоняющая зло» [7]. Из этого следует, что в сатирический текст, чтобы достигнуть своей уничтожающей и уничижающей цели, должен быть заряжен мощной энергией отрицания, которая создается такими изобразительными средствами, как различные виды преувеличения (например, гипербола, гротеск) и образного сравнения (в том числе метафора, аллегория). В. Я. Пропп высказывается по этому поводу так: «Сатирическое обличение – цель, арсенал приёмов достижения комизма – представляет собой средство, орудие, при помощи которого эта цель достигается» [10, с. 156]. Выбор же приемов сатирического изображения действительности, как отмечают исследователи, во многом определяется жанром сатирического текста.

Наджанровый характер сатирического изображения действительности отмечается и в других классических трудах по филологии. Так, по словам М. М. Бахтина, сатира, может пользоваться любым жанром – эпическим, драматическим, лирическим [2, с. 11]. По мнению автора, мы находим сатирическое изображение действительности в различных жанрах от народных до литературных, например, в пословицах и поговорках, песенной лирике, эпических поэмах, в народных анекдотах, эпосе, лирике, новеллах, повестях, романах и т.д. [Там же, с. 12]. И хотя ни один род литературы – ни эпос, ни лирика, ни драма – не отрицает сатиры как художественного средства осмеяния пороков, некоторые литературные жанры считаются наиболее к ней расположенными. В первую очередь это касается басни, эпиграммы, пародии, памфлета и фельетона, которые, согласно авторитетному мнению, «могут существовать только как произведения сатирические» [11, с. 4].

Басня является одним из древнейших жанров литературы, её истоки уходят в глубокую старину народного творчества. Литературной басне так же, как фольклорной, свойственен сюжет, мораль, народный колорит. В словаре литературоведческих терминов представлено следующее определение басни: «краткий рассказ, чаще всего стихотворный, в котором имеется иносказательный смысл. В поучительном басенном сюжете действующими лицами чаще всего являются условные басенные звери» [14, с. 28]. Приведённая дефиниция акцентирует внимание на таких характеристиках басни, как небольшой объём, стихотворная форма, аллегоричный способ изображения, назидательность содержания и частотность использования зооморфизмов.

Под термином «зооморфизм» в научной литературе понимается слово-зооним в его переносном, характеризующем значении. Такие единицы, по мнению исследователей, «относятся к оценочно-экспрессивной метафоре, т.е. к прагматически маркированной лексике, основными функциями которой являются оценочная и воздействующая» [13, с. 5]. Лингвокультурологическая роль зооморфизмов в формировании языковой картины мира определенного социума заключается в том, что «составляя значительный пласт оценочной лексики любого языка», они «отражают особенности разных систем ценностей, значимых для определённого национально-культурного коллектива» [Там же, 6]. Рассматриваемые в коммуникативно-прагматическом аспекте, такие единицы, «будучи направленными на человека, именуют всевозможные признаки, свойства и качества людей с одновременным указанием на лицо» [Там же, 34], и эта семантическая функция делает зооморфизмы благодатным материалом для сатирической литературы, в частности басен.

Образы животных как воплощение человеческих пороков использовались ещё в древней Греции легендарным баснописцем Эзопом, который, «применяя иносказание, в баснях на сюжеты из жизни животных изображал людей» [14, с. 460]. В связи с этим иносказательную речь стали называть «эзоповским языком».

В русской литературе наивысшего расцвета басня достигает в творчестве И. А. Крылова, в основу многих произведений которого были положены сюжеты Эзопа и который также транспонирует отношения людей на мир животных, например, «Ворона и лисица», «Слон и Моська», «Свинья под дубом», «Кукушка и петух», «Змея и овца» и др.

В советский период, когда сатирическая басня, вслед за В.Г. Белинским, признавалась истинным родом поэзии, было принято считать, что «по сравнению с баснями Крылова сатирическая сила советской басни глубже, разностороннее, социально острее», поскольку «в ней даже темы борьбы с так называемыми общечеловеческими недостатками приобретают общественный характер в плане борьбы с пережитками капитализма и воспитания коммунистической морали» [5, с. 8]. Примечательно, что и в советской басне зооморфные образы оставались одним из наиболее распространенных изобразительных средств.

В качестве материала к данной статье нами было проанализировано 298 басен двух самых известных баснописцев советского периода – Демьяна Бедного (121 текст) и Сергея Михалкова (177 текстов), среди которых отобрано 108 басен с зооморфизмами. Всего насчитывается 91 зооморфный образ.

Списочный состав этих зооморфизмов весьма разнообразен: собака (13 басен), осёл (10), лев (10), лиса (10), волк (9), свинья (8), заяц (7), медведь (7), орёл (6), конь (5), кот (5), змея (5), воробей (5), петух (5), слон (4) и т. д.

Обращает на себя внимание существенный количественный перевес зооморфных образов в баснях С. Михалкова по сравнению с баснями Д. Бедного, в которых поэт революции откликался на важнейшие политические события своего времени, на общественные нужды, вёл борьбу за голоса крестьян и рабочих на выборах, осмеивал выступления политических противников, защищал интересы соратников, обсуждал вопросы внешней политики и т.д. Возможно, поэтому в его произведениях более активны образы обычных людей (например, «Мальчик и Прохожий», «Слепой», «Плакальщицы» и др.), мифических героев («Геракл и Плутос», «Гермес»), представителей политики и власти («Мест больше нет», «Завязь» и др.). Кроме того, в качестве действующих лиц Д. Бедный иногда вводит в свои произведения предметы, такие как ложка, кларнет, рожок, дуб и другие (например, басни «Кларнет и Рожок», «Ложка», «Дуб и Клинья»). Что же касается зооморфизмов, то автор использует их традиционную семантику, свойственную фольклорным сказкам, пословицам, поговоркам: лиса символизирует хитрость, заяц – трусость, медведь – силу и власть и т.д. (например, «Ответ», «Лев, Лиса и Олень», «Добряк») [3].

Советский писатель более позднего времени С. Михалков, считавшийся официально признанным баснописцем, в проблематику своих басен вводит порицание традиционного круга общественных пороков и подвергает осмеянию бюрократизм, подхалимаж, пустозвонство, приспособленчество, а кроме них – личные негативные качества: трусость, жадность, лень и т.д. Героями ряда басенных текстов Михалкова также являются люди, предметы, растения (например, «Рождение оды», «Паук и Метла», «Колос и Василёк», «Арбуз», «Гигант и Цитата» и др.) [8, с. 28-36], однако образы животных встречаются в его произведениях этого жанра значительно чаще и семантическое их наполнение более разнообразно. Покажем это на примере зооморфного образа собаки, который не встречается у Д. Бедного, но является наиболее частотным в баснях С. Михалкова.

В басне «Полкан и Шавка» образ Шавки символизирует трусость и предательство: «от страха Шавка вся дрожит», «Не погубите!», «Я показать вам рада, где у реки пасётся стадо». Ему противостоит образ храброго и самоотверженного Полкана: «Я на себя возьму того, что покрупнее», «Вцепился храбрый пёс зубами в волчью шею», «...растерзан был» [8, с. 29-30].

В произведении «Щенок и гадюка» образ щенка олицетворяет доверчивость, неопытность и наивность: «К ней несмышлёный подбежал Щенок», «Так глупенький малыш бесславной смертью пал» [8, с. 167].

Образ пса по кличке Жучок в басне «Жучок и блоха» является воплощением таких негативных черт характера, как сварливость, раздражительность, озлобленность, неуважение, отсутствие самокритики: «Стал грозно лаять, злиться, бросаться на людей», «Чем люди виноваты, что любят блохи тех, которые хвостаты?» [8, с. 177].

Уничижительный образ собаки в басне «Собака и Осёл» изобличает лесть, подхалимаж, угодничество, желание прислуживать, «ходить на задних лапках», «как можно ласковей лизнуть его в лицо» [8, с. 157].

Иной образ молодого пса нарисован в басне «Мираж»: маленький бездомный щенок «искал в любом мальчишке друга», «хвостом ему виляя», «подобострастно лая»; он грезил об ошейнике, цепи, собачьей конуре, когда ж его мечта сбылась, «он тихо стал скулить с утра и до утра». Так неопытность порой ведёт и человека по неверному пути [8, с. 156].

В басне «Большая кость» пёс Волчок отстаивает справедливость и проявляет отвагу, отбивая свою добычу у жадной и наглой вороны: «придя в себя ей вырвал полкрыла» [8, с. 154-155].

В беседе двух псов, изображенной в басне «Руслан и Трезор», мудрый Трезор урезонивает своего недовольного жизнью друга с потухшим взором: «За службу верную ты получил сполна, На выставке медаль, гляди, тебе дана – и не одна!». Смелый и справедливый пёс подсказывает товарищу, чем бы он мог заняться, вместо того чтобы кидаться и рычать на своих: «Ты мог бы опытом с молодняком делиться» [8, с. 153-154].

Басня «Шарик-Бобик» изображает пса, готового за вкусный кусок откликаться на любую кличку, лгнуть к чужой коленке, ему «милее кров и пища, добытые глазами и хвостом». В этом образе баснописец высмеивает «любых мастей и видов тунеядцев» [8, с. 124].

В басне «Пастух и блоха» образ сторожевого пса, погибшего в бою с волками, но защитившего стадо, противопоставлен блохе, олицетворяющей ничтожного юнца, «еще не знавшего жизни, не давшего ничего народу и Отчизне» – так истинное мужество противостоит крикливой никчёмности [8, с. 113-114].

Второстепенная роль Шарика в басне «Ку-ка-ре-ку» состоит в том, что он находит причину вражды двух главных героев – петухов. «Тихий пёс» проявил любознательность и, устанавливая истину, «задал <...> вопрос» [8, с. 88].

В басне «Петух-болтун» пёс также изображен «в массовке», среди других животных – обитателей подворья, разбуженных крикливым петухом. Сонный пёс-лежебока от крика беспокойной птицы «вздрагивал во сне и открывал глаза» [8, с. 87].

Басня «Бешеный пёс» изображает агрессивного, наглого и безнаказанного взбесившегося пса, натворившего немало бед, но не понесшего за них никакого наказания [8, с. 32-33].

Таким образом, можно сделать вывод, что сатирический дискурс является неотъемлемой частью смехового дискурса и, в свою очередь, включает в себя комический и юмористический дискурсы. Басня как исконный жанр литературного сатирического дискурса в советский период сохраняет свойственную ей острую социальную направленность и нацеленность на осмеяние общественных недостатков и пороков личности. Зооморфные образы, будучи ярким изобразительным средством, активно используются советскими баснописцами, хотя и с разной степенью частотности: в более ранних текстах басен Д. Бедного они встречаются реже, чем в басенном творчестве С. Михалкова. В рассмотренных нами баснях этого автора особенно частотным, многоплановым и семантически разнообразным оказывается зооморфный образ собаки, символизирующий не только отрицательные, но и положительные черты личности и особенности поведения человека.

В целом же следует отметить, что советские басни отличаются использованием в них значительного количества как традиционных, так и авторских зооморфизмов, текстовая семантика которых, отражающая часть образной картины мира носителей языка, нуждается в детальном изучении.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-1960 гг. – М.: Русский словари, 1997. – 737 с.
3. Бедный Д. Избранные произведения / Вступ. статья И. Эвентова. – М.: Правда, 1985. – 352 с.
4. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Сатира. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/59588-%D0%A1%D0%90%D0%A2%D0%98%D0%A0%D0%90> (дата обращения: 29.10.2020).
5. Бруева Е.М. Лексика советской басни: Автореф. дис. канд. фил. наук. – Горький, 1952. – 20 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – 800 с.
8. Михалков С.В. Басни. – М.: Художественная литература, 1984. – 190 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 53000 слов. М.: ОНИКС 21 век, Мир и Образование, 2004. – 896 с.
10. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. – 183 с.
11. Русская сатира XIX–начала XX веков / Сост: Л. Плоткин, Н. Тотубалин / вступ. ст. Л. Плоткина. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1960. – 732 с.
12. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
13. Свионтковская С.В. Функции зооморфизмов в формировании прагматического потенциала художественного текста (на материале испанского и английского языков): дис. канд. фил. наук. – Пятигорск, 2000. – 225 с.
14. Словарь литературоведческих терминов / Ред. сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
15. Тепляшина А.Н. Сатирические жанры современной публицистики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. – 95 с.

10.02.01

¹О.Н. Кушнир д-р филол. наук, ²М.В. Тодика канд. ист. наук

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Институт гуманитарных наук,
¹кафедра русской филологии,
²кафедра философии и социально-политических наук,
Сыктывкар, info17275@mail.ru, marina.todika77@mail.ru

НАИМЕНОВАНИЯ ВИДОВ ДОКУМЕНТОВ В АСПЕКТЕ ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В статье поставлен вопрос о терминах – наименованиях видов документов, которые определяют их функциональное назначение. Свойства и функции документов, в том числе способность вызывать юридические последствия, требуют однозначного понимания термина-наименования, из чего следуют требования к структуре и содержанию текста. Место документа конкретного вида (разновидности) в комплексе документов, обеспечивающих определенный процесс, способствует успешности документной коммуникации и позволяет оптимизировать сам процесс.

Ключевые слова: *стандартизация текста, унификация текста, вид документа, документная коммуникация, термин, дефиниция.*

Терминология предметной отрасли остается актуальным предметом прикладных лингвистических исследований, поскольку «развитая, упорядоченная, унифицированная и систематизированная терминология» является «одним из средств рационализации и оптимизации самой профессиональной деятельности» [2, с. 5].

Терминология делопроизводства и архивного дела с 70-х гг. XX века закрепляется в государственных стандартах, и в настоящее время регулируется ГОСТ Р 7.08-2013 [2]. Появление новых терминов связано с введением в отечественную практику международных стандартов, между тем полное или частичное совпадение значений соотносимых терминов, незакрепленность новых терминов в активном употреблении, безусловно, не способствует оптимизации делопроизводственных процессов. Вместе с тем унификация терминологии делопроизводства и архивного дела, проводимая государственными стандартами, имеет неоспоримую практическую значимость.

Для целей нашей работы важно обратиться еще к одному источнику закрепления терминологии исследуемой предметной отрасли – к словарям видов и разновидностей документов, которые можно квалифицировать как толковые и которые, по справедливому мнению исследователей, «предназначены для сохранения национального терминологического источника термина» [3, с. 159].

В 1974 году вышел в свет Краткий словарь видов и разновидностей документов [6] (далее – Словарь–1974), а в 2014 году – Словарь видов и разновидностей современной управленческой документации [7] (далее – Словарь–2014), ориентированный на «установление однозначно понимаемой терминологии для использования ее в нормативных и методических документах, научной и учебной литературе при обозначении видов и разновидностей управленческих документов» [7, с. 3]. Авторы Словаря–2014 квалифицируют термины *вид документа* и *разновидность документа* как обозначения классификационных понятий: первый обозначает «принадлежность документа к определенной группе документов по признаку общности функционального назначения и особенностей оформления», второй – «документы одного вида, различающиеся сферой применения и / или правилами оформления» [7, с 3].

Сравнение содержания анализируемых словарей показывает, что, кроме появления новых терминов в Словаре–2014 (например, *служебный контракт*, *бизнес-план* и др.), исключения неактуальных терминов, зафиксированных в Словаре–1974 (например, *поручение*, *расчетная книжка* и др.), имеют место дублетные наименования (например, *апелляция* (Словарь–1974) – *апелляционная жалоба* (Словарь–2014), *письмо* (Словарь–1974) – *деловое письмо* (Словарь–2014) и др.), а также термины, дефиниции которых совпадают лишь частично (например, *положение*, *бюллетень* и др.) При этом дефиниции терминов – наименований видов документов ориентированы на их функциональное назначение и должны способствовать интенции автора на составление действенного по содержанию документа. С позиции проектирования содержания текста документа мы и предприняли попытку проанализировать установленные дефиниции.

В качестве предмета анализа мы выбрали такие распространенные виды документов, как *положение*, *порядок* и *регламент*, которые относятся к нормативным правовым актам (локальным нормативным актам), или, в терминологии документоведения, – к организационно-правовым документам (см., например, учебные издания: [4,6]).

Распространенность документов видов *положение* и *порядок* можно наглядно подтвердить некоторыми данными. Так, на официальном сайте Минобрнауки за 2019 год и за истекший период 2020 года (до 1 ноября 2020 г.) всего опубликовано 145 документов, квалифицируемых как нормативный правовой акт; из них 19 (13, 10 %) – приказы об утверждении документов вида *положение* (включая приказы о внесении изменений в действующие положения); 43 (29,65 %) – приказы об утверждении документов вида *порядок* (включая приказы о внесении изменений в действующие положения). Показательна и статистика документов, размещенных в обязательном порядке на сайтах вузов; например, на официальном сайте СГУ им. Питирима Сорокина размещены 146 локальных нормативных акта, из них документов вида *положение* – 65 (44,5 %), а документов вида *порядок* – 49 (33,56 %).

Между тем ни в одном из анализируемых словарей не зафиксирован такой вид документа, как *порядок*. Согласимся, что данный термин как наименование вида документа неудачен, поскольку определение ряда терминов – наименований видов и разновидностей документов проводится посредством ключевого слова «порядок»; ср., например, в Словаре–2014 определения терминов *регламент*, *рекомендации*, *дорожная карта*, *план*, *положение* и мн. др. Вместе с тем отсутствие термина в словаре не означает отсутствие самого вида документа, активно применяемого в реальной практике. Добавим, что все три вида анализируемых видов документов указываются в учебной литературе (см., например, классификацию в учебном пособии Л.А. Дорониной [4]) и в ряде научных публикаций (см., например, классификацию по В.Ф. Янковой [9]).

Безусловно, в органах власти и управления, в каждой организации складываются определенные законодательством, а иногда и традицией виды и разновидности документов, отличающиеся в том числе наличием у них юридической силы и (или) юридической значимости. Закрепление дефиниции за каждым таким термином-наименованием позволяет определить его функции в системе документов и в конкретном управленческом процессе. Смещение терминов-наименований провоцирует создание нефункциональных, или «нерабочих» документов. Как показывает практика, так нередко происходит с такими видами документов, как *положение*, *порядок*, *регламент*. Немало способствуют указанной ситуации неоднозначно толкуемые значения терминов.

Покажем для наглядности в таблице соотнесение терминов – наименований видов документов и их дефиниций, представленные в привлеченных к анализу источниках.

Таблица – Сравнение дефиниций терминов – наименований документов

	Словарь–1974	Словарь–2014	Наименования видов документов и их дефиниции (по В.Ф. Янковой)	Наименования видов документов и их дефиниции (по Л.А. Дорониной)
1	2	3	4	5
Положение	1) правовой акт, устанавливающий основные правила организации и деятельности государственных органов, структурных подразделений органа, а также нижестоящих учреждений, организаций и предприятий; 2) свод правил, регулирующих определенную отрасль государственного управления, политической, общественной, культурной или хозяйственной жизни.	1. Нормативный правовой акт, определяющий статус органа власти, организации, структурного подразделения, коллегиального, совещательного, экспертного, методического или иного органа. 2. Нормативный правовой акт, устанавливающий порядок выполнения деятельности (работ) определенного вида.	нормативный документ, определяющий компетенцию, структуру, функции, порядок деятельности организации, структурного подразделения, коллегиального (совещательного) органа, должностного лица.	нормативный акт, имеющий сводный кодификационный характер. <i>Автор учебника выделяет три вида положения: об организации, о структурном подразделении, регламентирующее определенное направление деятельности.</i>
Порядок	нет	нет	нормативный документ, устанавливающий обязательные для исполнения требования в отношении предмета правового регулирования	нормативный правовой акт, регламентирующий определенное направление деятельности отрасли или учреждения.
Регламент	свод правил, определяющих порядок работы учреждения, предприятия (с XVIII в.). <i>Упоминается как «наименование, не употребляющееся в современном делопроизводстве»</i>	нормативный правовой акт, определяющий порядок деятельности органа власти, коллегиального или совещательного органа. <i>Как разновидности регламента закреплены административный, должностной и технический регламенты.</i>	нормативный правовой документ, определяющий порядок деятельности коллегиального (совещательного) органа или порядок (последовательность) осуществления административного или бизнес-процесса, как правило, с указанием последовательности этапов (шагов) и сроков их выполнения.	свод правил, нормативный правовой акт, регулирующий и регламентирующий определенные направления деятельности учреждения, устанавливающий порядок деятельности руководства, коллегиального или совещательного органа.

Как видим, анализируемые виды документов относятся к нормативным правовым (локальным нормативным) актам, которые отличает свойство иерархичности (см., например: [4, 6]). Так, исходя из дефиниций терминов *положение*, *порядок* и *регламент*, представленных в классификациях В.Ф. Янковой и Л.А. Дорониной, данные документы могут полностью или частично совпадать по функциональному назначению (находиться в иерархических отношениях, выполнять одинаковые функции как термины-дубликаты). Такая неоправданная многофункциональность, заложенная в определении указанных терминов – наименований документов, прослеживается и в практике проектирования документов, когда выбор вида документа может быть продиктован исключительно «критерием вкуса» (судя по всему, возродившийся в новой России документ вида *регламент* в некоторых организациях выполняет функции и положения, и порядка, и собственно регламента).

Определение состава документов, особенно относящихся к нормативным правовым актам (локальным нормативным актам), по нашему глубокому убеждению, должно быть основано на однозначном понимании функций конкретных видов документов. При этом частичное, и тем более полное, совпадение функций, фиксированных в дефинициях их наименований, не способствует ни качеству самого документа, ни его строго определенному месту в комплексе разнотипных документов, сопровождающий определенный управленческий процесс.

Список литературы

1. ГОСТ Р 7.0.8-2013. СИБИД. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. – М. : ИПК Издательство стандартов, 2013. – 16 с.
2. Григорян А.А. Терминология современного делопроизводства (исторический, системный и лексикографический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2016. – 285 с.
3. Документоведение: учебник и практикум для вузов / Под ред. Л.А. Дорониной. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 309 с.
4. Кушнерук С.П. Динамика терминологии и её отражение в терминологических стандартах (предметная область «делопроизводство и архивное дело») / С.П. Кушнерук, Н.А. Тюрикова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2015. – № 1 (25). – С. 150–164.
5. Кушнер О.Н. Проектирование систем документации в организации: учеб. пособие / О.Н. Кушнер, М.В. Тодика. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – 164 с.
6. Краткий словарь видов и разновидностей документов. – М.: ВНИИДАД, 1974. – 39 с.
7. Словарь видов и разновидностей современной управленческой документации. – М.: ВНИИДАД, 2014. – 81 с.
8. Янковая В.Ф. Юридическая техника при подготовке локальных нормативных актов организации: виды документов, их назначение, этапы подготовки / В.Ф. Янковая // Современные технологии делопроизводства и документооборота. – 2012. – № 6. – С. 6–16.

10.02.01

Е.В. Меркель д-р филол. наук, Л.А. Яковлева канд. филол. наук

Технический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри,
кафедра филологии,
Нерюнгри, merkel-e@yandex.ru, yakovlyubov@rambler.ru

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЭВЕНКИЙСКИХ ТОПОНИМОВ К СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются основные аспекты взаимодействия принадлежащих к генеалогически разным языковым семьям эвенкийских и исконно русских топонимов на территории Якутии. По итогам исследования описаны модели адаптации эвенкийской топонимии русским языком: определены основные процессы фонетического освоения топонимов эвенкийского происхождения в области гласных и согласных фонем, выявлены словообразовательные модели русификации простых и составных эвенкийских топонимов. Представленный материал о схемах взаимодействия двух топонимических систем позволяет увидеть специфические черты топонимии Якутии.

Ключевые слова: *топоним, фонетическое освоение, грамматико-деривационная адаптация.*

Исторически сложилось, что территория ряда улусов Республики Саха (Якутия), в частности, Усть-Майского, Жиганского, Оленёкского и Булунского улусов, в разные эпохи являлась местом расселения разных этносов, контактировавших друг с другом. В результате этнокультурного взаимодействия сложилась непростая языковая картина, представляющая собой уникальную для исследования область контактирования топонимических систем.

Самой распространенной моделью фонетической адаптации является передача на письме долгих гласных фонем одной графемой (*алакиит – Алакит, муу – Муна, Оручаан – Оручан, тээнди – Тэндиндэ, кондо – Хондоо, Амаркаана – Амархана, Угдаамэ – Угдама, Уки – Уукикиит, Удаа – Уда* и др.)

Наличие противопоставленности гласных фонем эвенкийского языка по краткости / долготе сближает его с фонологической системой якутского языка. В некоторых случаях, на наш взгляд, можно говорить о непрямом заимствовании из эвенкийского, об опосредованном пути через якутский язык. Так, в парах *нича – Ньычаалаах, сивээр – Сиибээрэнэ* в языке-источнике представлен краткий звук, который в топониме заменяется долгим.

Фонетическая адаптация схожих в артикуляционном аспекте фонем описана рядом авторов, в числе которых Л.И. Розова [1], Ф.К. Комаров [2, 3], Т.В. Федотова [4] и др. Например, достаточно частотна замена графемы Э на Е (*Дьэлиндэ – Делинде, Дьээдеһиндэ – Джээджесинде, Бэйэнчимэ – Беенчине, Бирэктэ – Биректе, Ньөкүйэ – Нёкое, Сэтынньа – Сетыння*). В единичном случае происходит обратный процесс: замена Е на Э (*һирикте – Сириктэндэ*); ЭЭ меняется на А (*Эльдикээн – Эльдикан*), Е – на И (*дели – Жилинда*).

Графемы БА, ЙА в русском языке заменяются на Я (*Дьабдьаа – Дябдя, Мокуйа – Мокуя*).

Лабialized эвенкийский звук У заменяется схожими в артикуляционном плане русскими графемами У и Ю (*Үндүлүн – Ундюлюнг, Күн – Кюцы, Күбэйи – Кюбю-Арыта, Ньөкүйэ – Нёкое*). В некоторых случаях можно констатировать обратный процесс замены У на Ю (*Нээку – Нөөкүүлээх, Гулэкээн – Күүлэкээн*). Вероятно, на картах были зафиксированы якутизированные варианты написания топонимов. Дифтонг УО заменяется на О (*буом – Бом*).

Единичны случаи замещения фонем, имеющих разные артикуляционно-акустические характеристики: замена Э на А (*Угдаамэ – Угдама*), замена ЭЭ на ӨӨ (*Нээку – Нөөкүүлээх*).

Кроме того, частотен процесс взаимозаменяемости гласных верхнего подъема: при освоении русским языком происходит замена И на Ы (*бира – Бырахсандьаа, Бырандя, нича – Ньычаалаах, ийа – Ыйаанда, Баргида – Баргыдамаат, майин – Майында*), замена У на Ы (*аамут – Амытты, дāпту – Даапты*). В единичном случае И меняется на УУ (*улукū – Улукуут*).

В области адаптации эвенкийских согласных звуков стоит подробно остановиться на передаче на письме эвенкийского Дь, который передается либо сочетанием ДЖ (*Дьюэдеһиндэ – Джюэджесинде, Дьоло – Джоло́*), либо одной графемой Д (*Дьяанхан – Дянхан, Дьэлиндакаан – Делиндакан, Акандьа – Акандя, Дьороону – Дёроу, Дьүүктэй – Дюктей-Юряге, Дьуннэкээн – Дюннекян, Дьукат – Курунг-Дюкат*), либо заменяется на Ж (*дели – Жилинда, Акандьа – Аканжа, Эдьээн – Эжанцы*). Однако в некоторых случаях следует говорить о полном исчезновении звука (*дьюнэ – Олло-Юнь, Дюкэ – Югоренок*).

Специфичный эвенкийский носовой н передается на письме сочетанием согласных НГ (*кондо – Конгдокан, Үндүлүҥ – Ундюлюнг*), что объясняется артикуляционной природой аффрикаты; в некоторых случаях происходит замена н на Н (*Мундунда – Мундунда, Солондокуут – Солондокуут*), замена н на НН (*суона – Суоннаалаах-Хатырык*).

В большинстве случаев эвенкийский h заменяется на С (*Дьюэдеһиндэ – Джюэджесинде, Кукуһунда – Кукусунда, хирикте – Сириктэндэ*), что говорит о так называемом «секающем» диалекте эвенкийского языка, иногда происходит замена h на Х (*һамун – Хаман, һанди – Ханда*) – пример на «хекающий» диалект.

Губные Б и В заменяются на аналогичные губные М и Б (*коорбээ – Куормакыыт, сивээр – Сиибэрэнэ, сэвэкии – Сэбэкии*).

Заднеязычные согласные также взаимозаменяемы: К меняется на Х (аффикс собирательности -кса – *Бырахсандьаа*, кондо – *Хондоо, Амаркаана – Амархана, хаканан – Хахан*), Г на К (*Гулэкээн – Күүлэкээн*), Ъ на Г (*Буҕар – Бугаарикта*).

Словообразовательную адаптацию топонимов целесообразно рассматривать вкпе с грамматической, так как зачастую приспособление названия географического объекта к словообразовательным моделям русского языка сопровождается грамматическими изменениями. Так, например, первоначальные названия рек *Кыстатыамка* и *Индибирка* не имели в своем составе аффиксальных морфем: *Кыстатыам* [2, с. 302] и *Индибир* [2, с. 93] соответственно. Интеграция эвенкийских гидронимов в русскую топонимическую систему произошла за счет присоединения суффикса -к-, следствием чего стало закрепление родовой принадлежности слов, которые изначально (как все слова эвенкийского языка) такой характеристикой не обладали. Распространенность данного способа адаптации субстратных топонимов позволяет привести в пример другие топонимы, образованные на базе эвенкийских тополексем: *Тунгуска, Эльконка, Эльдиканка, Орочёнка* и т.д.

К суффиксально адаптированным следует отнести также топонимы типа *Ыныкчанский, Оленёкский*, образованные посредством славянского преимущественно топонимического суффикса -ск-. Окончания топообразований коррелируют с грамматическим родом географического объекта: населенный пункт *Ыныкчанский* – м.р., протока *Оленёкская* – ж.р., залив *Оленёкский* – м.р.

Тот же суффикс -ск-, но уже в своей «городаобразующей» функции, выступает в топониме *Жиганск*. Любопытно, что изменение статуса населенного пункта (Жиганск перестал быть городом в 1805 году [5, с. 15]) не отразилось на названии села.

Другая топонимическая модель, где уже в качестве топоформанта выступает суффикс -ц(ы), встречается в ойконимах *Кюпцы, Эжанцы*. Оба топонима – производные от названий эвенкийских родов Күп и Эдьигээн. Присоединение суффикса автоматически относит их к существительным Pluralia Tantum, не имеющим родовой характеристики.

Процесс адаптации эвенкийских топонимов к русской топонимической системе мы наблюдаем и при возникновении сложных названий. Структура данных топонимов двухкомпонентна, она включает в себя стержневое слово эвенкийского происхождения и зависимый атрибутив русского происхождения: *Левая Сахара, Малая Сахара, Верхняя Муна,*

Малый Толус и т.д. В качестве определений выступают имена прилагательные, которые дифференцируют географические объекты по размеру (*Средний Толус*, *Малый Этерикан*), по месту расположения объекта (*Верхняя Муна*, *Правый Чухоной*, *Первая Амнунакта*). Встречаются трехсложные топонимы, включающие два атрибута: *Нижняя Большая Куонда*.

Данная словообразовательная модель относится к числу продуктивных, однако степень её продуктивности в улусах Якутии разнится. Так, в Усть-Майском улусе из 280 собранных топонимов по данной модели образовано всего 10 наименований (3,5%), тогда как в одном из промышленных районов Республики Саха – Нерюнгринском – количество подобных топонимов составляет уже 12,2% (или 30 наименований из 245 топонимов). Этот факт, на наш взгляд, объясняется степенью влияния пришлого русского населения на субстратную топонимическую систему.

Грамматическое оформление первой атрибутивной части анализируемых топонимов обусловлено родом главного компонента, который в свою очередь определяется по таким формальным показателям, как суффикс и/или характер окончания слова/основы. К числу суффиксов, которые предопределяют родовую принадлежность топонима, можно отнести следующие: *-кит-* («место, названное основой») – м.р., *-кан/-кон/-каан-* (уменьшительное значение) – м.р., *-ндя/-нда* (значение увеличения) – ж.р., *-нгра* (названия гор, рек, озер, местностей по характерному для них наличию предмета, названного в основе слова) – ж.р., *-кта* (значение многократности действия) – ж.р.

К словообразовательной модели построения топонимов «русский атрибут + имя существительное эвенкийского происхождения» на первый взгляд можно отнести и топонимы типа *Большая Куонамка*. Однако в данном случае мы имеем дело уже с производным второй ступени процесса словообразования, когда атрибут, безусловно, вторичный по отношению к стержневому слову, присоединяется к уже адаптированному топониму: *Куонам – Куонамка – Большая Куонамка*.

Еще одной иллюстрацией деривационной адаптации следует считать образования с компонентом *усть-* со значением «место впадения одной реки в другую»: *Усть-Мая*, *Усть-Ыныкчан*, *Усть-Миль*, *Усть-Юдома* и др.

В результате исследования адаптации топонимов изучаемого региона были описаны следующие фонетические процессы: в подавляющем большинстве случаев долгие гласные в географических названиях эвенкийского происхождения передаются одним звуком; отсутствующие в русском языке звуки могут заменяться как сходными в артикуляционном плане звуками, так и различными; замена гласных объясняется качественной редукцией звуков; в единичных случаях присутствует чередование с нулем звука.

Словообразовательные средства интеграции эвенкийских топонимов в русскую топонимическую систему выявлены как в односложных топонимах, так и в составных. В простых топонимах адаптация субстратных топонимов происходит за счет топонимических аффиксов *-к(а)*, *-ц(ы)*, *-ск-*. Двусловные топонимы могут включать русский элемент: *атрибутив* с дифференцирующим значением; компонент *усть-*. В большинстве случаев деривационная адаптация сопровождается грамматической: эвенкийские топонимы получают родовую характеристику, становясь полноценными членами русской топонимической системы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00270.

Список литературы

1. Инструкция по передаче на картах эвенкийских географических названий / Сост. Л.И. Розова. 2-е изд. Москва: [б.и.], 1966. 23 с.
2. Словарь географических названий Якутской АССР / Сост. Ф.К. Комаров; Ред. П. П. Барашков. М.: ЦНИИГАиК, 1987. 315 с.
3. Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР / Сост. Ф.К. Комаров. М., 1967. 101 с.
4. Федотова Т.В. Русская топонимия Забайкальского края: формирование, семантика, функционирование. Монография. Новосибирск: Изд-во «Наука». 2010. 242 с.
5. Шадрина М. «Городу иметь герб...» // Жиганский улус: История. Культура. Фольклор / Сост. М.И. Шадрина; Ред. И.И. Николаев. Якутск, 2002. 136 с.

10.02.01

К.А. Окишева канд. филол. наук, А.В. Потанина канд. филол. наук

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра русской и татарской филологии,
Набережные Челны, k.okisheva@mail.ru, apotanina@mail.ru

УРОВНЕВЫЕ ЗАДАНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПАРОНИМОВ

В статье излагаются теоретические основы понятий «дифференцированный подход», «уровневые задания», представлен пример уровневого задания, описываются особенности использования подобных заданий на уроках русского языка с целью изучения паронимичных образований.

Ключевые слова: дифференцированный подход, уровневые задания, паронимы, предметный образовательный результат, диагностика.

Современный урок русского языка в основной школе должен иметь деятельностный, инновационный характер, что предполагает использование новых методов, технологий, приемов обучения. Федеральный государственный образовательный стандарт требует достижения новых образовательных результатов: личностных, метапредметных, предметных. Важной задачей является также обеспечение преемственности обучения между разными уровнями общего образования.

В целом понимание сути предметных образовательных результатов особых затруднений у учителей русского языка не вызывает, так как речь идет о проверке знаний в области предмета. Особое внимание следует уделить диагностике предметных результатов.

Значительный объем учебного материала по разным предметам школьного курса приводит к перегрузке школьников, что снижает их мотивацию к обучению и познавательную активность.

Для десяти-пятнадцатилетних обучающихся характерной психофизической особенностью является осознание себя как личности. Ученик стремится изучать все предметы одинаково хорошо, что является для него достаточно сложным, а иногда недостижимым. Данная проблема обуславливает актуальность представленного исследования, а именно: реализацию дифференцированного подхода на уроках русского языка посредством уровневых заданий.

В данной статье дифференцированное обучение рассматривается как обучение, которое осуществляется не за счет уменьшения объема учебного материала для определенной категории обучающихся, а благодаря различным уровням требований к его усвоению.

Новизна представленного исследования заключается в рассмотрении трехуровневых заданий, основанных на модели «культурного развития», как одного из наиболее универсальных способов диагностики предметных результатов в рамках дифференцированного подхода» [2, с. 33].

Основные положения модели «культурного развития» впервые были описаны в научных трудах Л.С. Выготского [1, с. 200-201]. Учёный выделил три уровня становления культурного способа действия. Рассмотренные Л.С. Выготским уровни обусловлены способами удержания знака как носителя этого способа.

В современных научных исследованиях (Гальперин П.Я., Давыдов В.В., Львовский В.А., Нежнов П.Г., Эльконин Б.Д.) этим уровням дана более точная интерпретация, послужившая теоретической базой для разработки трехуровневых заданий, основанных на модели «культурного развития» и позволяющих определять уровень усвоения учебного материала.

В рассматриваемых заданиях сложность их нарастает от уровня к уровню. Первый уровень условно можно назвать «демонстрация знания по теме», он имеет репродуктивный характер. Второй уровень требует «выявить, обнаружить, сравнить проверяемый учебный материал». Ему свойствен рефлексивный характер. Третий уровень, цель которого «применить новый учебный материал с элементами творчества», носит функциональный характер. На данном уровне обнаруживаются возможности способа действия.

Описываемые задания особенно востребованы при диагностике предметных знаний по темам, вызывающим у обучающихся затруднения. Так, например, изучение паронимов является достаточно сложной темой, что обусловлено лингвистической природой паронимии.

Рассмотрим особенности изучения паронимов в школе. На современном этапе нет единого определения термина «пароним». Следует выделить три направления в плане толкования рассматриваемого термина.

Языковеды А.Н. Гвоздев, О.С. Ахманова, Н.П. Колесников, Ю.С. Степанов и другие понимают под паронимам все созвучные слова, обозначая возможность их окказионального смешения в речи как единственный критерий объединения в паронимичные пары.

Авторы издания «Словарь паронимов современного русского языка» (Ю.А. Бельчиков и М.С. Панюшева) относят к паронимам лексические единицы одной части речи с одинаковым корнем. Ученые отмечают, что большинство паронимов имеет одинаковое ударение.

В определении О.В. Вишняковой паронимы представлены как слова одной части речи, сходные по звучанию, с одинаковым ударением и обозначающие различные понятия.

Таким образом, в отечественном языкознании паронимия не нашла четкого оформления в терминологии. В современном языкознании нет однозначных критериев для разграничения паронимии от синонимии, антонимии и омонимии [3, с. 253].

В действующих учебно-методических комплексах по русскому языку предлагается однозначная трактовка термина «пароним». Паронимы рассматриваются как однокоренные слова, близкие по написанию и звучанию, но различные по значению.

При изучении паронимов обучающемуся необходимо научиться разграничивать паронимы, синонимы, антонимы и омонимы.

Большое внимание при освоении темы «Паронимы» уделяется случаям ошибочного употребления паронимичных образований, что приводит к речевым ошибкам. Например, однокоренные слова *боязно* и *боязливо* в русском языке имеют сходное значение, но имеют разный контекст употребления: *Идти одному по ночному городу боязно* (страшно). *Он боязливо* (с опаской, со страхом) *приоткрыл дверь*.

Достаточно большое число паронимичных образований является производными словами. Опираясь на словообразовательную структуру, можно выделить следующие типы паронимичных образований. Суффиксальные: *лиричный* (настроение) // *лирический* (герой), *обезлесеть* // *обезлесить*; префиксальные (приставочные): *надеть* // *одеть*, *оплатить* // *заплатить*; корневые: *клёв* // *клюв*, *невежа* // *невежда*; флективные: *цвета* // *цветы*, *зубы* // *зубья*.

Итак, степень освоенности учебного материала по представленным выше аспектам темы «Паронимы» целесообразно диагностировать с помощью трехуровневых заданий.

Рассмотрим трехуровневое задание, позволяющее проконтролировать степень освоения следующего предметного результата: умение правильно употреблять однокоренные сходнозвучные слова.

I. Выпишите слово, которое соответствует лексическому значению.

1. «необразованный, малосведущий человек»: а) *невежа*, б) *невежда*.
2. «минувший, прошлый»: а) *бывший*, б) *былой*.
3. «многолетний, давний»: а) *вековой*, б) *вечный*.
4. «относящийся к неприятелю, врагу, противнику»: а) *враждебный*, б) *вражеский*.
5. «прибыль, доход, извлекаемый из чего-либо, польза»: а) *выгода*, б) *выгодность*.
6. «обеспеченный»: а) *гарантийный*, б) *гарантированный*.
7. «выражающий доверие»: а) *доверительный*, б) *доверчивый*.
8. «относящийся к жилищу»: а) *жилищный*, б) *жилой*.

II. Выберите подходящее по смыслу слово.

1. (Остатки, останки) корабля обнаружены на дне моря. 2. Его желания (несоизмеримы, несоразмерны) с его возможностями. 3. На этой неделе ему было сказано много (обидчивых, обидных) слов. 4. Сегодня в школе (рыбий, рыбный) день. 5. У братьев (разные, различные) взгляды на жизнь. 6. Детский сад находился в (бедном, бедственном) положении. 7. В магазине большой ассортимент (луковичных, луковых) растений. 8. (Умный, умственный) труд требует большого эмоционального напряжения.

III. Устраните ошибки, связанные с употреблением паронимов.

1. Мой друг в последние годы всегда находился в подвешном состоянии. 2. Школьники медленно осваивали языковой материал. 3. Его бабушка – человек практический, она умеет экономить. 4. Девочка смотрела на нас с виновным видом. 5. Дома нас ждал сытый ужин. 6. Они купили квартиры в одном доме, но на различных этажах. 7. В долине он заметил небольшой земельный холм. 8. Огромные долги заставляли его влачить жалкое существование.

Итак, в представленном задании уровень сложности нарастает от уровня к уровню. Первый уровень условно можно назвать «демонстрация знания лексического значения паронимов». Второй уровень – «демонстрация умения использовать сочетательные возможности паронимов». Третий уровень – «применить новый учебный материал в контексте».

Таким образом, успех в достижении предметного образовательного результата во многом зависит от правильной диагностики. Задания, направленные на выявление уровня освоения учебного материала, имеют свою специфику, которую необходимо учитывать в образовательном процессе.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Лекции по психологии. Мышление и речь. М.: Изд-во Юрайт, 2020. 432 с.
2. Нежнов П.Г., Карданов Е.Ю., Эльконин Б.Д. Оценка результатов школьного образования: структурный подход // Вопросы образования. 2011. № 1. С. 26-43.
3. Потанина А.В. Русско-немецкие паронимы в словообразовательном и культурно-историческом аспекте // Вестник Чувашского университета им. И.Н. Ульянова. Серия Гуманитарные науки. Чебоксары: Изд-во Чувашский ун-т, 2006. №3 С. 253-262.

10.02.01

О.О. Петрова канд. филол. наук

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Калуга, poks1990@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОННОТАТИВНОЙ МЕТОНИМИИ

В статье рассматриваются вопросы коннотативной лексической метонимии на материале имен существительных. Отмечается, что коннотативная лексическая метонимия в сравнении с коннотативной метафорой явление менее частотное. Однако такого рода вторичные значения можно отметить как на языковом уровне, так и в индивидуально-авторском употреблении. В статье теоретические положения иллюстрируются данными толковых словарей, примерами из художественных и публицистических текстов.

Ключевые слова: семантика, вторичное значение, метонимия, коннотация, оценка.

Коннотация в современной лингвистике понимается по-разному:

а) «... В лингвистике коннотацией обычно называют некий второстепенный компонент лексического значения, чаще всего – субъективно-оценочный или экспрессивно-эмоциональный...» [5: 199];

б) коннотация как дополнительная лексическая семантика значения слова, не входящая в толкование лексемы: [8; 1; 5].

Последний подход задан работой «А.В. Исаченко, который... применяет термин коннотация не к тому или иному компоненту рассматриваемого слова, а к некоему отдельному значению того же слова, промежуточному между прямым... и переносным... [5: 200].

«Лексическая коннотация лексической единицы L есть некоторая характеристика, которую L приписывают своему референту и которая не входит в ее толкование» [там же: 196].

В нашей статье рассматривается именно лексическая коннотативная метонимия на материале имен существительных.

С термином «коннотативная метафора» мы встречаемся довольно часто в пособиях или статьях, посвященных лексической семантике.

«Коннотативное» метонимическое значение обычно может сопровождаться стилистической пометой. Однако оно не рассматривается как лексическая коннотативная метонимия. И это закономерно: коннотативная лексическая метонимия как языковое и как индивидуально-авторское явление нечастое.

Тем не менее, лексическая коннотативная метонимия существует.

Ср.: *Чёрный*, -ого, м. (чаще мн. чёрные). Уничиж. (презр.) разг.-сниж. О людях с темным, смуглом цветом кожи; о кавказцах или о выходцах из некоторых азиатских стран. –... Там у входа толпа этих *черных* (Р. Солнцев. Очи синие...) [7: 707].

А.Н. Ерёмин в нелитературных подъязыках выделяет метонимическую модель 'типичная национальная еда' → 'характеристика человека как представителя национальности' [3: 164].

Такую оценочную метонимию мы также можем считать коннотативной.

Чебурек. Жрр., шутл.-ирон., пренебр. Житель Кавказа. [6: 665].

– *Ах, чебурки, чебурки, чебурки*, дремучий, словно лес, базарный вы народ (Группа «Воровайки»).

В словаре В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной отмечено 4 значения у слова *совок*: 1) 'советский государственный строй', 2) 'советский человек', 3) 'что-либо, пронизанное советской идеологией', 4) 'сторонник коммунистического государственного строя' [6: 564].

С нашей точки зрения, эти значения – прежде всего лексическая причинно-следственная метонимия модели: *совок*: 'инструмент для деятельности, не требующей высокой или вообще какой-либо квалификации' → 'носитель низовой культуры как продукт неквалифицированного малооплачиваемого труда'.

Формальная мимикрия: «*совок* – *Советский Союз*» не отменяет коннотативной причинно-следственной метонимии у слова *совок*.

— Мне не нравится то, что сейчас, я не в восторге. Но и в «*совок*» не хочу. Не рвусь в прошлое. К сожалению, хорошего ничего не могу вспомнить. [Светлана Алексиевич. *Время second-hand* // «Дружба народов», 2013].

— Почему? – снова спросил Степаха и сам же наставительно ответил:

— Да потому, что ты голимый *совок*. [Андрей Волос. *Недвижимость* (2000) // «Новый Мир», 2001].

— «Ярь»: чем он отличается от «Советского»?

— Всем! Беда старых ресторанов сегодня — это *совок*. Они как воровали, так и продолжают воровать. [Инна РУДЕНКО. Директор ресторана «Ярь» Валерий Максимов: Мы предложили бы Пушкину его любимый суп из ревеня и малины // *Комсомольская правда*, 2001.04.02]

— Москве не верьте... К нам приезжают и сразу: ну, это *совок*. Люди живут очень бедно даже по российским меркам. Ругают богатых, злятся на всех. [Светлана Алексиевич. *Время second-hand* // «Дружба народов», 2013]

Ср. также у В.С. Елистратова: *Аки*. Академические театры Москвы (вероятно, шутливо-пренебрежительно (В. Шершеневич и др.).

Берлин. Разновидность крылатой четырехместной коляски с откидным верхом. *Берлин* был изобретен в Германии...[2: 21; 54]

Ср. также в современной публицистике: *айфон* 'продвинутая молодежь', *шансон* 'неразвитая, малокультурная молодежь' и под.

—.... Например, люди очень жалуются, что им тяжело жить в одной стране с «быдлом» или, корректнее, им некомфортно в среде русского простонародья, думающего и живущего иначе, нежели праздная и творческая, толерантная, ироничная городская молодёжь, которая даже и не в полном смысле русская, а скорее «граждане мира». В общем, мы мучительно долго наблюдаем то, что двумя годами раньше назвали «конфликтом *айфона* и *шансона*». [sputnikpogrom.com. Национализация креативного класса // *Комсомольская правда*, 2014.05.16].

Ср. также у И. Северянина:

Мы обокрадены своей эпохой,
Искусство променявшей на *фокстрот*.

Но как бы ни было нам плохо,
В нас то, чего другим не достаёт.

Бальмонту

В приведённом примере можно отметить оценочную коннотативную метонимию: *фокстрот* – 'низкопробное искусство' (обозначение по смежности социокультурного символа).

Ср. также примеры:

Им эти собрания уже не были интересны. Нашими посетителями были преимущественно серые массы: по профессии лавочники, приказчики, ремесленники, мелкие служащие и чиновники; по одежде *чуйка*, *армяк*, *кафтан*, *пиджак без галстука*. С благодарностью вспоминаю этих скромных людей, сидевших в первых рядах, приходивших задолго до начала собрания, не уходивших до самого конца и слушавших всё время с напряженным вниманием. Эти люди впервые слыхали о вопросах, о которых мы говорили; приходили

послушать, поучиться и после подумать между собой обсудить. [В.А. Маклаков. Из воспоминаний (1954)].

В приведённом примере можно отметить модель коннотативной метонимии 'название одежды' → 'социальный статус'.

– И когда, наконец, говоришь им, что жители Донбасса, приветствовав сепаратистов, имели украинские паспорта, следовательно, они, а не россияне, в первую очередь виноваты в войне, нам снова отвечают: «Ну какие же это украинцы? Это, мол, *ватники*, быдло, плесень нации...» Украинская мыслящая элита и себя, и страну видит сложно. [Анастасия Миронова. Бахтин и украинская революция. О том, как важно не расчеловечивать образ соседа // Новая газета, 2017.01.30].

Модель коннотативной метонимии 'название одежды' → 'социокультурный статус'.

Таким образом, в современном русском языке можно отметить не только коннотативную метафору, но и, хотя значительно реже, коннотативную лексическую метонимию.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. — Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М., 1995. — 472 с.
2. Елистратов В.С. Язык старой Москвы: лингвоэнциклопедический словарь: Около 4 000 единиц. — М.: Русские словари, 1997. — 704 с.
3. Ерёмин А.Н. Метафора, метонимия в отношении к оценке // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. — М.: МГОУ, 2012. — С. 163-166.
4. Ерёмин А.Н. Метафора. Метонимия. Оценка // // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Международной научной конференции (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.). — Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. — С. 74-77.
5. Иорданская, Л.Н., Мельчук, И.А. Коннотация в лингвистической семантике // Л.П.Иорданская, И.А.Мельчук. Wiener Slawistischer Almanach. 1980. — Bd. 6. S. 191-210.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии.— СПб: Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.
7. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. — Норинт, 2004. — 768 с.
8. Isačenko A.V. (1972). Figurative meaning, derivation, and semantic features. In: Worth (ed.), *The Slavik Word*. The Hague – Paris: Mouton, 76 - 91

10.02.01

¹В.В. Радченко канд. филол. наук, ²И.М. Гаврильева

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,
филологический факультет,
divinor@mail.ru, gavrileva.i@mail.ru

ХАРАКТЕР ОЦЕНОК В ТЕКСТАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В данной статье рассматривается характер оценок в текстах, ставших объектом лингвистической экспертизы. На материале публицистического дискурса выявляются характер и способы выражения оценочности как проявления языковой личности в конфликтном тексте, основные функции оценочности в спорных текстах.

Ключевые слова: *конфликтный текст, спорный текст, лингвистическая экспертиза, оценочность, характер оценок.*

Лингвистическая экспертиза - это прикладная отрасль в сфере экспертологии, основанная на пересечении лингвистики и права. Это процедура, основанная на изучении языковых и речевых единиц как в устных, так и письменных текстах в области уголовного и гражданского права, судебного производства и административных правонарушений.

По своему содержанию лингвистическая экспертиза - это исследование продуктов речевой деятельности. По форме - это знание лингвистом языковых явлений, зафиксированное в устной консультации или в письменном документе. Письменный документ - заключение эксперта-лингвиста - обычно содержит три основных раздела: вопросы, поставленные перед экспертом, исследовательская часть и выводы.

Объектом экспертизы являются продукты речевой деятельности, которые могут фиксироваться в прямых и косвенных источниках информации.

Задачами лингвистической экспертизы является прояснение, интерпретация языковых единиц, представленных к судебному разбирательству. Исследование текста проводится с целью определения смысловой направленности, выразительности языковых единиц, модальности пропорций, особенностей стилистических приемов и используемых средств [1, с.67].

Данная отрасль успешно развивается в России в последние десятилетия и складывается в отдельную прикладную дисциплину. Теоретическая и методологическая база данной отрасли отражена в работах таких отечественных лингвистов, как М.В. Горбаневский, А.Н. Баранов, Т.В. Чернышова, И.А. Стернин, К.И. Бринев и др.

Целью данного исследования является выявление характера оценок в текстах лингвистической экспертизы, что обусловило предмет исследования, а именно оценочные слова и выражения, функционирующие в текстах лингвистической экспертизы.

Оценочность - одно из главных качеств публицистического произведения, от которого зависит отношение автора к выбранной теме. Стоит отметить, что это свойство массовой коммуникации присутствует в любой форме публицистического текста, поскольку оно выражает лежащий в основе семантический смысл, роль автора. Оценочность проявляется в сравнении разных примеров действительности, в сравнении типов героев и в выводах [3, с.363].

Оценочность может быть открытой или скрытой.

Открытая оценочность - это ярко выраженная в публицистическом тексте авторская позиция. Она предполагает прямое обращение к действующим силам, вызывающим рефлексию автора, различие между «плохим» и «хорошим».

Скрытая оценочность – это умелое манипулирование словом, создание необходимого подтекста, проявляется в современной публицистике, когда важно навести адресата на самостоятельные выводы, соответствующие авторскому замыслу.

Оценка в языке связана с понятием нормы, которая распространяется на позитивные оценки. Положительная оценка подразумевает соответствие норме, а отрицательная – отклонение от нормы, или же несоответствие того или явления или процесса всем требованиям нормы [4, с. 157].

Необходимо отметить, что в целом современная публицистика избегает прямых оценочных выводов. Открытому выражению эмоций и оценок журналисты предпочитают опосредованное воздействие на адресата – через отбор фактов и их качественную характеристику.

Оценка (положительная или отрицательная), как правило, не навязывается прямо, а опосредованно внушается аудитории. Восприятие этой оценки происходит у массового читателя/слушателя/зрителя на суггестивном, эмоциональном уровне.

Материалом нашего исследования послужил текст статьи Светланы Дылевской «“ХАБАРИЗАЦИЯ” ВСЕЙ СТРАНЫ. ЧАСТЬ 2», редактора бюллетеня Internews-Казахстан, № 23 (117) за 2001 г. [Режим доступа: <http://old.internews.kz/rus/bulletin/117/page01.htm>], ставший предметом судебного разбирательства и лингвистической экспертизы, отраженной в сборнике под редакцией М.В. Горбаневского «Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации» [5].

Анализ материала показал, что публицистическая статья «Хабаризация» всей страны» содержит достаточно много оценочного материала.

Рассмотрим отдельные средства выражения оценочности в тексте, которые привлекли наше внимание.

1) Метафоры, которые призваны создать у адресата яркий, зримый образ. Например: *«Звездный час» ЗАО «Агентства «Хабар» настал летом 1998 года»*. В данном предложении словосочетание «Звездный час» употребляется в переносном смысле и имеет значение момента наивысшего подъема, напряжения и испытания. Данное словосочетание содержит в себе не только метафору, но и иронию. Безусловно, данное словосочетание несет в себе оценку отрицательного характера, подчеркивая момент наивысшего обогащения компании неправомерными методами.

2) Ирония. Как мы уже отметили, ирония в публицистическом тексте нередко тесно переплетается с метафорой. Сама по себе ирония является средством не прямой оценки. Например: *«Уже тогда не стоило обольщаться по поводу «скромных» аппетитов РГП «Хабар»*. Вместо слова «больших» автор использует слово «скромных», более нейтральную лексику. Лексема «скромных» представляет собой скрытую оценку отрицательного характера.

3) Фразеологизмы. В словах Дариги Назарбаевой, которая дала интервью редакции, мы видим скрытую оценочность положительного характера, выраженную фразеологизмом *«Львиную долю своих обещаний мы выполнили и не зря «тратим» деньги налогоплательщиков»*. Фразеологизм «львиная доля» означает неизмеримо большая, лучшая часть чего-либо, полученная по праву.

Также находим фразеологизм «тайна за семью печатями». Данный фразеологизм обозначает нечто недоступное пониманию. *«К сожалению, вопрос о реальных владельцах крупнейших казахстанских СМИ остается тайной за семью печатями»* представляет собой опосредованно выраженную скрытую оценку отрицательного характера.

Надо отметить, что помимо скрытой оценки, в статье содержится и открытая оценка. Например, в предложении *«Все было мудро рассчитано и подсчитано - ЗАО «Евразия-ОРТ» имело хорошую прибыль от рекламы»* содержится открытая оценка отрицательного характера.

4) Эвфемизмы. Эвфемизация – это замена слов и выражений, представляющихся говорящему грубыми или неприличными на эмоционально-нейтральные синонимы. В данном тексте автор пишет: «*Хабар*» имеет очень странный статус». Выражение «очень странный» можно отнести в эвфемистическим. Функции эвфемизмов в спорных текстах публицистики связаны с проблемой речевого манипулирования, часто путем подмены негативного денотата положительно выраженной лексемой или целым словосочетанием/выражением.

Как показал материал, спорные тексты, фигурирующие в СМИ и ставшие объектом судебно-лингвистической экспертизы, содержат большой процент оценочных средств, позволяющих ярко передавать авторскую позицию в тексте. Однако при проведении лингвистической экспертизы чрезвычайно важно различать языковую информацию в форме суждений фактологического характера и оценочных суждений, а также фактическую информацию от субъективного мнения автора. Оценка, оценочное суждение – суждение, содержащее субъективное мнение в определенной форме. Оценочность в конфликтном тексте носит, как правило, негативный характер, выражена оценками открытого и закрытого типа. Способы выражения оценочности разнообразны: от прямой эксплицитной оценки, до скрытой иронии, эвфемизации.

Таким образом, оценочность в текстах лингвистической экспертизы позволяет языковой личности ярко проявлять себя в публицистическом дискурсе, и отражает особое, индивидуальное видение, которое выражается в мировоззрении автора.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Наука, 2007.
2. Крюкова Е.А., Крыжановская Л.А. Методические рекомендации по лингвистической экспертизе. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 40 с.
3. СЕМ – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998.
4. Фомина Ю.А. Аспекты изучения языковой оценки // Вестник ЧелГУ. 2007. № 20. С. 154-161.
5. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Галерея, 2002. — 424 с.

10.02.01

П.Е. Топорков канд. филол. наук

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного,
Калуга, ptoporkovnewnew@yandex.ru

ИМЕНА СОСТОЯНИЙ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДИКАТИВА КАК КЛАССА СЛОВ

В статье рассматривается проблема т.н. «имён состояний» в контексте грамматической системы русского языка, а также в сопоставительном и историческом аспекте. Проблема имён состояний анализируется в связи с теорией предикатива как класса слов. Приведены семантические и грамматические характеристики данной группы, в том числе особенности употребления в конструкциях с детерминантами.

Ключевые слова: *предикатив, имена состояний, состояние, безличность, грамматическая трансформация.*

Наряду со словообразовательно и грамматически маркированными словами категории состояния в ряде языков отмечены имена состояний, в грамматической характеристике которых отмечаются колебания.

Ю.С. Степанов употребляет сочетание «имя состояния» (именно так, в кавычках) при анализе предложений типа *В комнате холод*, отмечая, что «...схема *В комнате холод* – не первичная, а трансформированная из схемы *В комнате холодно*, и имя *холод* является здесь не первичным конкретным существительным, а «именем состояния» - трансформом предиката *холодно*» [2: 175].

Феномен имён состояний имеет и более широкий синтаксический контекст, связанный со статусом и структурным наполнением класса назывных предложений, многие из которых семантически близки безличным конструкциям с опорным словом – безличным предикативом, ср. *холод ~ холодно*; на улице *ночь ~ на улице темно*.

Ср. также пример из языка художественной литературы: *Двадцатый месяц войны! Сегодня — холод...* [В. В. Вишневский. Дневники военных лет (1943-1945)].

Отчасти феномен имён состояния имеет и лексико-семантический характер: грамматические модификации, приводимые ниже, характерны для таких ЛСГ, как «состояния среды – погодные явления», «психофизиологические состояния», в том числе «болезни». Отмечены фразеологизованные метонимические единицы, грамматически обособленные в качестве предикативных (в разных референтных группах). Такие единицы характерны для разговорной речи и не фиксируются словарями, однако сама схема такого метонимического переноса/ эллипсиса достаточно частотна.

Ср. обозначение психофизиологических состояний: *горло, голова*.

А Рекс никогда не отойдёт от вещей! А у меня *горло! Горло!... Горло*. И *голова*. Без мозгов. [Леонид Гайдай, Морис Слободской, Яков Костюковский. Операция Ы и другие приключения Шурика, к/ф (1965)].

Существительные – имена состояний рассматривались в контексте изучения явлений переходности в области частей речи, в частности, в рамках явления т.н. предикативации, см. [3]. В случае предикативации речь идёт о грамматическом обособлении: утрате или модификации тех или иных грамматических значений – падежа, конкретности/неконкретности, а также об особенностях синтаксической сочетаемости, в том числе возможность/ невозможность употребления с детерминантами различной семантики. В случае с оценочными именами состояний семантика словоформы изначально накладывает

ограничения на реализацию некоторых грамматических значений (редукция падежной парадигмы, ср. *кайф*, *облом* – преимущественно употребление формы И.п.). При этом роль синтаксического критерия (в частности, употребление с субъектным и локальным детерминантом) в семантическом обособлении таких словоформ возрастает.

Так, по данным НКРЯ, употребление имени состояния *бардак* фиксируется с локальным детерминантом в абсолютном большинстве случаев.

— По утрам *здесь* жуткий *бардак*, — сказала Галина. [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)]

В польском языке также отмечаются случаи употребления оценочных имён как имён состояний (в т.ч. с объектно-ограничительными детерминантами).

Ср. также: *Smokał z zachwytu, ale gdy otworzył kopertę z biletami, wpadł w irytację: "Do Tunezji?! To obciach. Tam się już nie jeździ. Tam już było pół Polski".* [Zbigniew Górniak. *Siostra i byk* (2009)] – Оценочное имя при контекстуальном «субъекте» (оценка факта/ ситуации).

Ktoś załatwił dwa tankowce pepekiem wojsk lądowych. Ależ obciach dla marynarki, co? [Artur Baniewicz. *Drzymalski przeciw Rzeczypospolitej* (2004)] – оценочное имя/ имя состояния с объектно-ограничительным детерминантом (ср. русск. *Это позор/ Позор* мне).

Имена состояний отмечены не только в языках с безличными конструкциями. В языках, допускающих только (или в абсолютном большинстве случаев) двусоставность, отмечено лексико-грамматическое обособление класса слов или значений, реализующих семантику состояния в специфическом синтаксическом контексте. Такое обособление может вызывать необходимость лексикографического комментария.

Ср. в учебном словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary [4]: *Murder 2. (informal) used to describe sth that is difficult or unpleasant: It's **murder** trying to get to the airport at this time of day. It was **murder** (= very busy and unpleasant) in the office today.* Ко второму примеру дано пояснение во избежание двусмысленности.

Второе употребление сопровождается пояснением во избежание двусмысленности толкования (имя состояния/ имя – обозначение факта).

Типология значений

А. Состояния среды

В этой группе отмечаются имена состояний природной среды обстановки, ср. рус. *бардак*, *дубак*, польск. *wypizg*, *sztynk* и др. Они обособлены как семантически, так и грамматически, формы косвенных падежей отмечены крайне редко.

Ср.: В кабинете — полнейший бардак, в котором он один может разобраться. [Сати Спивакова. *Не всё* (2002)]

Сближение таких имён состояний с собственно категорией состояния может быть синтаксически маркировано, например, включением в синонимические ряды со словами категории состояния, имеющими характерные морфологические показатели.

Ср.: В камерах *грязь*, *вонь* и холодно: работает вентиляция [<http://www.andersval.nl/publikatsii/473-proza/rasskaz/9601-zima-na-moskovskoj-plodoovoshchno-j-baze>]

Б. Оценочные состояния / социальные состояния

Двойственность морфологической характеристики имён состояний отражается и в особенностях синтаксического поведения. В большинстве случаев такие единицы употребительны в конструкциях с опущенным глаголом (даже при характерном для языка сохранении глагола-связки в конструкциях наст. вр.); при восстановлении глагола в формах наст./буд. вр. такие конструкции прочитываются как номинативные или безличные.

Ср. польск. конструкции типа *Ale kwas! Ale dupa! Ale obciach! Ale wiocha* и др.

Jego kolega Andrzej Stasik dodaje, że ludzie w Zakopanem nie głodują, roboty, owszem jest, ale bieda co odłoży się z tego [Miasto cały czas się kurczy. *Gazeta Krakowska* (2007-03-12)]

В. Переходные случаи (оценочные имена → имена состояний).

Смена денотативной зоны оценки (лицо/предмет – состояние) обуславливает переход оценочных имён (т.е. единиц, изначально тяготеющих к предикатной позиции) в имена состояний. Такое изменение в семантической структуре маркируется синтаксически (переход двусоставных конструкций в синкретичные/безличные).

Ср. польск. *paździerz*.

Andrzej to wszystko było żałosne. Głupie. Beznadziejne. Totalny *paździerz*. [Radosław Figura Teraz albo nigdy! Seria II Odcinek 03 (16) (2008)].

Ср. также: франц. жарг. *vache* - корова: 1. Полицейский (сущ.) 2. Чёрт! (междометие) [5].

Имена состояний и формы существования национального языка

Сфера употребления имён состояний – как правило, нелитературные формы языка. Активные процессы заимствования и освоения заимствований порождают явления, отражающие именно грамматические законы языка: в таких случаях семантика состояния (в ряде случаев и безличность) развивается, например, в русском языке на основе иноязычного корня – даже в случае заимствования из языка, не тяготеющего к безличности.

Освоение такой лексемы как тяготеющей к безличному употреблению или употреблению в двусоставной конструкции может быть связано с грамматическим и словообразовательным освоением в языке-реципиенте.

Ср.: *Кайф!* – оценочное состояние (безличное/ двусоставное) – Мне *кайфово* (безличное).

Таким образом, имена состояний функционируют, с одной стороны, как явления синтаксического порядка: предложения с такими именами часто являются трансформами соответствующих безличных конструкций. С другой стороны, налицо развитие лексико-семантического своеобразия подобных обозначений. Как отмечают А.Н. Ерёмин и О.О. Петрова, «Большинство слов (производных и непроизводных) как модели толкования — потенциально открытые семантические структуры» [1:15]. В ряде случаев происходит метонимический сдвиг в семантике существительного: компонент семантики состояния отмечен как в случаях с оценочными именами типа *позор*, *красота*, так и у единиц типа *ночь*, *холод*, *весна*. Метонимический сдвиг в таких случаях может совмещаться с метафорическим, ср. У меня на душе *весна*. Анализ этих и многих других примеров создаёт основания для детального рассмотрения имён состояний в рамках класса предикативов.

Список литературы

1. Ерёмин А.Н., Петрова О.О. Метонимия в поэзии А.С. Пушкина, И.В. Северянина, С. Черного, В.В. Маяковского, В.С. Высоцкого, И.А. Бродского. Учебное пособие. Калуга, 2020.
2. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. М., 1981
3. Шигуров В.В. Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: Теория транспозиционной грамматики русского языка. - М. : Наука, 2016.
4. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Seventh edition. Oxford University Press, 2005.
5. L'argot avec Bob, l'autre trésor de la langue (Электронный ресурс: <https://www.languefrancaise.net/Bob/Introduction>).

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

¹В.Е. Глызина канд. филол. наук, ²Н.Е. Горская канд. психол. наук,
³А.В. Федорюк канд. филол. наук

¹ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков,

²ЧОУ ВО «Восточно-Сибирский институт экономики и права»,
кафедра лингвистики,

³ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,

Иркутск, vecotd@yandex.ru, Natgo2012@yandex.ru, Fedoryuk@rambler.ru

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье исследуются фразеологические интенсификаторы (ФИ), их функционально-прагматические и знаковые особенности. Обосновывается актуальность представленной темы, обусловленная интересом к проблеме категории интенсивности и средств ее выражения во фразеологии. Подчеркивается отсутствие среди лингвистов единого понимания понятия «интенсивность». Доказано, что главная роль в организации связи между ФИ и фразеологическим контекстом принадлежит иллокутивной силе, которая способна связать ФИ и контекст в смысловое единство.

Ключевые слова: интенсивность, экспрессивность, фразеологические интенсификаторы, прагматический аспект, фразеологический контекст.

В диссертационных исследованиях последних лет можно проследить тенденцию к изучению категории интенсивности и средств ее выражения в языке. Несмотря на множество научных работ, посвященных данной проблеме, среди лингвистов не существует единого мнения в понимании термина «интенсивность». Туранский И.И. и Шейгал Е.И. опираются на концепцию соотносённости понятия интенсивности и количества [11],[12], Сергеева Е.Н. и Галкина-Федорук Е.М. интерпретируют интенсивность в контексте экспрессивности, усматривая между этими категориями некие инклюзивные отношения, и определяют экспрессивность как способ передачи определенной степени интенсивности [4], [9]. По мнению И.И.Туранского эти понятия связывают ингерентные отношения, поскольку экспрессивность речи характеризуется качеством, а интенсивность имеет количественную характеристику, данные категории, являясь внутрilingвистическими, в своём единстве способны создать эффект выразительности высказывания, усиливая тем самым, воздействие на того, кому это сообщение адресовано [11]. Шейгал Е.И. высказывает иную точку зрения на соотношение экспрессивности и интенсивности, и считает, что эти категории связывают не инклюзивные, а причинно-следственные отношения, поскольку интенсивность является признаком признака, а экспрессивность определяется как признак, свойство высказывания [12]. Интенсивность в языке можно выразить различными средствами, которые представлены такими уровнеобразующими дисциплинами как: фонетика, морфология, лексикология и синтаксис. В данной статье речь пойдет о фразеологических средствах выражения интенсивности, а именно о фразеологических интенсификаторах (далее ФИ).

Поскольку ФИ являются в первую очередь знаками выражения, то в процессе экспрессивного переосмысления их компоненты полностью утрачивают свои буквальные значения, вследствие чего ФЕ приобретают целостное интенсифицирующее значение, например: like a shot, like lightning – очень быстро, мгновенно, моментально; as anything, as

blazes, as hell, as all get out – адски, дьявольски, чертовски; as they come, as they make them – чрезвычайно, исключительно. Наше исследование посвящено изучению прагматических особенностей ФИ в процессе коммуникации [8]. Актуальность данного исследования заключается не только в недостаточной изученности проблемы, интерес также представляют наблюдения над участниками коммуникации, которые в моменты эмоционального всплеска используют в речи ФИ. Следует отметить, что в последнее десятилетие наблюдается интерес к исследованиям эмоций и вербальных средств их выражения [5], [6].

Основой нашего исследования является принцип антропоцентризма, согласно которому, основным фактором, регламентирующим развитие и функционирование идиоматики, следует считать человеческий фактор в языке [1]. Для успешного осуществления межкультурной коммуникации очень важно понимать образ мышления другого народа, особенности его картины мира [2], [7], [13], [14].

Проведенный нами комплексный анализ показал, что большинство ФИ проявляют полную знаковость как в системе языка, так и в дискурсе, а формирование значения ФИ происходит за счёт развития тех знаковых функций, которые воспроизводятся благодаря внутренним семиологическим процессам. Ведущим аспектом развития ФИ как фраземного знака является прагматический аспект, материальным выражением которого в дискурсе является совокупная иллокутивная сила контекста ФИ. Это позволяет рассматривать данные идиомы в дискурсе как знаки иллокуции, знаки, которые служат для указания на то, с какой иллокутивной силой должно соединяться понимание пропозиционального содержания высказывания.

Исследование функционально-прагматического аспекта ФИ показало, что речевые акты, содержащие в своем составе ФИ, представляют выражение интенциональности говорящего на протяжении всего дискурса. Таким образом, фразеологический контекст и ФИ можно назвать «узлами» выражения интенциональности сознания говорящего, что позволило сформулировать тезис о наличии связи ФИ и фразеологического контекста. В настоящее время существует ряд исследований относительно данного феномена в таких аспектах, как семантический и синтаксический. Учёные, изучающие фразеологию, пришли к выводу, что ФИ усиливают семантику только тех частей речи, с которыми тесно связаны синтаксически, например, с глаголом, наречием, прилагательным [10].

Исследуя ФИ и фразеологический контекст в прагматическом аспекте, мы выяснили, что главная роль в организации связи между ФИ и фразеологическим контекстом принадлежит иллокутивной силе, которая способна связать ФИ и контекст в смысловое единство. Контекст играет ту важнейшую роль, которая обеспечивает связь единичного с всеобщим, «личного» с «общественным», способствуя уменьшению энтропии ФИ как иррациональной единицы языка. Анализируя примеры использования ФИ в дискурсе, мы также пришли к выводу о том, что употребление ФИ может определяться и порождаться интенциональным состоянием говорящего, что говорит о тесной связи интенсивности с интенциональностью.

Таким образом, можно говорить о том, что человеческий фактор играет важнейшую роль в языке; особенно четко это прослеживается при исследовании ФИ. Исследование функционально-прагматических аспектов ФИ также показало единство основных моментов, которые составляют основу антропологической парадигмы, а именно, исследование того, как функционирует язык в жизни человека и как отображается жизнь человека в языке.

Учитывая вышеизложенное, важно отметить, что необходимо расширять рамки фразеологической теории в области фразеологии, применяя не только классическую структуралистскую и постструктуралистскую фразеологические теории. Полученные нами результаты расширяют знания о фразеологическом составе языка, теории дискурса, психо- и социолингвистики. Междисциплинарные исследования в области фразеологии позволяют изучать такие вопросы, как использование языка человека в речи относительно его коммуникативных интенций. Это является следующим шагом для исследования языкового фактора в человеке, исследование того, как окружающая картина мира влияет на человека, определяя его языковое сознание и культурно-национальное самосознание в целом.

Список литературы

1. *Бареева Н.С.* Когнитивный антропоцентризм в условиях формирования эпохи антропоцена (на материале терминов когнитивного подхода в лингвистике) // Велес.– Киев, Издательство: Громадська Організація "Фундація Економічних Ініціатив", 2019. № 8-2 (74). – С. 79-93.
2. *Бареева Н.С.* Когнитивный аспект контраргументации // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета – Иркутск, Издательство ИГЛУ, 2012. Т. 1. № 17. – С. 83-90.
3. *Болотов В.И.* Основы эмотивной стилистики текста. – Ташкент: Изд-во "Фан", 1981. – 116 с.
4. *Галкина-Федорук Е.М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Сб. ст. по языкознанию: Профессору МГУ акад. В.В.Виноградову. – М., Наука, 1958. – С.103–124.
5. *Егорова М.А.* Эмоции с отрицательной валентностью и их влияние на жизнь человека //Фундаментальные и прикладные научные исследования. Сборник статей международной научно-практической конференции. – Москва, Издательство «РИО Эфир», 2015. – С. 133-134.
6. *Костюшкина Г.М., Егорова З.В.* Категоризация эмоций в русском языковом сознании // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – Якутск. Издательство: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2017. № 5 (61). С. 99-107.
7. *Костюшкина Г.М., Колмогорова А.В.* Когнитивный механизм речевой коммуникации. Коллективная монография. – Иркутск, Издательство Иркутский государственный лингвистический университет, 2014. – С. 9-54.
8. *Кравченко А.В.* Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка // Прямая и не прямая коммуникация. – Саратов, 2003. – С. 27-39.
9. *Сергеева Е.Н.* Степени интенсивности качества и их выражение в английском языке: Автореф. дис. . канд. филол. наук: 10.02.04. – Москва, МГПИ им. В.И.Ленина, 1967. – 24 с.
10. *Телия В.Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – Москва: Высшая школа, 1991. – С.36-67.
11. *Туранский И.И.* Семантическая категория интенсивности в английском языке. – Москва: Высшая школа, 1999. – 172 с.
12. *Шейгал Е.И.* Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук. – М., 1981. – 226с.
13. *Универсальук Е.А.* Фразеологизмы-антропонимы в итальянском, английском и русском языках как результат когнитивной деятельности членов языкового коллектива // Инновационная наука. 2016. № 3-3. – С. 191-195.
14. *Универсальук Е.А.* Фразеологизмы-антропонимы в итальянском языке и их семантические эквиваленты в английском и русском // Гуманитарный трактат. 2017. № 10. – С. 64-65.

10.02.04

¹В.Е. Глызина канд. филол. наук, ²И.В. Пашаева канд. филол. наук¹ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков,²ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
кафедра иностранных языков № 2,
Иркутск, vecotd@yandex.ru, pashaeva@istu.edu

УСТОЙЧИВОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ЗАВЕРШЕННОСТИ СЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В статье рассматривается устойчивость фразеологических интенсификаторов в рамках семиологических процессов, а также подтверждается стабильность единства формы и содержания, предполагая их точную воспроизводимость. Представлены различные точки зрения исследователей на данную проблему. Делается вывод о том, что воспроизводить устойчивые единицы лексикона является более экономно, в отличие от выстраивания их каждый раз заново во время коммуникации.

Ключевые слова: фразеологическая интенсификация, устойчивость, фразеологическая единица, воспроизводимость, язык, речь.

Проблема категории интенсивности фразеологических единиц давно привлекает внимание исследователей. Несмотря на большое количество научных работ на материале различных языков, данная проблема остаётся недостаточно изученной [1], [2], [3] и др. Актуальным остаётся изучение такого вопроса, как устойчивость фразеологизмов, без разработки которого, не представляется возможным определить границы фразеологии и её становления как лингвистической дисциплины.

В данной статье представлены результаты исследования устойчивости фразеологических интенсификаторов (далее ФИ) в речи. Мы придерживаемся точки зрения А. В. Кунина, который считает, что устойчивость и обусловленная ею воспроизводимость, охватывает все аспекты структуры фразеологических интенсификаторов. С точки зрения А.В.Кунина, фразеологизмы воспроизводятся в готовом виде в силу того, что являются устойчивыми образованиями, которые можно рассматривать как перифразы: как устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением; как раздельнооформленную единицу языка с полностью или частично переосмысленным значением [4]. Из этого следует, что фразеологизмы можно сопоставить со словами и объединить их в единый состав с лексико-фразеологическим фондом языка. Они наделены более высокой степенью устойчивости, в сравнении с другими клишированными сочетаниями слов, которые обладают меньшей устойчивостью, такими как публицистические штампы, «крылатые выражения», расхожие цитаты, некоторые «перлы» бытовой риторики, многочисленные составные наименования. Это говорит о детерминации фразеологизмов целым комплексом мощных факторов, а именно: устойчивостью употребления; устойчивостью на структурно-семантическом уровне; устойчивостью полностью или частично переосмысленного значения; устойчивостью лексического состава; синтаксической устойчивостью [5], [6], [7], [8], [9].

Устойчивость и воспроизводимость неразрывно взаимосвязаны с точки зрения их функциональности. Память носителей языка сохраняет и воспроизводит стабильность единства формы и содержания фразеологизмов. Учитывая это, мы рассматриваем устойчивость фразеологических интенсификаторов на уровне воспроизводимости как проявление относительной завершенности семиологических процессов, протекающих в ФИ,

начиная с его первоупотребления. В ряде научных работ, исследователи рассматривают устойчивость как фиксированное словосочетание, которое имеет широкое употребление в речи [10], [11]. Выделяя в устойчивости два аспекта (структурный аспект и аспект узуальный), они представляют устойчивость как некие отдельные параметры, такие как ограничения на образование вариантов; регулярность vs. дефектность парадигмы и наличие vs., отсутствие синтаксической проницаемости. Анализ показывает, что у большинства фразеологических интенсификаторов обнаружены ограничения на образование вариантов или устойчивость лексического состава. Варианты выявлены лишь у некоторых ФИ, например: *like a clock – like one o'clock* или *like clockwork* – охотно, точно, пунктуально, очень быстро; *I'll eat my hat* или *I'll eat my boots* – голову даю на отсечение, как пить дать ...; *like a house on fire* или *like a house afire* – очень быстро. Важным, на наш взгляд, является резюме ведущих отечественных лингвистов (В.В. Виноградова, Н.Н. Амосовой, А.Г. Назарян, В.М. Мокиенко и многие другие), относительно того, что фразеологическая единица в своём составе имеет как минимум три категориальных признака: раздельнооформленность, переосмысленность, устойчивость. Таким образом, фразеологическая устойчивость представляется нам неким объемом инвариантности, который свойственен различным аспектам фразеологических единиц, обуславливающий их воспроизводимость в готовом виде и тождество при всех узуальных и окказиональных изменениях. Данное определение позволяет нам сделать вывод, что устойчивость фразеологизмов – это динамическое явление, дающее возможность рассматривать различные степени устойчивости.

Динамика устойчивости фразеологических единиц проявляется не только в том, что можно выделить различные её степени, но и в увеличении или уменьшении объема инвариантности, где увеличение – это способ становления фразеологической единицы, уменьшение – это способ дефразеологизации. Следует отметить, что необходимо также учитывать различные типы устойчивости (идиоматическая, идиофразеоматическая и фразеоматическая). Рассматривая свободные словосочетания, мы видим, что в них допускаются различные синтаксические изменения, которые видоизменяют их синтаксическую форму или окружение. Например, к таким трансформациям можно отнести введение определения к существительному, введение отрицания в глагольное словосочетание, образование придаточного определительного, относящегося к одному из компонентов словосочетания, образование пассива. Что касается фразеологических интенсификаторов, то они оказываются непрозрачными для этих видоизменений. Им свойственна высокая степень синтаксической устойчивости, проявляющаяся в константном порядке компонентов фразеологических интенсификаторов. Также необходимо отметить, что анализ нашего исследования показал, наличие дистантного расположения компонентов фразеологических интенсификаторов. Однако в этих примерах такие случаи ограничены лишь единичными вклиниваниями, которые, в свою очередь, являются основным признаком раздельнооформленности ФИ. К основным единичным признакам раздельнооформленности ФЕ относятся три вида структурно – семантических преобразований: вклинивание, замена и разрыв. Анализ позволил нам выявить несколько таких случаев вклинивания. Как указывает А.В.Кунин, вклинивание можно считать важнейшим признаком раздельнооформленности ФЕ, поскольку наделён способностью некоторых их компонентов вступать в синтаксические отношения с различными переменными элементами (Кунин 1996). Рассмотрим примеры: 1. «*Evelyn and Dandy were going round in perfect harmony, the pony's little legs going like oiled clockwork*» (Ch. Dickens, цит. по АРФ С). 2. «*At it they went like five hundred houses on fire*» (OED, vol.IV, p.241). 3. «*It was as late as all hell*» (J. Wain «Strike the Father Dead», p. 70). Вклинивание таких компонентов, как *oiled* в ФИ *like clockwork*; *five hundred houses* в ФИ *like a house on fire*, *all* в ФИ *as hell* указывает на то, что компоненты ФИ являются словами, которые не лишились своих лексических значений и используются в речи путем сочетания с переменными элементами. Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что фразеологические

интенсификаторы в сравнении со свободными словесными комплексами, характеризуются максимальной степенью фразеологической устойчивости, основными критериями которой являются: устойчивость употребления; устойчивость лексического состава; морфологическая устойчивость, проявляющаяся в наличии у ФИ компонентов с нулевой или неполной парадигмой. Также отличие фразеологических интенсификаторов от свободных сочетаний заключается их воспроизводимости в готовом виде. То, что хранится в памяти носителей языка, является стабильным единством формы и содержания, предполагая точную воспроизводимость. Выражение, ставшее по каким-либо причинам единицей словаря, является единым целым, не допускающее поэлементной обработки. Использовать в коммуникации данные выражения как устойчивые единицы лексикона является более экономным, чем воспроизводить их заново каждый раз в речи. Использовать в коммуникации данные выражения как устойчивые единицы лексикона является более экономным, чем воспроизводить их заново каждый раз в речи.

Список литературы

1. *Универсальюк Е.А.* Фразеологизмы-антропонимы в итальянском, английском и русском языках как результат когнитивной деятельности членов языкового коллектива. *Инновационная наука.* 2016. № 3-3. С. 191-195.
2. *Универсальюк Е.А.* Фразеологизмы-антропонимы в итальянском языке и их семантические эквиваленты в английском и русском. *Гуманитарный трактат.* 2017. № 10. С. 64-65.
3. *Литовкина А.М., Ван С.* Семантика фразеологизмов с местоименным компонентом в русском и китайском языке. *Вестник Международного института экономики и лингвистики ИГУ. Серия: Восточные языки.* 2013. № 5. С. 109-114.
4. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. Для ин-тов и фак. Иностр. яз. – 2-е изд., перераб./ А.В.Кунин. – М.: Высшая школа, Дубна: Изд. Центр “Феникс”, 1996. – 381 с.
5. *Боброва Е.А.* Концептуальная метафора как средство категоризации окружающей действительности на примере метафоры движения по пути. *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права).* 2013. № 3. С. 28
6. *Семёнова О.Я.* Аргументирующая функция паремических единиц. В сборнике: Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности. Материалы X Всероссийской научной конференции. 2018. С. 143-148.
7. *Егорова М.А.* Речевые стратегии в тактике и их роль в процессе диалогического общения. В сборнике: Современные концепции развития науки. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. 2015. С. 69-71
8. *Костюшкина Г.М. Егорова З.В.* Категоризация эмоция в русском языковом сознании. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.* 2017. № 5 (61). С. 99-107.
9. *Егорова М.А.* Эмоции с отрицательной валентностью и их влияние на жизнь человека. Фундаментальные и прикладные научные исследования Сборник статей международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Шайбаков Риф Насибуллович. 2015. С. 133-134.
10. *Бареева Н.С., Галимова А.Р.* Этико-речевая компетенция в аспекте эколингвистических исследований медиаречи. *Global and Regional Research.* 2020. Т. 2. № 2. С. 507-514.
11. *Добровольский Д.О.* Идиоматика в тезаурусе языковой личности / Д.О.Добровольский, Ю.Н.Караулов // *Вопросы языкознания.* – 1993. – № 2. – С. 5-15.

10.02.04

Ю.А. Джураева

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков,
кафедра фонетики и лексики английского языка,
Москва, anemonesiren@gmail.com

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ КИНОДИСКУРСОВ

В статье исследуются различные подходы к классификации кинодискурсов. Рассматриваются критерии, по которым классифицируют кинематографический кинодискурс. Выявляются достоинства и недостатки каждого подхода. Отдельное внимание уделяется классификации кинодискурса с точки зрения лингвистики.

Ключевые слова: *кинодискурс, кинодиалог, жанр кинодискурса, фоностиль, стиль речи, направление кинодискурса.*

Кинодискурс, согласно определению А.Н. Зарецкой, представляет собой «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, такими как креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем)» [3, с. 8].

Исследователи, в том числе и лингвисты, неоднократно предпринимали попытки создать классификацию кинодискурсов, которая была бы удобна и в то же время имела практическую ценность при проведении анализа кинофильмов. При этом основной проблемой для ученых представлялось то, что кинодискурс сам по себе являлся своеобразным «вместилищем» для разных видов дискурса.

Согласно исследованию Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой, в кинематографе существуют два направления «реалистическое», которое соотносится с документальным кино (неигровым кинодискурсом), и «зрелищное», которое соотносится с художественным (игровым кинодискурсом) [7, с. 37]. В отдельную категорию Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова относят анимационные кинофильмы. Приведенная выше классификация, по их мнению, удобна в повседневном использовании, а также может использоваться киноведами, которые обращают внимание на такие характеристики кинофильма, как формат, наличие звука, количество серий и др. [7, с. 39].

Другие ученые предлагают еще несколько критериев деления кинодискурса. В частности, Д. Бордуэлл предложил группировать фильмы по времени или стране создания, по режиссеру, исполняющему главную роль актеру, продюсеру, автору сценария, студии, технологическим особенностям, циклу (цикл о «падших» женщинах), по серии (фильмы о Джеймсе Бонде), по стилю, по структуре, по предполагаемой аудитории, по сюжету или главной теме [8, с.148].

Отдельного внимания заслуживает жанровая классификация кино. В.А. Кухаренко в своей работе указывает, что «жанр» может определяться по-разному, например, «как кодифицированная организационная форма использования языка как функционально-структурный тип воплощения темы, как обобщенная модель типового текста, как стандартизованный тип отбора и организации внеязыковых фактов и языковых средств и т. д.» [5, с. 84]. Сама же лингвист рассматривает его как «парадигму текстов, обладающих общностью ряда композиционно-языковых характеристик, а каждый отдельный текст

соответствующего жанра – как составляющую этой парадигмы» [5, с. 84]. Всего таких парадигм она выделяет три: жанровую, функционально-стилевую и индивидуально-авторскую.

Стоит отметить, что жанровая классификация для киноведа имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Определенные жанры предполагают определенную целевую аудиторию, что связано с рентабельностью производства. Сценаристы кинофильмов, как правило, используют систему жанров и поджанров, в основе которой лежат различия в темах, сеттинге (времени и месте действия), ролях, событиях и ценностях. Данная система насчитывает 25 различных категорий, каждая из которых сопровождается кратким описанием [6, с. 49]. Важной особенностью этого деления является то, что автор учитывает, что один и тот же фильм может относиться сразу к нескольким жанрам и прописывает возможные их сочетания.

Разные исследователи, например, Э.Г. Амашкевич, А.В. Трепакова, Г.Г. Слышкин и др., приводят свои списки жанров, расширяя и детализируя уже существующие классификации. Среди них встречаются такие жанры как трагедия, комедия, вестерн, мюзикл, боевик, фильм ужасов и другие. Однако, жанровая классификация имеет и множество недостатков. Основной проблемой является то, что число жанров постоянно растет и меняется. Существующая на практике система киножанров во многом непоследовательна, ни один из приведенных списков не представляет собой строгой системы. Более того, существует много жанров и «субжанров», для которых не существует наименования, а один и тот же фильм может принадлежать к разным жанрам в разное время и в разных странах [10, с. 1]. С. Козлофф отмечает, что изменения происходят не только в системе жанров, но и в самих параметрах, по которым они выделяются, что зависит не только от развития кинематографа, но и от идеологических и теоретических установок исследователей [12, с. 138].

А.Л. Казин в своей книге также поднимает вопрос о жанровой классификации кинодискурсов и предпринимает попытку соотнести ее с жанровой классификацией в других типах искусства, таких как литература и изобразительное искусство. По его мнению, жанрообразующие свойства киноязыка тесно связаны с типом создаваемых в кино образных моделей [4, с. 10]. Однако, он приходит к выводу, что термин жанр не может быть в полной мере применен к кинофильмам из-за их многогранности и сочетания сразу нескольких видов искусства. Приведенное А.Л. Казиним определение киножанра носит исключительно формальный характер. «Жанр – это избирательная модель действительности, представляющая всё многообразие ее сторон в рамках (в горизонте) какой-либо одной из них, т.е. берущая жизнь в ее дифференциальном смысловом пределе» [4, с. 17]. В этом определении подчеркивается, что следование определенному жанру предполагает отражение на экране всех характеристик «предфильмовой действительности», в том числе и социокультурных «архетипов», и форм бытовой действительности. Это привязывает наличие тех или иных жанров к эпохе кинематографа, в рамках которой проводится исследование.

Итак, как мы убедились, с одной стороны жанровая классификация действительно помогает создать некоторую систему видов кинодискурса, которая может применяться в разных сферах. С другой стороны, понятие жанра достаточно абстрактно само по себе, из-за чего классификация по данному признаку также имеет расплывчатые границы. Кроме того, один и тот же кинофильм может сочетать в себе сразу несколько жанров.

Более простое и четкое деление кинодискурсов на типы предлагается на сайте “No Film School” в статье, посвященной теории кино. По мнению автора статьи Джейсона Хеллермана, фильмы можно разделить на три направления: реализм, классика и формализм. К реализму автор относит фильмы, близкие к документальным, которые демонстрируют реальность «без прикрас». При производстве таких фильмов применяется минимальный монтаж, а на роли, как правило, приглашают малоизвестных актеров. Классическое кино занимает нишу между реализмом и формализмом. Оно все еще показывает реальность, но несет в себе творческие элементы. В данном типе кино по-прежнему используется небольшое количество спецэффектов, но некоторые сцены при этом могут сниматься в

студии с использованием специального освещения для создания атмосферы. К таким фильмам автор статьи относит, например, «Крестный отец», «В центре внимания», а также большинство ТВ-драм. Работая над фильмами, относящимися к формализму, режиссеры сосредотачиваются на создании новой реальности. К этому течению можно отнести супергеройские фильмы, фильмы в жанре научной фантастики и фэнтези. В этих фильмах широко применяются монтаж и спецэффекты для того, чтобы «стереть иллюзию реальности» [11].

Тем не менее, если рассматривать кинодискурс с лингвистической точки зрения, стоит заострить внимание на особенностях киноязыка в разных видах кинодискурса. Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова предложили лингвосемантическую классификацию, основанную на типе преобладающих в кинодискурсе изобразительных знаков и доминирующем стиле речи. В документальном кино преобладают индексальные знаки, которые представляют собой отражение на экране реально существующих объектов [7, с. 40]. В художественном кинодискурсе отмечается преобладание иконических знаков в его визуальной части, которые представляют собой «имитацию объекта».

Характеризуя понятие стиля, Е.В. Великая рассматривает его как совокупность множества значений, например, как принятую в обществе разновидность языка, систему языковых средств и идей, характерных для того или иного вида литературного произведения, общепринятую норму речи, индивидуальную манеру речи говорящего и характер формирования мысли в процессе общения [3, с. 8]. Е.В. Великая также разграничивает стили языка и стили речи, подчеркивая, что в речь также входят различные индивидуальные особенности и отклонения от норм языка [3, с. 9]. При этом, стили речи различаются между собой не только концентрацией специфичных языковых средств, но и разной степенью повторяемости этих средств и определенной последовательностью их употребления в той или иной сфере общения, что создает неповторимую окраску каждого речевого стиля.

Проблема отражения особенностей того или иного стиля в художественном дискурсе поднимается уже на уровне языка, как и проблема существования самого художественного стиля в целом. И.Р. Гальперин, Р.А. Будагов, Б.Н. Головин, М.Н. Кожина считают, что художественный стиль отличается от других стилей особой эстетической функцией, а также характерной лексикой, хотя процент ее употребления, как и в любом другом стиле, невысок. Другая группа ученых (В.В. Одинцов, Д.Н. Шмелев, В.Д. Левин, О.А. Крылова, М.Я. Блох) полагают, что язык художественных произведений является смесью из других стилей языка, и автор берет различные языковые средства из других стилей, а значит в этом стиле «представлен весь сложный спектр строевых разновидностей языка в фрагментах, преломленных конкретными задачами каждого отдельного художественного произведения» [1, с. 254].

Возвращаясь к проблеме классификации стилей речи в соотношении с жанрами кино, стоит заметить, что Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова полагают, что речь в кино «обычно не ограничивается одним стилем, однако черты включенных стилей не противоречат основным, функциональный стиль сохраняет целостность» [7, с. 40]. В документальном кино преобладает научный стиль речи, для которого характерны логичное и однозначное выражение мысли, а также использование понятий, суждений и умозаключений. Звуковой ряд, как правило, в значительной степени дублирует видеоряд. Также в документальном кино используется публицистический стиль речи, основными функциями которого является передача информации и воздействие на аудиторию. Этому стилю свойственны оценочность, декларативность, доступность и рекламность, а также документально-фактологическая точность предоставляемой информации. Помимо этого, в документальном кино преобладает закадровая речь [7, с. 41]. В художественном стиле используется множество стилевых средств, объединенных эстетической функцией. Речь персонажей принадлежит к разговорному стилю, который нередко включает в себя такие внелитературные средства, как просторечия, жаргоны, диалекты и прочие приемы, недопустимые в документальном кино. Тем не менее, для кино живая речь персонажей тщательно отбирается и обрабатывается в

ходе создания сценария, то есть является стилизованной.

Многие западные исследователи выступают против причисления речи в кино к разговорному стилю. С. Козлофф считает, что самой главной характеристикой кинодиалога является то, что он никогда не бывает реалистичным, так как создан для зрителя. Несмотря на использование сленга и местных диалектов, кинодиалог, по мнению ученого, всегда «тщательно отредактирован, слишком сбалансирован ритмически, слишком изыскан» [12, с. 25]. Схожей точки зрения придерживается К. Бубель, который считает, что некоторым жанрам, например, вестерну, традиционна присуща искусственность, т.е. такое диалог, будучи предъявленным носителю языка, будет опознан им как «придуманный», «люди так не говорят» [9, с. 43]. Такое разнообразие точек зрения по поводу проявления различных стилей речи в разных сферах жизни (в том числе в кино) связано с их изменчивостью, так как характерные признаки того или иного стиля во многом зависят от исследуемого периода развития языка. Более того, в живой разговорной речи стили находятся в тесном взаимодействии, взаимно проникают друг в друга и переплетаются.

В целом, мы можем установить, что на данный момент не существует единого подхода к классификации кинодискурсов, в силу того, что данный тип дискурса представляет собой сложное многоплановое явление, сочетающее в себе черты нескольких видов искусства. Каждый из рассмотренных подходов имеет как недостатки, так и достоинства, знания о которых могут быть полезны в научной работе. Таким образом, в зависимости от цели проводимого исследования возможно использовать как отдельный вид классификации, так и комплексный многоаспектный подход к анализу кинодискурса.

Список литературы

1. Блох М.Я. Послесловие: Идеи ученого в ретроспективе и перспективе [Текст] / М. Я. Блох // И. Р. Гальперин. Избранные труды. М.: Высшая школа, 2005. – С. 251-254.
2. Великая Е.В. Просодия в стилиевой дифференциации языка. Монография. М.: «Прометей» МПГУ, 2009. – 256 с.
3. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Челябинск, 2010. – 22 с.
4. Казин А. Кинематографический образ и жанр // Актуальные проблемы теории киножанров : сборник статей. - Ленинград : ЛПИТМИК , 1982. – С. 5-17.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». — 2-е изд., перераб.— М.: Просвещение, 1988.— 192 с.
6. Макки Р. История на миллион долларов: Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только / Роберт Макки; Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2008. – 456 с.
7. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа. М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
8. Bordwell, D. Making Meaning: Inference and Rhetoric in the Interpretation of Cinema [Text] / D. Bordwell. – Cambridge: Harvard University Press, 1991. – 352 p.
9. Bubl, C. The linguistic construction of character relations in TV drama : Doing friendship in Sex and the City [Text] / C. Bubl. – Saarbrücken : Universitaet des Saarlandes, 2006. – 294 p.
10. Chandler, D. An Introduction to Genre Theory. URL: https://www.researchgate.net/publication/242253420_An_Introduction_to_Genre_Theory/link/00b7d53bc78a2dd88a000000/download (дата обращения: 10.10.20).
11. Hellerman, J. Understanding Film Theory: An Essential Guide // No Film School. URL: https://nofilmschool.com/Film-theory-basic-terms?fbclid=IwAR07sYbf-rDGv6e1cnCcY0ZLY1dqt9UWB2L--pO78_VDvBqXn4t087J7xo4. (дата обращения: 10.10.20)
12. Kozloff S. Overhearing Film Dialogue. Berkeley: University of California Press, 2000. – 335 p.

10.02.04

Л.М. Зиннатуллина канд. филол. наук

ФГБОУ ВО Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Казань, globuskazan@yandex.ru

**РЕШЕНИЕ ВОПРОСА МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ
АДВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Статья посвящена решению вопроса межъязыковых соответствий адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. В работе предпринята попытка решения проблемы определения критериев выделения фразеологических эквивалентов, аналогов и безэквивалентных или лакунарных единиц, что в свою очередь поможет внести значительный вклад в дело создания двуязычных и многоязычных словарей. Актуальность работы заключается в недостаточном научном освещении определения типов межъязыковых отношений адвербиальных фразеологических единиц. Проведен обзор литературы вопроса, а также представлены выводы по научным исследованиям отечественных и зарубежных ученых в поисках ключа определения типов межъязыковых отношений.

Ключевые слова: фразеологические эквиваленты, межъязыковые фразеологические эквиваленты, фразеологические единицы, структурно-грамматический, омонимию и полисемию, синонимия, стилистическое значение.

Одной из ключевых проблем сопоставительной фразеологии до сих пор остается проблема определения межъязыковых отношений фразеологических единиц в двух и более языках. Успешное решение данной проблемы не только позволит представить в распоряжение ученых ключ к определению критериев выделения фразеологических эквивалентов, аналогов и безэквивалентных или лакунарных единиц, но и внесет значительный вклад в дело создания двуязычных и многоязычных словарей.

В первую очередь необходимо отметить, что в статье речь пойдет о языковой, формальной эквивалентности, которая существует на уровне языка, поскольку в речи, в художественном произведении основным требованием выступает эквивалентность содержания оригинала и его перевода. Недаром, поэтому, А.И.Федоров заменяет понятие «эквивалентность» понятием «полноценность», под которым понимает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника [8, с.102].

Обратимся к наиболее значимым работам, а именно, монографическим исследованиям и докторским диссертациям, в которых представлен анализ типологии межъязыковых фразеологических отношений как родственных, так и неродственных языков.

В своей докторской диссертации и монографии казанский ученый Э.М.Солодухо считает, что основным признаком фразеологической эквивалентности при многоязычном сопоставлении является совпадение содержательной стороны соотносимых фразеологических единиц [7, с.285]. Полными эквивалентами, по его мнению, являются ФЕ, совпадающие по значению, а также, в случае полисемии, и стилистической направленности. К ограниченным эквивалентам им отнесены фразеологизмы, имеющие частичные расхождения в семантической структуре и/или не совпадающие стилистически в одном из лексико-семантических вариантов в случае полисемии.

Исследователь немецкой и русской фразеологии в сопоставительном аспекте А.Д.Райхштейн выделяет следующие типы межъязыковых отношений ФЕ, который он считает качественными: тождество (полное совпадение аспектной организации и совокупного смысла), лексическую вариантность или структурную синонимию (что подразумевает полное совпадение совокупного смысла и синтаксической организации при неполном тождестве компонентного состава), идеографическую синонимию (выражаемую в неполном тождестве совокупного сигнификативного значения за счет наличия особых семантических признаков у обеих разноразличных ФЕ безотносительно к аспектному тождеству) [9, с.115], гиперо-гипонимию (т.е. неполное тождество совокупного сигнификативного значения за счет наличия у одного из сопоставляемых фразеологизмов дополнительных признаков, имеющих характер конкретизирующих), стилистическую синонимию (подразумевающую неполное тождество совокупного смысла за счет различий в стилистическом значении), омонимию и полисемию (т.е. тождество аспектной организации при больших или меньших различиях в совокупном смысле) и енантосемию (закрывающуюся в тождестве аспектной организации при противоположности совокупного смысла) [6, с.98]. Несмотря на достаточно большое количество выделенных типов межъязыковых отношений немецких и русских ФЕ обращает на себя внимание тот факт, что ученый основное внимание обращает на полное или частичное совпадение совокупного смысла, т.е. фразеологического значения сопоставляемых фразеологических единиц при учете также их синтаксической организации и компонентного состава.

Труды А.В.Кунина в течение нескольких десятилетий были и остаются основополагающими при сопоставительном изучении английской и русской фразеологии. Ученый выделяет следующие виды перевода, которые были использованы им при составлении «Англо-русского фразеологического словаря»: эквивалент, аналог, описательный перевод, антонимический перевод, калькирование и комбинированный перевод. Первые два вида перевода, по сути, представляют собой межъязыковые фразеологические соответствия английских и русских фразеологизмов. Описательный перевод, калькирование и комбинированный перевод употребляются для передачи безэквивалентных или лакунарных единиц [2, с.130]. В антонимичном переводе мы наблюдаем как межъязыковые фразеологические соответствия (например, английская пословица, представляющая собой отрицательное предложение «don't count your chickens before they are hatched», и ее русское аналогичное фразеологическое соответствие «цыплят по осени считают»), так и безэквивалентные английские фразеологизмы, переданные на русский язык с помощью дескриптивного или лексического перевода («hold chear» - «не дорожить»).

А.В. Кунин определяет эквивалент как «... имеющийся в русском языке фразеологический оборот, совпадающий с английским оборотом и по смыслу, и по образной основе», а аналог – как «... русский устойчивый оборот, который по значению адекватен английскому, но по образной основе отличается от него полностью или частично» [5, с.10]. Вполне понятно, что полное или частичное отличие образной основы сопоставляемых фразеологических единиц означает полное различие их компонентного состава, частичное отличие – наличие общего совпадающего компонента [4, с.79].

Вторая глава докторской диссертации Е.Ф.Арсентьевой посвящена выявлению системы межъязыковых отношений фразеологических единиц в русском и английском языках [1, с.329]. В основу определения данных межъязыковых отношений автор диссертации кладет так называемую компонентную теорию тождества/различия семной организации фразеологического значения разноразличных ФЕ, суть которой заключается в следующем. Фразеологическое значение, представляющее собой единство сигнификативно-денотативного и коннотативного компонентов, в свою очередь состоит из семантических компонентов или сем как единиц более низкого уровня. «Семантическое тождество или различие разноразличных фразеологизмов означает тождество или различие их семного состава, в упрощенном виде набора минимальных смысловых компонентов сигнификативно-

денотативного и коннотативного составляющих фразеологического значения» [1, с.179]. В работе представлена методика выявления семантического тождества/различия фразеологических единиц русского и английского языков, включающая в себя четыре этапа, и схема семантических соответствий, согласно которой для семантических эквивалентов характерен высокий уровень семантических соответствий, для семантических аналогов – средний уровень, а для частичных семантических аналогов – низкий уровень семантических соответствий.

Однако семантический уровень, хотя и является главным, ведущим при определении межъязыковых фразеологических соответствий, не может быть единственным. Двумя другими является структурно-грамматический и компонентный, которые, по терминологии других авторов, определяются как структура, синтаксическая организация, структурно-грамматическое оформление, грамматические формы, синтаксическая структура разноразличных ФЕ, и лексемный или лексический уровень [10, с.106]. С учетом всех трех уровней, а также принимая во внимание основные внутривидовые признаки английского и русского языков, непосредственно влияющие на структурно-грамматическую организацию фразеологизмов двух языков, Е.Ф.Арсентьева выделяет три основных типа межъязыковых отношений: фразеологические эквиваленты (полные и частичные), фразеологические аналогии (полные и частичные) и безэквивалентные ФЕ [3, с.19].

Данная классификация была использована в ряде кандидатских диссертаций при анализе межъязыковых отношений фразеологических единиц разного типа.

Итак, даже краткий анализ литературы вопроса наглядно показывает, что отечественные фразеологи единодушно указывают на семантику разноразличных фразеологических единиц как на основу определения межъязыковых фразеологических соответствий. Значительную роль также играет образность, составными «кирпичиками» которой являются компоненты фразеологизмов, так как при совпадающей образности совпадает также компонентный состав ФЕ, а разная образность создается разным компонентным составом. Также, по мнению большинства ученых, грамматическая структура разноразличных фразеологизмов играет не последнюю роль при разграничении фразеологических эквивалентов и аналогов при обязательном учете структурно-грамматических (морфологических и синтаксических) характеристик сопоставляемых языков.

С учетом вышесказанного и в результате анализа фактического материала мы выделяем три основных типа межъязыковых отношений адвербиальных фразеологических единиц английского и русского языков: 1.фразеологические эквиваленты, 2.фразеологические аналогии, 3.безэквивалентные адвербиальные фразеологические единицы.

Список литературы

1. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: Дис. ... д-ра филол. наук /Е.Ф.Арсентьева. – М., 1993. – 329с.
2. *Зиннатуллина Л.М.* Использование контекстуально трансформированных адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017. № 7. С. 129-134.
3. *Зиннатуллина Л.М.* Вариантность адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. // Litera. Издательство NotaBene, 2019. № 4. С. 17-25.
4. *Зиннатуллина Л.М.* Функционально-стилистические особенности определения англо-русских фразеологических аналогов // Казанская наука. 2019. № 5. С. 79-81.
5. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка /А.В.Кунин. – М.: Высшая школа, 1986. – 336с.
6. *Райхштейн А.Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии /А.Д.Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1980. – 143с.
7. *Солодухо Э.М.* Проблемы интернационализации фразеологии (На материале языков славянской, германской и романской групп): Дис. ... д-ра филол. наук /Э.М.Солодухо. – Казань, 1983. – 456с.
8. *Федоров А.И.* Основы общей теории перевода /А.И.Федоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 303с.
9. *Хафизова Л.Ю.* Развитие иноязычной коммуникативной компетентности преподавателя как условие интеграции России в международное пространство / Управление устойчивым развитием. – 2019. – № 1. – С. 114–118.
10. *Царева Е.Е.* Мультиязычность в контексте интернационализации профессионального образования. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (178). С. 106-109.

10.02.04

В.С. Машошина канд. филол. наук

Московский городской педагогический университет,
Институт иностранных языков,
кафедра английской филологии,
Москва, vi06@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА LOVE В РОМАНЕ Г. МЕЛВИЛЛА «ПЬЕР, ИЛИ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ»

Статья посвящена анализу примеров метафорического структурирования абстрактного концепта LOVE в романе Г. Мелвилла «Пьер, или Двусмысленности». В работе рассмотрены такие метафорические модели, как LOVE IS A PERSON (ЛЮБОВЬ – ЭТО ЧЕЛОВЕК), LOVE IS A MASTER (ЛЮБОВЬ – ЭТО ГОСПОДИН), LOVE IS A DIVINE POWER (ЛЮБОВЬ – ЭТО ВЫСШАЯ СИЛА), LOVE IS A MYSTERY (ЛЮБОВЬ – ЭТО ЗАГАДКА), LOVE IS A PATIENT (ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЬНОЙ), и LOVE IS A POSSESSION (ЛЮБОВЬ – ЭТО ПРЕДМЕТ ОБЛАДАНИЯ). Результаты исследования позволяют проследить индивидуально-авторское восприятие и этнокультурную специфику представлений о любви в тексте художественного произведения.

Ключевые слова: *концепт, любовь, метафора, Г. Мелвилл.*

ЛЮБОВЬ относится к телеономным концептам (от греч. *τέλειος*, «заклучительный, совершенный» и *νόμος*, «закон»), интерпретируемым как «высшие духовные ценности, образующие и воплощающие для человека нравственный идеал, стремление к которому создает моральную оправданность его жизни» [1, с. 25]. Данная универсалия духовной культуры является междисциплинарным сложно моделируемым явлением, которое характеризуется взаимосвязью «противоположных начал: индивидуального и общесоциального, телесного и духовного, сугубо интимного и универсально значимого» [2, с. 86].

Традиционная типология любви описана в древнегреческой концепции, различающей три формы её проявления, каждой из которых свойственны определенные атрибутивные признаки и природа возникновения: ЛЮБОВЬ-EROS, ЛЮБОВЬ-AGAPE и ЛЮБОВЬ-PHILIA [8, URL]. ЛЮБОВЬ-EROS предполагает страстное, стяжательское чувство (*“love of desire or acquisitive love”*), ЛЮБОВЬ-AGAPE восходит преимущественно к христианской традиции и описывает бескорыстную, жертвенную любовь (*“spontaneous and unmotivated ... incomprehensible ... supposed to create value in its object”*), ЛЮБОВЬ-PHILIA обозначает дружбу, симпатию, предполагающую наличие выбора (*“a kind of affectionate regard or friendly feeling ... responsive to (good) qualities in one’s beloved”*) [Ibid.]. Широко известна концепция канадского социолога Дж. А. Ли (John Alan Lee), который, основываясь на описанной выше классификации, также выделяет ЛЮБОВЬ-STORGE (любовь-привязанность), ЛЮБОВЬ-MANIA (любовь-наваждение), ЛЮБОВЬ-PRAGMA (рассудочную любовь) и ЛЮБОВЬ-LUDUS (любовь-игру) [9]. По мнению современных исследователей, во многих культурных традициях описано «дихотомическое разделение любви на земную (грешную) и небесную (праведную и святую)» [2, с. 86]. Действительно, оппозиция «духовное – телесное» воплощается в различных мифологических и этико-философских трактовках ЛЮБВИ, что находит свое отражение в спорах писателей и мыслителей. Известны, например, «две Афродиты» Платона, земная и небесная [5], любовь-эрос и любовь-каритас, описанные Н.А. Бердяевым [7], любовь-нужда и любовь-дар в представлении К.С. Льюиса [4].

Полагаем, что продуктивной исследовательской моделью, позволяющей проанализировать этнокультурную специфику лингвоконцепта ЛЮБОВЬ/LOVE, будет рассмотрение его метафорических репрезентаций в тексте литературного произведения, являющихся «эффективными стилистическими средствами художественного дискурса» [6, с. 86]. Отечественные лингвокультурологи сходятся во мнении, что именно «метафора лежит в основе образования любых «абстрактных предметов», являющих собой гипостазированные качества и отношения: КРАСОТА, СВОБОДА, ЛЮБОВЬ – все это семантически субстантивированные, т.е. представленные в образе предмета свойства и предикаты» [1, с. 58]. Данные идеи созвучны представлениям Дж. Лакоффа (*George Lakoff*) и М. Джонсона (*Mark Johnson*), авторов когнитивного подхода к исследованию метафоры, представленного в книге «Метафоры, которыми мы живем» (*Metaphors We Live By*) [3]. Учёные называют такие сложные гештальты «метафорически структурированными концептами», которые практически полностью объективируются с помощью метафор. В указанной работе отмечается, что концепт LOVE, например, в основном структурирован в метафорических терминах: «ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ (LOVE IS A JOURNEY), ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЬНОЙ (LOVE IS A PATIENT), ЛЮБОВЬ – ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА (LOVE IS A PHYSICAL FORCE), ЛЮБОВЬ – ЭТО СУМАСШЕСТВИЕ (LOVE IS MADNESS), ЛЮБОВЬ – ЭТО ВОЙНА (LOVE IS WAR), ЛЮБОВЬ – ЭТО КОЛДОВСТВО (LOVE IS MAGIC) и т.п.» [3, с. 118].

В романе «Пьер, или Двусмысленности» (*Pierre, or The Ambiguities, 1852*) американского классика Г. Мелвилла (*Herman Melville*) значительное место в метафорическом структурировании анализируемой абстрактной сущности отведено персонификации. Любовь наделяется автором антропоморфными чертами, что отражено в глагольных и субстантивных единицах соответствующей семантики (*to breath, to sigh, to laugh, to see; [love's] hands, mouth, eyes*). Метафорическая модель LOVE IS A PERSON (ЛЮБОВЬ – ЭТО ЧЕЛОВЕК) является весьма продуктивной и реализуется в следующих контекстах романа:

“Love’s first sigh is never breathed, till after Love hath laughed. Love laughs first, and then sighs after” [10, URL];

“Love has not hands, but cymbals; Love’s mouth is chambered like a bugle..!” [Ibid.].

Как справедливо подчёркивает М.А. Можейко, «сопряжение любви со стремлением к знанию истины и истинному знанию повсеместно» [2, с. 91]. Так и в данном случае глаза любви хранят тайну мироздания и мистику жизни (*“Love’s eyes are holy things; therein the mysteries of life are lodged”* [10, URL]; *“... looking in each other’s eyes, lovers see the ultimate secret of the worlds”* [10, URL]), будучи способными видеть на миллионы морских саженей вглубь (*“Love sees ten million fathoms down”* [Ibid.]). Пространственная семантика в структуре концепта LOVE связывает его с идеей поиска смысла жизни и, тем самым, расширяет его аксиологическое измерение. Мистическая сущность и таинство любви передается в романе через метафорическую модель LOVE IS A MYSTERY (ЛЮБОВЬ – ЭТО ЗАГАДКА): *“Love is built upon secrets... Love’s secrets, being mysteries ... pertain to the transcendent and the infinite”* [Ibid.]; *“...so that mysteries are evoked as in exhalations by this Love; what wonder then that Love was aye a mystic?”* [Ibid.].

Авторские представления о любви как о высшей силе отражаются в метафорических моделях LOVE IS A MASTER (ЛЮБОВЬ – ЭТО ГОСПОДИН) и LOVE IS A DIVINE POWER (ЛЮБОВЬ – ЭТО ВЫСШАЯ СИЛА). Всё прекрасное, что есть на свете, произведено любовью; она способна побеждать даже арктические льды, у неё везде есть последователи. Соответственно, ещё одной частотной моделью метафоризации любви является LOVE IS A MASTER, которая вербализуется в следующих контекстах: *“Love tied love-knots on every spangled spar”* [Ibid.];

“Love made not the Arctic zones, but Love is ever reclaiming them” [Ibid.];

“Everywhere Love hath Moravian missionaries” [Ibid.];

“Endless is the account of Love. Time and space can not contain Love’s story. All things that are sweet to see, or taste, or feel, or hear, all these things were made by Love” [Ibid.].

Контекстное соположение ключевых лексических идентификаторов концептов LOVE, TIME и SPACE в последнем примере свидетельствуют о наличии пространственно-темпоральной семантики в структуре представлений о ЛЮБВИ, и позволяет поставить данную абстракцию в один ряд с такими константами культуры, как ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО. При этом любовь неподвластна ни времени, ни пространству, господство её всеобъемлюще. ЛЮБОВЬ – величайший в мире спаситель и реформатор: “*Love is this world’s great redeemer and reformer*” [Ibid.].

Распространены в романе примеры включения в образную сеть концепта LOVE библейских коннотаций. Авторское понимание любви как божественной силы объективируется посредством отождествления данной абстрактной субстанции с дочерью Радости и Покоя, появившейся на свет в Эдемском саду; с Евангелием, завещанным человечеству Творцом; с богом всего сущего. Таким образом, метафорическая модель LOVE IS A DIVINE POWER реализуется в приведенных фрагментах: “*Love was first begot by Mirth and Peace, in Eden, when the world was young*” [Ibid.];

“*Love is god of all; Love is both Creator’s and Saviour’s gospel to mankind*” [Ibid.];

“*Isabel wholly soared out of the realms of mortalness, and for him became transfigured in the highest heaven of uncorrupted Love*” [Ibid.].

Метафора LOVE IS A PATIENT (ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЬНОЙ), уподобляющая любовь болезни, встречается редко в анализируемом тексте: “...and how agonizedly now did it hint of her mortally-wounded love for her only and best-beloved Pierre!” [10, URL]. Также нечасто моделируемый концепт описывается с помощью метафоры LOVE IS A POSSESSION (ЛЮБОВЬ – ЭТО ПРЕДМЕТ ОБЛАДАНИЯ): “*I have bought inner love and glory by a price, which, large or small, I would not now have paid me back, so I must return the thing I bought*” [Ibid.].

Обобщая результаты анализа, направленного на выявление языковой метафорики любви в романе Г. Мелвилла «Пьер, или Двусмысленности», подчеркнем, что к наиболее продуктивным примерам семантического переноса в тексте выступают концептуальные модели LOVE IS A PERSON (ЛЮБОВЬ – ЭТО ЧЕЛОВЕК), LOVE IS A MASTER (ЛЮБОВЬ – ЭТО ГОСПОДИН), LOVE IS A DIVINE POWER (ЛЮБОВЬ – ЭТО ВЫСШАЯ СИЛА), LOVE IS A MYSTERY (ЛЮБОВЬ – ЭТО ЗАГАДКА).

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.
2. Можейко М.А. Любовь как феномен культуры: проблема эволюции западноевропейских интерпретаций // Социология. 2016. № 3. – С. 85–92.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / Под ред. и с предсл. А.Н. Баранова. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
4. Льюис К.С. Любовь. – М.: Эксмо, 2012. – 160 с.
5. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 626 с.
6. Ченских Е.П. Объективация концептуальной метафоры «дом – внутренний мир человека» в художественном тексте (на примере поэзии Иосифа Бродского) // Парадигма гуманитарных знаний начала XXI века. межкафедральный сборник научных трудов по лингвистике и литературоведению. – МГПУ. Москва, 2020. – С. 86–91.
7. Черный Ю.Ю. Философия пола и любви Н.А. Бердяева. – М.: Наука, 2004. – 132 с.
8. Helm B. Love // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2017 Edition), Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/love> (дата обращения: 25.10.2020).
9. Lee J. A. The Colors of Love: An Exploration of the Ways of Loving. – Don Mills, Ontario: New Press. 1973. – 294 p.
10. Melville H. Pierre, or The Ambiguities // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/Melville_Herman/Pierre_Or_the_Ambiguities.html#0 (дата обращения: 20.10.2020).

10.02.04

А.В. Мерзлякова канд. филол. наук, Ю.В. Рябкова, П.Л. Голякович

НГПУ им. К. Минина,
факультет гуманитарных наук,
кафедра иноязычной профессиональной коммуникации,
merzliakova@list.ru, Julia_riabkova@mail.ru, polina88723@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРАТИВА КАК СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ.

В статье рассматриваются различные формы императива в немецком языке и особенности их употребления в текстах социальной рекламы. Проводится исследование форм повелительного наклонения с целью воздействия на реципиента. Анализ текстового материала позволяет обосновать использование определенной формы в зависимости от контекста и сообщения рекламы.

Ключевые слова: *императив, социальная реклама, инклузивнсго императив.*

Социальная реклама – вид коммуникации, который акцентирует наше внимание на самых актуальных проблемах общества и его нравственных ценностях [7]. Важными компонентами формирования устойчивости личности являются гармоничное воспитание, поддержка референтной социальной группы, мотивирование на просоциальную и общественно полезную деятельность [5], на что главным образом направлена социальная реклама. Она обращает внимание общественности на социально важные аспекты, служит изменению массового сознания. Основой коммуникации считается идея, которая составляет суть сообщения социальной рекламы и должна быть передана адресату наиболее успешно [6]. В текстах социальной рекламы эта идея чаще всего достигаются с помощью императивных и побудительных конструкций [9], так как именно они лучше всего соответствуют этим целям и прямо выражают потребность общества в чем-то, а также то, что может сделать отдельно взятый человек для решения той или иной ситуации в обществе [3, 10].

Императив может быть определен как повелительное наклонение, одно из значений категории наклонения, выражающее волеизъявление (приказ, просьбу или совет). Императив в немецком, как и в любом другом языке, служит для выражения просьбы, побуждения к действию, приказа [1].

В немецком языке существует несколько коммуникативных типов предложений: повествовательные, вопросительные, побудительные, выражающие открытый призыв, просьбу. В качестве преобладающего грамматического средства, используемого при построении побудительных предложений, выступает императив, повелительное наклонение (Stopp Menschenhandel! – реклама против торговли людьми) [4].

В ходе теоретического исследования на тему форм повелительного наклонения в немецкой социальной рекламе было выявлено, что ученые различают несколько форм императива. Для анализа форм повелительного наклонения в немецкоязычной рекламе была взята классификация Х. Вайнриха. По его мнению, существует 4 формы императива: форма единственного числа, форма множественного числа, форма вежливости (императив уважительного обращения) и форма инклузивного императива (императива совместного действия) [2].

Наиболее распространённой формой императива в немецком языке является форма единственного числа 2-ого лица, так как чаще всего к собеседнику обращаются на «ты», а не на «вы». Эта форма также преобладает и в текстах социальной немецкой рекламы, чтобы усилить воздействие императива на аудиторию. Это подтверждается результатами исследования, в ходе которого было проанализировано 120 примеров социальной рекламы.

В результате анализа было выявлено, что в 43% примеров социальной рекламы используется форма императива единственного числа; в 33% - форма вежливости; в 12% - форма инклюзивного императива и в оставшихся 12% - форма множественного числа. Помимо используемых форм императива также было вычислено количество форм повелительного наклонения с модальными глаголами, которое составило приблизительно 10% от общего количества примеров социальной рекламы. Как показывают практические исследования, представители немецкоязычных стран в большинстве случаев предпочитают использовать модальные глаголы для смягчения речевого акта, для представления уважения и вежливого отношения к собеседнику [8].

Результаты исследования подтверждают теоретические выводы, сделанные ранее, где было сказано, что чаще всего в текстах социальной рекламы используются формы императива 2 л. ед. ч., чтобы сократить дистанцию между авторами рекламы и аудиторией («Denk an deine Zukunft»; «Liebe deine Nächsten»).

С целью воздействия на аудиторию в большей степени чаще всего используют форму единственного числа, как в данном примере одной из реклам: «Denk an deine Zukunft». Здесь эта форма была употреблена для того, чтобы создать впечатление разговора с близкими людьми, и, следовательно, атмосферу доверия.

Помимо этого, императивные формы единственного числа также подразумевают обращение создателей рекламы к отдельному человеку, чтобы именно каждый задумался о тех или иных поднятых проблемах и сам начал действовать или меняться в лучшую сторону.

Наряду с формой императива единственного числа, также часто встречаются формы императива уважительного обращения. Опираясь на исследованные тексты социальной рекламы, можно заметить, что такая форма наиболее уместна при обращении к читателям с просьбой о помощи («Helfen Sie ihr»: «Helfen Sie Tieren in Not») или просьбой задуматься о каких-либо наиболее значимых проблемах общественности (помощь другим людям, забота о животных, борьба с алкоголизмом и др.). Форма вежливого обращения также часто употребляется, чтобы передать важность и значимость ситуации, т.е. когда речь идет о какой-то серьезной проблеме, требующей реального действия и помощи.

Инклюзивные формы императива и формы императива множественного числа не часто встречаются в текстах социальной рекламы, однако их тоже можно встретить. Форма повелительного наклонения совместного действия используется для того, чтобы адресат считал себя частью чего-то целого, частью компании или группы. Например, в одном из проанализированных текстов фраза «Und jetzt retten wir die Welt!» призывает читателей объединиться ради сохранения природы и экологии, так как такие глобальные проблемы требуют совместного действия и коллективного труда многих людей. Такое высказывание может представлять собою предложение или просьбу. Из этого можно заключить, что данная форма императива употребляется чаще в тех случаях, когда для решения той или иной проблемы нужно наибольшее количество людей; т.е. тогда, когда речь идет о некоей масштабной, национальной или глобальной проблеме или ситуации, оказывающей влияние на население как одной страны или нескольких государств, так и на весь мир в целом.

В примере рекламы с использованием императива множественного числа фраза «Wehrt euch und kämpft gegen Ausbeutung» призывает людей к борьбе с несправедливостью и борьбе за свои права, в данном случае к борьбе с эксплуатацией. Данная форма императива также встречается в нескольких текстах рекламы, где контексты несут приблизительно такое же значение и смысл. Из этого можно сделать вывод, что форма повелительного наклонения множественного числа часто употребляется в случаях, когда требуется призвать группу людей к каким-то серьезным совместным действиям, борьбе, отстаивании своих прав и т.д.

Таким образом, на основе теоретического материала, а также проанализированных примеров плакатов социальной рекламы можно сделать вывод, что выбор той или иной формы императива в текстах социальной рекламы зависит от конкретного контекста, ситуации и сообщения, которое авторы хотят донести до аудитории. Чаще всего такие тексты содержат императивную форму единственного числа, чтобы усилить воздействие на

адресата путем создания якобы более доверительной атмосферы, однако встречаются и примеры, где по причине тех или иных контекстов используют другие формы императива. Кроме того, выбор формы повелительного наклонения также может основываться и на общей теме рекламы, проблеме, которой она посвящена. Анализ этих тем требует отдельного внимания, что оставляет возможность для дальнейших исследований в данной области.

Список литературы

1. Heinold S. Gut durchlesen! – Der deutsche Imperativ und seine funktionalen Synonyme // Deutsche Sprache. 2012. Ausgabe 1. S. 32–56.
2. Weinrich Harald. Textgrammatik der deutschen Sprache; Unter Mitarbeit von Maria Thurmair et al. - Mannheim etc. : Dudenverl., Cop. 1993.
3. Байрамова С., Зайченко А., Панкратова Ю. Роль социальной рекламы в современном обществе // Via scientiarum – Дорога знаний. 2015. № 1. С. 64-69.
4. Боднарук Е.В. Семантика и прагматика императива (на материале немецкого языка) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 67–76.
5. Кисляков А.А., Меерсон А.-Л.С., Егорова П.А. Показатели психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам и негативному информационному воздействию // Вестник Мининского университета. 2020. Т.6, №2. С. 10.
6. Мерзлякова А.В., Рябкова Ю.В. Семиотическое пространство антитабачной рекламы // Казанская наука. – 2019. - №12. – С.115-117.
7. Павлова В.С., Забелина О.Г. Теоретические и практические аспекты социальной рекламы. // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-sotsialnoy-reklamy>
8. Реукова, Н.В. Лексико-грамматические средства выражения вежливости в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Реукова Наталья Викторовна. – М., 2005. – 183 с.
9. Хроменкова Е.А., Зинцова Ю.Н. Персуазивные стратегии в текстах социальной рекламы // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Мининский университет. 2020. С. 139-141
10. Янковой Н.Л. Социальная реклама как механизм продвижения социокультурных ценностей в массовое сознание // Коммуникология. 2018. Том № 6. №6. С. 58–67.

10.02.04

В.М. Насртдинова канд. филос. наук

Казанское высшее танковое командное училище,
кафедра иностранных языков,
Казань, vmnasrtdinova@mail.ru

**ЗЛОБОДНЕВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ:
«КОВИДНЫЕ» НЕОЛОГИЗМЫ И ОККАЗИОНАЛИЗМЫ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

В настоящей статье проанализированы актуальные тенденции словообразования в английском и русском языках, ассоциированные с пандемией коронавирусной инфекции. Автор приходит к выводу, что наряду с обновлённой контекстной семантизацией ранее существовавших лексем и миграцией медицинской терминологии в повседневный дискурс значительное распространение получили неологизмы и окказионализмы, способные доказательно иллюстрировать продуктивность конкретных способов современного словообразования и представить психолингвистические характеристики носителей рассматриваемых языков, ставшие актуальными в связи с глобальным инфоповодом.

Ключевые слова: неологизмы, окказионализмы, словообразование, лексические единицы

Язык, являясь универсальной семантической оболочкой различных форм общественного сознания, а также – одним из ведущих верифицируемых проявлений обыденного сознания общества, непременно фиксирует социально-значимые явления в структуре общественных отношений. Типичными видами языковой рецепции магистральных событий жизни общества являются тематическое словообразование и ситуативное словотворчество. Количество вновь появляющихся слов и терминов прямо пропорционально масштабу происходящих изменений: достаточно вспомнить, какой значительный корпус лексем вошёл в русский язык после Октябрьской революции, Гражданской войны, индустриализации, коллективизации, комсомольскихстроек; например: *буржуйка, будёновка, красноармеец, нэпманский, торгсин, реввоенсовет, пятилетка, колхозница, стахановец* и многие другие.

Не стала исключением и пандемия коронавирусной инфекции, охватившая мир в 2020 году. Глобальное распространение вируса, мгновенно ставшее приоритетным информационным поводом, инспирировало целый ряд языковых явлений, причём как в русском, так и в английском языках. Наиболее явными лексическими тенденциями, на наш взгляд, являются: а) формулирование оригинальных номенов для ранее не существовавших явлений посредством использования широкоупотребимых, «привычных» лексем и, как следствие – приобретение последними новых смыслов; б) миграция нишевой, узкоспециальной (в данном случае – медицинской) лексики в популярный дискурс; в) интенсивный рост числа тематических, «вирусных» неологизмов и окказионализмов, обслуживающих разные коммуникативные цели – от стилистически-нейтрального, констатирующего реферирования к новым феноменам до эмоционально-окрашенной субъективной оценки таковых. Кроме того, упомянутые тренды могут бытийствовать в смешанных, негомогенных вариантах, демонстрируя разного рода интерсекции. Ниже рассмотрим примеры названных выше лексико-семантических явлений.

Очевидно, что появление новых реалий обусловило необходимость их валидного номинирования. Первая группа анализируемых терминов представлена лексемами (часто составными, выраженными словосочетанием), которые и ранее существовали в языке, но функционировали иначе и/или не сталкивались друг с другом контекстуально, например: *социальная дистанция, бесконтактная доставка, шахматная рассадка, вывозной рейс, масочно-перчаточный режим, (само)изоляция*. Аналогичные, порой дословно, понятия возникли и в английском языке: *social distance, contactless delivery, personal protective gear, (self)-isolation, presumptive positive, close contact*.

В силу того, что рассматриваемый инфоповод укоренен в медицинской (а, например, не в экономической или экологической сферах), наблюдается трансфер профессиональной терминологии в повседневное коммуницирование. Такие лексические единицы, как *сатурация, термометрия, ИВЛ, пандемия, инкубационный период, красная зона, компьютерная томография, респираторный, контагиозный, бессимптомный, патоген, эпидемиологическая ситуация* (и их англоязычные эквиваленты *saturation, pandemic, red zone, computer tomography, contagious, asymptomatic, pathogen, airborne transmission, super-spreader, hazmat (hazardous materials) suit, epidemiological situation*) стали звучать в речи коммуникаторов-неспециалистов.

Впрочем, наиболее обширная группа лексем, ассоциированных с пандемией, представлена неологизмами и окказионализмами. Согласно определению В. И. Заботкиной, «неологизм есть новое слово (устойчивое сочетание слов), новое либо по форме, либо по содержанию (и по форме, и по содержанию)» [4, с. 7]. По мнению В.С. Виноградова, «неологизмы – это закрепляющиеся в языке новые слова или значения, которые называют новые предметы мысли» [3, с. 121]. Что касается окказионализмов, то, в соответствии со словарём-справочником лингвистических терминов Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, окказионализмом является «слово, образованное по непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста» [5, с. 157]. В свою очередь, внутри данной группы лексем следует различать стилистически нейтральные слова, широко используемые в официальных СМИ (например, образованные суффиксальным способом прилагательные «ковидный», «коронавирусный»; существительные «удалёнка», «дистант»), а также эмфатически-ироничные, «шуточные» окказионализмы, тяготеющие к смеховой культуре, а в особенности – к предельно карнавализованному её сектору – онлайновой, т.н. мемной культуре («макароновирус», «застряпцы», «сидидомцы», «коронтикулы», «покайтесь, гречники»).

Как в русском, так и в английском языках, предельно продуктивными оказались корневые морфемы «ковид-» («covid-») и «корона-» («corona-»). Словарь современного английского языка Urban Dictionary фиксирует несколько десятков неологизмов, имеющих указанные основы. Корень «covid-», например, семантизирован в таких лексических единицах, как *covidiot* – *ковидиот*, человек, игнорирующий требования безопасности, (“someone who ignores the warnings regarding public health or safety” [2]), *covidivorce* – *ковидиворс*, ковидный развод (“a divorce resulting from the covid house arrest where the parties realize that a parting of the ways might be best” [2]), *covidicide* – *ковидицид*, безрассудное поведение во время пандемии, сравнимое с самоубийством (“going into a crowd of people not wearing personal protective gear without regard for one’s own safety or the safety of others resulting in sickness up to and including death” [2]), *covidophobia* – *ковидофобия* (“a morbid fear of coronavirus diseases” [2]), *covidol* – *ковИдол*, законопослушный гражданин, соблюдающий все карантинные нормы (“someone who is the ideal citizen by practicing social distancing during covid-19” [2]), *covidophile* – *ковидофил* (“someone who loves and usually obsessed with coronaviruses and coronavirus diseases” [2]), *covidless* – *бесковидный* (“a place with no case of COVID-19” [2]), Covid fatigue – ковидная усталость (“risk taking behavior associated with being tired with the continuation of the pandemic” [2]), и многих других. В русском языке с корнем «ковид-» отмечены такие новые лексемы, как ковидарий – специально оборудованный госпиталь для больных новой коронавирусной инфекцией, ковид-диссидент (лицо, подвергающее сомнению реальность пандемии), ковидарность (солидарность во время пандемии), и даже шуточно-эргативное «ковидло» (например, в составе такого интернет-мема: «– Как называется варенье без вкуса и запаха? – Ковидло!»).

Вторая из указанных продуктивных основ, «corona-», оказывается явленной в таких английских неологизмах, как *coronnials* – *корониалы* (“the babies conceived during the “Home Quarantine” practice linked to COVID19” [2]), *coronic* – человек, подхвативший вирус (“a person who has contracted coronavirus” [2]), *be/get coroned* – заразиться коронавирусом (to get infected with coronavirus), *to coronize* – умышленно распространять вирус (“an infected

individual with COVID 19 who willingly and intentionally spreads the virus to the community by contaminating public facilities” [2]), *coroncellation* – отмена публичных мероприятий в связи с эпидемиологической обстановкой (“widespread cancellation of public events (festivals, conventions, etc.) due to precautionary vigilance created by a threat of the spread of a severe communicable disease” [2]), и иных. В русском языке отмечаются следующие лексические единицы: *коронакризис*, *коронафобия*, *коронаскептик* и др. В качестве иных заметных «пандемийных» неологизмов в английском языке можно отметить такие слова, как *infodemic* – инфодемия, переизбыток тематической информации (“overabundance of information, both online and offline” [1]), *doomscrolling* – думскроллинг, излишне продолжительное чтение безрадостных новостей (“excessive amount of screen time devoted to the absorption of dystopian news” [1]), *zoombombing* – зумбомбинг, вид пранка, заключающегося в несанкционированном подключении к видеоконференции (“the harassing intrusion into a private video conference” [1]), *quarantini* – карантини, карантинные онлайн-вечеринки (“a mash-up of quarantine and martini, describes one palliative for the housebound” [1]). Несмотря на то, что жизненный цикл неологизмов может быть весьма непродолжительным, а окказионализмы и вовсе могут использоваться однократно, когнитивный потенциал данной категории лексики значителен. Во-первых, именно эти, вновь формулируемые номены, позволяют получить представление о продуктивных современных способах словообразования. Так, на сегодняшний день, как в английском, так и в русском языке наиболее частотны такие способы, как аффиксация, словосложение, контаминация (телескопия, блендинг). Во-вторых, созданная непосредственно для трансляции эмоционирования говорящего, эта лексика позволяет выделить значимые психолингвистические характеристики обществ в отрезке времени. Такие очевидно юмористические неологизмы, как «погулянцы», «шашлычники» и т. п. демонстрируют стремление говорящего снизить градус социальной тревоги, противопоставить профанный, фольклорный смех парализующему сакральному страху перед грозными реалиями.

Список литературы

1. ‘Quarantini.’ ‘Doomscrolling.’ Here’s how the coronavirus is changing the way we talk <https://www.latimes.com/world-nation/story/2020-04-11/coronavirus-covid19-pandemic-changes-how-we-talk> (Дата обращения: 22.11.2020).
2. Urban Dictionary website <https://www.urbandictionary.com/> (Дата обращения: 22.11.2020).
3. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/vinogradovdoc.shtml (Дата обращения: 22.11.2020)
4. Заботкина, В.И. Новая лексика современного английского языка [Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов]. М., Высшая школа, 1989. Режим доступа: <http://nachali.narod.ru/zabotkina.pdf> (Дата обращения: 22.11.2020)
5. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. – Москва: Просвещение, 1985. – 399.

10.02.04

**О.Н. Поддубская канд. педагог. наук, С.Г. Ларина канд. филол. наук,
А.В. Сахарова канд. филос. наук**

Государственный гуманитарно технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, olgapoddubskaya@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ СЛЕНГ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Статья посвящена исследованию современного сленга Великобритании, представленного на популярных российских интернет-сайтах, и повседневному сленгу британцев, выявленному в ходе опроса носителей языка. В статье можно найти ответы на вопросы, достоверны ли сайты популярных сленговых выражений и какие сленгизмы действительно входят в повседневную речь жителей Великобритании.

Ключевые слова: лексика; сленг; сленгизмы; лингвистический феномен; социокультурный контекст.

Английский язык является привычной и неотъемлемой частью современного мира, поэтому многие изучают его и задумываются о перспективах владения им. И тут возникает проблема – сленг, как обширная группа лексико-фразеологических единиц, которые постоянно пополняются за счет носителей языка и вызывают трудности в общении. Сказанное подтверждает актуальность данной работы, обозначенной как изучение современного сленга Великобритании.

Материалом исследования послужили российские сайты, содержащие современный сленг англоговорящих стран и ответы носителей языка на основе личной переписки в таких приложениях, как «HiNative», «Speaky», «Instagram».

В данной статье под термином «сленг» мы будем понимать речь социально или профессионально обособленной группы людей, как вариант разговорной речи, не совпадающий с нормой литературного языка и имеющий эмоциональную окраску. [1, с. 56]. Сленг претендует на новизну и оригинальность и выступает в качестве синонимов слов и словосочетаний, существующих в литературном языке. Например, *big mouth* – пустослов, *pushover* – слабовольный человек, *nerd* – ботаник, *layabout* – бездельник, *blaw* – звук выстрела, *backjump* – тюремное окно, *chink* – наличные средства [3].

Исследование по изучению сленга проводилось летом 2020, в котором приняли участие представители 4 англоговорящих стран: Великобритании, США, Австралии и Канады, всего 51 человек. Рамки одной статьи не позволяют использовать весь полученный в ходе исследования материал, поэтому ограничимся рассмотрением современного сленга Великобритании.

В соответствии с поставленными целями и задачами исследования нами была составлена программа практического изучения сленга Великобритании: первая часть программы состояла в поиске и отборе современных сленговых выражений, представленных на российских сайтах, посвященных сленгу и составление списка наиболее популярных их них. Вторая часть программы заключалась в проведении интервью с британцами по теме: популярны ли приведенные сленговые выражения в Великобритании; как часто вы их используете; среди какой части населения вы слышите их чаще всего и т.д. Третьим этапом было проведение опроса с целью узнать, какой сленг носители языка используют чаще всего в повседневной жизни. Заключительный этап исследования – это анализ полученного материала, и составление списка действительно популярных современных сленговых выражений Великобритании на основе ответов опрашиваемых.

В исследовании согласились участвовать 16 британцев, для опроса которых мы взяли, по мнению российских сайтов, 10 самых популярных сленговых единиц: howay, ta, bairn, chat up, chin-wag, in the soap, lemon, brew, spuds, alright [4].

1. Howay = come on/let's go. Характерный диалект Джорди по мнению всех опрошенных: «The first three are from Newcastle and called Geordie. Nobody outside of the northeast would see «howay»».

2. Ta = short of thank you. Характерный диалект Джорди по мнению одного из опрашиваемых. Часто используемое выражение среди местного населения.

3. Bairn = newborn. Характерный диалект Джорди по мнению одного из опрашиваемых. Предположительно свойственно для определенных областей Великобритании, больше никто о нем прежде не слышал.

4. Chat up = to flirt. Действительно распространенное выражение у британцев: «I say "ta" a lot, and I'll use "chat up" occasionally when talking about flirting».

5. Chin-wag = to chat. Достаточно распространенное выражение: "Chin wag" is something I only really use when I'm making fun of someone (as in "did you enjoy your little chin wag?"), but that's just me, others might use it more often».

6. In the soap = in trouble. Британцы предположили, что это выражение свойственно для определенных областей Великобритании, но никто о нем не слышал.

7. Lemon = useless stuff. Чаще всего употребляется по отношению к людям, которые сидят и ничего не делают, или же, если они туго соображают или кажутся глуповатыми: «I call people "lemons" every so often, but I've never used it to talk about things being useless, but again that might just be me».

8. Brew = a cup of tea. Для британцев привычнее слышать австралийское «cuppa», нежели «brew»: «I don't hear "brew" as often as I hear "cuppa", but both are pretty common».

9. Spuds = potato. Никто из опрошенных не слышал о таком слове: «I don't really hear "spuds" at all anymore, I don't know why».

10. Alright = hello/how are you. Достаточно популярное выражение, которое используют многие британцы: «Alright is by far the most common used by pretty much everyone here».

Несомненно, на сайтах можно также увидеть такие слова, как «mate» (friend or stranger), «cuppa» (cup of tea), «bants» (to joke or to exchange witty remarks), «knackered» or sometimes «ready for the knackers yard» (extremely tired), «chuffed» (pleased or happy about something).

В качестве примера остановимся на слове «mate», так как оно редко может иметь значение «life partner» именно в Великобритании, но чаще используется по отношению к друзьям или незнакомцам в повседневной речи. Аналогичное слово «pal» менее распространено: «While in standard English a mate is a life partner, it is commonly used in Britain to mean a friend. It is also often used to address strangers in informal situations, such as in bars or on public transport. It is particularly used between men (but not always). A similar word is "pal" which is mostly used in American English» [2].

Изучив интервью с жителями Великобритании, можно заметить, что больший процент информации на российских сайтах неактуален и недостоверен, поэтому для изучения сленга и его понимания нужно общаться лично с носителями языка или же обращаться к иностранным источникам. Основные недостатки публикаций на российских сайтах, на наш взгляд, это: отсутствие регулярного пополнения новой информацией; не упоминание области или района, для которого характерно данное слово и выражение; не совсем корректное толкование некоторых слов; недостаточная адаптированность примеров для изучения сленга, свойственного той или иной стране.

Далее, согласно программе исследования, рассмотрим популярные сленговые выражения, которые предложили жители Великобритании.

1) Calm (= cool). Имеет значение «всё хорошо, не беспокойся об этом» и показывает согласие «да, действительно, это так». Самое частое выражение с этим словом: «That's calm».

2) Peng or leng (= beautiful) (city slang). Показывает одобрительное отношение к чему-либо, то, что вас привлекает или вам нравится: «This cake tastes peng».

3) Bruv (= mate). Синоним слова «mate», также используется в значении «brother, mate».

4) Innit (= isn't it). Дополнительное значение, выражающее согласие «да, точно»: This book is great! Innit!

5) Bare/mad (= very). Помимо основного значения может использоваться в качестве «a lot of» и «disbelief» (не могу поверить в это! Неужели?): He has bare books (a lot of); I have my own house! Bare! (disbelief).

6) Peak (= unfortunate, a bad thing). Неудача, провал: I lost my phone! Peak for you, mate.

7) But we move (= it's alright, it's okay, don't worry about it). Русский аналог: неудачи случаются или жизнь продолжается. Также может обозначать согласие.

8) Moretime (= probably, most likely). Возможно, я пока не уверен, пока не могу дать точный ответ: Will you come to the party tonight? Moretime yes.

9) Fag (= a cigarette). Именно в британском сленге приобретает значение «сигарета»: «In British slang, however, it just means a cigarette». Пример: «I'm going outside for a fag».

10) Cheeky (= impudent). Нахальный человек, но в хорошем смысле: «When someone is cheeky, it means that they are being a little rude or disrespectful, but usually in a way that is funny and endearing (cute)». «That is a cheeky smile...are you up to something?»

11) Yes-man (= stooge). Подпевала, подхалим. Со всем соглашается, делает то, что ему скажут.

12) I am no wings in this situation (= helpless, there's nothing to do). Ты ничего не можешь поделать, ничем не можешь помочь.

13) Botch job (= pretend you did or repaired it well). Сделать что-то просто для видимости или же притвориться, что ты это сделал.

Целью данной статьи было изучение и сравнение современного сленга Великобритании, представленного на российских сайтах и выявленного в ходе опроса носителей языка. Мы достигли поставленной цели, изучили и дали оценку достоверности и актуальности сленга Великобритании, рассмотрели его уникальные особенности и определили самые распространенные, по мнению носителей английского языка, современные сленговые выражения. В качестве результата исследования был составлен список современных сленговых выражений Великобритании.

Список литературы

1. Лексикология английского языка: учеб. пособие / Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н.Н. Морозова – Москва: Изд-во Дрофа, 2001. – 288 с.
2. Самые употребительные слова английского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://skyeng.ru/articles/55-slov-anglijskogo-slenga> (дата обращения: 22.06.2020).
3. Сленг в Великобритании. [Электронный ресурс]. URL: <https://enguide.ua/magazine/britanskiy-sleng-kak-ego-ponimat-i-samye-populyarnye-frazy> (дата обращения: 22.07.2020).
4. Сленг в Великобритании. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.englishdom.com/blog/top-50-slov-iz-anglijskogo-slenga/> (дата обращения: 28.07.2020).

10.02.04

Д.А. Романов канд. хим. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра «Иностранные языки в профессиональной коммуникации»,
Казань, dimromanov@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ РАСПОЗНАВАНИЯ И ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ИНФИНИТИВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦЕЛИ

Распознавание английского инфинитива со значением цели может осложняться наличием у него функции подлежащего в начале предложения и других функций в сочетании "verb + to-infinitive". Значение цели у инфинитива может быть кажущимся.

Ключевые слова: *английский язык, инфинитив, обстоятельственное придаточное со значением цели, перевод.*

Данная статья является продолжением серии статей, посвященных анализу учебных переводов, выполненных письменно с английского языка на русский язык студентами магистратуры направления подготовки «Химическая технология», не проходившими дополнительную языковую подготовку в области перевода. Ранее отмечалось, что перевод иноязычной литературы на русский язык практикуется в процессе обучения иностранному языку [5, с. 186]. С другой стороны, на этапе магистратуры работа с иноязычными источниками становится частью научной работы студента по направлению подготовки [1, с. 131]. Однако, углубленное изучение перевода в неязыковом вузе возможно, как правило, только в рамках программ профессиональной языковой переподготовки. Поэтому переводческие ошибки и погрешности на этапе магистратуры неизбежны [6, с. 104].

В англоязычной научно-технической литературе широко используется глагол в неопределенной форме "to-infinitive" (полный инфинитив) и в некоторых случаях инфинитив без "to". Инфинитив с зависимыми словами образует инфинитивную группу. Английский инфинитив может являться как главным членом предложения, так и второстепенным (пояснять другие члены предложения, делая формат высказывания развернутым).

В статье обсуждаются тонкости перевода английского инфинитива в роли обстоятельства цели.

Интерпретация и перевод

Английский инфинитив (инфинитивная группа) может раскрывать цель действия, обозначенного глаголом-сказуемым в основной части предложения, отвечая на вопросы «для чего?», «зачем?», «с какой целью?». Значение цели распознается однозначно, если инфинитив используется в сочетании с союзами "in order to" или "so as to", однако считается, что эти союзы придают долю официальности и являются "more emphatic" [8, с. 330]. В разговорном английском "in order" и "so as" опускают, используя только "to-infinitive" [7, с. 162]. Инфинитив (инфинитивная группа) со значением цели может находиться либо за глаголом-сказуемым, значение которого уточняется (включая зависимые от него слова), либо на первом месте в предложении и отделяться запятой.

В англоязычной учебной литературе инфинитив (инфинитивная группа) со значением цели преподносится как:

"in order / so as + to-infinitive" [9, с. 162]

"to-infinitive (clause) expressing purpose" [8, с. 147, 330]

"the most common type of purpose clause" [7, с. 186]

и раскрывает "someone's intention when they do something" [7, с. 186] или "the aim (purpose) of an action" [7, с. 58; 9, с. 162]. Разделы "purposes" и "clauses of purpose" в пособиях Хьюингса и Иствуда рассматриваются в рамках темы "adverbial clauses".

В отечественной учебной литературе английский инфинитив, отвечающий на вопросы «для чего?», «с какой целью?», преподносится как инфинитив в функции обстоятельства цели, который рекомендуется переводить на русский язык инфинитивом с союзом «(для того), чтобы» (обстоятельственным придаточным со значением цели) или отглагольным существительным с предлогом «для» [2, с. 353; 3, с. 232]. Качалова и Израилевич отмечают, что выражение цели в придаточном предложении посредством инфинитива имеет место, «когда в главном и придаточном предложениях одно подлежащее» [4, с. 72].

В отсутствии "in order" или "so as" английский инфинитив со значением цели необходимо в первую очередь дифференцировать от:

инфинитива в роли подлежащего в начале предложения;

инфинитива в роли сказуемого или его компонента в однотипных сочетаниях "verb + to-infinitive".

Инфинитив в начале предложения является обстоятельством цели, если за ним находится слово (исключая зависимые от инфинитива существительные), которое может быть подлежащим [2, с. 353].

Инфинитив, входящий в сочетание "verb + to-infinitive", не имеет значения цели, если к нему от впереди стоящего глагола, как правило, определенной группы или семантической категории, невозможно задать вопрос «для чего? / с какой целью?».

В пособии "Student's Grammar" сообщается о глаголах "verbs of saying and thinking" (например, agree, decide, refuse) и "other verbs" (например, fail, tend, wish), входящих в сочетание "verb + to-infinitive" в форме действительного залога и относящихся вместе с инфинитивом к одному подлежащему [7, с. 164]. Такие инфинитивные сочетания легко переводятся на русский язык составным глагольным сказуемым.

Докштейн и соавт. выделяют группу глаголов assume, believe, consider, estimate, expect, find, know, observe, report, say, see, show, state, suppose, think, входящих в сочетание "verb + to-infinitive" в форме страдательного залога [2, с. 356]. Глаголы этой группы переводят вводным словом, выражающим неопределенно-личное или безличное отношение к высказыванию, инфинитив – глаголом-сказуемым, а все сочетание рассматривается как инфинитивная конструкция [6, с. 104–105]. Похожий ряд глаголов believe, consider, feel, find, know, report, say, think, understand, которые "are normally used in the passive when they are followed by a to-infinitive clause", приводится в "Student's Grammar" [7, с. 164]. Там же говорится, что "some verbs only take to-infinitive clauses to express purpose", однако список таких глаголов не уточняется. Сравните:

Thermometer **is used to measure** temperature.

Thermometer **is known to measure** temperature.

Рассматривая английский инфинитив в роли обстоятельства цели, Докштейн и соавт. дифференцируют его от инфинитива в роли обстоятельства последующего действия, который рекомендуется переводить на русский язык деепричастием или вторым сказуемым [2, с. 354]. Например:

Elements chemically combine **to form** compounds.

Описание инфинитива со значением последующего действия в англоязычной учебной литературе не обнаружено. Однако в пособии Иствуда в рамках темы "the to-infinitive expressing purpose and result" рассмотрены примеры инфинитива со значением результирующего действия, который можно перевести на русский язык в соответствии с вышеприведенной рекомендацией Докштейн и соавт. однородным сказуемым [8, с. 147].

Значение результирующего (последующего) действия ошибочно принимают за значение цели, когда действие, выраженное инфинитивом, совершается неодушевленным объектом или представляет собой итог стечения обстоятельств. Такое действие по существу не может быть целенаправленным, и было бы нелогично переводить его по шаблону «(для того), чтобы».

Недостатки перевода и обсуждение

Исходный текст: ... groups can interact with each other to form aggregates [10].

Перевод: ... группы могут взаимодействовать друг с другом, чтобы формировать объединения.

Неудачный перевод инфинитива to form по шаблону перевода инфинитива со значением цели. Как следствие, действие неодушевленных объектов (groups), выраженное инфинитивом, приобрело оттенок целенаправленности, хотя таковым не является. Более логичными вариантами перевода инфинитива могли бы быть следующие: «образуя», «и образуют», «с образованием».

Ситуация, когда при переводе с английского языка действие неодушевленного объекта воспринимается как целенаправленное, может иметь место на фоне придания объекту свойств лица, что часто встречается в англоязычной научно-технической литературе.

Список литературы

1. Валеева Э.Э. Структура и содержание дисциплин по иностранным языкам в рамках компетентностного подхода. Казанский педагогический журнал. 2016. № 6 (119). С. 129–132.
2. Докитейн С.Я., Макарова Е.А., Радоминова С.С. Практический курс перевода научно-технической литературы (английский язык). Изд. 3-е, исправл. М. : Воен. изд-во, 1973. 448 с.
3. Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами : в 2 т. 8-е изд., перераб. и доп. К. Н. Качаловой. Киев : Методика, 2003. Т. 1. 363 с.
4. Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами : в 2 т. 8-е изд., перераб. и доп. К. Н. Качаловой. Киев : Методика, 2003. Т. 2. 304 с.
5. Крайсман Н.В. Французский язык для программ академической мобильности // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 12. С. 185–189.
6. Романов Д.А. Ошибки перевода с английского языка на русский язык инфинитивной конструкции "passive verb / link verb + to-infinitive" // Казанская наука. 2018. № 4. С. 104–106.
7. Collins COBUILD Student's Grammar : Self-study edition with answer key. 1st ed. London : HarperCollins Publishers, 1991. 263 p.
8. Eastwood J. Oxford Guide to English Grammar. Seventh impression. Oxford : Oxford University Press, 1994, 2002. 446 p.
9. Hewings M. Advanced Grammar in Use : A self-study reference and practice book for advanced learners of English. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1999, 2013. 294 p.
10. Thumthanaruk B., Rodsuwan U., Chancharern P., Kerdchoechuen O., Laohakunjit N., Chism G.W. Physico-chemical properties of extruded copolymer film // J. Food Processing and Preservation. 2017. Vol. 41, Issue 2. e12808.

10.02.04

О.А. Хабибуллина

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
филологический факультет,
кафедра германских языков,
Стерлитамак, oxana.habibullina@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассмотрена звукоподражательная лексика английского языка и особенности её функционирования в текстах различных жанров: в художественных и публицистических текстах, газетно-журнальной периодике, деловой документации. Целью исследования явилось определение частотности и своеобразия использования ономапоэтических единиц.

Ключевые слова: *ономапоэзия, звукоподражательные единицы, лексическое выразительное средство, функциональный стиль.*

Целью нашего исследования является изучение функционирования звукоподражательных слов в текстах различных жанров в английском языке. Материалом для исследования послужили примеры из художественной литературы, публицистики и рекламных текстов, в которых использована звукоподражательная лексика английского языка.

Феномен звукоподражания издавна привлекал к себе внимание таких исследователей, как Ю.М. Лотман, С.В. Воронин, Н.Г. Епифанцева, А.П. Журавлев, Л.Г. Попова, В.С. Лукьянова, В.Д. Астон, В.М. Вундт, К. Броккельман, а среди отечественных выделились Н.И. Ашмарин и И.К. Дмитриев. Несмотря на это, в лингвистике до настоящего времени многие теоретические аспекты отношений между звуком и значением остаются достаточно спорными вопросами. Труды Л.Г. Бережной, А.А. Григорян, А. Карпухина, М.Д. Гутнер направлены на изучение звукоизобразительной лексики в рамках английского языка. Также внимания заслуживают работы отечественных лингвистов: Е.А. Глухаревой, Н.М. Ермакова, Л.К. Выздога, Е.М. Жаркова, Т.В. Виноградова, В.В. Фатюхина, Е.В. Петухова, Л. Г. Бережной, А. А. Григорян, М. Д. Гутнер, А. П. Лященко и др.

Лингвистический Энциклопедический словарь определяет звукоподражание или ономапоэзию как условное воспроизведение природных звуков и звучаний, которыми сопровождаются такие процессы как смех, дрожь, свист, животные крики и другие [3, с.162].

С.В. Воронин описывает звукоподражание как произвольную и закономерную связь между звуковым признаком слова и его фонемой, которая фонетически мотивирована. А непосредственно под звукоподражательными единицами, иными словами – ономапоэзиями, подразумеваются слова значение и форма которых имеют экстралингвистическую связь [1, с.5].

В словаре лингвистических терминов свое определение дал и Д.Э. Розенталь, по мнению которого, звукоподражательными являются те слова, которые передают определенные звуки: рефлексорные человеческие восклицания, звуки животного и природного происхождения, а также, издаваемые предметами [2, с.110].

Впервые термин «onomatopoeia» был зафиксирован в 1570 году – «имитация звуков, характеризующих обозначаемые ими предметы». В литературе английских лингвистов встречаются различные термины для определения звукоподражаний: onomatopoeia, imitation, reverberation, repetition, reflection, parallel, ringing, rebound, reiteration, repercussion, reproduction. Такое большое количество слов, обозначающих звукоподражание, объясняет причину актуальности данной темы среди лингвистов в течение продолжительного времени.

Звукоподражательная лексика английского языка, также, как и других языков, активно используется в художественной литературе, наиболее часто в детской, сфере личного общения, а также в сказках, пословицах и т.п., в публицистических текстах и рекламе. В языке функционируют не только сами звукоподражательные слова, являющиеся в большинстве своем однокомпонентными по структуре, но и производные от них существительные, глаголы и прилагательные, образующие, таким образом, оноματοпозитическую лексику любого языка. Но их словообразовательный потенциал в разных языках не одинаково продуктивен. Для английского языка характерно наличие небольшого числа флексий и аффиксальных образований, результатом чего является большая эмплитность, в нашем случае - оноματοпозитических слов, что мы видим при анализе текстов. В английском языке обычно присоединяется только одна (редко две) флексии, а само звукоподражательное слово состоит только из корня. Например: *miaow* (verb) – if a cat miaows, it makes a short high sound, *clatter* (verb) – to move somewhere making a series of loud short noises, *hee-haw* (verb) – the sound made by a donkey. Высокая продуктивность конверсионного способа словообразования способствует переходу звукоподражательного слова из одной части речи в другую. Также для английских звукоподражательных слов характерно наличие значительного количества слов с редупликацией или чередованием звуков: *snip-snap*, *flip-flap*.

Для выявления особенностей использования звукоподражательной лексики в различных стилях мы проанализировали тексты различных жанров. В качестве примеров публицистического стиля были взяты заголовки, рекламные объявления и краткие газетные вырезки. Например: «Will there be a **snap** election, and who will win it?» – p.8; «What was that **bump**, Dominic?» – p.44 (Adv); «Some additional light **thunder** showers will continue across parts of Ukraine and Belarus into far north-east Europe» – p.63 (weather for). Периодическое издание «The Observer», Август 2019 г.

«Country **Folk** Americana Performance» – p.21 (ad), «The Rebel **Jazz** Band» – p.22 (Ad). Периодическое издание «The Independent», Январь 2019 г.

В ходе анализа было выявлено следующее количество звукоподражаний: «The Observer» – 4 слова на 64 страницы, «The Independent» – 2 на 24 страницы, «Daily express» – 5 на 64 страницы, «The Boston Globe» – 2 на 36 страниц, «Daily Mirror» – 3 на 72 страницы, «The Daily Telegraph» – 4 на 40 страниц, «The Sunday Telegraph» – 2 на 30 страниц, «The Times» – 9 на 64 страницы, «The Washington Post» – 9 на 56 страниц, «The Wall Street Journal» – 1 на 32 страницы. Некоторые звукоподражания фигурировали в тексте в переносном значении, что порой создавало комический эффект. Было выявлено большее количество единиц именно в заголовках, поскольку посредством их использований авторы преследуют цель создания образности и привлечения внимания.

В ходе анализа пяти журнальных статей литературно-критического характера было также выявлено небольшое количество оноματοпов. Например, в статье «Teen rappers master art of rhyming ahead of the beat» автора Chris Richards издания «The Washington Post» было выявлено 6 звукоподражаний: rap, beat, roared, shout-along, booming, cry, shooter. Автор использует данные единицы для создания экспрессивности в тексте. В ходе повествования это создает эффект присутствия, метафоричность высказываний и приближенность к разговорной речи, что становится причиной возникновения заинтересованности читателя.

Для анализа особенности стиля научной прозы было отобрано пять работ гуманитарной направленности и пять технической. Следует отметить, что в статьях технической направленности оноματοпозитическая лексика практически отсутствует, гораздо большее её количество было выявлено в работах гуманитарных специальностей. Примечательно, что авторы использовали звукоподражательные единицы для описания практической части своей работы, при цитировании слов членов фокус-группы, при этом не нарушая целостности своей работы.

В стиле научной прозы слова крайне редко используются в переносных и других контекстуальных значениях. Здесь крайне маловероятно столкновение с образностью, поскольку это не свойственно стилю научной прозы, по причине чего в научных текстах редко можно встретить какие-либо средства создания образности. Именно по этой причине звукоподражательные слова в тексте практически не фигурируют.

Для анализа стиля английских официальных документов были использованы официальные письма и документы юридической направленности Соединенных Штатов Америки. В ходе анализа ни в одном из документов звукоподражательные единицы зафиксированы не были.

В процессе анализа художественных произведений, мы пришли к выводу, что частое применение звукоподражательных слов в произведениях английской литературы прозаического, драматургического и стихотворного толка не только придает особую стилистическую окраску всем текстам, но и помогают автору в создании образности, что способствует передаче полной, красочной картины повествования. В качестве образца драматургического текста была выбрана пьеса «The Merchant of Venice» автора William Shakespeare, в которой на 100 страницах были зафиксированы 34 звукоподражания. Например: «She **wept** for the death», «To shake the head, relent, and **sigh**, and yield» и т.д.

В качестве примеров стихотворной речи было отобрано 10 произведений английских поэтов: John Keats, Elizabeth Barrett Browning, Robert Browning, Emily Bronte. На 23 страницах было выявлено 24 ономатопы. В качестве примера художественной прозы выбор был сделан в пользу произведения «The Wonderful Wizard of Oz» автора L.Frank Baum. В ходе анализа сказочного произведения было выделено 175 звукоподражательных слов на 260 страницах печатного текста, например: «He **wept** several tears», «**Cry** bitterly for hours», «Toto **barked** sharply», «Did you **groan**?», «**laughing** merrily», «and **crowed** and **laughed**» и т.д.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что применение звукоподражательных слов в произведениях английской литературы прозаического, драматургического и стихотворного толка не только придает особую стилистическую окраску всем текстам, но и служит достижению определенных целей, которые ставит перед собой автор, создавая художественное полотно, а это: подчеркнуть детали при описании определенной ситуации для усиления эффекта; растянуть ритм повествования при помощи удлинения звуков в ономатопе с целью усиления признака, степени качества действия, выразить длительность процесса и его непрерывность; создать определенную атмосферу, в которую читатель вскоре погрузится; усилить эмоциональное воздействие на реципиента и т.д. Звукоподражательные слова помогают автору в создании образности, что способствует передаче полной, красочной картины повествования.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что не для всех стилей характерно частотное использование звукоподражаний. Преобладающее их количество было зафиксировано в художественном стиле. В газетном и публицистическом стилях было замечено чуть меньшее количество ономатопов. В научном стиле было обнаружено лишь несколько единиц. В проанализированных текстах официально-делового стиля звукоподражаний зафиксировано не было.

Список литературы

1. Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л.: ЛГУ, – 1990. – 200 с.
2. Розенталь Д.Э. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, – 1985. – 399 с.
3. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, – 1990. – 685 с.

10.02.04

Е.Б. Цыганова канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет»,
филологический факультет,
кафедра романо-германских языков и методик их преподавания,
Набережные Челны, ets75@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА С АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. КЭБОТ)**

В работе представлено исследование переводческих приемов перевода молодежного сленга с английского языка на русский. Проводится анализ особенностей перевода сленга. Оценивается адекватность перевода, приводятся примеры из художественной литературы.

Ключевые слова: молодежный сленг, переводческие трансформации, адекватность перевода.

Изучение молодежного сленга заслуживает внимания лингвистов, особенно в связи с тем, что он представляет собой захватывающую и противоречивую форму языка. Это говорит о том, что контекст является решающим социолингвистический фактором эффективности коммуникации, и что освоение контекста может оказаться более важным в овладении языком, чем простое внимание к языковым феноменам.

Актуальность данного исследования обусловлена широким употреблением сленга в молодежной художественной литературе и необходимостью изучения особенностей его перевода с современного английского языка на русский язык.

Целью данной статьи является изучение особенностей перевода молодежного сленга с английского языка на русский язык в современной художественной литературе.

Э. Маттиэлло дает следующее определение сленга: «Сленг - неформальные, нестандартные слова и фразы, короче, чем выражения обычной разговорной речи, и, как правило, сформированы с помощью креативных, часто остроумных противопоставлений слов или образов» [7].

Наиболее важным в рамках данной статьи представляется рассмотрение особенностей перевода единиц сленга в контексте художественных произведений. Материалом для данного исследования послужили следующие произведения: «Avalon High», «All American Girl», «The Boy Next Door» американской писательницы Мэг Кэбот. Перевод был сделан авторами Е.К. Денякиной, Е.П. Кононенко. Данные произведения содержат достаточно большое количество единиц сленга. В рамках данной работы был проведён анализ приемов перевода сленгизмов с английского языка на русский и классификация единиц сленга с точки зрения переводческих приемов.

Главная цель перевода – достижение адекватности. Основная задача переводчика при достижении адекватности - умело произвести различные переводческие трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключённую в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка. При переводе сленга с английского языка на русский используются те же приемы, что и для перевода литературной лексики.

Изучив примеры сленгизмов в данных произведениях, можно выделить следующие приемы, которые были использовали в процессе перевода с английского языка на русский. При переводе сленга наиболее часто использовались такие переводческие приемы как калькирование и функциональная замена. Приведем примеры:

1) калькирование

Maybe, I worried, I was *cracking up* from lack of contact with people my own age [5]. - Может, я *схожу с ума* от недостатка общения со сверстниками? [3]

I realized what kind of *dweeb* I must have sounded like [5]. - Ох, какой *занудой* я ему показалась [3].

Some of the *gang* show up there on Sunday nights to do their homework together [4]. - Многие из моей *тусовки* ходят туда делать домашние задания [1].

2) функциональная замена

Oh, God. I was such *dead meat* [4]. - Боже, до чего *убогая* у меня *фантазия* [1].

We don't have to be *rejects* any more [4]. - Мы больше не будем *белыми воронами* [1].

Catherine, are you *high*? [4]. - Катрина, ты *рехнулась*? [1]

Все остальные переводческие приемы, например, приемы антонимического перевода, эмфатизации представлены небольшим количеством примеров и составляют небольшой процент от общего объема. Приведем примеры:

1) антонимический перевод

"You know," Liz said. "About him *cracking up*." [5] - Ну... - протянула она, - насчет того, что он в последнее время *не в себе* [3];

2) эмфатизация

"What a *loser*!" [4] - «Вот *придурок!*» [1];

This isn't a *damned* art lesson! [4] - Какое мне дело до твоих *дебильных* занятий? [1].

What kind of a *horrible bitch* must I seem to him? [6] - Наверное, он теперь считает меня *бессердечной тварью!* [2].

Интересно отметить некоторые особенности перевода англоязычных сленгизмов. Для английского языка характерен полисемантизм, поэтому в процессе изучения примеров перевода мы обнаружили, что одна и та же лексическая единица переводилась различными способами. Таких примеров оказалось достаточно большое количество. Например, *dude* переводится 3 различными способами: чувак, парень, дружище. Можно привести и другие примеры: *dork* – идиотка, дура; *jerk* – придурок, последняя свинья, подлец; *crack up* – сходить с ума, быть не в себе; *loser* – неудачница, бедняга, придурок; *guys* – парни, люди; *dopey* – глупо, придурковатый; *cool* – потрясающий, здорово, классный; *hang out* – общаться, подружиться; *nuts* – глупость, ерунда; *nerd* – ботаник, зубрила; *reeved* – быть обиженным, разозлиться; *jocks* – школьная элита, шутники; *freaked out* – потрясать, нервничать; *hot* – помешаться, сладкий; *cut it out* – заткнуться, перестать, прекратить.

К сленгу также относятся определенные междометия и аббревиации. В анализируемых произведениях также встречаются подобные примеры:

"Yeah," I said, kind of surprised by the answer [5]. - Да, - ответила я и сама удивилась тому, что сказала [3];

Geez! Just because she's getting a medal, she thinks she's all that." [5] – *Боже*, она думает, что раз ее наградят медалью, она круче всех [3];

"Whoa," I joked. "Big spender." [5] - *Ладно уж*, так и быть, транжира, - пошутила я [3].

Here's the 411 [6]. - Излагаю *вкратце суть дела* [2];

I was forced to go to Burger Heaven with her since you're *MIA*, and it nearly killed me [6]. - Поскольку ты *пропала без вести*, мне пришлось пойти с ней, это меня убивает [2].

Важно отметить такую особенность, что английские междометия и аббревиации, относящиеся к сленгу, были переведены не при помощи русских междометий и аббревиаций, а при помощи функциональных эквивалентов.

Одна из главных задач переводчика заключается в максимально полной передаче содержания оригинала. Различия в системах исходного и переводящего языков и особенностях создания текстов на каждом из этих языков в разной степени могут ограничивать возможность полного сохранения в переводе содержания оригинала. Молодежный сленг относится к «частным» нормам, который отличается от нормы литературного языка. Необходимым требованием при переводе является употребление

соответствующих друг другу языковых единиц. Большинство единиц молодежного сленга в анализируемых произведениях с английского языка на русский переводились соответствующими сленгизмами. Выбор того или иного варианта перевода определяется самим переводчиком, а также рядом факторов (характер контекста, присутствие эквивалентной лексики в переводящем языке, ее специфика, читательская аудитория, на которую рассчитан перевод).

Учет прагматики перевода молодежного сленга можно объяснить большим количеством примеров единиц сленга, при переводе которых использовалась функциональная замена. Во многих этих случаях переводчики изменяли жанровую принадлежность текста, то есть слова, которые в английском являлись сленгом были переведены выражениями или словами, относящимися к стандартному литературному русскому языку, например:

I'll admit it. I was *peev*ed. I'm sick of the Lady of Shalott [5]. - Я сдалась. И это меня очень *разозлило*. Меня тошнило от "Леди Шалотт" [3].

And not just so I could *hang around* with Will, either [5]. - И не потому, что *буду иметь счастье его лицезреть* [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что английские сленгизмы обычно были переведены с помощью эквивалентной стилистически сниженной лексики русского языка. Но необходимо отметить тот факт, что при переводе этой просторечной единицы переводчикам не всегда удавалось передать все оттенки и специфику английских сленгизмов, поскольку в некоторых случаях русский перевод был более нейтральным, чем английский оригинал. В целом, перевод произведений Мэг Кэбот можно охарактеризовать как адекватный.

Список литературы

1. *Кэбот Мэг*. Отчаянная девчонка [Электронный ресурс]. – <http://coollib.net/b/11470>
2. *Кэбот Мэг*. Просто сосед [Электронный ресурс]. – <http://coollib.net/b/68829>
3. *Кэбот Мэг*. Школа Авалон [Электронный ресурс]. – <http://coollib.net/b/133804>
4. *Cabot Meg*. All American Girl [Электронный ресурс]. – <http://www.allbookez.com/all-american-girl-meg-cabot/>
5. *Cabot Meg*. Avalon High [Электронный ресурс]. – <http://www.onreadz.com/book/Avalon-High-1414626/>
6. *Cabot Meg*. The Boy Next Door [Электронный ресурс]. – http://ebookey.org/Meg-Cabot-Boy-Series-1-3-pdf_2208228.html
7. *Mattiello, E.* An Introduction to English Slang. A Description of its Morphology, Semantics and Sociology – Polimetrica International Scientific Publisher Monza, Italy, 2008, - 325 pp.

10.02.04

Л.Ю. Щипицина д-р филол. наук

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации,
кафедра немецкой и французской филологии,
Архангельск, l.shchipitsina@narfu.ru

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ОНЛАЙН-ДИСКУРСЕ

В работе представлены результаты исследования искусствоведческого онлайн-дискурса и способов выражения оценки в трех его разновидностях – профессиональной, журналистской и любительской. На материале анализа портала nachtkritik.de на немецком языке, где представлены все три вида искусствоведческого дискурса, определяются типичные виды – общая, интеллектуальная и эстетическая – и способы выражения оценки (оценочная лексика, метафоры, повторы).

Ключевые слова: *искусствоведческий дискурс, театральная постановка, профессиональный, журналистский, любительский, оценка, оценочная лексика, метафора.*

В настоящее время в связи с антропологической направленностью современных лингвистических исследований одним из важных направлений лингвистического знания становится исследование оценки в дискурсах разных видов и способов ее выражения в языке. Актуальность обращения к оценочным средствам неслучайна, поскольку оценка позволяет категоризировать все окружающие нас объекты согласно их свойствам, ценности для говорящего и некоторым другим характеристикам. А распознавание оценки в высказываниях окружающих является важной составляющей критического мышления человека, поскольку это позволяет ему сформировать свое мнение об окружающих объектах и на этой основе правильно выстроить стратегию поведения.

Оценка выражается в разных видах текстов, и в связи со специализацией знания появляются все новые их разновидности, где оценка и оценочность имеет свои особенности. В данной работе предлагаем взглянуть на то, каким способом оценка выражается в текстах искусствоведческого дискурса, который имеет дело с воспитанием вкуса и воздействует на эстетическую сферу восприятия мира человеком. При этом обратим свой взгляд на достаточно новый вид искусствоведческого дискурса – его онлайн-разновидность, которая становится все более значимой в жизни каждого человека в период ограничений живых посещений музеев и концертов.

Искусствоведческий дискурс (*artistic discourse*) определяется как «целенаправленная коммуникативная деятельность, связанная с интерпретацией произведения (или произведений) искусства, осуществляемая ее участниками в форме устной и письменной речи» [7, с.161]. Исследователями отмечается интерпретационная природа искусствоведческого дискурса [1, с. 105], в котором создатель вербального текста пытается объяснить средствами языка невербальное произведение искусства (картину, музыкальное произведение, театральную постановку и т.д.), созданное художником и выступающее объектом самого искусства как особого способа познания и творения мира, а также толкующего его искусствоведческого дискурса.

В связи с подобной интерпретационной природой искусствоведческого дискурса предлагается выделять в нем три уровня анализа: *денотативный* (объяснение того, о чем говорится в произведении), *коннотативный* (характеризующий, эмоционально-оценочный) и *символический* (объясняющий значимость и значение произведения) [5, с. 50].

Очевидно, что второй уровень интерпретации непосредственно связан с оценкой, т.е. оценочность является неотъемлемой составляющей искусствоведческого дискурса.

Оценка традиционно понимается как различие оцениваемых объектов по признаку «хорошо / плохо» [3, с. 8], но в связи со сложностью оценочных механизмов и разнообразием видов оценки все чаще можно встретить широкие трактовки оценки как размышлений и оценочных суждений автора о событии, его причинах и последствиях [6, с. 186].

Природу оценки помогает понять ее логическая структура, которую мы с опорой на труды Е.М. Вольф [3, с. 5-6] сформулировали так: «*A* (субъект оценки) *считает, что B* (объект оценки) *есть P* (содержание оценочного суждения)». Субъектом оценки в искусствоведческом дискурсе выступает не только эксперт в области искусства, но и журналист, а также любитель, которому хочется поделиться своим мнением с другими. На основании типа субъекта оценки мы считаем возможным выделить профессиональный, журналистский и любительский искусствоведческий дискурс, причем, как мы предполагаем, оценочные стратегии в каждом из данных видов искусствоведческого дискурса могут различаться. Объект оценки – это непосредственно само произведение искусства или отдельные его стороны. Оценочное суждение – это то, что высказывается экспертом об объекте или его сторонах.

В силу разнообразия оцениваемых объектов – произведений разных областей искусства, принадлежащих разным создателям и к разным эпохам – оценочные суждения также оказываются различными. Анализируя англоязычный искусствоведческий дискурс о произведениях современной живописи, А.Б. Ерохина приходит к выводу о преобладании в данном виде дискурса оценочных суждений интеллектуального (*интересно/ неинтересно*) и эстетического типа (*красиво/некрасиво*), что, по мнению исследователя, объясняется «характерной для современного искусства ценностью концептуальности и разнообразия» [4, с. 109].

Средства выражения оценки включают эмоционально-оценочную лексику, специальные стилистические приемы (метафоры, повторы, эллипсис и т.д.), а также различные синтаксические конструкции [2].

Рассмотрим состав оценочных суждений, высказанных о театральных постановках в немецкоязычном искусствоведческом онлайн-дискурсе на портале *nachtkritik.de*: здесь театральные рецензии и новости из мира театра публикуют профессионалы-культурологи, приводится обзор прессы о театральных постановках, а также комментарии любителей театра. Соответственно, данный портал иллюстрирует все три выделенные нами разновидности искусствоведческого дискурса: профессиональную, журналистскую и любительскую.

Проведенный нами анализ показывает, что содержание оценочных суждений при обсуждении театральных постановок, как и в упоминавшейся выше работе [4], касается интеллектуальной и эстетической оценки. Положительная оценка постановки часто выражается словом *klug* ('умный'), а то, что подвергается сомнению – выражениями *echt harter Brocken* ('крепкий орешек', 'трудный для восприятия') или *ich verstehe nicht* ('не понимаю'). Интересно сочетание отрицательной (*anstrengend* – 'трудный') и положительной (*spannend* – 'увлекательный') интеллектуальной оценки в одном высказывании, причем контрастность оценок подчеркивается противительным союзом *aber* ('но') (пример 1).

(1) *Anstrengend, aber spannend. Aber kein Theaterstück* [8].

К интеллектуальному типу, по всей видимости, следует отнести и суждения о связи театральной постановки с исходным литературным произведением, причем положительно обычно оценивается находка нового прочтения при сохранении «духа» исходного произведения (пример 2).

(2) *Anne Lenks Regie erspürt die vorhandene Situationskomik in Friedrich Schillers Trauerspiel* [9].

Эстетическими являются суждения о визуальном оформлении постановки и о специфике игры актеров. Так, в примере (3) автор рецензии несколько раз повторяет оценочное наречие *toll* ('классно'), описывая особенности съемки театральной постановки для онлайн-трансляции. Отметим, что в данном предложении суждение является пример денотативного уровня (описания того, что видит зритель), которое говорящий погружает в модельную рамку ('классно, как...'), переключаясь уже на коннотативный уровень интерпретации. Риторический прием повтора позволяет усилить данную оценку.

(3) *Toll, wie die Kameras zu eigenständigen Akteurinnen werden, toll, wie Bilder den verwaisten Zuschauerraum einfangen, toll, wie selbstverständlich Hinterbühne, Saal, Gänge zu Theaterorten werden* [8].

В приводимых обзорах журналистской критики чаще всего оценивается постановка в целом, а также ее наиболее характерные особенности. Так, в примере 4 положительно оценивается игра «великолепных» актеров, «умная» «новая» форма технической подачи и говорится о «непреодолимом притяжении» постановки для публики.

(4) *Die totale Verausgabung der großartigen Akteure und die kluge neue Mischform der technischen Elemente erzeugen einen unwiderstehlichen Sog beim Publikum am Bildschirm* [8].

Типичными выражениями, используемыми для общей оценки постановки, являются оценочное прилагательное *gut* ('хороший'), метафорическое *stark* ('сильный') или *schwach* ('слабый'), усиленное *hervorragend* ('превосходно'). Иногда оценка выражается глаголами, описывающими эмоции или действия зрителя: *bewundern* ('восхищаться'), *sich freuen* ('радоваться'), *heulen* ('рыдать'), *Stop rufen* ('остановить'). Для правильного понимания оценки важен контекст, например, отрицательная частица меняет знак оценки на противоположный.

Отметим, что театралы положительно оценивают новизну постановки, поиск своего стиля, и слова *eigenständig* ('самостоятельный'), *souverän* ('независимый') являются признаком положительной оценки, а выражения типа *von gestern* ('вчерашний') – неодобрительными.

Наши наблюдения показывают, что разные виды искусствоведческого онлайн-дискурса (профессиональный, журналистский и любительский) в онлайн-среде нередко соседствуют друг с другом и используют схожие способы выражения оценки (оценочная лексика, метафоры, повторы), но степень насыщенности текста оценочными средствами и знак оценки несколько различаются: для профессионального искусствоведческого дискурса характерно внимание к разным, положительным и отрицательным, сторонам рассматриваемого произведения, в то время как в любительских комментариях преобладает один полюс оценки (положительный или отрицательный).

Итак, искусствоведческий дискурс и в его театральной разновидности обладает оценочностью, т.е. наличием одобрительных или неодобрительных суждений интеллектуального и эстетического типа о театральной постановке в целом и ее отдельных составляющих (режиссура, игра актеров, визуальное оформление). Для выражения оценки используются оценочные прилагательные, метафоры, повторы и другие риторические приемы, но в контексте оценочную семантику может получить любое слово, т.е. при интерпретации суждений и полюса оценки важно учитывать контекст.

Список литературы

1. *Валуйцева И.И., Плохова А.Б.* Искусствоведческий дискурс (на примере анализа произведений живописи) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2013. – № 6. – С. 105–110.
2. *Винокурова И.Ж., Первушина Л.К.* Лингвостилистические средства оценочности в интернет-дискурсе // Казанская наука. – 2019. – №10. – С.75–77.
3. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
4. *Ерохина А.Б.* Специфика оценки в рамках современного критического искусствоведческого дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10–1 (76). – С. 108–111.
5. *Жаркова У.А.* Воплощение знаковой природы изобразительного искусства в искусствоведческом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствведение». – 2011. – № 33 (248). Вып. 60. – С. 49–52.
6. *Мельникова Е.А.* Средства логической оценки в языке СМИ // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2013. – № 11. – С. 186–189.
7. *Олянич А.В.* Искусствоведческий дискурс // Дискурс-Пи. – 2015. – №2. – С. 160–162.

Источники фактического материала

8. *Schreiber, Falk.* Sebastian Hartmann unternimmt mit Thomas Mann im Streaming eine Reise in die Traumwelt. 22.11.2020. <https://nachtkritik.de>
9. *Adrians, Frauke.* Anne Lenk gewinnt Schillers Trauerspiel komische Züge ab. TikTok zum Todesurteil. 30.10.2020. <https://nachtkritik.de>

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

А.В. Абregoва канд. филол. наук, Р.Б. Кенегова канд. филол. наук, Р.А. Теуважукова

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова»,
социально-гуманитарный институт,
кафедра иностранных языков,
Нальчик, alla.abregova@yandex.ru

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО,
РУССКОГО И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ)**

В работе рассматриваются способы выражения модальности в типологически разных языках (русском, английском, кабардино-черкесском). Несмотря на кажущееся единообразие способов выражения модальности, каждый язык имеет присущие только ему идеоэтнические особенности языковой картины мира. В работе делается попытка описать особенности выражения модальности в кабардино-черкесском языке. Приводятся примеры адекватного восприятия и трактовки модальности иноязычного высказывания в сопоставительном изучении.

Ключевые слова: категория модальности, языки разных типов, сопоставительный метод, идео-этнические особенности, адекватный перевод.

Категория модальности – одна из наиболее сложных лингвистических категорий, отличающаяся многоплановостью, специфичностью языкового выражения и функциональными особенностями. В лингвистической литературе существует множество мнений и подходов по поводу сущности данного феномена. Обобщая эти определения можно сказать, что это понятийная категория, которая характеризует: а) отношение говорящего к содержанию высказывания, или б) статус обозначенной в нём ситуации по отношению к реальному миру, или в) иллокутивную силу, т.е. коммуникативную цель говорящего. Изучением проблемы модальности занимались такие известные учёные, как В.В. Виноградов, А.А. Потебня, И.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, А.А. Шахматов, Ш. Балли и др. Современные учёные также проявляют интерес к исследованию этой проблемы, что свидетельствует о том, что свойства модальности ещё требуют изучения.

Изучение выражения модальности в разносистемных языках поднимает одну из проблем межкультурной коммуникации – проблему адекватности восприятия иноязычной речи и способствует правильной интерпретации речи говорящего. Первая задача сопоставительного изучения явлений языков различных систем заключается в группировке и классификации фактов, присущих каждому языку в отдельности. В этой работе более детально рассматриваются средства выражения модальности в кабардино-черкесском языке, их сходства и различия с наиболее изученными выражениями модальности в русском и английском языках.

Сопоставляемые языки относятся к языкам разных типов. По морфологической классификации русский и английский языки относятся к флективным языкам. Но русский язык относится к языкам синтетического строя (при котором грамматические значения выражаются внутри слова путем различных изменений его формы), а английский – аналитического строя (при котором грамматические значения выражаются вне слова – служебными словами, порядком слов и интонацией) [8].

Кабардино-черкесский язык, относящийся к группе адыго-абхазских языков, в плане морфологии и синтаксиса существенно отличается как от русского, так и от английского

языка. По морфологической классификации он относится к языкам агглютинативным, то есть, то или иное грамматическое значение преимущественно выражается формой самого слова, с помощью аффиксации. Вопрос о категории наклонения, как основной категории, передающей модальность, остается также спорным в адыгском языкознании. Исследователи значительно расходятся в понимании сущности категории наклонения и ее отношения к другим категориальным образованиям. Нет даже единства среди специалистов по вопросу о том, какие формы глагола должны быть отнесены к наклонениям [7][9]. В наклонениях кабардино-черкесского языка не прослеживается четкое разделение, границы их применения размыты. Нет единого мнения у исследователей также по вопросу о количестве временных форм в адыгских языках [7]. Таким образом, это сложное лингвистическое явление требует дальнейшего изучения.

Формы выражения модальности невозможно изучать изолированно от предложения. Только исследование предложения в единстве его формы и содержания способно дать целостную картину, отражающую взаимодействие и взаимопроникновение обеих (формальной и содержательной) его сторон [6]. Этим обусловлена необходимость выделения и рассмотрения третьей важнейшей стороны предложения - семантической. Семантический аспект, представляющий информативное содержание предложения, тем более важен для кавказских языков, поскольку в этих языках семантика предиката жестко определяет форму предметных актантов в предложении. Глагол в кабардино-черкесском языке играет особую роль в построении предложений и в свёрнутом виде содержит языковые структуры языка, т. е. является исходным пунктом лингвистического видения мира. Глаголы кабардино-черкесского языка характеризуются аффиксами лица (субъекта, прямого объекта, косвенного объекта), числа, союзности, отрицания, времени, наклонения, каузатива, версии, возможности, соучастия, взаимности, совместности, возвратности, локативными и направлятельными превербными, модальными частицами и т. д. [7][9].

Швейцарский лингвист Шарль Балли, изучая высказывания, позаимствовал термины философии и использовал их для обозначения объективной и субъективной части суждения. *Модальность действительности* означает, что содержание высказывания, с точки зрения говорящего лица, соответствует объективной реальности: субъект излагает сообщаемое как реальный и достоверный факт. Она выражается изъявительным наклонением глагола. *Модальность недействительности* означает, что говорящий излагает сообщаемое как возможное, желаемое, предположительное, сомнительное и т. д., то есть, не как реальное событие, а как субъективное отношение к происходящему [1].

Мы разделили виды модальности недействительности в кабардино-черкесском языке на семантические категории, предложенные Ш. Балли, чтобы выявить способы их выражения с точки зрения говорящего.

В кабардино-черкесском языке, как и в других языках, есть свои особенности передачи модальности, которые зависят от национального своеобразия, культуры и социальной деятельности людей. Из таблицы видно, что особенностью передачи модальности в кабардино-черкесском языке, который обладает развитой системой морфологического словоизменения (системой словообразовательных аффиксов), является преобладание синтетических грамматических категорий. Это особенно проявляется в таких категориях, как желательная модальность, модальности предположения и удивления. Аналитические грамматические категории наблюдаются в таких категориях, как модальность возможности и невозможности и модальности необходимости и долженствования, где для выражения модальных значений употребляются, наряду с определёнными префиксами и суффиксами, вводные и служебные слова, придающие модальные и дополнительные смысловые значения. При передаче побудительной (императивной) модальности и модальности намерения используются также частицы, междометия и вопросительные предложения. Роль вопросительных предложений – в смягчении приказов и расспросов о намерениях. Спрашивающий, как бы, даёт возможность отвечающему, самому принять решение, таким образом, избегая прямых указаний.

Таблица - Способы выражения модальности недействительности в кабардино-черкесском языке

№	Семантические виды модальности	Способы выражения модальности недействительности в кабардино-черкесском языке
1.	модальность необходимости и долженствования (дебитивная модальность)	1). Неопред. форма глагола + хуейщ (глагол-связка со значением «должно/ надо/ необходимо» (что-то сделать)* [5] 2). Вводные слова шэч хэмылту (несомненно), ф1эк1 имы1эу, амал имы1эу (обязательно);
2.	модальность возможности и невозможности (потенциальная модальность)	1). Неопред. форма глагола + лээк1ын – (глагол-связка со значением «мочь, быть в состоянии»); 2). Префикс хуэ-; суффикс -ф; 3). Глаголы, передающие физическую возможность совершить действие: пэлэщын – «преодолевать, преодолеть; победить силой»; 4). Глагол хуитын (иметь право);; 5). Вводные слова: хэт ищ1эн «возможно», «может быть»; дауик1 «конечно» 6). Невозможность, крайняя степень недоверия – «не может быть!» хьунк1э хьункьым!; 7). Запрет – «нельзя» - хьунукьым; 8). Разрешение – «могу ли?» хьуну п1эрэ?
3.	предположительная (гипотетическая) модальность	1). Глагол + глаголы-связки - хьун - «быть, становиться» и кьыщ1эк1ын- «оказаться» 2). Суффиксы -к1э (к1и), -гьэн 3). Суффикс уступительного наклонения -т при участии союзных суффиксов -мэ, -тэмэ;
4.	побудительная (императивная) модальность	1). «Нулевая» основа глагола+ личные префиксы; 2). Побудительный префикс -гьэ-, -гьа 3). Глагол в императивной форме + суффикс -т для выражения просьбы и смягчения приказа 4). Частица кхьылэ – «пожалуйста» - усиливает просьбу 5). Вопросительные предложения с отрицательным эмоционально-оценочным значением – глагол во 2 лице единственного или множественного числа 6). Вопросительные предложения для смягченного побуждения к действию - вспомогательный глагол хьун – «может» с частицей п1эрэ – «ли» 7). Глагол замещается междометием
5.	модальность намерения (интенциональная модальность)	1). Глаголы будущего времени: а) суффикс – нущ большая уверенность, что действие состоится; б) суффикс – нищ недостаточная уверенность, что действие произойдёт 2). Суффикс -т – (я бы..., если бы...) 3). Суффикс сослагательного наклонения -тэмэ «если бы» 4). Суффиксы уступительного наклонения - тэмми «если бы ты и ...»; -ми «хотя бы ты и ...» 5). Суффиксы -у и -уи в вопросительных предложениях 6) Вопросительная частица -п1эрэ соответствует русским частицам «ли» и «разве» 7). Усилительный суффикс -кьэ соответствует русским частицам «же» и «ведь»

6.	желательная (оптативная) модальность	1). Суффиксы <i>-ицэрэ, -ицэрэт, -кIэт</i> соответствуют русскому «хоть бы»
		2). Суффикс <i>-у</i> – «пусть»
		3). Краткая форма – основа повелительного наклонения + личные аффиксы
7.	модальность удивления	Суффикс <i>-и(-й)</i> – «оказывается».

*Здесь и далее в таблице примеры приведены из «Русско-кабардинско-черкесского словаря» [9]

Мы сопоставили способы выражения модальности в произведении Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (*Harriet Beecher Stowe Uncle Tom's cabin*) [5] и в его переводах на русский язык [3] и кабардино-черкесский язык [4]. Стоит отметить, что перевод на кабардино-черкесский язык осуществлялся не с оригинала, а с русского перевода. Этим объясняется выбор переводчиком лексических и грамматических средств, который ближе к русскому тексту (в приведённых примерах идёт дословный перевод с русского текста). Тем не менее, способы выражения модальности, которые присущи кабардинскому языку, прослеживаются в тексте перевода.

Модальный глагол **must** в английском языке указывает на то, что действие обязательно должно быть выполнено [2]. Поэтому и в русском, и в кабардинском языках при переводе используются слова с адекватным значением необходимости и долженствования. Но в начале английского текста утверждение «мы должны верить» на русский и кабардинский язык переводится отрицанием «нельзя терять веру», что усиливает настоятельность совета: "O, George, we **must** have faith. Mistress says that when all things go wrong to us, we **must** believe that God is doing the very best." «**Нельзя терять веру**, Джордж! Моя хозяйка говорит – даже в самые тяжелые дни мы **должны верить**, что господь делает все нам на благо» (рус.). – Флэщхуныгъэр **угу ибгъэху хьунукъым**, Джордж! Дэ ди флэщ **тицлыуэ щытын хуейуэ** ди Тхьэм абыклэ бэлыхь гуэрхэр тцхьэщыху» (каб.).

Модальный глагол **should** в английском языке используется для выражения совета, желательности или рекомендации [2]. В предложении «... that is some reason why they **should** claim you» Дословно **should claim you** переводится, как «могли бы (им следовало бы) предъявлять какие-то требования к тебе». В русском варианте и в соответствующем кабардино-черкесском эта фраза переводится более нейтрально «это дает им какие-то права (рус.) – а псоми абыхэм хуитыныгъэ гуэрхэр кырат» (каб.). В предложении «He told me that **I should** take Mina for a wife», исходя из контекста, **should** выражает более строгий совет, и по своему значению приближается к значению модального глагола **must** – **должен**. В этом случае переводчики воспользовались конверсией и выбрали для перевода глагол более подходящий в этой ситуации: «Но вчера он **приказал** мне взять в жены Мину и перебраться к ней в хижину – (каб.) Минэ **сыхыхлэжын хуейуэ кысхуигъэуащ**.»

«Don't you know a slave can't be married? – А разве ты не знаешь, что раб не может жениться? – Алтэ уэ умыщлэу щыт пщыллым фыз кьищэ зэрымышхунур?» В приведённых выше примерах используется модальный глагол **can** в отрицательной форме, что означает высшую форму нереальности действия. Форма вопросительно-отрицательного предложения используется для выражения недоумения, сильного удивления, негодования. При переводе этого предложения используется вопросительное предложение с отрицательным эмоционально-оценочным значением в кабардинском варианте и слово **разве** в русском, что переводится, как упрёк.

Следующее предложение мы вынуждены перевести дословно, чтобы показать, какие виды переводческих трансформаций были использованы при передаче его содержания переводчиками. "I tell you, Eliza, that a sword will pierce through your soul for every good and pleasant thing your child is or has; it will make him worth too much for you to keep." «Говорю тебе, Элиза: что клинок будет входить в твоё сердце каждый раз, когда ты будешь видеть, прекрасные качества, которые проявятся в твоём ребёнке. Это будет тебе дорого стоить, и ты

не сможешь сохранить своё дитя» (перевод авторов статьи). Перевод В. Вальдман и Б. М. Карданова: «Говорю тебе, Элиза: каждая минута счастья, которую дает тебе ребенок, отольется потом слезами. Нам не сберечь такое сокровище» (рус.). «Бжызоlэр уэ, Элизэ, сабийм уэ кьуйт насыпым и дэтхэнэ дакьикьэри уэ нэпсклэ упшыныжын *хуей хьунуиц*. Дэ тхуэхьумэнукуьым апхуэдэ флыгьуэр...» (каб.). В данном переводе переводчики использовали другое предложение, чтобы передать смысловую адекватность тексту оригинала.

При анализе переводов было выявлено, что семантическая категория модальности в исследуемых языках разных типов имеет смешанный лексико-грамматический характер. В большинстве случаев модальность передаётся через формы наклонений глагола. Нередки случаи, когда модальные глаголы и слова переводятся на русский и кабардино-черкесский языки не только вариантным соответствием, но и усиливаются дополнительным компонентом. Дополнительным компонентом может быть глагол, вводное слово, частица, наречие или междометие.

Таким образом, наиболее частотным способом выражения модальности в английском языке являются модальные глаголы и модальные слова. Русский и кабардино-черкесский языки, несмотря на присущие им типологические особенности, проявляют больше сходства в способах выражения модальности. Модальность передаётся простыми глаголами, употребление которых зависит от контекста. В русском языке вместе с ними могут использоваться модальные глаголы, а в кабардинском – глаголы-связки.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
2. Беляева М.А. Грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 2001. – 333 с.
3. Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома. – URL: <https://read-book-online.com/istoricheskaya-proza/95770-xizhina-dyadi-toma.html> (дата обращения: 10.11.2020)
4. Бичер-Стоу Г. Дядя Том и тэхуанэр. – Налшык: Къэбэрдэй-Балъкэр тхыль тедзаплэ. 1961. – 430 с.
5. Harriet Beecher Stowe Uncle Tom's cabin - URL: https://bookfrom.net/harriet-beecher-stowe/34670-uncle_toms_cabin.html (дата обращения: 10.11.2020)
6. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке// Исследования по русской грамматике: Избранные труды/ под ред. Н. Ю. Шведова.- М.: Наука, 1975.-560 с.
7. Кабардино-черкесский язык в двух томах/автор проекта и гл. редактор М. А. Кумахов// Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Н.: Аматус, 2013. – 926с.
8. Лингвистическая типология URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/TIPOLOGIYA_LINGVISTICHESKAYA.html (дата обращения: 10.11.2020)
9. Русско-кабардинско-черкесский словарь/ Составили: Б. М. Карданов, А. Т. Бичоев под редакцией А. О. Шогенцукова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. -1955,1054 стр.

10.02.19

Г.А. Афанасьева, К.Г. Егорова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра восточных языков и страноведения,
Якутск, agalya9805@mail.ru, kiounnei1@yandex.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОГО ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН ГРУППЫ “BTS”)

В данной работе исследуется корейский песенный дискурс. Рассматриваются теоретические аспекты понятия «песенный дискурс». В работе представлены результаты анализа лингвистических и стилистических особенностей текстов корейского песенного дискурса.

Ключевые слова и фразы: *дискурс, песенный дискурс, песенный текст, жанр «k-pop».*

В жизни человека существуют определенные вещи, ставшие неотъемлемой частью его жизни, и музыка, безусловно, занимает особенное место в жизни людей по всему миру еще с давних времен. Особенно музыка начала оказывать влияние на жизнь людей в последние десятилетия, вследствие чего лингвисты проявили интерес к песне, как к объекту лингвистических исследований. Песенный дискурс, по мнению исследователей, подразумевает под собой некую форму хранения ценностей, взглядов на жизнь, культуру определенного народа, исторические события какой-либо эпохи. Как сказал один из исследователей Ю. Е. Плотницкий, песенный дискурс – это родовое понятие по отношению к текстам песен, которые характеризуются определенными языковыми особенностями, которые отражают культуру той или иной страны [1, с. 28].

Источником песенных текстов группы «BTS» послужил сайт Lyricstranslate.com и Genius.com, также для поиска информации был применен крупнейший корейский интернет-портал «Naver».

Научная **новизна** работы состоит в том, что ранее подобное исследование в выявлении языковых особенностей корейского песенного дискурса не проводилось, впервые предпринята попытка рассмотреть ряд особенностей, характерных для корейского песенного дискурса.

Цель работы – выявление и описание лингвостилистических особенностей корейского песенного дискурса на материале текстов песен группы «BTS».

Материалом для изучения особенностей текстов корейского песенного дискурса послужили композиции группы «BTS», которые на данный момент являются одними из известных артистов по всему миру.

Подробно изучив лексические особенности, мы пришли к выводу, что некий диалог между исполнителем и слушателем подчеркивается употреблением интернет-сленгизмов, которые часто встречаются в песенных текстах. Данные слова, ставшие частью повседневной речи, пользуются большой популярностью у молодых людей. Приведем в пример несколько самых актуальных сленгизмов:

알바 가면 열정페이[эльжонпхэй] «На временной работе – **недоплата**» («Silver Spoon»). 열정페이[эльчжонпхей] – 열정 [эльчжон] – «страсть», 페이 [пхей] от англ. pay «платить/плата». Также часто употребляемый сленг среди молодых, который описывает ситуацию, когда студенты или школьники устраиваются на работу на неполный день, а работодатель выплачивает зарплату ниже установленного, утверждая, что главное они получают «удовольствие и опыт на работе».

꼰대들 [ккондэдыль] 내 앞으로 줄 맞춰 «**Старики** соберитесь передо мной» («Second Grade»). 꼰대 [ккондэ] – данный сленг, обладающий негативной окраской, употребляется по отношению к людям постарше, которые чувствуют себя наделенными правами в силу своего возраста, что является довольно распространенным явлением в Корее, так как там преобладает возрастная иерархия.

나가 바로 **등골브레이커** [тынккольбырейкхо] «Ты настоящий **спиногрыз**» («Spine Breaker») «등골» [тынкколь] «позвоночник», «브레이커» [бырейкхо] – заимствованное слово из английского языка «break» в переводе означает «сломать». Сленг, обозначающий подростков и детей, которые «сидят на шее» у своих родителей, постоянно требуя купить брендовые вещи, тем самым заставляя родителей «сломать себе спину», работая, чтобы позволить себе что угодно за высокую цену. Данный термин был впервые введен в 2011 году, когда пуховики «North Face» стоимостью в сотни долларов стали тенденцией среди подростков по всей стране.

В процессе изучения лексических особенностей, наше внимание привлекла игра слов в песенных текстах. Подобные приемы в основном встречаются в рэп партиях песен, где важным является сохранение рифмы. Игра слов представляет собой некое остроумное выражение, основанное на употреблении одного слова вместо другого или на подмене одного значения другим значением того же слова. Существует несколько способов создания игры слов:

- 1) обыгрывание слов-омонимов;
- 2) обыгрывание значений многозначных слов;
- 3) игра цифр и т.д.

Приведем самые яркие примеры игры слов:

그럼 난 **육포가** [юкпхога] 좋으니까 **6포세대** [юкпхо седэ] «Тогда я буду шестым поколением, ведь я люблю вяленую говядину» («Dore»). Слово 육포 [юкпхо] «вяленая говядина» имеет схожее произношение с выражением 6포세대 [юкпхо седэ] «шестое поколение». Выражение N포세대 [N пхо седэ] – это неологизм в Южной Корее, относящийся к поколению, которое отказывается от отношений, брака и рождения детей. Многие из молодого поколения 3포세대 [сампхоседэ] в Южной Корее отказались от этих трех вещей из-за социальных и экономических проблем, таких как, повышение стоимости жизни, оплата за обучение и дефицит доступного жилья. Существует также «5포세대» [опхоседэ] или «поколение, которое отказалось от пяти вещей», которое берет те же три вещи и добавляет светскую жизнь и владение жильем. Но с истечением времени у корейской молодежи становится всё больше вещей, от которых они отказываются, и со временем появляются 6포세대 [юкпхоседэ], 7포세대 [чхильпхоседэ] и т.д.

슬프던 **me**아프던 **me** 더 아름다울 **美** [ми] «Тот я, которому было больно, тот я, которому было грустно, станет еще красивее» («Answer: Love Myself») [2]. В данном предложении употребляется иероглиф 美 [ми] «красота», который созвучен с английским словом от *англ.* me «я». Словосочетание아름다울 美 [арымдауль ми], где 아름답다 [арымдапта] «красивый» в данном случае может переводиться как и «я, который станет красивее», так и «красота, которая станет еще красивее».

Художественный стиль характерен использованием языковых средств выразительности, благодаря которым песенный текст приобретает красочность и выразительность. Данное понятие непрерывно связано с понятием «троп». В данной работе троп рассматривается как оборот, основанный на употреблении слова или сочетании слов, которые используются для усиления изобразительности и выразительности речи. К данному средству языковой выразительности, как правило, относят: сравнение, эпитет, метафору и т.д.

Метафора в текстах делает песни более яркими, эмоционально насыщенными, придаёт им особую выразительность.

- 1) But 부끄럽지 않아 이걸 내 영혼의 [ёнхонэ] 지도 [чжидо] «Но я не стыжусь, ведь это моя **карта души**» («Persona»);
- 2) 내가 걸어두고 싶은 내 방향의 [панхянэ] 척도 [чхокто] «**Это барометр моего направления**, который я хочу сохранить» («Persona»);
- 3) 이제 너라는[наранын] 지도를[чжидорыль] 활짝 펼칠게 «Я раскрываю **карту под названием «ты»**» («Make it right»);
- 4) 나도 [надо] 너의 별이었는데[пёрионнынде] 넌 [нон] 빛이라서 [бичхирасо] 좋겠다 «**Хотя я и был твоей звездой, ты – свет**, что привлёк в ночи» («134340»);
- 5) 너는 [нонын] 나의 지구[чжигу] 네게 난 just a moon «Ведь ты – моя Земля, а я – твоя Луна» («Moon») [3].

Наименее распространенным тропом является олицетворение, которое наделяет неодушевленные предметы качествами или действиями, характерные для человека. Например:

- 1) 외로움이란 녀석만 내 곁에서 머물 때 «Когда со мной рядом останется только тип под названием «одиночество»» («Whalien 52»);
- 2) 살며시 쓰다듬는 바람 같아//살포시 포류하는 먼지 같아 «Это как ветер, легко касающийся меня//Это как пыль, мягко парящая мимо» («Butterfly»);

В результате анализа лексических особенностей было выявлено, что авторы песен часто используют вкрапления в виде слов или словосочетаний на английском языке, а также заимствования, которые способствуют сближению исполнителя и слушателя, который не является носителем корейского языка. Выявлены случаи употребления интернет-сленгизмов, часто отражающих актуальные проблемы нынешнего поколения. Также авторы иногда используют игру слов, под которой понимается употребление одного слова вместо другого или на подмене одного значения другим значение того же слова.

Среди стилистических фигур используются анафора, эпифора и антитеза. Использование данных стилистических фигур делает текст более выразительным и подчеркивает определенную мысль автора, обращая на нее внимания с помощью повтора.

Список литературы

1. Плотницкий Ю.Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф.дисс. ...канд. филол. наук–Самара: СамГПУ, 2005. –28 с.
2. Answer: Love Myself [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lyricstranslate.com/ru/bts-bangtan-boys-answer-love-myself-lyrics.html> (дата обращения: 08.01.2020).
3. Moonlight [Электронный ресурс]– Режим доступа: <https://lyricstranslate.com/ru/agust-d-suga-jeo-dal-moonlight-lyrics.html> (дата обращения 05.03.2020).

10.02.19

З.Х. Бижева д-р филол. наук, А.Л. Латипова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
bizheva-zara@mail.ru, aziza25052011@gmail.com

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматриваются наиболее частотные способы словообразования, используемые в текстах сообщений диалогов англо- и турецкоязычных пользователей при Интернет-коммуникации. Целью исследования является выявление особенностей словообразования турецкого и английского языков в рамках Интернет-коммуникации. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проводится комплексный анализ лексической структуры Интернет-дискурса на английском и турецком языках.

Ключевые слова: *фоноидеограммы; деривация; словосложение; редукция; аббревиатура.*

Современный мир уже невозможно представить без Интернета и тех практически безграничных возможностей, которыми он обладает. Интернет является частью новой языковой среды, более динамичной и постоянной, чем традиционная письменная среда. Как и любая другая языковая среда, Интернет обладает определенным набором инструментов, с помощью которых и осуществляется коммуникация. В данной статье мы рассматриваем лексический инструментарий Интернета, т.к. именно лексика является основой коммуникации и в ней в первую очередь отражаются те или иные изменения, которые происходят в языке.

Лексика Интернета сочетает в себе черты как письменной, так и устной речи. Отличительной чертой Интернет-лексики является совмещение элементов разных стилей: разговорного, элементов языковой игры, использование фразеологических единиц.

Понятие деривации было введено в 30-е годы 20 века Е. В. Куриловичем. Он также предложил выделить лексическую и синтаксическую деривацию. Под лексической деривацией Э. Курилович понимает тождество первичной синтаксической функции исходного и производного слова, а под синтаксической деривацией – наличие у слов идентичной формы и содержания, но при этом каждое из этих слов выполняет разную синтаксическую функцию [1].

Основными причинами развития процесса словообразования в целом являются: необходимость в номинативных единицах; необходимость в наименовании новых реалий, возникающих в нашей жизни; культурно-языковые причины, появление новых слов может быть обусловлено другой культурой, которая в данное время оказывает наибольшее влияние на родную культуру; установление точности, однозначности.

Приведенные выше причины актуальны и в рамках Интернет-общения.

Новые слова в виртуальной среде могут возникнуть путем изменения грамматических функций лексической единицы, расширения, комбинации или редукции значения слова. В рамках данной статьи мы рассматриваем такие приемы, как деривация (создание нового слова, путем прибавления префикса или суффикса к корню исходного слова) и словосложение (создание нового слова, путем объединения двух или более полных слов или их основы в одно слово).

Рассмотрим детально каждый из этих способов.

Деривация – способ словообразования, при котором к слову добавляется аффикс или префикс, который не имеет лексического значения. Например, *browser* (браузер); *selfie* (селфи), *newbie* (новичок), *smilie* (смайлик), *cybercrime* (киберпреступность); *hypertext* (гипертекст).

При словосложении два слова или их основы объединяются в одно. Получившееся слово пишется слитно или через дефис. Например, *facepalm* (фейспалм), *photospat* (фотоспам), *лайкозависимость*.

Также мы исследовали такое популярное в Интернет-среде явление, как редукция. Причина такой распространенности этого явления, как нам кажется, заключается в том, что одним из главных условий успешной Интернет-коммуникации является умение быстро передавать сообщение. При редукции же лексические единицы в сообщении заменяются на более краткую их форму, путем сокращения гласных при письме. Например, *`til – until* (пока), *`tis – it is* (это), *give me – gimme* (дай мне), *mrhb – merhaba* (здравствуй, привет), *pe haber? – naber* (как дела?).

Также одной из характеристик Интернет-дискурса является его насыщенность различными видами аббревиатур. Например, *xlnt – excellent* (отлично), *PLZ – please* (пожалуйста), *tsk – teşekkürler* (спасибо).

В рамках Интернет-дискурса аббревиатуры являются самым часто используемым приемом словообразования. Основная проблема их использования заключается в том, что не все пользователи Интернета могут расшифровывать эти аббревиатуры, что в конечном итоге приводит к сложностям восприятия передаваемой информации. В процессе Интернет-коммуникации пользователи могут сокращать не только слова, но и словосочетания и, даже, целые предложения, например, *RUOK – Are you OK?* (ты в порядке?), *HG-Hayırlı günler* (Удачного дня).

Общепринятым является разделение всех аббревиатур на графические и лексические.

Лексические аббревиатуры – это сложносокращенные слова, которые образуются путем удаления от слова или словосочетания части составляющих их букв или частей слов. Рассмотрим следующие типы лексических аббревиатур в Интернете:

- слоговые, где усекается начальная или конечная часть слова: *edu – education* (образование), *efem – efendim* (мой господин), *mük – mükemmel* (превосходно).

- сложнослоговые, где усекается одно или все входящие в исходное словосочетание слова, а затем складывается несколько слогов или же слог и слово: *emoticon – emotional icon* (эмоциональная иконка), *TÖMER – Türkçe Öğretim Merkezi* (образовательный центр турецкого языка).

- инициальные, которые состоят из инициала или инициалов, сохраняющихся при сокращении нескольких слов исходного словосочетания: *DJ – disc jockey* — диск-жокей, *ASAP – As Soon As Possible* (как можно быстрее), *GO – geçmiş olsun* (скорейшего выздоровления).

Довольно интересным явлением являются акронимы-омонимы, которые чаще всего встречаются в английском языке. При составлении данного типа сокращений за основу берется уже существующее в языке слово и дается расшифровка для каждой буквы этого слова. Зачастую расшифровываемое слово обладает противоположным исходному слову значением.

FORD – Fix Or Repair Daily (Чини или ремонтируй ежедневно)

APPLE – Arrogance Produces Profit-Losing Entity (Высокомерие приводит к убыточности предприятия)

SIT – Stay In Touch (оставаться на связи)

Под графическими понимаются аббревиатуры, используемые только в письменной речи и не имеющие звуковой формы. Это могут быть цифровые аббревиатуры, «звуковые» аббревиатуры, клавиатурные аббревиатуры: *10x – thanks* (спасибо), *sk%l – school* (школа), *O4U – All for you* (Всё для тебя), *1 şey – bir şey* (что-то).

Различают 3 типа графических сокращений:

- сигли (единицы, состоящие из первой буквы/букв слов или словосочетаний): *sum – check your mail* (проверь свою почту), *diy – do it yourself* (сделай сам), *d. – doğum* (рождение).

- суспенсии (слоговые сокращения слов или словосочетаний): *arg – argument* (аргумент), – *kont – kontürüm yok* (у меня нет денег на телефоне).

- контрактуры (сокращения, состоящие из согласных звуков): *BRGDS* - *Best Regards* (С наилучшими пожеланиями), *KIB* - *kendine iyi bak* (позаботься о себе).

Кроме этого, выделяют такой вид английских графических сокращений, как фоноидеограммы. Это сокращения, состоящие из фонетика, указывающего на точное или приблизительное чтение слова и знака-детерминатива, указывающего на примерный смысл слова: *2l8* - *too late* (слишком поздно), *t2ul8r* - *talk to you later* (поговорим позже), *Kahv6* - *kahvaltı* (*altı* - шесть в тур. языке) (завтрак).

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие **выводы**:

1. Анализ специальной литературы по теме исследования позволил нам, заключить, что исследователи считают основной характеристикой языка Интернета использование средств сокращения передаваемой информации без ущерба для её содержания.

2. В современном Интернет-дискурсе на уровне словообразования используются такие средства, как аббревиатуры; слова, образованные в результате таких процессов, как словосложение, конверсия, деривация, редукция. Каждый из этих приемов придает сообщению именно ту форму, которая способствует рациональной передаче информации.

Перспективы дальнейших исследований видятся нам в более детальном анализе лексического состава текстов Интернет-сообщений для выявления новых словообразовательных приёмов, используемых в текстах сообщений на английском и турецком языках, а также в изучении такого нового направления, как фразеологический состав Интернет-текстов.

Список литературы

1. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Биробиджан: ИП "ТРИВИУМ", 2000. 267 с.
2. Akalın H. İnternetteki Türkoloji Dünyası. Türk Dili Dergisi, 1998. 15 p.
3. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 316 p.
4. Yıldırım F. İnternette Söyleşi (Chat) Dili//Yayımlanmamış bildiri, Iv, Uluslar Arası Türk Dili Kurultayı «Akademik Bilisim Konferansı», Konya (25-19 Eylül 2000). 19 p.
5. Yıldırım F., Tahiroğlu T. İnternette Türkçe kullanımı sorunları //Türkçenin Çağdaş Sorunları, Haz. Gürer Gülsevin-Erdoğan Boz, 2. baskı, Gazi Kitabevi, Ankara, 2006. 23 p.

10.02.19

Т.Г. Боргоякова д-р филол наук, А.В. Гусейнова канд. филол. наук

Хакасский государственный университет имени Н.Ф.Катанова,
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии,
Абакан, tamarabee@mail.ru, aurika_guseynova@mail.ru

**ШОРСКИЙ ЯЗЫК В С. МАТУР ТАШТЫПСКОГО РАЙОНА
РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ
(ПО ИТОГАМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА)**

Статья посвящена исследованию социолингвистических аспектов функционирования шорского языка. Актуальные вопросы языковых убеждений и языкового поведения шорцев рассмотрены с опорой на материалы социолингвистического опроса.

Ключевые слова: *шорский язык, языковая лояльность, языковое поведение, языковые убеждения.*

Негативные процессы языкового сдвига особенно опасны для миноритарных языков, к которым относятся языки, традиционно используемые народами, составляющими меньшие группы по сравнению с остальным населением страны или региона. Языки коренных народов Южной Сибири представлены тремя государственными языками соответствующих республик - алтайский, тувинский, хакасский. Шорский язык имел официальный статус и соответствующую поддержку в Горно-Шорском национальном районе. После его упразднения в 1939 году произошло ускорение языкового сдвига, которому способствовало и преимущественно городское дисперсное расселение шорцев на территории разных субъектов РФ (Кемеровская область, Республика Хакасия) [1, с. 7]. Согласно результатам переписи населения 2010 г. шорским языком владеет 2839 человек, или 22% шорцев России (12888 чел.) [2].

Целью настоящей статьи является анализ особенностей функционирования миноритарного шорского языка в Республике Хакасия в условиях софункционирования с государственными русским и хакасским языками. Исследование выполнено на материале социолингвистического опроса, проведённого в 2020 году в селе Матур Таштыпского района Республики Хакасия. Его население численностью в 1314 человек составляют представители доминирующего русского этноса, титульного хакасского, а также шорского, имеющего статус коренного малочисленного народа.

Материалом исследования послужили результаты социолингвистического опроса, в котором приняли участие 78 респондентов, 23 из которых – русские, 25 – хакасы, 17 – шорцы, 6 человек определили свою национальность как хакас-шорец или шорец-хакас, 4 – как русский шорец, 2 – как русский хакас и 1 – как метис. На наш взгляд, национальный состав респондентов наглядно демонстрирует, насколько тесно переплетаются между собой идентичности русских, хакасов и шорцев, веками проживающих на одной территории.

Респондентам были заданы вопросы о родном языке, о языковой компетенции на русском и шорском языках, о языковом поведении и языковых убеждениях. Выяснилось, что только свой этнический язык признают родным 100% опрошенных русских, 72% хакасов и 53% шорцев. При этом в качестве родных отдельные респонденты называли два и даже три языка (см. таблицу 1). Следует отметить, что респонденты, указавшие в графе «Национальность» двойную хакасско-шорскую идентичность, чаще указывают в качестве родного хакасский язык, а русские шорцы – русский, что, на наш взгляд, указывает на более сильные позиции государственных языков в Матуре.

Таблица 1. Родной язык.

Родной язык	русский	хакас	шорец	хакас-шорец	русский шорец	русский хакас	метис
Русский	100,0	20,0	5,9	0,0	75,0	50,0	100,0
Шорский	0,0	4,0	52,9	16,7	25,0	0,0	0,0
Хакасский	0,0	72,0	17,6	66,7	0,0	0,0	0,0
Русский и шорский	0,0	0,0	23,5	0,0	0,0	0,0	0,0
Русский и хакасский	0,0	4,0	0,0	0,0	0,0	50,0	0,0
Русский, шорский и хакасский	0,0	0,0	0,0	16,7	0,0	0,0	0,0

Далее респондентам был задан вопрос об уровне владения шорским языком. Выяснилось, что среди опрошенных шорцев 47% говорит на этническом языке свободно, 53% – частично, то есть изъясняться на шорском языке могут 100% шорских респондентов. При этом (см. таб. 1) часть из них, несмотря на владение шорским языком, в качестве родного указывают русский (или русский вместе с шорским), а также хакасский.

Что же касается респондентов-хакасов, то среди них 40% говорят по-шорски свободно (16%) или частично (24%), и только один русский респондент сообщил о частичном владении шорским языком. Более подробные сведения о понимании и говорении на шорском языке представлены в таблице 2:

Таблица 2. Языковая компетенция респондентов на шорском языке (понимание и говорение).

Уровень владения респондентами шорским языком (понимание/говорение)	русский	хакас	шорец	хакас-шорец	русский шорец	русский хакас	метис
Свободно	0/0	36/16	58,8/47,1	66,7/33,3	0/0	0/0	0,0
Частично	8,7/4,3	20/24,0	41,2/52,9	33,3/50,0	50/25	0/0	0,0
Никак	82,6/87,0	84/56,0	0/0	0/16,7	50/75	100/100	100/100
пропуск	8,7/8,7	0/4,0	0/0	0/0	0/0	0/0	0,0

Ответы респондентов на блок вопросов о сферах функционирования шорского языка позволили установить, что общаются на этническом языке с родителями только 11,8% опрошенных шорцев (35,3% говорят с ними на шорском и русском), а с бабушками и дедушками (если они есть/были) – 35,3% (29,4% - на шорском и русском). Интересно отметить, что для части опрошенных шорцев языком семейного и дружеского общения является хакасский (на нём говорят с друзьями, родителями и более старшим поколением родственников 17,6% шорских респондентов). С друзьями и коллегами исключительно по-шорски не общается ни один респондент, в то время как шорский язык совместно с русским для общения с друзьями используют 35,3% опрошенных шорцев, а для общения с коллегами – 23,5%. Таким образом, несмотря на то, что о способности свободно или частично говорить по-шорски сообщили 100% опрошенных шорцев (см. выше), используют шорский язык для общения даже в самом тесном кругу лишь чуть более трети опрошенных.

Одним из ключевых пунктов проведённого анкетирования являлся вопрос: «Считаете ли Вы необходимым, чтобы шорские дети имели возможность изучать шорский язык в школе?». Как выяснилось, сторонники преподавания шорского языка в школе оказались в большинстве почти во всех опрошенных этнических группах: среди русских респондентов

ответили «да» и «скорее да» 65,2%, среди хакасов – 76%, шорцы, хакасы-шорцы и русские хакасы выразили стопроцентную поддержку шорскому языку в школе, и только мнение русских шорцев разделилось 50/50. С учётом позитивного отношения жителей Матюра к возможности изучения шорского языка в школе, представляется необходимым рассмотрение различных возможностей решения этого вопроса и введения шорского языка в школу как учебного предмета, а не только предмета внеурочной деятельности (в перечне дисциплин, преподаваемых в Матурской средней школе, указана внеурочная деятельность для учащихся начальной школы «Занимательный хакасский и шорский язык» [3]). Возможно, что привлечению дополнительной финансовой и кадровой поддержки могло бы способствовать установление связей с шорским сообществом Кемеровской области, где проживает десять из двенадцати тысяч российских шорцев.

Отвечая на вопрос: «В чём, по-Вашему, причина того, что не все шорцы владеют родным языком?», большинство хакасских (68%) и шорских (76,5%) респондентов указало на отсутствие общения на родном языке в семье, на втором месте – узкая сфера применения шорского языка (на неё указали 52% опрошенных хакасов и 58,8% шорцев). При этом самым популярным ответом среди русских респондентов стала узкая сфера применения (39,1%), а на отсутствие внутрисемейного общения указали 34,8%. Отсутствие возможностей для изучения шорского языка оказалось на третьем месте по значимости (30,4% - русские, 24% - хакасы, 29,4% - шорцы).

Респонденты также поделились своим мнением о том, от чего, на их взгляд, зависит будущее шорского языка (по условиям анкетирования в данном вопросе можно было выбрать несколько вариантов ответа). Как видно из таблицы 3, во всех этнических группах респондентов лидирует мнение о том, что именно носители ответственны за будущее своего языка. На втором месте по значимости находятся федеральные и республиканские органы власти, причём о преобладании ответственности первых из них чаще заявляли русские респонденты, в то время как остальные группы чаще указывали на значимость органов власти республики. Только в группах хакасов-шорцев и русских шорцев первое место по значимости отведено и школе (66,7 и 50%), причём последние выделяют и роль русскоязычного большинства республики.

Таблица 3. Рейтинг значимости роли субъектов языковой политики

Субъекты языковой политики	Русские	Хакасы	Шорцы	Хакасы-шорцы	Русские шорцы	Русские хакасы
Носители шорского языка	56,5	84	82,4	66,7	50	100
Органы власти (РФ/РХ)	21,7/13	4/36	11,8/17,6	16,7/50	25/25	0/50
Школа	8,7	8	23,5	66,7	50	0
Поддержка русскоязычного населения республики	4,3	4	11,8	16,7	50	0

Таким образом, проведенный опрос выявил достаточно высокую степень языковой лояльности шорских респондентов (53% из них признают родным шорский, 23,5% - русский и шорский). При этом, несмотря на то, что о способности свободно или частично говорить по-шорски сообщили 100% опрошенных шорцев, используют шорский язык для общения в кругу семьи и друзей лишь чуть более трети опрошенных. Высокую степень лояльности к шорскому языку продемонстрировали не только его носители, но и их соседи, большинство из которых оказались сторонниками преподавания шорского языка в школе. Ключевым фактором, влияющим на ослабление позиций шорского языка, опрошенные шорцы и хакасы считают отсутствие общения на родном языке в семье, в то время как русские респонденты отмечают узкую сферу применения шорского языка. При этом основным субъектом языковой политики, ответственным за будущее шорского языка, подавляющее большинство опрошенных групп признают его носителей.

Отметим также, что наличие группы респондентов с «двойной национальностью», указывающих в качестве родного русский и хакасский языки, но, тем не менее, не отказывающихся и от шорской идентичности, свидетельствует о важности этого этнического компонента для самоопределения опрошенных.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00426 «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири».

Список литературы

1. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2017. – 136 с.
2. Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
3. МБОУ "Матурская средняя школа" имени Героя Советского Союза Г.Т.Зорина [Электронный ресурс]. URL: <https://school-226.edusite.ru/mmagic.html?page=/sveden/education.html>

10.02.19

О.В. Гончарова канд. филол. наук, С.А. Халеева канд. филол. наук

ФБГОУ ВПО Пятигорский государственный университет,
Институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции,
Пятигорск, goncharovaov@pgu.ru, sve-khaleeva@yandex.ru

СТРАТЕГИИ МАНИФЕСТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БИЛИНГВА

В статье приводятся данные, свидетельствующие о том, что конструкция идентичности армянских билингвов представлена рядом речевых маркеров принадлежности к коллективной этнической идентичности. Данные, почерпнутые из серии интервью и текстов из социальных сетей, написанных армянскими билингвами, позволяют выявить стратегии и тактики репрезентации двуязычной идентичности. Авторы демонстрируют, что конструирование идентичности армянских билингвов в изученных речевых паттернах переплетается с различными культурными и социальными обстоятельствами.

Ключевые слова: *идентичность, билингвизм, этническая принадлежность, стратегии, коммуникация, культура.*

Общеизвестно, что с распадом СССР на территорию России хлынул поток жителей постсоветского пространства, результатом которого стало образование различных диаспорных сообществ. Одной из крупнейших диаспор мира с численностью более 9 млн. человек (что в три раза превышает численность населения в Армении) является Армянская диаспора [3, 2015:105], с наибольшей численностью армянского населения на территории Северного Кавказа, где происходит непрерывный языковой и культурный контакт, а подавляющее большинство носителей национальных языков в настоящее время являются носителями русского, помимо родного. Необходимо отметить, что под родным языком мы понимаем язык, который человек усваивает с раннего детства без специального обучения через соответствующую языковую среду [1, 2001:9]. Очевидно, что растущий спрос на русский язык среди представителей этнических языковых меньшинств выступает как один из основных факторов языковой ситуации современного Северного Кавказа. При этом сообщество родного языка превращает индивида в особого носителя языкового восприятия мира и языкового производства.

Становление двуязычия предполагает не только приобретение языковых форм на двух языках, но и социализацию правил и ожиданий, связанных с их использованием. Изучение языка способствует развитию компетенций в лингвистической, социальной, культурной и исторической областях. Таким образом, мы наблюдаем процесс, при котором независимые культурные группы вступают в контакт в течение длительного периода времени, что приводит к изменениям в одной или обеих культурных группах [2, 2008:14], а родной язык в иноязычном окружении неизбежно становится символом национальной идентичности. Язык действует как средство взаимодействия, он помогает связать группу воедино, а использование определенных сигналов, позволяет определять, являются ли говорящие членами определенного сообщества. Исследования показывают, что члены этнических групп более тесно общаются с теми, кто говорит на их языке [5, 1977:307-348], они более «благосклонно» оценивают говорящих, воспринимаемых ими в качестве «членов группы», чем всех остальных [6, 1984:185-196].

Изучение стратегий манифестации этнической идентичности в речи, позволяет нам уточнить, как именно пользователи языка определяют и воспринимают этническую принадлежность, как они строят, поддерживают и контролируют границы этнических групп и исключают тех, кто не считается принадлежащим к этой группе. Изучение «взаимосвязи между языком и этнической идентичностью» показывает, как использование языка

неразрывно связано с общественными и индивидуальными представлениями о языках, а также к собственным взглядам пользователей языка на то, как они видят себя и друг друга» [7, 2004:4]. Кроме того, как утверждает О. Гарсия, фокусирование внимания на языковой и этнической идентичности «освещает процессы культурных изменений и преемственности» [4, 2010:519], поскольку он подчеркивает не только то, как люди конструируют членство в группах с помощью языковых практик, но и то, как изменилось членство в данных группах и роль языка в этих процессах. Таким образом, на данном этапе исследования нами была выдвинута гипотеза о том, индивиды и группы используют языковые ресурсы для чтобы манифестировать свою этническую идентичность в социальном взаимодействии.

Для проверки данной гипотезы решено было провести два эксперимента. Первый этап исследования представлял собой неформальное интервью, где исходные данные о 62 информантах с различными социальными характеристиками (пол, возраст и др.), участвовавших в проекте, были собраны с помощью анкеты, заполненной исследователями. Анкета состояла из 80 пунктов, состоящих как из вопросов с множественным выбором и последующими ответами, так и из открытых вопросов (рассказать в свободной форме о своем обычном распорядке дня, семье, увлечениях), что привело к высокой степени детализации и неоднородности ответов. Также, для получения более объективных данных, нами была произведена сплошная выборка репрезентативного материала из общедоступных интернет-источников (социальные сети, тематические сайты). В ходе анализа полученного материала интервью и сплошной выборки из социальных сетей, нами было выделено три основных стратегии манифестации армянской идентичности в русской речи этнических армян: стратегия самопрезентации, стратегия дискредитации, стратегия переключения и смешения языков. Среди тактик в рамках стратегии самопрезентации выделяется тактика солидарности, используемая, приблизительно, в 33% случаев интервью и часто в социальных сетях: а. *У нас на Горапосте свой Нью-Йорк/* б. *Мы, на Горапосте, вообще-то очень общительные /* с. *#нашгорапост#армяне* (<https://www.instagram.com/p/B0BO19inv70/?igshid=1ukdorqddgz45>)/д. *знаменитый Горапост и Жорик Варпанов* (<https://rusmotoimport.ru/forum/index.php?threads/Паскажите-про-moto-morini.1488/page-5#post-132727>)

В данном фрагменте, местоимения непосредственно соотносятся с топонимом «Горапост», который в нашем материале выступает в качестве одного из наиболее типичных средств репрезентации армянской идентичности и поэтому приобретает в армянской речи положительную оценочность, участвуя в реализации тактики солидарности и создавая образ единой нации.

Применение тактики апелляции, предполагающей самопрезентацию человека через сообщение определенной информации, ведет к актуализации такого компонента национальной идентичности, как история и традиции, что в свою очередь предполагает широкое использование лексических единиц, обозначающих аутентичные феномены, под которыми мы имеем в виду события, явления, ценности:

е. *В том году на Варвадар весело было, облились с ног до головы* (Варвадар - армянский праздник) / ф. *Нет, на 24 апреля никакого кино и боулинга, я ей сказал* (24 апреля - день траура)/г. *Мои дети, мои крылья. Вардавар* [<https://www.instagram.com/p/CC1DzRUnxS9/?igshid=6r05cffolsvr>] / h. *24 апреля. Помним* [https://www.instagram.com/p/B_XBuaooroF/?igshid=8r2ooz71swx3] / i. *24 апреля 1915 год.... Помним и требуем.* [<https://www.instagram.com/p/B-M0mQ2pPx/?igshid=iop002oro0nk>].

Тактика апелляции также реализуется посредством использования в речи имен современных общественных деятелей или деятелей искусства. В настоящая время армянская идентичность очень часто ассоциируется с Ким Кардашьян, знаменитостью из социальной сети Инстаграм. Её имя является одним из наиболее часто упоминаемых имён армян в анализируемых текстах:

ж. *Кимусик наша жжжет конечно* [http://www.spletnik.ru/blogs/pro_zvezd/60001_kimusik-zhzheth] / к. *Это армянское приложение! Ким, ты настоящая армянка* [<https://ru.armeniasputnik.am/society/20190830/20225865/Ty-nasha-Kim-Kardashyan-otredaktirovala->

sвое-foto-propriariv-armyanskoe-prilozhenie.html] и др.

Упоминание персон, а также важных культурных, социальных и др. событий, влечет за собой актуализацию исторической и культурной памяти, с помощью которых говорящий манифестирует свою принадлежность к определенному коллективу, в данном случае к этническому сообществу. В целом, лексико-семантические средства реализации тактики солидарности включают в себя топонимы, а также лексемы, обозначающие прецедентные феномены. Тактика апелляции является одной из самых распространённых тактик манифестации армянской идентичности как в интервью, так и в социальных сетях, ее использование мы обнаружили более чем в 50% случаев офлайн интервью и наиболее часто в социальных сетях. Тактика дистанцирования, выявленная в рамках стратегии дискредитации, прямо противоположна тактике солидарности в рамках стратегии самопрезентации, направлена, как правило, на подчеркивание различий и отрицание единства с кем-либо. Нами было отмечено, что в рамках данной тактики, в качестве оппонентов/соперников/врагов выступали другие этнические группы, чаще всего азербайджанцы и турки.

Лексико-семантические средства реализации тактики дистанцирования наиболее часто включают в себя этнонимы. Тактика дистанцирования обнаружена нами в 7% от общего числа реализаций. В рамках стратегии смещения и смены языка нами было выявлено два типа перехода на родной язык, а именно ситуативные и метафорические. Первый относится к переходу с одного языка на другой как к результату изменения ситуационного контекста, такого как изменение участника, установки или типа деятельности (38% реализаций). Например, в интервью: *т. Воч, воч, не это хотел сказать* (нет, нет) / *п. Ахпер, надо срочно ответить, извини* (брат) / *о. Да, да, кянк, скоро выхожу* (милая/ в телефонном разговоре).

Последнее относится к изменению языка с целью достижения определенного коммуникативного эффекта (например, чтобы указать на совместное членство в локальной группе или подчеркнуть статус) (55% реализаций). Среди них наиболее часто встречаются:

1) лексемы, обозначающие прецедентные феномены (праздники):

р. Шноравор болорит, Ватерваре! Поздравляю всех с нашим веселым и светлым праздником! [https://www.instagram.com/p/CC1I60_CaA9/?igshid=1t1r24x4qsdu9] / *q. #кучерявая#джана* (джана – ласковое обращение) [<https://www.instagram.com/p/CAqMrUWpmVf/?igshid=1hgo98wnxyqsh>].

2) обращения:

г. Барев дзес, друзья! [<https://m.facebook.com/bdg.trainings/posts/2987144961324499>] / *с. Спасибо за такой интересный пост, анхер!* [<https://antonapostol.livejournal.com/16033.html>].

3) устойчивые выражения:

т. Удачи тебе, любви, а главное – терпения. Цавт танем [<https://m.ru.armeniasputnik.am/world/20200422/22807933/Chto-takoe-tolma-Skoro-uznaesh-Borodina-predosteregla-Buzovu-ot-armyanskikh-boyfrendov.html>].

Данные, полученные в результате проведённого анализа, можно представить в виде следующей таблицы, где указано процентное распределение случаев реализации выявленных стратегий, также стоит отметить, что незначительный процент неявных и смешанных вариантов в таблице не отражен:

Таблица 1. Стратегии и тактики манифестации идентичности армянского билингва

Стратегии	Тактики	Реализация
Самопрезентация	Солидарности	33%
	Апелляции	57%
Дискредитация	Дистанцирования	7%
Смещение и переключение языка	Ситуативное	38%
	Метафорическое	55%

В заключении следует отметить, что данное исследование, направленное на выявление взаимосвязи между языком и этнической идентичностью в различных контекстах, показало, что в условиях растущей мобильности людей и языков в результате глобализации этническое самосознание, продолжает сохраняться в жизни людей, реализуясь, в частности, посредством языка.

Список литературы

1. Беликов В.И., Крысин Л.П., Социоллингвистика. - М.: РГГУ, 2001. - 439 с.
2. Гончарова О.В. Просодия русского побуждения в условиях кабардино-черкесской интерференции (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. канд. филол. наук - Пятигорск, 2008. - 24 с.
3. Тирабян К.К. Диаспора как фактор международных отношений в XXI веке (на примере армянской диаспоры) // Евразийский Союз Ученых. 2015. №11-2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diaspora-kak-aktor-mezhdunarodnyh-otnosheniy-v-xxi-veke-na-primere-armyanskoj-diaspory> (дата обращения: 11.10.2020).
4. García, O., 2010: *Languaging and ethnifying* / O.García // *Handbook of language and ethnicity. disciplinary and regional perspectives*. Oxford: Oxford University Press. -2010. - P. 519-534.
5. Giles, H., Bourhis, R.Y., Taylor, D.M., *Towards a theory of language in ethnic group relations* / H. Giles, R.Y. Bourhis, D.M. Taylor, // *Language ethnicity, and intergroup relations*, London: Academic Press. – 1977. – P. 307–348.
6. Hogg M., Joyce N., Abrams D., *Diglossia in Switzerland? A social identity analysis of speaker evaluations* / M. Hogg, N. Joyce, D. Abrams, // *Journal of Language and Social Psychology*. – 1984. Vol. 3. - P.185–196.
7. Pavlenko, A. Blackledge, A., 2004: *Introduction: new theoretical approaches to the study of negotiation of identities in multilingual contexts* / A. Pavlenko, A. Blackledge // *Negotiation of identities in multilingual contexts. Multilingual Matters*. Clevedon. – 2004. - P. 1-33.

10.02.19

¹А.В. Гусейнова канд. филол. наук, ²А.П. Лопсан

¹Хакасский государственный университет имени Н.Ф.Катанова,
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии,
Абакан, aurika_guseynova@mail.ru,

²Тувинский государственный университет,
кафедра иностранных языков,
Кызыл, lopsan121286@mail.ru

НОМИНАЦИЯ ТЕМНЫХ СИЛ В ХАКАССКОМ И ТУВИНСКОМ ПЕРЕВОДАХ НОВОГО ЗАВЕТА

Статья посвящена исследованию особенностей перевода на хакасский и тувинский языки библейских обозначений тёмных сил. Авторы отмечают, что в переводе искомым христианских терминов на хакасский и тувинский языки находят отражение некоторые традиционные религиозно-мифологические представления хакасов и тувинцев.

Ключевые слова: *тёмные силы, хакасский язык, тувинский язык, Новый Завет.*

Исследование особенностей перевода библейских текстов на миноритарные языки является актуальным научным направлением в связи с недостаточной степенью разработки проблемы их функционирования в религиозной сфере. В этом русле выполнена и настоящая работа. В более ранних публикациях нами были рассмотрены особенности именования Бога в переводах священных христианских текстов (см. [2], [4]), а в настоящей статье рассматривается номинация тёмных сил в текстах Нового Завета на хакасском [5] и тувинском [10] языках.

Главный противник небесных сил в Новом Завете именуется *диаволом, сатаной и веельзевулом*. Приведём примеры с первым из этих наименований:

И сказал Ему *диавол*: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом (Лк. 4:3):

Андада *сайтан* агаа теен: Син, Худай Оолгы полчатсан, пу тасха халасха айлан парарга чачыг пир (хак.)

Ынчан Аңаа күткүкчү *эрлик* чедип келгеш: «Сен шынап-ла Бурганның Оглу болзунза, бодаштарга хлеб болу бээрин дужаавыт» — дээн (тув.)

Теперь рассмотрим второе из них:

Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от меня, *сатана*! (Мф. 16:23):

Иисус, тізең, Пётрзар айланып, чоохтанған: Хыйа пар Миннең, *сайтан*! (хак.)

А Ол Пётрже көрнүп келгеш, мынча дээн: Менден ырап чор, *эрлик*! (тув.)

Как свидетельствуют эти примеры, в хакасском и тувинском переводах Нового Завета не делается различия между такими обозначениями высшего олицетворения зла как *диавол* и *сатана*. В хакасском тексте оба эти слова переводятся как *сайтан*, то есть «шайтан, сатана, дьявол» [9, с. 434]. В Библии на тувинском языке *сатана*, как и *диавол*, обозначается словом *эрлик* (владыка подземного мира, высший правитель царства мёртвых в тюркской и монгольской мифологии [7]). Представления об Эрлике – владыке Нижнего мира – занимают важное место в мифологии и традиционной картине мира тюрков Южной Сибири (хакасов, тувинцев, алтайцев), однако именно в тувинском переводе Библии его именем обозначается главный противник небесных сил (так, в Евангелии на алтайском языке слово *сатана* даётся без перевода, а *диавол* обозначается словом *көрмөс*, которое толкуется как «1. чёрт, бес, дьявол, злой дух; 2. миф. духи преисподней, обитающие, по анимистическим представлениям шаманистов, в нижнем мире, т. е. под землей» [1, с. 77]).

В.А. Бурнаков, исследуя представления об Эрлик-хане в традиционном мировоззрении хакасов, указывает, что Эрлик-хан, согласно религиозно-мифологическим представлениям хакасов, является владыкой подземного мира. Он имеет семь / девять помощников, также именуемых эрликами. В шаманской поэзии его также называли «Адам / Адазы» – ‘Отец’. Нередко употребляли и такой эпитет, как «Айна хан» – ‘Царь злых духов’. Заметим, что непосредственно сам термин *айна* не был строго привязан к одному религиозно-мифологическому лицу. Он распространялся на всю категорию зловредных духов независимо от локализации. Слово «шайтан» не имело внутри этнического распространения и в основном использовалось лишь русскими для обозначения разнообразных персонажей хакасского пандемониума [3]. Как мы увидим далее, перевод обозначений сил зла в Новом Завете на хакасском языке выполнен в соответствии с этими традициями.

В Новом Завете дьявол именуется также *Веельзевул*:

Фарисеи же, услышав сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою *веельзевула*, князя бесовского (Мф. 12:24):

Фарисейлер, тізең, мынзын истіп, тееннер: Ол айналарны айналар ханы *Веельзевул* пирген күснөң не сыгара сүрче полар (хак.)

Фарисейлер ону дыңнааш: «Буктарны Ол чүгле оларның чагырыкчызы *Веельзевулдун* күжү-биле үндүр сывырып турар-дыр» – дээннер (тув.)

Согласно Библейской энциклопедии Брокгауза [6], Веельзевул отождествляется с филистимским божеством Баал-Зевулум, чье имя означает «повелитель мух». В Новом Завете Веельзевул – одно из обозначений сатаны, главы злых духов; будучи именем собственным, оно именно в таком виде вошло в библейские тексты, как на русском, так и на тувинском и хакасском языках.

Прислужники дьявола в исследуемых текстах обозначаются такими наименованиями как *бес* и *нечистый дух*:

И *бесы* просили Его: если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней (Мф. 8:31):

– Син пісті сүрчөтсөң, сосхаларның өөрінзер ызыбыс, – сурынғаннар Иисустаң *айналар* (хак.)

Буктар Иисустан дилеп, ээрежип эгелээннер: «Бисти бо улустан үндүр сывырар болзуңарза, кодан хаванче чорудуп көрүңөр!» (тув.).

Как видно, в Евангелии на хакасском языке *бес* переводится как *айна* «чёрт, дьявол, кощей» [9, с. 43]. Как было сказано выше, в традиционных представлениях хакасов о темных силах этот термин не был строго привязан к одному религиозно-мифологическому лицу и распространялся на всю категорию злых духов независимо от локализации. Использование его в священном христианском тексте представляется оправданным, так как и здесь иерархия пандемониума не имеет особого значения. На тувинский язык *бес*, как и *нечистый дух* переводится как *бук*, то есть злой дух, бес, дьявол, нечистая сила [8], а в хакасском тексте Нового Завета *нечистый дух* обозначается словосочетанием *чабал хут* (дословно злой дух):

Ибо Иисус сказал ему: выйди, *дух нечистый*, из сего человека (Мк. 5:8):

Иисус агаа теен полған нооза: сых пу кізідөң, *чабал хут*! (хак.)

Чүгө дээрге Иисус дем: «Бук, бо кижиден үнүп чоруй бар!» – деп каан чүве-дир (тув.).

Очевидно, что переводчики Библии на тувинский язык сочли, что одного общего термина для обозначения сил зла достаточно, в то время как их хакасские коллеги предпочли более точное следование оригинальному тексту.

Таким образом, высшее олицетворение зла в Новом Завете на хакасском языке обозначается словом *сайтан*, то есть «шайтан, сатана, дьявол», на тувинском языке – *эрлик*, то есть владыка подземного мира, высший правитель царства мёртвых в тюркской и монгольской мифологии. Прислужники дьявола в исследуемых текстах обозначаются такими наименованиями как *бес* и *нечистый дух*, причем если в тувинском тексте между ними не делается различия (оба они обозначаются словом *бук*, то есть злой дух, бес, нечистая сила), то в хакасском языке для перевода слова *бес* используется лексема *айна* (чёрт, дьявол), а *нечистый дух* переводится как *чабал хут* (злой дух).

Список литературы

1. Балакина О.Н., Дедеева В.С. Алтайско-русский словарь, 1-е издание. Горно-Алтайск: РОО «Лепта», 2015. 168 с.
2. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Особенности перевода православных текстов на тюркские языки Южной Сибири // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90). Ч. 1. С. 83–86.
3. Бурнаков В.А. Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 107-114
4. Гусейнова А.В., Лопсан А.П. Особенности именования Бога в хакасском и тувинском переводах Нового Завета // Казанская наука. 2019. № 9. С. 108-110.
5. Новый Завет на хакасском языке с параллельным русским Синодальным переводом / Наа Молчаг хакас тілбестегнең орыс Синод тілбестее. –Институт перевода Библии. – Москва, 2011. – 1138 с.
6. Ринкер Ф., Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза. – Москва, 1999. – 1120 с. Онлайн-версия: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza/2619#sel=>
7. Традиционные представления южно-сибирских тюрков об Эрлике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/305/>
8. Тувинско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classes.ru/all-tuva/dictionary-tuva-russian.htm>
9. Хакасско-русский словарь (Хакас-орыс сөстiк) / под общ. ред. О.В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
10. Ыдыктыг Библия / Священная Библия (на тувинском языке). Москва, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ibt.org.ru/ru/ebook?id=TVN>

10.02.19

¹Н.В. Егоршина, ²Ю.Ю. Дмитриева, ³Ю.В. Шуйская

¹Военный Университет Министерства Обороны,
кафедра языкознания и литературы,
egorshina.n@mail.ru,

²Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
кафедра иностранных языков,
yudmitrieva@mail.ru,

³Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова,
факультет журналистики,
shujskaya@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПЕРЕВОДЫ РУССКИХ ПОЭТОВ, ВЫПОЛНЕННЫЕ КАК ФРАГМЕНТ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Статья посвящена вопросам перевода художественного произведения, выполненного в рамках специфической дискурсивной задачи – «перевода в переводе». Для анализа выбран стихотворный отрывок Луи Буйле, цитируемый одним из героев Ги де Мопассана, и переведенный как часть прозаического текста. Специфика дискурсивной задачи обусловлена авторской иронией по отношению к рассказчику.

Ключевые слова: *Перевод, Гумилев, Сологуб, Мопассан, Буйле, дискурс.*

Перевод, выполненный поэтами в стихотворной форме, интересен в рамках поставленной дискурсивной задачи – если перевод выполняется не как таковой, а в качестве части какого-либо другого проекта, то интенция автора и условия публикации данного перевода влияют на его форму и использованные переводческие приемы. Рассмотрим пример перевода 12-строчного отрывка из произведения Луи Гиацинта Буйле. Этот французский поэт мало известен в России – из всего его обширного поэтического наследия русские поэты Федор Сологуб и Николай Гумилев перевели только один 12-строчный отрывок, цитируемый в рассказе Ги де Мопассана «Сестры Рондоли». Этот отрывок цитируется персонажем, осуждающим своего приятеля: «Вы знаете Поля. Для него весь мир, вся жизнь – в женщине. Таких мужчин найдется немало. Жизнь кажется ему поэтической и яркой только благодаря присутствию женщин. На земле стоит жить лишь потому, что они живут на ней; солнце сияет и греет потому, что освещает их. Воздух приятно вдыхать потому, что он овеивает их кожу и играет короткими завитками у них на висках. Луна восхитительна потому, что заставляет их мечтать и придает любви томную прелесть. Словом, вдохновляет и интересуют Поля только женщины; к ним обращены все его помыслы, все его стремления и надежды» [3, с. 56]. Далее рассказчик цитирует стихотворение Буйле, в котором осуждаются люди, видящие красоту окружающего их мира только в женщине.

Ирония Мопассана заключается в том, что именно сам рассказчик, а не его приятель Поль, который якобы чрезмерно увлекается женщинами, по сюжету рассказа влюбляется в некую Франческу Рондоли, проводит с ней три недели, затем уезжает, не простившись, а через год, наведавшись в эти же места, обнаруживает, что Франческа там уже не живет, зато есть три ее младших сестры. Рассказ заканчивается встречей героя с младшей сестрой Франчески, Карлоттой, и циничным суждением: «И в течение двух недель, бывших в моем распоряжении, я гулял с Карлоттой по окрестностям Генуи. Она не заставила меня пожалеть о своей сестре.

Я покинул ее в день своего отъезда всю в слезах, оставив подарок для нее и четыре браслета для матери.

В ближайшие дни я собираюсь снова съездить в Италию и с некоторым беспокойством, но и с надеждой думаю о том, что у г-жи Рондоли есть еще две дочери» [3, с. 67].

Отрывок из Буйле, таким образом, встроен в контекст авторской иронии: цитирующий его рассказчик, в отличие от осуждаемого им приятеля, не вдохновляется красотой женщин, а пользуется их телом. Мопассан акцентирует внимание на чувственном удовольствии рассказчика и полном равнодушии Франчески Рондоли ко всему: она словно по инерции едет с героями в одном купе поезда, заселяется в гостиницу, живет с мужчиной. Рассказчика поражает контраст ее страстности в любви и равнодушия ко всему остальному в мире. В таком контексте отрывок из Буйле, осуждающий поэта, который видит в окружающем мире лишь женскую красоту, а не красоту природы, звучит двойственно: с одной стороны, сам рассказчик – отнюдь не поэт, он видит в женщине лишь «великолепную самку», а с другой стороны – он привязывается к этой «самке» настолько, что весь план путешествия аннулируется, и вместо турне по Европе два друга три недели проводят в Генуе, пока Поль (якобы чрезмерно увлеченный женской красотой) почти что силой не увозит своего приятеля.

В то же время широкий контекст самого стихотворения Буйле “J’aimai. Qui n’aime pas?” («Я любил. А кто же не любил?») предполагает осуждение поэтов, слишком много говорящих о любви – автор предполагает, что следует писать о красотах природы и о древней культуре, и в этом контексте упоминается Италия и связанные с ней античные мифы [1]. Мопассан, цитируя строки из этого стихотворения в своем рассказе, безусловно, обращается к тому, кто знает текст стихотворения полностью, так как высмеивается именно рассказчик, презревший красоты Италии и культурное путешествие ради трехнедельного пребывания с недалекой и равнодушной, но чрезвычайно красивой девушкой. В конце рассказа он вновь собирается предпринять туристическое путешествие в те же самые места, собираясь изучать культуру и достопримечательности: «Вышло так, что на следующий год, в то же самое время, меня, подобно приступу перемежающейся лихорадки, снова охватило желание увидеть Италию. Я немедленно решил предпринять это путешествие, потому что для образованного человека посетить Венецию, Флоренцию и Рим, конечно, необходимо. Кроме того, это ведь дает много тем для разговора в обществе и возможность произносить избитые фразы об искусстве, которые всегда кажутся необычайно глубокомысленными» [3, 66]. Однако как явствует из концовки, выделенные на путешествие две недели снова были потрачены на времяпрепровождение с женщиной – теперь уже с младшей Рондоли, Карлоттой.

Приступая к переводу отрывка, и Гумилев, и Сологуб работали с текстом Мопассана: сборник рассказов писателя издавала сестра жены Сологуба, Александра Чеботаревская, а Гумилев занялся переводом этого отрывка по просьбе Ауслендера, который переводил рассказ «Сестры Рондоли» [2, с. 669].

Приведем сопоставление двух переводов с текстом оригинала:

Оригинал Луи Буйе	Перевод Ф. Сологуба	Перевод Н.С. Гумилева
Je déteste surtout le barde à l’œil humide Qui regarde une étoile en murmurant un nom, Et pour qui la nature immense serait vide, S’il ne portait en croupe ou Lisette ou Ninon.	Я очень не люблю поэта с влажным взором, Что, глядя на луну, бормочет ряд имен И перед кем весь мир лежит немым простором, Пока не внес он в мир Лизетту или Нинон.	Как ненавижу я плаксивого поэта, Что шепчет имена, смотря на строй планет, Кому является весь мир лишенным света, Когда он не несет Нинон или Лизет.
Ces gens-là sont charmants, qui se donnent la peine, Afin qu’on s’intéresse à ce pauvre univers,	Забавно наблюдать их жалкие старанья Природу украшать. У них уловок тьма —	Они, забавники, стараются всечасно Особый интерес всегда придать всему,

D'attacher des jupons aux arbres de la plaine Et la cornette blanche au front des coteaux verts.	То дамской юбочки среди кустов мельканье, То шляпка белая на зелени холма.	То дерево долин украсят юбкой красной, То шляпкой белою украсят лоб холму.
Certe, ils n'ont pas compris tes musiques divines, Éternelle nature, aux frémissantes voix, Ceux qui ne vont pas seuls, par les creuses ravines, Et rêvent d'une femme au bruit que font les bois.	Конечно, не понять им, вечная природа, Ни музыки твоей, ни дивных голосов, Им скучен путь в тени таинственного свода, И только женщину напомнит шум лесов.	Им не понять твоих божественных мелодий, Природа вечная, вся в легких голосах, Тем, что пустынными тропинками не ходят И грезят женщиной, заслыша шум в лесах.

У Буйле последовательно проводится антитеза истинного и кажущегося: так, бесконечная природа – “nature immense” – кажется поэту пустой (“vide”), пока он не принес туда Лизетт или Нинон, причем имеется в виду вполне приземленный смысл образа: поэт несет девушку “en croupe”, то есть тащит, взвалив ее на спину. Вселенная (“univers”) представляется поэту жалкой (“pauvre”), пока в ней нет женщины, а в реальности же она “éternelle”, «вечная», наполненная “frémissantes voix”, «трепещущими голосами». Эти презируемые автором поэты никогда не бродили по пустынным оврагам “par les creuses ravines” в одиночестве и даже шум леса напоминает им лишь о женщинах.

Оба перевода, выполненные русскими поэтами, достаточно близки оригиналу, при этом в ряде случаев переводческие решения противоречат замыслу Буйле – и замыслу Мопассана, использовавшего этот отрывок в своем рассказе. Прежде всего, у Буйле подчеркивается неестественность действий презируемого им поэта – он «привязывает» юбки к деревьям, а шляпки к холмам, а не «украшает». Оба переводчика на русский язык воспользовались словом «украшать / украсить», подразумевающим, что нечто было некрасивым, а стало более красивым за счет использованного украшения. Между тем, в оригинале автор использует слово “attacher”, «привязать, прикрепить, прилепить», подразумевая, что природа прекрасна сама по себе, она не нуждается в «прикреплении» деталей дамского туалета. Гумилев в данном случае ближе к тексту оригинала, чем Сологуб, так как в его тексте показано нелепое «украшение» деревьев юбками, а холмов – шляпками.

В целом, переводы как Гумилева, так и Сологуба, интересны тем, что выполнены в рамках определенной дискурсивной задачи – не просто перевод стихотворения как такового, а перевод как часть прозаического текста, при этом содержащего авторскую иронию. Если учесть, что рассказчик, цитирующий указанное стихотворение, не осознает, насколько он сам похож на его антигероя, то перевод должен быть как можно более «зашифрованным», завуалированным, он должен обозначать определенную игру, понятную проницательному читателю, но ускользнувшую от недалекого рассказчика. С точки зрения указанной дискурсивной задачи оба переводчика достойно реализовали перевод с учетом обозначенного дискурса коммуникативной ситуации.

Список литературы

1. Bouilhet Louis-Hyacinthe *J'aimai*. Qui n'aima pas? // Festons et astragales, Alphonse Lemerre, éditeur, 1880. – P. 35 – 37.
2. Гумилев Н.С. Переводы. – Санкт-Петербург: издательство Пушкинского дома, издательство «Вита Нова», 2019. – 688 с.
3. Мопассан Ги де. Собрание сочинений в 10 т. – Чимкент: Аурика, 1994. – Т. 3. – 400 с.

10.02.19

Е.П. Игнатьева

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации
кафедра иностранных языков №2,
Иркутск, ele20334045@yandex.ru

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ АНТРОПОНИМ КАК ЦЕННОСТЬ И АНТИЦЕННОСТЬ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье энциклопедический антропоним рассматривается в качестве лингвокультурного феномена, содержащего ценностные характеристики.

Ценностные характеристики энциклопедического антропонима не носят унифицированный характер, в этой связи энциклопедический антропоним может обладать как положительной, так и отрицательной характеристикой.

Ключевые слова: *энциклопедический антропоним, ценность, антиценность, аксиологический статус.*

Одним из важнейших оснований знаковой природы энциклопедического антропонима является то, что он обладает тремя логико-лингвистическими категориями: телом знака (символом), денотатом (предметным компонентом, который известен в языковом сообществе) и сигнификатом (понятийным компонентом), который обеспечивает способность энциклопедического антропонима накапливать информацию, которая может быть причислена к культурно-ценностной информации и представлена в энциклопедических словарях. Таким образом, энциклопедический антропоним рассматривается нами с точки зрения лингвокультурного феномена, который содержит ценностные смыслы.

Антропоним приобретает ценностные характеристики при определённых условиях, а именно, когда антропонимы получают особый аксиологический статус.

Аксиологический статус может быть получен как со стороны дискурсивного, так и экспертного сообщества, то есть персоналия носящая антропоним должна быть включена в дискурсивную практику, которая погружена в определённые события. Таким образом, процесс оценки может происходить под влиянием социально-политических, культурных и интеллектуально-нравственных ориентиров, принятых в обществе. Смена какого-либо социально-политического ориентира может привести к пересмотру значимости того или иного имени собственного. Антропоним как уже было отмечено, включён в дискурсивную практику, которая представляет собой неоднократно воспроизводимую речевую деятельность, это значит, что созданные тексты сохраняются в историческом пространстве.

Историческое пространство – пространство, в котором заложены ценностные смыслы (ориентиры, события), реализующиеся во времени [2].

Отметим, что историчность (фактор времени) является одним из основных свойств семиосферы, а ономастическое пространство – это часть семиосферы [3]. Если действиям реальной персоналии в определённый исторический отрезок будет дана оценка экспертным сообществом, то со временем антропоним этого человека, возможно, станет энциклопедическим. Отметим также, что ценностные характеристики антропонима зависят от ценностной картины мира и не носят унифицированный характер.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы определить какие ценности/антиценности могут представлять энциклопедические имена собственные с точки зрения лингвокультурного феномена.

Термин «ценность» указывает на человеческое, социальное и культурное значение определённых явлений действительности. По существу, всё многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включённых в их круг природных явлений может выступать в качестве «предметных ценностей» или объектов ценностного отношения, то есть оцениваться в плане добра или зла, истины или не истины и т.д. [1].

В нашей статье мы предпримем попытку рассмотреть ценностные характеристики энциклопедических антропонимов «А. Гитлер», «И.С. Конев»

Прежде чем привести примеры, подчеркнём, что ценностные ориентиры, так же, как и ценность энциклопедического антропонима, не всегда являются постоянными величинами и могут меняться с течением времени. Изменение ценностных ориентиров влечёт за собой изменение ценностных характеристик энциклопедического антропонима, что может явиться причиной, по которой энциклопедический антропоним как знак культуры может приобрести отрицательные характеристики и стать антиценностью.

Рассмотрим фрагменты энциклопедических статей из НРЭ.

1. ГИТЛЕР (Hitler), наст. Фам. Шикльгрубер (Schicklgruber) Адольф (20.4.1889-30.4.1945) – германский гос. деятель, руководитель Третьего рейха, лидер нацистов. Из семьи таможенного чиновника в Браунау-ам-Инн (Австрия). <...> На выборах в рейхстаг 6.11.1932 НСДАП одержал победу. 30.1.1933. Г. назначен канцлером Германии. После выборов были арестованы все депутаты-коммунисты. 23 марта Г. добился от рейхстага передачи кабинету министров ряда законодательных функций; с этого момента Г. действовал как диктатор <...>. С 1934 началась антисемитская кампания нацистских властей, преследование евреев, которое вылилось в геноцид [4].

2. КОНЕВ Иван Степанович (16.12.1897 – 21.5.1973) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). На военной службе с 1916. Участник Первой мировой войны 1914-18 на Юго-Зап. фронте, унтер-офицер <...>. В Великую Отечественную войну 1941-45 командовал 19-й армией, Зап., Калининским, Сев.-Зап., Степным, 2-м и 1-м Украинским фронтами. В Московской битве 1941-42 войска под командованием К. нанесли поражение ударной группировке противника, угрожавшей Москве с С.-З [4].

Приведённые примеры энциклопедических антропонимов являются знаками. Первый – «Гитлер» заряжен негативно, но любой знак содержит информацию, а значит обладает и ценностью благодаря стабильным характеристикам, второй – «Конев» обладает положительной характеристикой. Характеристики позволяют этим знакам стать универсальными знаками, которые также как любые другие универсальные знаки могут передавать знания от предыдущих поколений и осуществлять тем самым диалог культур. Под ценностными характеристиками будем понимать положительные или отрицательные эмоционально-экспрессивные свойства, которыми могут обладать знаки семиосферы, такие как энциклопедический антропоним. Ещё раз отметим, что в рамках анализируемого материала ценность – это вклад персоналии в развитие общества. Антиценность – это роль в разрушении общества либо сложившегося в нём культурного уклада.

Ценность не всегда имеет положительный характер, поэтому антиценность также обладает ценностной составляющей, но с негативным значением с точки зрения жизни и благополучия человека.

Мы уже отметили, что ценности энциклопедического антропонима, подвержены определённым трансформациям, поэтому есть вероятность того, что некоторые энциклопедические антропонимы, со временем могут поменять свой знак с положительного на отрицательный и наоборот. В современных условиях происходит постепенный пересмотр исторических событий, даётся иная эмоциональная оценка в связи с чем и деятельность некоторых персоналий может подвергаться пересмотру. Исследование объективности происходящих процессов в какой-либо исторический отрезок не входит в задачу нашей работы, отметим только, что соотношение эмоциональной и объективной оценки имеет место в современном дискурсивном пространстве.

Приведённые отрывки из классических энциклопедий, содержат информацию, которая на период создания энциклопедий не подвергалась сомнению. Экспертное сообщество (специалисты, привлечённые к созданию энциклопедических текстов) также ориентировалось на политическое, экономическое, социальное настроение в обществе.

На сегодняшний день, мы можем отметить начавшееся изменения в настроении дискурсивного сообщества, поэтому маятник ценностной оценки может качнуться в противоположную сторону. Этот процесс пока явно не затрагивает ценностный знак «Гитлер», его аксиологический статус

остаётся отрицательным. Что касается ценностного знака «Конеv», здесь как раз наблюдается процесс смещения ценностных характеристик (ценностного статуса) с положительного на отрицательный. Важным моментом в сложившейся ситуации нужно отметить, то что изменение ценностного статуса происходит в западном дискурсивном сообществе, а не в российском. Западное дискурсивное сообщество на сегодняшний день даёт иную аксиологическую оценку, отличающуюся от оценки, принятой в российском дискурсивном сообществе. Здесь мы наблюдаем разбиение мира, культуры на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их») [3]. Комплекс знаний, накопленный в семиотическом пространстве, может подвергаться толкованию в разных национальных пространствах по-разному. В данном случае проходит граница между культурами и национальными пространствами, граничащими друг с другом. Именно на границе «свое» / «чужое» находится антропоним «И.Конеv». Результатом смены аксиологической ценности является снос памятника И.Конеvu в Чехии и Польше. Приведём отрывок из западной прессы, содержащий оценку деятельности И.С.Конева: «Konev brought Soviet intelligence agents, who methodically hunted down people who had fled the young Soviet Union — Russians, Ukrainians, Belarusians — and been granted citizenship in Czechoslovakia. The agents sent these hapless citizens to their deaths in Siberia» [5].

Таким образом, мы наблюдаем как западное дискурсивное сообщество даёт новую ценностную характеристику из ценностного (положительного), знак «Конеv» становится антиценностью для западного дискурсивного сообщества. Безусловно процесс «переоценки» занимает долгое время, фактор времени (историчность), как было уже отмечено играет важную роль. Если общественно-политическая обстановка в мире останется прежней, приведённый нами отрывок из западного источника может занять место в новой энциклопедии, которая будет характеризовать знак «Конеv» в ином свете.

Подводя итог, ещё раз отметим, что ценностная составляющая энциклопедического антропонима зависит от оценки данной дискурсивным сообществом, а также от социально-политических, культурных и интеллектуально-нравственных ориентиров, принятых в обществе в конкретный исторический период. Таким образом, ценность определённого знака семиотического пространства, например, энциклопедического антропонима может стать антиценностью, которая также обладает характеристиками информативного характера. Эти характеристики в разных дискурсивных сообществах могут иметь иную аксиологическую ценность, что даёт нам право рассматривать энциклопедический антропоним с точки зрения лингвокультурного феномена, содержащий ценностные смыслы.

Список литературы

1. Большая Советская энциклопедия: в 30 т. под ред. А.М. Прохорова. – М.: «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ», 1978. – Т. 28. – 608 с.
2. Игнатъева, Е.П. Энциклопедический антропоним как часть семиотического пространства / Е.П. Игнатъева. – Диссер ... канд. филол. наук. Майкоп, 2018. – с. 69
3. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
4. Новая российская энциклопедия: в 12 т. / под ред. В.И. Данилова-Данильяна. М.: ООО «Энциклопедия», ИНФРА -М, 2013. Т. IV; VIII
5. An Ordeal in Prague [Электронный ресурс] URL:<https://www.nationalreview.com/2020/08/mayor-prague-ivan-konev-monument-removal/> (дата обращения 30.09.20).

10.02.19

Н.М. Краснова канд. филол. наук

Марийский государственный университет,
Институт национальной культуры и межкультурной коммуникации,
кафедра межкультурной коммуникации,
Йошкар-Ола, krasnovanadezhda5@yandex.ru

УДАРЕНИЕ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

В работе предпринята попытка проанализировать ударение в горномарийском языке. В качестве предмета исследования выступают лексические единицы горномарийского языка. Особое внимание уделено ударению в сложных словах.

Ключевые слова: ударение, слог, отклонения, сложные слова.

Данная работа является результатом работы над проектом РФФИ по произносительной норме горномарийского языка и основные проблемы, возникающие во время составления и работы над орфоэпическим словарем, связаны с ударением, т.к. именно ударение изучено в наименьшей степени в горномарийском языке.

В марийском языкознании существует ряд работ, посвященных фонетике, но прежде всего, необходимо выделить работу Л.П. Грузова «Современный марийский язык. Фонетика» [1].

Особого внимания заслуживает работа Е.И. Коведяевой «Проблемы акцентуации марийского языка», посвященной проблеме ударения в марийском языке. Анализ языкового материала дается на основе слухового восприятия, а также впервые обрабатываются данные, полученные на спектрометре. Ударение, по мнению Е.И. Коведяевой, в изолированно взятом слове в горномарийском наречии, как правило, падает на пенультому, т. е. на второй от конца слова слог [2, с. 79].

А.А. Саваткова считает, что ударение в горномарийском языке является фиксированным, оно ставится на предпоследнем слоге слова [3, с. 53]. Однако, она выделяют отдельную группу слов с двояким ударением.

Наш фактический материал показывает, что в горномарийском языке ударение не зависит от фонемного состава слова. Под ударением во втором от конца слова слоге может быть любой гласный, в том числе и краткий гласный [ы] или [й]. Особенно хорошо это проявляется в двусложных и трехсложных словах: **ты́гыр** «зеркало», **пы́сы** «быстрый», **бы́лмы́кы** «прожив», **пы́жаш** «гнездо», **цы́гылты́ш** «щекотка», **пы́рынзы́к** «складка» и т.д. В горномарийском языке действуют совершенно иные по сравнению с лугомарийским языком закономерности постановки ударения в слове. Если в лугомарийском краткий гласный никогда не может быть ударным при наличии в слове хотя бы одного гласного полного образования, то в горномарийском такие случаи встречаются достаточно часто: **мынды́ри** «хитрый», **казы́рташ** «делать шероховатым».

Интересной особенностью ударения является его свойство сохранить ударение на пенультиве, что очень хорошо видно на примерах слов с производной основой: **лы́дам** «читаю», **лыды́на** «читаем», **лыды́далат** «почитаешь», **тала́шем** «спешу», **тала́шет** «ты спешишь», **тала́шеня** «мы спешим», **качкы́лдалы́на** «поедим», **сире́дä** «вы напишете».

В некоторых случаях ударение в горномарийском языке может с пенультивой перемещаться на конец слова. Проанализированный материал показывает, что ударение ставится на последний слог в следующих случаях:

1) Всегда ударными являются суффикс сравнительной степени имен прилагательных **-рак** (**-ра́к**): **цеверра́к** «покрасивее», **на́рашты́ра́к** «понаряднее», **когора́к** «побольше», **таза́рак** «потолще», **ышанра́к** «поумнее».

2) Усилительно-выделительные частицы -ат (-ät), -ят, -ок всегда являются ударными, например: книгäät «книга тоже», мйñят «я тоже», ёдбйремäт «моя дочь тоже», талашыдеок «не поспешив», попыдеоок «не сказав».

3) В глаголах в форме повелительного наклонения всегда ударным является суффикс -ал (-äl), например: талашаш «спешить» - талашал «поспеш»; пелештāш «шептать» - пелештāл «прошепчи».

4) Суффикс -ге является ударным: книгäге «вместе с книгой», кагыльге «и пирог», олмаге «и яблоко».

Одним из интересных результатов нашего исследования является наблюдения над постановкой ударения в существительных, образованных от глагола при помощи суффикса -маш (-mäš). При проведении полевой экспедиции информантам предлагалось прочитать слова с суффиксом -маш (-mäš). Молодые люди в возрасте примерно до 25 лет во всех словах ставили ударение на последний слог – сйñгймāш «победа», алталымаш «обман», пāлймāш «знание», цаклымаш «то, что заметно», шāвймāш «брызги», а люди старшего возраста обозначили следующие ударения в словах – сйñгймāш «победа», алталымаш «обман», пāлймāш «знание», цаклымаш «то, что заметно», шāвймāш «брызги». Можно предположить, что многие имена существительные, образованные от глаголов при помощи суффикса -маш (-mäš) кроме основного ударения могут иметь и побочное ударение или же подобная группа слов в горномарийском языке имеет несколько акцентологических вариантов.

В сложных словах, образованных способом подчинения, когда первый компонент поясняет второй, ударение ставится на первом компоненте, если сложное слово образовано из односложных основ: вйршāр «кровеносный сосуд» (вйр «кровь» + шāр «кровеносный сосуд»), äвāрок «грунт» (äвā «мать» + рок «почва»). В вышеуказанных примерах сложное слово акцентируется как однокоренное и не имеет второстепенного ударения. Ударение ставится на первом компоненте сложного слова и в том случае, когда второй компонент представляет собой односложную основу, а первый – двусложную или же трехсложную основу: сйñзāхал «брови» (сйñзā «глаза» + хал «бровь, надбровие») [2, с. 80].

В сложных словах, образованных способом сочинения компонентов, представляющих собой многосложные основы, ударение получают оба компонента, причем каждый из них имеет ударение на том же слоге, на ка-ком он имел, будучи употреблен как самостоятельное слово: качкаш-йūāш «есть-пить», киндй-санзал «хлеб-соль» и др. В ряде случаев сложные слова сочинительного типа, произносимые с интонацией перечисления, получают главное ударение на последнем слоге первого компонента, а побочное – на пенультима второго компонента: äкāк-шыжарак «сестры», ёзāк-шоляк «брат и сестра», äñгā-ййрāн «обрабатываемая земля» и др. Сложные слова сочинительного типа, в качестве компонентов которых выступают наречия (по своему происхождению являющиеся именами в форме косвенных падежей), имеют равномерное ударение на обоих компонентах: изин-олен «потихоньку», жепйñ-жепйñ «временами», вāрйñ-вāрйñ «кое-где» и др.

При сочетании имени существительного с послелогом ударение в именах существительных смещается. Сравните: ручка «ручка» – ручка дон «с помощью ручки»; карем «овраг» – карем дон «у оврага»; сола – сола гйц «из деревни».

Известно, что в горномарийском языке большое число тюркских и русских заимствованных слов. Е.И. Коведяева дает характеристику ударению в заимствованных словах горного наречия и утверждает, что для иноязычных заимствований в горном наречии характерна постановка ударения на пенультиму [2, с. 81–82]. Наблюдаются случаи, когда заимствованное слово сохраняет ударение на том же месте, что и в оригинале, но язык, стремясь к ударению па пенультиму, достигает этого путем наращения лишнего слога в конце слова: порогы «порог», намозы «навоз», перцй «перец» и др.

Различие в акцентировании иноязычных слов в луговомарийском и горномарийском языках, хорошо выявляется на словах, вошедших в оба языка, например: нужна (Л.) - нужда (Г.) «бедный»; пинчак (Л.) – пинжāк (Г.) «пиджак»; пўкен (Л.) – пбкен (Г.) «стул».

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующее заключение, что словесное ударение в горномарийском языке ещё очень мало изучено; отсутствуют исследования об ударении, взятом в контексте. В живой речи горных мари может наблюдаться перенос ударения с пенультивы на другие слоги слова. Нельзя однозначно утверждать, ударение закреплено за определённым слогом в слове. Передвижение ударения при образовании разных грамматических форм должно быть предметом объектом специального исследования. В горномарийском языке ударение не просто лингвистическое явление, а также средство выделения значимых лексических единиц в потоке речи, т.е. выполняет смысловозначительную функцию, наконец, участвует в ритмической организации речи, в целом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта (проект № 20-012-00481 А).

Список литературы

1. Грузов Л.П., Современный марийский язык. Фонетика. – Йошкар-Ола, 1960. – 162 с.
2. Коведяева Е.И., Проблема акцентуации марийского языка. Москва: Наука, 1970. – 135 с.
3. Саваткова А.А., Горное наречие марийского языка. Savariae, 2002. – 292 с.

10.02.19

М.И. Кысылбанкова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет,
институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра английской филологии,
Якутск, kysylbaikova@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «КУЛЬТУРА» В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье описаны концептуальные признаки концепта «культура» в языковом сознании носителей якутского языка. Сложная структура исследуемого концепта представлена по результатам выявления концептуальных признаков с помощью «семантического геишталя» Ю.Н. Караулова. Данный метод доказывает свою эффективность при изучении концептов на примере языкового сознания с большим количеством респондентов. Выявленные признаки представляют собой интересную структуру концепта «культура» в исследуемом языке.

Ключевые слова: *концепт, языковое сознание, концептуальные признаки, семантический геишталь, культура.*

Результатом изучения концептов является представление его структуры в языковом сознании носителей того или иного языка. В нашем случае представлен анализ выявления концептуальных признаков в структуре концепта «культура». Концепт «культура» - понятие широкое, его можно рассматривать как духовно-нравственный, культурный, образный концепты. В настоящее время под «культурой» многие исследователи мира понимают смесь духовных и материальных ценностей и качеств, которые предложены обществом, и они же дают характеристику уровня ее развития. Появляются признаки различия материальной и духовной культур [2], [3], [4].

Исследование «культуры» в языковом сознании якутов представлено ассоциативным экспериментом, в результате которого всего было получено 22201 реакция среди 2000 респондентов. Испытуемые представили свои ассоциативные реакции на 15 слов-стимулов.

Для анализа данных ассоциативного эксперимента с целью представления структуры исследуемого концепта полученные реакции якутов были распределены по следующим семантическим зонам, предложенным Ю.Н. Карауловым: кто, что, какой, каков, это, делать, где, когда [1].

На примере рассмотрим семантическую зону «Что» (предмет, ассоциируемый со словом-стимулом). Сюда вошли следующие реакции: *компьютер / компьютер (500), айах / рот (450), хартыына / картина (408), техника / техника (300), хомус / хомус (варган, национальный музыкальный инструмент якутов) (180), кинигэ / книга (170), ох / стрел (50), глобус / глобус (30), тиис / зубы (30), доклад / доклад (30), букубаар / букварь (27), диссертация / диссертация (25), кириэс / крест (20), салама / инур из конского волоса с дарами (20), сэргэ / коновязь (20), транспорт / транспорт (20), курсовой улэ / курсовая работа (20), ачыкы / очки (10), сахалыы танас / национальная одежда (10), тылдьыт / словарь (10), манан баттах (10), кьи тыла / человеческий орган (10), араадьыйа / радио (9), автобус / автобус (8), пианино / пианино (8), бастына / якутская корона (8), арыгы / алкоголь (8), телефон / телефон (8), мас / дерево (6), турба / трубы (5), массыына / машина (5), мааман / мамонт (5), трансформеры / трансформеры (4), уут / молоко (4), бинсээк / пиджак (3), сэлээппэ / шляпа (2), уерэх кинигэтэ / учебник (2), оо5уй о5ус / паук (2), туйах / копыто (2).*

Представленная семантическая зона «Что» предлагает большое количество реакций, поэтому их следует распределить по семантической близости. В скобках представлено количество реакций.

Концептуальный признак «Образование»: *книгэ / книга (170), глобус / глобус (30), доклад / доклад (30), букубаар / букварь (27), диссертация / диссертация (25), тылдьыт / словарь (10), уерэх киингэтэ / учебник (2)*. Всего 294 реакции.

Концептуальный признак «Информационные технологии»: *компьютер / компьютер (500), техника / техника (300), телевизор / телевизор (13), араадыыа / радио (9), телефон / телефон (8)*. Всего 422 реакции.

Концептуальный признак «Искусство»: *хомус / хомус (варган, национальный музыкальный инструмент якутов) (180), салама / инур из конского волоса дарами (20), сахалыы танас / национальная одежда (10), пианино / пианино (8), бастына / якутская корона (8)*. Всего 226 реакций.

Семантическая зона «Это» представляет самое большое количество реакций, это те реакции, которые служат в качестве «квазидефинитивных конструкций, в которых местоимение «это» выполняет роль гипотетической связки» [Караулов]. В связи с большим количеством реакций в данной зоне мы получили достаточное большое количество признаков:

Концептуальный признак «Фольклор»: *олонхо / олонхо (1200), ыьыах / ысыах (520), оьуохай / осуохай (380), фольклор / фольклор (240), тойук / тойук (200), традиция / традиция (154), туом, дуом / обряд (130), уос номо5о / поговорки (120), остуоруйа / сказка (100), ес хобооно / пословицы (100), алгыс / благословение (44), сири-уоту аьатыы / угощение духов земли, огня (40), норуот ырыата / народные песни (25), чабыр5ах / скороговорки (25), сиэр-туом / обычай (25), дэгэрэн ырыа / якутская песня с размеренной мелодией (10), дыиэрэтии ырыа / высокое, торжественное пение (10), саха кэпсээннэрэ / якутские рассказы (10), хабылык / игра, состоящая в подбрасывании и подхватывании палочек (5), остуоруйа / сказка (4)*. Всего 3352 реакции.

Концептуальный признак «Вера»: *Айыы / Божество (600), христианство / христианство (170), итэ5эл / религия (102), Урун Аар Тойон / пресветлый господин (всевышнее божество, творец и верховный властитель всей жизни на земле) (100), Айыыыт / Айыысыт (богиня, покровительствующая увеличению потомства) (90), Ийиэхсит (богиня, покровительствующая людям, лошадям и рогатому скоту) (90), Танара / Бог (10), урдуку айыыларга сугуруйуу / преклонение к наивысшим богам (5), буддизм / буддизм (4), ислам / ислам (4)*. Всего 1175 реакций.

Концептуальный признак «Язык»: *саха тыла / якутский язык (1648), тыл / язык (37), корейскай тыл / корейский язык (20), кытай тыла / китайский язык (20), языкознание / языкознание (20), сытыы тыл / острословие (10), терут тыл / родной язык (10), хинди / хинди (9), тыллар / слова (8), лексикология / лексикология (7), тыл уерэ5э / филология (7), литература / литература (4)*. Всего 1800 реакций.

Концептуальный признак «Наука»: *уерэтии / обучение (700), билии / знание (650), философия / философия (350), наука академията / академия наук (150), уорэх / образование (118), саха интеллигенцията / якутская интеллигенция (100), биология / биология (50), физика / физика (50), химия / химия (50), точнай наукалар / точные науки (25), эм-том уерэ5э / медицина (15), интеллигенция / интеллигенция (10), ахсаан / математика (10), Нобелевская премия / Нобелевская премия (10), наука / наука (7), экономика / экономика (6)*. Всего 2301 реакция.

Концептуальный признак «Искусство»: *култуура / культура (731), искусство / искусство (350), дьо5ур / талант (325), кыраасканан уруьуй / живопись (100), чочуйан оноруу / скульптура (100), ырыа / песня (80), кэрэ / красота (80), ункуу / танец (70), быыстапка / выставка (70), архитектура / архитектура (40), айар улэ / творчество (40), ийиши / вдохновение (40), айыы-тутуу / творение (35), киинэ / кино (20), сатабыл / мастерство (15), музыка / музыка (10), поэзия / поэзия (10), скрипичнэй кулуус / скрипичный ключ (10), балет / балет (10)*. Всего 2136 реакций.

Концептуальный признак «Спорт»: *курэхтэһии / соревнования (700), чел олох / ЗОЖ (здоровый образ жизни) (120), Азия оҕолоро / Дети Азии (95), мас тардыыы / мас-рестлинг (10), Дыгын оонньуулара / игры Дыгына (8), хомуурхапса5ай / хапсагай (национальный вид борьбы) (4), энергия / энергия (4), боотурдар оонньуулара / игры боотуров (игры воинов) (4). Всего 945 реакций.*

Концептуальный признак «Разум»: *ей-санаа / ум, разум (575), ус кут / душа человека (356), ей / ум (70), утуе санаа / добрая душа (40), ис турук / внутренний мир (20), толкуй / мысль, дума (9), дууа / душа (4), духуобунас / духовность (4). Всего 1078 реакций.*

Концептуальный признак «Литература»: *«Сааскы кэм» / «Весенняя пора» (40), «Байанай алгыһа» / «Благословление Баяная» (35), айымньы / произведение (30), проза / проза (20), кэпсээн / рассказ (14), «Сурэх тэбэрин тухары» / «Пока бьется сердце» (9), новелла / новелла (4). Всего 152 реакции.*

Итак, в результате анализа всех полученных реакций носителей якутского языка и их распределения по зонам по методу «семантический гештальт» Ю.Н. Караулова, мы выявили следующие концептуальные признаки: «Фольклор» (17,8%), «Искусство» (11%), «Наука» (11,2%), «Литература» (10,2%), «Язык» (8,1%), «Спорт» (7,6%), 7 признак «Образование» (7,7%), «Вера» (5,3%), «Душа» (4,8%), «География» (4,5%), «Семья» (2,7%), «Признак» (2,1%), «Информационные технологии» (1,9%), «История» (1,5%), «Признак национальности» (1,4%), «Время» (1,0%), «Качество» (0,3%).

По полученным данным ядром концепта «культура» в языковом сознании носителей якутского языка является «фольклор». Первый слой структуры концепта «культура» в якутском языке представляют признаки «Искусство», «Наука», «Литература». Второй слой - «Язык», «Спорт», «Образование». Третий слой - «Вера», «Душа», «География», «Семья».

Использованный метод «семантического гештальта» позволил структурировать и представить семантическое составляющее исследуемого концепта «культура» на примере якутского языка.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 191-206.
2. Bassnett S. Studying British Cultures. – 2-nd ed. – L.; N. Y.: Routledge, 2003. – 255 p.
3. Giles J. Studying Culture: A Practical Introduction. – 2-nd ed. – Oxford: Blackwell, 2008. – 288 p.
4. Storey J. Cultural Studies and the Study of Popular Culture: Theories and Methods. – 3-rd ed. – Edinburgh: University Press, 2010. – 275p.

10.12.19

Ф.Ф. Ларионов, С.В. Филиппова канд. филол. наук.

Северо-Восточный федеральный университет,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра перевода, кафедра английской филологии,
Якутск, f.f.larionov@gmail.com, filippova_sargylana@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ПОБЕДИТЕЛЯ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В данной статье на материале публикаций спортсменов в социальных сетях рассматриваются атрибутивные признаки образа победителя в Интернет-дискурсе. В ходе исследования были использованы методы контекстуального, семантического, стилистического и описательного анализа. В результате проведенного анализа выявлены ключевые признаки образа победителя и языковые средства, при помощи которых конструируется его образ.

Ключевые слова: образ, Интернет-дискурс, языковые средства, социальные сети.

Целью данного исследования является выявление атрибутивных признаков образа победителя в Интернет-дискурсе. Данные признаки рассматриваются нами как необходимые составляющие побед и успеха спортсменов. Актуальность нашего исследования заключается в том, что в наше время внимание общественности направлено на медийных личностей, в связи с чем вызывает интерес, каким образом они используют данное обстоятельство при формировании у аудитории мнения о себе и самопрезентации желаемого образа в медиапространстве. Возникает вопрос, какие атрибуты и качества субъекты спорта выдвигают в качестве ключевых признаков победителя. Новизна работы заключается в том, что впервые рассматриваются атрибутивные признаки образа победителя, конструируемого в рамках социальных сетей.

На сегодняшний день индустрия спортивных развлечений набирает всю большую популярность. Помимо трансляций спортивных событий многим спортсменам предоставляется возможность репрезентировать себя во время интервью, пресс-конференций и ток-шоу. Формированию желаемого образа также способствует активность в социальных сетях. На своих страницах спортсмены могут делиться со своими подписчиками различной информацией, например, обсуждать семейный статус, интересы и увлечения, личные достижения, последние новости и т. п. Социальные сети позволяют активно взаимодействовать с другими пользователями посредством комментариев, личных сообщений, прямых эфиров [3]. Также стоит отметить, что у спортсменов есть полная свобода выбора темы своих публикаций, что способствует самостоятельному отбору событий, фото- и видеоматериалов и созданию текстов к ним. Таким образом, посты в социальных сетях мы рассматриваем как продукт или результат конструирования желаемого образа.

В современной лингвистике актуальным вопросом является определение понятия «образ» и выявление способов его формирования. Однако М. В. Берендеев считает, что образ – это «категория не просто собирательная, она сложна для репрезентации и последующего анализа тем, что является дискурсивно-конструированной, т.е. зависит от большого количества факторов - привязана к определенным условиям, событиям, настроениям и иным маркерам ситуации» [1]. В данном контексте понятие «образ» мы рассматриваем как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений», которые формируют у аудитории субъективный образ [2].

В качестве материала исследования используются высказывания спортсменов, взятые из публикаций в социальных сетях Instagram и Twitter. При работе над материалом исследования были использованы методы семантического, контекстуального, стилистического и описательного анализа. Результаты проведенного анализа публикаций, в которых вербализуется образ победителя, позволили определить следующие атрибутивные признаки:

1. Превосходство над оппонентом. Перед боем с Флойдом Мейвезером Конор МакГрегор опубликовал в своем Instagram фото [8], подписав его: *It won't even take me half a punch to sleep this man (Хватит и меньше половины удара, чтобы уложить его)*. В данной публикации К. МакГрегор акцентирует внимание на превосходстве над своим оппонентом в силе удара. Боец использует литоту при характеристике объема усилий (*won't even take me half a punch*), необходимых для победы над Ф. Мэйвезером, тем самым преуменьшая физические возможности своего соперника.

2. Прошлые достижения. Бывший чемпион UFC в легчайшем и легком весе Генри Сехудо часто упоминает свои достижения в интервью и социальных сетях. В одной из подобных публикаций [7] Г. Сехудо написал: *The only man in human history to not be given a nickname but to earn the name Triple C. Olympic Champion • flyweight champion •bantamweight champion of the world (Единственный человек в истории человечества, которому не дали прозвище, а который заслужил право носить имя Трипл Си. Олимпийский чемпион • чемпион мира в легчайшем весе • чемпион мира в легком весе)*. В данной публикации Г. Сехудо объясняет причину, по которой он достоин носить звание *Triple C (Тройной чемпион)*. Спортсмен описывает свои достижения в спорте путем перечисления своих побед, обособляя каждое из них графическим символом «•». Данный текст подкреплён фотографиями, на которых изображен Г. Сехудо в день выигрыша каждого из чемпионств, что визуально усиливает высказывание.

3. Финансовое благополучие и статус. Флойд Мейвезер часто напоминает о своем финансовом состоянии в социальных сетях. Так, под одной из публикаций [5] Ф. Мейвезер прикрепил видео с подписью: *Real Royalty. Everything I got on is real, even the cup I'm sipping out of is real gold and if you don't like it... you're a REAL HATER (Настоящее Королевское величие. Все, что на мне, настоящее, даже кубок – из которого я пью – настоящее золото, а если тебе это не нравится...ты НАСТОЯЩИЙ ЗАВИСТНИК)*! На видео Ф. Мейвезер стоит на пачках денег и пьет из золотого кубка, на нем несколько цепей и браслетов, украшенных драгоценными камнями. Высказывание, содержащее лексические единицы *gold, royalty, real*, усиливается при помощи видеоряда, в котором камера фокусируется на всех вышеуказанных атрибутах (деньги, украшения, золото).

4. Образы животных. Аманда Нунес часто выкладывает различные фотографии с изображениями львиц, напоминая о своем прозвище *Lioness (Львица)*. В одной из публикаций [4] А. Нунес сравнивает свое поведение во время боя с поведением львицы: *Always alert / Sempre alerta (Всегда начеку)*. Стоит обратить внимание на то, что в публикации размещено две фотографии, на которых А. Нунес и львица смотрят в одну сторону. Таким образом, фоторяд усиливает высказывание, в котором А. Нунес отождествляется с хищным зверем.

5. Поддержка бога и высших сил. Игрок «Милуоки Бакс», Яннис Адетокунбо опубликовал в Instagram фото со своими братьями [6], подписав его следующим образом: *God put us here and God makes no mistakes (Господь привел нас сюда, и Господь не совершает ошибок)*. Текст несет религиозный характер, спортсмен утверждает, что успешная карьера братьев Адетокунбо была предreshена богом.

6. Уверенность в победе. После анонса боя между Конором МакГрегором и Дастином Пуарье, фанат в Twitter задал вопрос о том, сколько времени в бою продержится Д. Пуарье (*How long does Dustin last (Как долго Дастин продержится?)*). В ответ К. МакГрегор заявил следующее: *I will aim to not only improve on the time I beat him in previously, but the shot I slept him with also! Poirier is a hell of a fighter, but I'm McGregor (Я собираюсь улучшить не только*

время, за которое я его победил в прошлый раз, но и тот удар, которым я отправил его в нокаут! Пуарье – чертовски хороший боец, но я – МакГрегор) [9]. В своем ответе К. МакГрегор обещает повторить результат предыдущего боя и отправить Д. Пуарье в нокаут тем же ударом за более короткое время, что, несомненно, говорит об уверенности спортсмена в будущей победе. Несмотря на высокое мнение о бойцовских качествах и возможностях своего оппонента, К. МакГрегор уверенно заявляет о неизбежности результата боя и своей победе, напоминая аудитории об исходе их предыдущей встречи, а именно о нокауте на 1 минуте 46 секунде первого раунда. В конце высказывания спортсмен использует прием противопоставления, называет соперника хорошим бойцом, а себя МакГрегором, намекая, что именно этот факт определяет его превосходство над Д. Пуарье.

Проведенный анализ публикаций в социальных сетях позволил выделить языковые средства, конструирующие образ победителя в Интернет-дискурсе. В высказываниях спортсменов наблюдается употребление приемов литоты, повтора, противопоставления, восклицания, а также различные графические элементы. В Интернет-дискурсе образ победителя формируется путем репрезентации следующих атрибутивных признаков: превосходство над оппонентом, прошлые достижения, финансовое благополучие и статус, образы животных, поддержка бога и высших сил, уверенность в победе.

Список литературы

1. Берендеев, М.В. «Образ» как эпистемологическая категория в дискурсивных практиках // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 2012. – №3. – С. 131-137.
2. Марущак А.В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве // Журналистский ежегодник. 2012. – №1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-sotsialnyy-obraz-rossii-v-merikanskom-mediaprostranstve> (дата обращения: 19.10.2020)
3. Мифы и реальность социальных сетей в Интернете // Энциклопедия сайтостроения [Электронный ресурс]. URL: <http://site-new.pnric.ru/content/view/358/33> (дата обращения 19.10.2020)
4. amanda_leoa // Instagram. [Электронный ресурс] URL: <https://www.instagram.com/p/B6OCVc7AeZf/> (дата обращения: 25.10.2020)
5. floydmayweather // Instagram [Электронный ресурс] URL: <https://www.instagram.com/p/BtuXXA0BL7s/> (дата обращения: 7.11.2020)
6. giannis_an34 // Instagram [Электронный ресурс] URL: https://www.instagram.com/p/B6R_rDtlfGh/ (дата обращения: 4.11.2020)
7. henry_cejudo // Instagram. [Электронный ресурс] URL: https://www.instagram.com/p/B--dmlgj_lw/ (дата обращения: 26.10.2020)
8. thenotoriousmma // Instagram. [Электронный ресурс] URL: https://www.instagram.com/p/BWek_0Lg2TF/ (дата обращения: 16.10.2020)
9. TheNotoriousMMA // Twitter. [Электронный ресурс] URL: <https://twitter.com/TheNotoriousMMA/status/1322990307290583041> (дата обращения: 3.11.2020)

10.02.19

А.Е. Михайлов, Н.В. Сабурова канд. филол. наук

Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Кафедра восточных языков и страноведения,
Якутск, aizenmix108@gmail.com

СПОСОБЫ СМЫСЛОФОРМИРОВАНИЯ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА НА МАТЕРИАЛЕ КАРИКАТУР О ПРОТЕСТАХ В ГОНКОНГЕ

В данной работе исследуется политическая карикатура как часть политического дискурса и как вид креолизованного текста. Рассматриваются вербальные и иконические средства, применяемые в карикатуре, а также феномены языкового сознания в качестве лингвокультурного аспекта. Ведётся дискурсивный анализ политических карикатур на английском языке, с целью выявления средств создания образа Китая в политических карикатурах на тему протестов в Гонконге.

Ключевые слова: *политический дискурс, политическая карикатура, креолизованный текст, стилистические приемы, пресуппозиции, феномены языкового сознания.*

Политический дискурс – это связный текст, в совокупности с экстралингвистическим политическим контекстом [4, 2]. В дискурсе сочетание вербальных и иконических компонентов называется креолизованным текстом [3]. Политическая карикатура выступает как один из жанров креолизованного текста, представляющего авторское видение на тему определенного политического события, явления, лица или даже, как в нашем случае, целого государства [6]. Под лингвокультурным аспектом следует понимать феномены языкового сознания – языковые единицы, закрепленные в нём. К этим феноменам относятся мифологические образы, фольклорные персонажи, религиозные представления, а также современные стереотипные образы [5]. Что касается особенностей политической карикатуры, то мы рассмотрели понятие пресуппозиций – фоновых знаний, которые необходимы для полноценного понимания определённой карикатуры. Карикатура также состоит из стилистических приемов, таких как каламбур, метафора, гипербола, ирония, аллюзия и синекдоха [1]. Характерной чертой тематики и отобранного исследовательского материала является высокая релевантность, так как на момент написания настоящей статьи действительная политическая ситуация в Гонконге определяется как «нестабильная», а реальный политический конфликт остаётся нерешённым.

Рис. 1 – “Hong Kong protests”

Первая карикатура (Рисунок 1), автором которой является Дэн Вассерман (Dan Wasserman), опубликована 29 сентября 2014 года на сайте Boston Globe [8]. Многочисленные акции протеста против реформ в местном избирательном праве, которые учитывали контроль властей из Пекина, начались 28 сентября 2014 года и продолжались 79 дней. Эти протесты называли «Революцией зонтиков», так как протестующие использовали зонтики как символ протестов. Все начиналось с короткой сидячей акции «Захвати Централ» (англ. Occupy Central), которая предполагала обычную забастовку в центральном районе города перед зданием правительства. На улицы вышли тысячи человек после того, как силовые структуры применили слезоточивый газ против бастующих.

На карикатуре мы наблюдаем толпы протестующих с плакатами “Democracy” («Демократия»), “Let Hong Kong vote!” («Пусть Гонконг голосует!»), “Vote!” («Голосуй!»), “Occupy” («Захватывай»). По этим плакатам мы можем легко догадаться, о каких именно протестах идет речь. Протестующие будто обращаются к двум мужчинам в костюмах, судя по надписи “CHINA” на спинах, представляющих Китай, его правительство. Один из мужчин говорит другому: “Oh, no! This is one of those fires that spreads when you spray it!” («О, нет! Это один из таких пожаров, который распространяется при тушении!»). Исходя из фоновых знаний, мы знаем, что протесты изначально не планировали быть столь массовыми. Однако произошла эскалация, когда полиция применила слезоточивый газ. Именно об этом говорит данное высказывание. Автор выставляет действия китайских властей, а следовательно и правительства Гонконга в не лучшем свете. Видимо, они надеялись на то, что оказание давления на протестующих усмирит их, но в итоге власти получили совершенно обратный результат. Таким образом, мы выделяем прием вербальной метафоры в вышеупомянутой реплике, где протесты сравниваются с пожаром, а применение силы полицией, конкретнее слезоточивого газа, сравнивается с пожаротушением. Образ Китая здесь предстает очень обобщенно – в виде двух мужчин-чиновников, определенно членов Коммунистической Партии Китая. Никакого конкретного стереотипа в этом случае не выявлено.

Рис. 2 – “The Chinese Dragon”

Вторая карикатура (Рисунок 2) опубликована 5 октября 2014 года на сайте The English Blog. Автором является Дэйв Грэнланд (Dave Granlund) [7]. Китайский дракон – существо из мифов и легенд, фольклора китайского народа. Драконы делятся на породы и группы, и описываются очень по-разному: иногда это существа с головой верблюда, рогами оленя, лапами тигра, а порой они больше похожи на черепах или рыб. Однако драконы уже давно изображаются в более привычном для нас виде, как и на приведенной карикатуре, змееподобными существами с чешуей. Такой образ дракона был и закреплен во время Китайской империи, символизируя силу имперской власти.

На данной карикатуре изображен огромный зеленый дракон, изрыгающий из ноздрей пламя, сжигающее плакат с надписью: “Democracy for Hong Kong. Freedom of choice!” («Демократия для Гонконга. Свобода выбора!»). Внизу если приглядеться, то можно заметить силуэт толп людей, которые и держат этот плакат. Надпись “China” на драконе не

оставляет сомнений в том, что данное мифическое существо предстает в виде агрессивного и могучего образа Китая. Иконическая метафора использована в изображенном сжигании драконом протестного плаката – Китай не позволит Гонконгу продвигать демократические лозунги, и использует свою силу при необходимости, а значит китайское правительство, естественно, против автономии Гонконга. Несмотря на то, что китайский дракон – это символ добра, в этой карикатуре он изображен, очевидно, как злое и враждебное существо. Прием анимализации использован в изображении Китая в виде дракона. В то же время дракон служит реализацией феномена мифологических образов, ведь отсылки на конкретного фольклорного персонажа не наблюдается.

Итак, в ходе проведенного дискурсивного анализа были введены все необходимые пресуппозиции, с учётом которых выявлены реализации стилистических приемов в виде метафор. Три разные метафоры: вербальная, иконическая и приём анимализации. В первой карикатуре Китай представляет обобщенный образ чиновников, однако к реализации феномена языкового сознания это отнести нельзя. Китайский дракон служит образом Китая во второй политической карикатуре, что уже является реализацией феномена языкового сознания, а именно использованием мифологического образа в данном креолизованном тексте. Случаев обращения к стереотипам, фольклорным и религиозным феноменам пока не обнаружено. В дальнейшем планируется расширение материала по данному исследованию.

Список литературы

1. *Артемова Е.А.* Карикатура как жанр политического дискурса: дисс. на канд. фил.наук. Волгоград, 2002. 175 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://cartoonia.ru/ru/library/articles/русский-1-карикатура-как-жанр-политиче/> (дата обращения: 29.06.2020).
2. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
3. *Воронина О.А.* Карикатура как вид креолизованного текста. Вестник ЦМО МГУ, 2009, № 2. Русистика с. 15.
4. *Карасик В.И.* О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000 (а). – С. 5–20.
5. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология в новой научной парадигме. Сфера языка и прагматика речевого общения. Международ. сб. науч. трудов. Книга 1. Краснодар, 2002. С.204-14.
6. *Середица Е.В., Морозова Е.Н.* Особенности выражения авторской позиции в американской политической карикатуре. [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/151229298.pdf> (дата обращения: 29.06.2020).
7. *Granlund Dave.* Cartoon: The Chinese Dragon. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.englishblog.com/2014/10/cartoon-the-chinese-dragon.html#.XtB7GIsufIU> (дата обращения: 29.06.2020).
8. *Wasserman Dan.* Editorial cartoon: Hong Kong protests. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bostonglobe.com/opinion/2014/09/29/editorial-cartoon-hong-kong-protests/nq1TIHmDL4Q3ls7wNQ2vgK/story.html> (дата обращения: 29.06.2020).

10.02.19

**Н.О. Орлова канд. филол. наук, О.Ю. Богданова канд. филол. наук,
О.Л. Крамаренко канд. филол. наук**

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны,
кафедра иностранных языков
Ярославль, tashaorlova25@yandex.ru, dictema@mail.ru, petruper@mail.ru

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВОЕННОГО ДИСКУРСА КАК ОСОБОГО ТИПА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются отличительные особенности военного дискурса, занимающего особое положение в типологии институционального дискурса. Подчеркивается, что военный дискурс является относительно самостоятельным видом дискурса. Актуальность данной темы заключается в необходимости теоретического и практического исследования неотъемлемых компонентов данного вида речевой деятельности. Проводится подробный анализ основных компонентов, входящих в состав военного дискурса. Делается вывод о том, что основными чертами текста военного дискурса являются императивность, стандартизированность, четкость и информативность.

Ключевые слова: *дискурс, институциональный дискурс, военный дискурс, особенности военного дискурса, компоненты военного дискурса.*

Военный дискурс представляет собой особый вид речевой организации картины мира военнослужащих, соотнесенный с речевой военной ситуацией и военной сферой. Военному дискурсу присущи институциональность, специфическая военная хромотопность, интенциональность, процессуальность, военно-фактологическая информативность, авторитетность военно-теоретических и военно-исторических источников, способность к взаимодействию с другими дискурсами институционального типа [5, с. 9]. Данный тип дискурса характеризуется такими особенностями, как императивность, логичность и четкость излагаемой мысли.

Вполне очевидно, что с точки зрения социолингвистики, военный дискурс представляет собой один из типов институционального дискурса, поскольку в данном случае речь идет об общении людей, принадлежащих к определенной социально-профессиональной группе – группе военнослужащих. По мнению В. И. Карасика «...любому институциональному типу дискурса присущи определенные неотъемлемые компоненты: участники; хромотоп; цели; ценности; стратегии (совокупность мер по реализации коммуникативных намерений говорящего); материал (тематика); разновидности и жанры; прецедентные (культурогенные) тексты; дискурсивные формулы [2, с. 12]. Очевидно, что и для военного дискурса характерно наличие перечисленных выше компонентов. Целью данной работы является характеристика основных составляющих исследуемого типа институционального дискурса – военного.

Не вызывает сомнения тот факт, что военный дискурс имеет достаточно закрытый характер, так как чаще всего он касается стратегии и тактики ведения войны, а нередко может составлять и государственную тайну. Участниками военного дискурса часто являются главы государств или руководители военных ведомств, которые выступают по ключевым вопросам военной политики государства. Хотя, следует отметить, что в зависимости от конкретной ситуации общения, дискурс может осуществляться между самими военнослужащими (служивцами), а также между военными и гражданскими лицами. Отметим, что в первом случае имеет место «симметричное общение», т.е. акт коммуникации двух равноправных партнеров по общению, тогда как во втором случае следует говорить о «несимметричном общении», т.е. акте коммуникации двух

неравноправных партнеров по общению. Неравенство участников военного дискурса является его характерной и специфической особенностью, поскольку военную сферу в целом отличает жесткая субординация. При осуществлении акта коммуникации принято уважительное обращение по званию, которое подчеркивает все статусно-ролевые характеристики партнеров по общению как продуцентов определенного военного дискурса. Таким образом, военный дискурс представляет собой специализированную клишированную разновидность вербального общения между военнослужащими, которые участвуют в производстве военного диалогического дискурса в соответствии с военными нормами коммуникации.

Хронотопом военного дискурса является обстановка, типичная для реализации военного диалога и чаще имеет формат выступлений в стенах военных учреждений. Для военного дискурса характерно, что его *цели и ценности* главным образом связаны с непосредственным ведением (или подготовкой к проведению) военных действий, их инициации, стратегии и тактики, а также с разрешением военных конфликтов, реализацией военной политики государства. Военный дискурс может особенно ярко проявляться в апелляции к тем качествам, которые больше всего необходимы для удачного исхода военных операций, таких как храбрость, мужество, выносливость военнослужащих. Ценности военного дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах: война, противник (враг), вооружение и др.

Интересным также представляется тот факт, что милитаристский характер мировоззрения военнослужащего в целом определяет выбор его коммуникативных *стратегий*. Военнослужащий смотрит на мир глазами военного и создает милитаристские номинации в своей картине мира. Стратегии военного дискурса определяются его частными целями и зависят от конкретной ситуации общения. Как отмечает ряд исследователей [1, 4, 5, 6, 7], в военном дискурсе встречаются следующие разновидности языковых личностей: *информатор, манипулятор и кооператор*. Каждый из перечисленных типов языковых личностей в военном дискурсе применяет свою собственную языковую стратегию: информирование, манипулирование, кооперирование [4, с. 104].

Сфера общения военных, как уже отмечалось ранее, имеет определенную специфику, характеризуется особыми статусно-ролевыми отношениями, подразделяется на определенные тематические группы. Можно предложить следующую *тематическую типологию*, в рамках которой осуществляется производство военного дискурса:

- повседневное межличностное общение между военнослужащими (сослуживцами), обсуждение вопросов быта, обмундирования и т.п.;
- общение, характеризующееся субординацией, в зависимости от звания или должности военнослужащего/военнослужащих;
- коммуникация, связанная с родом деятельности военнослужащего, его принадлежности к определенному виду вооруженных сил или роду войск, во время проведения учений, миротворческих или боевых операций;
- общение между военными и гражданскими лицами.

Рассматривая *жанры* военного дискурса, следует отметить, что на сегодняшний день существуют различные классификации, однако многие отечественные исследователи подразделяют военный дискурс, прежде всего, на *формальный* и *неформальный* типы. К формальному типу военного дискурса относятся художественные и публицистические тексты по военной тематике; военно-технические и военно-научные материалы; военные документы (акты военного управления), регламентирующие деятельность вооруженных сил, например, уставы, приказы, распоряжения, донесения, сводки и другие. Следует отметить, что военным текстам формальных жанров, в особенности военным документам, присущи такие характеристики, как высокая степень стандартизации, информационной насыщенности и компрессивности информации, среди которой преобладают факты.

Неформальный военный дискурс – это неофициальное общение в военной сфере, которое только при условии относительно равных статусно-ролевых отношений коммуникантов является возможным в среде военнослужащих. Жанрами неформальной части военного дискурса являются социально-профессиональные аргы, жаргонизмы, сленг, например, армейский сленг, военный анекдот и т.п. Сленг представляет собой разновидность разговорной речи, которая обладает образностью, ярко выраженной эмоционально-оценочной окраской, юмором, языковой игрой и модной неологией, которая может также включать отдельные слова и выражения – вульгаризмы и просторечия. При этом сленговые лексические единицы являются стилистическими синонимами слов литературного языка [3, с. 6]. В жанре военного анекдота также отмечается большое тематическое разнообразие: тема внешнего вида военнослужащих; тема новобранцев; тема строевой подготовки и несения воинской службы и др.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что военный дискурс является самостоятельным институциональным типом дискурса, специфика которого обусловлена принадлежностью его субъектов к военному институту. Наличие компонентов, присутствующих в любом институциональном дискурсе, также характерно и для военного дискурса. Императивность, стандартизованность, четкость и информативность – основные черты текста военного дискурса. Однако, несмотря на жесткость и регламентированность военного дискурса, он достаточно гибкий и может взаимодействовать с другими типами институционального дискурса. Один из каналов взаимодействия – средства массовой информации, через которые может происходить полемика с военным институтом. В связи с активным использованием информационных технологий и интернета, весьма закрытый ранее военный дискурс в настоящее время стал более открытым и доступным. Распространению военного дискурса способствует создание сайтов военных печатных изданий и веб-страниц видов вооруженных сил и военных ведомств и учреждений, которые делают военный дискурс более открытым и понятным.

Список литературы

1. *Бабаян В.Н.* Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 1. С. 76-81.
2. *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5-20.
3. *Орлова Н.О.* Сравнительная национально-специфическая характеристика американского и русского сленга: лексико-грамматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2006. – 17 с.
4. *Уланов А.В.* Коммуникативные стратегии в военном дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 99–109.
5. *Шашок Л.А.* Структурные особенности военного дискурса: обоснование необходимости исследования // Актуальные вопросы филологических наук: материалы VI Международной научной конференции. Краснодар: Новация. 2019. С. 9–13.
6. *Юсупова Т.С.* Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т.11. № 4(4). С. 1055–1058.
7. *Michaels J.* The discourse trap and the US military. New York: PALGRAVE MACMILLAN. 2013. 267p.

10.02.19

Е.В. Петрушова канд. филол. наук

Кубанский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра английского языка в профессиональной сфере,
Краснодар, lena_1987@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ СЛОВАРЯ-ТЕЗАУРУСА ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ БИЗНЕСА

В работе представлены результаты построения минимального англо-русского словаря-тезауруса предметной области «Бизнес», основанные на фреймовой модели систематизации знаний.

Ключевые слова: *тезаурус, фрейм, предметная область, бизнес.*

Предметная сфера бизнеса объединяет существенно важные понятия в жизни человечества. Несмотря на большое количество исследований в этой области [2, 3, 4], она, тем не менее, не является всесторонне изученной. Целью данной работы является создание минимального англо-русского словаря-тезауруса предметной области «Бизнес».

Построение словаря-тезауруса представляет собой задачу с очень большим числом переменных. Прежде всего, возникает вопрос о количественном составе словаря. Проблема ограничения его объема заключается в выделении из конечного множества единиц (всей лексики языка) такого подмножества (словаря), которое, будучи обозримым, доступным обработке, обладало бы в то же время всеми свойствами целого множества [2. С. 68].

В основу нашей исследовательской программы была положена фреймовая модель систематизации знаний в определенной предметной области [1, С.15].

Концептосфера «Бизнес» может быть представлена как сложный фрейм, в котором организованные тематически ключевые концепты служат оптимальным представлением всей модели данной предметной области. Они представляются узлами (ячейками, терминами) сложного фрейма. Данные концепты репрезентируют концептуально-тематические группы или сети подгрупп, которые, рассматриваются как подфреймы сложного фрейма «Бизнес». Каждая из выделенных групп имеет структуру макрополя, организованного через набор микрополей, которые обозначают функции данной предметной области и, соответственно, представляют собой ментальное пространство системы текстов, описывающих эту область. Технически основные шаги методики заключались в следующем.

I. Этап отбора материала.

Проведенный анализ текстов учебных пособий по основам бизнеса и спецкурсов английского языка делового общения свидетельствует об отсутствии единого организационного принципа в подборе и представлении содержательных и понятийных категорий. Произвольность и полная индивидуальная свобода составителей анализируемых пособий позволили придать им статус информантов.

II. Этап выделения ключевых понятий предметной области.

Тематические разделы всех представленных изданий состояли из 12–15 терминов или свободных словосочетаний. При первичной работе со словами – названиями тематических разделов – были выделены номинации наиболее общего характера. Например, *Accounting and Finance, Money Matters, Raising Finance, Capital Accumulation* были объединены под именем **Finance**; *Human Resources, Working Together, Team-Building, Building Relationships, Recruitment, Jobs and Careers* – под именем **People in Business** и т.д.

Прежде всего, понятийная сфера предметной области «Бизнес» была разделена на две части: 1) внутренняя среда организации, 2) внешняя среда в бизнесе. Далее из корпуса названий разделов, представленных в проанализированных источниках, были выделены слова-концепты, представляющие собой имена концептуально-тематических групп в каждой из частей. Набор ключевых концептов концептуально-тематической области «Бизнес» выявлялся по принципу семантической взаимодополняемости исходных слов-концептов. Полученный таким образом перечень основных концептуально-понятийных областей концептосферы «Бизнес» представлен следующими тематическими группами:

I. Внутренняя среда организации: Предпринимательская деятельность (Business Activity); Бизнес и люди (People in Business); Финансы (Finance); Маркетинг (Marketing); Производство (Production).

II. Внешняя среда в бизнесе (Business Environment): Экономический климат (Economic Climate); Правительство (Government); Технология (Technology); Группы давления (Pressure Groups); Международные события (World Affairs).

Данные концепты являются терминами сложного фрейма «Бизнес». Они репрезентируют концептуально-тематические подгруппы или сети подгрупп, которые рассматриваются как подфреймы сложного фрейма «Бизнес». Каждая из выделенных групп имеет структуру макрополя, состоящего из организованного набора микрополей, обозначающих функции данной сферы бизнеса, и, соответственно, представляют собой когнитивное содержание текстов, репрезентирующих эту сферу.

III. Этап концептуального анализа семантики ключевых концептов

В результате концептуального анализа семантики ключевых концептов – тематических ядер каждого макрополя – были выделены базовые концепты, репрезентирующие основные концептуально-тематические микрополя концептосферы «Бизнес».

I Внутренняя среда организации:

1. Предпринимательская деятельность (Business Activity): (1) формы организации бизнеса (Business Organizations); (2) производство (Production); (3) коммерция (Commerce); (4) страхование (Insurance); (5) посредничество (Mediation).

2. Бизнес и люди (People in Business): (1) предприниматель (businessperson); (2) трудовые ресурсы (human resources); (3) поставщики факторов производства (suppliers); (4) потребители (customers); (5) государственные служащие (officials).

3. Финансы (Finance): (1) финансовая система (financial system); (2) бюджет (budget); (4) банковская система (banking system); (5) кредит (credit); (6) фондовая биржа (stock exchange); (7) денежное обращение (monetary circulation); (8) цены и тарифы (prices and tariffs); (9) бухгалтерский учет (accountancy); (10) аудит (audit); (11) статистика (statistics); (12) международные финансовые институты (international monetary institutions).

4. Производство (Production): (1) промышленность (industry); (2) предприятие (enterprise); (3) факторы производства (production factors); (4) производительность труда (efficiency); (5) технология (technology); (6) процессы и операции (processes and operations); (7) выпуск (output); (8) продукт (product); (9) услуги (services).

5. Маркетинг (Marketing): (1) торговля (trade); (2) реклама (advertisement); (3) деньги (money); (4) рынок (market); (5) торговая точка (shop); (6) склад (warehouse); (7) аукцион (auction); (8) внешнеторговые организации (World Trade Organisations).

II. Внешняя среда в бизнесе

1. Экономические факторы (Economic Factors): (1) экономическая система (Economic System); (2) экономический климат (Economic Climate); (3) инфляция (Inflation); (4) обменный курс (Exchange Rates); (5) уровень занятости (Level of Employment).

2. Правительство (Government): (1) госрегулирование (State Regulation); (2) законодательство (Legislation); (3) фискально-денежная политика (Fiscal and Monetary Policy); (4) протекционизм (Protectionism); (5) региональная политика (Regional Policy); (6) политика доходов (Incomes Policy); (7) налогообложение (Taxation).

3. Группы давления (Pressure Groups): (1) конкуренты (Competitors); (2) профсоюзы (Trade Unions); (3) политические партии (Political Parties); (4) лоббистские группы (Lobbyists); (5) местное население (Local community); (6) защитники окружающей среды (Environmentalists); (7) социокультурные организации (Sociocultural Organisations).

4. Технология (Technology): (1) изобретения (Inventions); (2) нововведения (Innovations).

5. Факторы международной среды (World Environment): (1) культура (Culture); (2) экономика (Economy); (3) законодательство (Legislation); (4) госрегулирование (State regulation); (5) политическая обстановка (Political Situation); (6) международные организации (World Organisations).

Построенная таким способом сеть позволяет выделить в тезаурусной форме наиболее частотные концептуально-тематические микрополя, а также определить их лидера – базовый концепт, формирующий каждое микрополе.

IV. Этап выявления вербального воплощения базовых концептов предметной области «Бизнес»

При отборе языковых выражений соответствующих концептов учитывалась, прежде всего, частотность употребления в названиях текстов, а также употребление в ключевой семантической позиции. Так, например, в микрополе ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА (BUSINESS ORGANISATIONS) включены слова *sole proprietorship* (единоличное владение), *partnership* (партнерство), *company* (компания), *co-operative* (кооператив), *corporation* (корпорация), обозначающие виды деловых организаций, и слова *deed of partnership* (договор о партнерстве), *limited liability* (ограниченная ответственность), *private sector* (частный сектор), отражающие контекстуальные отношения и связанные отношениями синонимии, антонимии, гиперо-гипонимии и т. д.

Следует отметить, что мы приводим русские эквиваленты и соответствующие толкования английских терминов с целью сближения англоязычной и русскоязычной концептуальных моделей мира, что существенно облегчает использование английского языка как средства межкультурного профессионального общения.

Список литературы

1. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д, 1993. – С.15.
2. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. – С. 68.
3. Лесников С.В. Академический словарный корпус (АСК) русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы 6 Междунар. конгр. исслед. рус. яз. М.: МГУ, 2019. – С. 213-214.
4. Лукашевич Н.В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. – М.: МГУ, 2011. – 495 с.

10.02.19

Д.Н. Потапова, К.Г. Егорова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра восточных языков и страноведения,
Якутск, potapova_kitty@mail.ru, kiounnei1@yandex.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБТИТРОВ В КОРЕЙСКИХ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ТЕЛЕПРОГРАММАХ

В работе раскрываются особенности корейских субтитров в телевидении и их роль. Работа посвящена анализу субтитров, применяемых в процессе создания программы «Новое путешествие на запад». В статье описываются лексические и грамматические особенности визуальных субтитров.

Ключевые слова: *субтитр, субтитрование, развлекательная программа, визуальные субтитры.*

Субтитры в корейских развлекательных программах расширили свою роль от простого представления дополнительного объяснения, перевода с другого языка, прямой передачи речи или звукового эффекта до роли привлечения телезрителей субтитрами развлекательного характера в виде визуального процесса, вызывающего интерес у аудитории. С развитием мультимедиа, субтитры, используемые в корейском телевидении, претерпели изменения от простой текстовой формы до свободной. Субтитры свободной формы могут сочетаться с различными визуальными изображениями, допускать отклонения от лексических, литературных норм или иметь сленговые выражения.

Популярный проект «Новое путешествие на Запад» возглавляет рейтинг национального вещания среди телевизионных шоу. Развлекательная программа вышла на экраны в 2015 году. Это реалити-шоу о путешествиях, транслируемое в онлайн-режиме через интернет-канал Naver TVCast с 2015 года. Выбор данной программы был обусловлен тем, что в ней используются привлекающие внимание субтитры, которые ярко выражены и отличаются своими лексико-грамматическими особенностями.

Цель исследования заключается в выявлении лексико-грамматических особенностей корейских субтитров на материале телевизионной программы «Новое путешествие на запад». **Научная новизна** работы: дается попытка осмысления одного из видов субтитрования, распространенного в корейском телевидении. Представлен анализ лексико-грамматических особенностей субтитров развлекательной телепрограммы.

Таким образом, в корейском телевидении субтитры становятся одним из важных и независимых компонентов телевизионных программ. Телевидение имеет коммуникативную, информативную, развлекательную функции, последняя из которых является одной из самых важных. Так как субтитры влияют на реакцию и отношение зрителей к программе, эффективное использование субтитров оказывает положительное влияние на телевизионные рейтинги развлекательных программ. Кроме того, современное телевидение наиболее ярко отражает изменения, особенности и тенденции использования различных типов субтитров сегодня.

Перед тем, как приступить к анализу лексико-грамматических особенностей субтитров, стоит начать с изучения видов визуальных субтитров, используемых в выбранной нами программе. Это нужно для более полноценного понимания роли и особенностей субтитров в исследуемом нами телешоу. В «Новом путешествии на Запад» имеющиеся субтитры по структуре использования можно разделить на несколько видов: речь съемочной команды; описание происходящего действия; речь самого шоу, как «третьего лица»; повтор речи участников; описание чувств участников; указание дополнительной информации; символы и знаки.

Например, речь съемочной группы можно распознать по проставленным маркерам, в которых указывается кто говорит: продюсера На Ен Сока обозначают, как 나PD>, или при речи сценариста, ставится маркер작가> [jagga] (сценарист>). 나PD) 자 성공하셨습니다요 바로 두 번째 판 들어갑니다 «Итак, так как вы справились с заданием сразу перейдем ко второму». 작가) 자신감이 조금 떨어졌습니까? «Кажется, ваша уверенность немного спала?».

Съемочная группа играет такую же важную роль, как и участники, поэтому их речь просматривается в течение всей развлекательной программы. Практически вся речь, исходящая от съемочной группы, это объявление о предстоящих миссиях и вопросы участникам программы. По манере разговора мы можем понять, что съемочная группа хорошо и уважительно относится к своим участникам, так как они всегда общаются с ними посредством использования официально-вежливого стиля с присоединением к основе глагола окончаний 습니다 [seubnida] и 니다 [bnida]. Данный стиль считается самым высоким, самым почтительным и вежливым, он употребляется с людьми в официальной обстановке, с людьми, которые старше по возрасту и по социальному положению, с незнакомыми и малознакомыми людьми.

Виды визуальных субтитров мы можем наблюдать в описании происходящих действий в самом шоу. Например:

큰일남 [keun-ilnam] «появилась большая проблема»; 팬심 [paensim] «любовь фанатов»; 더위+긴장=떨린다! [deowi+ginjang=tteollinda!] «Жара + Напряжение = Волноваться!»; 가출한 초등학생 비주얼, 어색한 인사 [gachulhan chodeunghagsaeng bijueol, eosaeghan insa] «Выглядит как младшеклассник, сбежавший из дома, неловкое приветствие».

Существуют такие визуальные субтитры, которые используются для описания чувств и эмоций участников программы. В большинстве случаев они используются для развлекательного характера, субтитры пишутся в скобках, чтобы зрители могли разделять их от обычной речи участников и других видов субтитров. (소심하게 중얼) «застенчиво бормочет»; (정신없음) «вне себя»; (얼굴 빨개짐) «лицо покраснело»; (말이 없어짐) «вдруг стал тихим»; (필름 끊김) «напился до потери памяти».

Стоит отметить, что в телевидении часто используются сленговые сокращения. TMI (Too Much Information) «слишком много информации, лишняя информация»; OTL где O это 머리 изображение головы, T 팔과 몸 изображение туловища, L 다리 изображение ног, что показывает человека упавшего на колени. В этом случае это не сокращение, а текстовый смайлик, который понимается как сленг, передающий чувства.

Одним из способов становления лексической системы языка считается заимствование слов из других языков. Часто встречается способ соединения корейских слов с английскими заимствованными или сленговыми новыми словами. Например, визуальные субтитры: 굿밤 [gutbam], где происходит совмещение слов 굿 – это (good) на английском, а 밤 переводится как «ночь», то есть при переводе корейской части слова на английский будет 'good night' «спокойной ночи»; 뷰티왕, слово состоящее из 뷰티 (beauty) + 왕 [wang] «король», и вместе «король красоты»; 매너손 состоит из 매너 [maeneo] «манера» + 손 [son] «рука», но в этом случае в русском языке не существует эквивалента, но можно донести как «манерный человек» или просто «манеры».

Отдельно можно выделить следующий интересный способ составления субтитров.

Рис. 1 – Замена корейских букв

Рис. 2 – Замена корейских букв

Происходит замена корейских букв английскими внешне схожими на корейские буквы или цифрами. На *Рисунке 1* можно заметить, что букву 'ㅏ' [a] заменили на схожую по внешнему виду английскую 'r' (ㅏ = r) 마지막 라운드 [majimag laundeu (round)] «последний раунд». На *Рисунке 2* также происходит замена 'ㅏ' на 'r', букву 'ㅣ' [i] заменили на цифру 1, 다시 심포지엄 [dasi simpojieom] «снова симпозиум».

- Фразеологизмы, идиомы (사자성어, 한자성어) [sajaseong-eo, hanjaseong-eo].

Стоит упомянуть, что в «Новом путешествии на Запад» в субтитрах часто используют фразеологизмы, идиомы и китайские иероглифы, так как, во-первых, в программе проводят викторину на знание фразеологизмов, и, во-вторых, используют иероглифы с развлекательной функцией. В корейском языке некоторые слова могут иметь много значений, и для уточнения иногда записывается иероглиф [1].

비몽사몽 (非夢似夢) «помутненное состояние разума, когда не знаешь сон это или явь»; 인과응보 (因果應報) «определение счастья или несчастья в настоящее время в зависимости от добрых или злых дел, совершенных в прошлом (карма)»; 새옹지마 (塞翁之馬) «нет худа без добра»; 동문서답 (東問西答) «ответ не попадал, неуместный ответ, ответ не относящийся к теме вопроса»; 춘하추동 (春夏秋冬) «четыре времени года»; 간단명료 (簡單明瞭) «простота и ясность, краткость, коротко и ясно»; 자급자족 (自給自足) «самообеспеченность, производство всего необходимого своими силами»; 파죽지세 (破竹之勢) «непобедимая, непробиваемая сила».

Изучив субтитры и проанализировав лексику телепрограммы «Новое путешествие на Запад», можем выделить следующие особенности: использование различных междометий, как показатель эмоциональности; просторечия, которое считается некультурным и недопустимым в телевидении. Визуальные субтитры представлены в виде неологизмов и сленговых слов, которые в основном принято считать языком молодежи. Здесь примечательным становится то, что основоположником создания некоторых сленговых выражений является само телевидение. Еще одной лексической особенностью является то, что в субтитрах наблюдается интенсивное использование заимствований из английского языка, что показывает силу американского влияния на корейский язык.

Список литературы

1. Классификация лексики корейского языка по происхождению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.languages-study.com/korean-words.html> (дата обращения 13.06.2020).
2. Namuwiki. Статья «Новое путешествие на запад» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://namu.wiki/w/신서유기> (дата обращения 13.06.2020).
3. Naver Dictionary. Толковый словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dict.naver.com/> (дата обращения 13.06.2020).

10.02.19

¹Н.Г. Пушкарёва, ²Л.Д. Раднаева д-р филол. наук,
²Б.В. Соктоева канд. психол. наук, ¹Н.С. Талдыкина

¹Читинская государственная медицинская академия в г. Чита,
кафедра иностранных языков,

²Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова в г. Улан-Удэ,
кафедра иностранных языков,

ch.bronte@yandex.ru, Radnaeva.ljubov@gmail.com, socktoeva@mail.ru, talnat.78@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ УСВОЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена проблеме изучения и усвоения учащимися английского произношения. Фонетические характеристики английских звуков исследуются на основе реализаций звуков английского языка носителями русского языка в процессе неподготовленного чтения отдельных слов и связного текста. Рассматриваются акустические свойства английских гласных в составе односложных и многосложных словоформ. Авторами проведены слуховой, спектральный и статистические анализы модификаций звуков в разных фонетических условиях. Для транскрипции используются символы международного фонетического алфавита [5].

Ключевые слова: *английский язык, произношение, акустические характеристики, транскрипция.*

1. Введение. Студенты, изучающие английский язык как иностранный, мечтают говорить как носители языка. Однако реализовать заветную мечту непросто. Одна из трудностей в изучении английского языка связана с правильным произношением английских звуков. Русский язык, как и любой родной язык, существенно влияет на то, как студенты произносят английские звуки. Сегментные и супraseгментные характеристики русского и английского языков существенно различаются и вызывают трудности в освоении английского произношения носителями русского языка. Так, фонологическая система английского языка насчитывает 20 гласных фонем, в то время как в русском языке всего 6. Исследование теоретических и прикладных аспектов фонологического и фонетического описания вариативности звуковых единиц разных систем является предметом современных экспериментально-фонетических исследований. Фонемы реализуясь в комбинаторно-позиционных аллофонах представляют собой фонетическое разнообразие звуковых единиц, обусловленное известными процессами редукции, ассимиляции, особенностями ритмической структурой слов конкретного языка, темпом речи и другими явлениями. Бондарко Л.В. и др. пишут в известной статье «Стили произношения и типы произнесения» о важности исследования полного и неполного типов произнесения [1: 64]. Зиндер Л.Р. подчеркивает, что в связном тексте мы имеем дело с «непрерывными звуковыми последовательностями» [2: 217]. В этих условиях фонетическим изменениям, например, в английском языке, подвергаются звуки речи по всем пяти дифференциальным признакам: «ряд гласного»: гласные переднего ряда — /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/, смешанного — /ɜ:/, /ə/, заднего — /u:/, /ʊ/, /ɔ:/, /ɒ/, /ɑ:/, /ʌ/; по признаку «подъем гласного»: гласные верхнего подъема — /i:/, /ɪ/, /u:/, /ʊ/, среднего — /e/, /ɜ:/, /ə/, /ɔ:/, /ʌ/, нижнего — /æ/, /ɒ/, /ɑ:/; по признаку «лабиализованность-нелабиализованность»: гласные лабиализованные (огубленные) — /u:/, /ʊ/, /ɔ:/, /ɒ/, нелабиализованные (неогубленные) — /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/, /ɜ:/, /ə/, /ɑ:/, /ʌ/; по признаку «долгота-краткость»: гласные долгие (напряженные) — /i:/, /ɜ:/, /u:/, /ɔ:/, /ɑ:/, гласные краткие (ненапряженные) — /ɪ/, /e/, /æ/, /ə/, /ʊ/, /ɒ/, /ʌ/; по признаку «стабильность артикуляции»: монофтонги — /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/, /ɜ:/, /ə/, /u:/, /ʊ/, /ɔ:/, /ɒ/, /ɑ:/, /ʌ/, дифтонги — /eɪ/, /ɪə/, /ɛə/, /əʊ/, /ʊə/, /ɔɪ/, /aɪ/, /aʊ/ [2].

Задача исследования заключается в изучении реализаций комбинаторно-позиционных аллофонов неродного языка, отражающихся в таких акустических параметрах, как длительность, формантная структура, интенсивность. В статье представлены отдельные результаты акустических свойств английских гласных в составе односложных и многосложных слов в реализации носителей русского языка.

2. Материал, записи и участники эксперимента. Материалом эксперимента послужили реализации гласных и согласных современного английского языка в составе словоформ на примере неподготовленного чтения отдельных слов (1 этап) и произвольного учебного текста “The Letter of a Medical Student to his Friend” (2 этап). Текст состоит из 29 повествовательных предложений различной протяженности, 417 односложных и многосложных слов. В тексте гласные представлены в следующей частотной последовательности: краткие гласные /ɪ/, /e/, /æ/, /ə/, /ʊ/, /ʌ/, затем следуют долгие гласные — /i:/, /ɜ:/, /u:/, /ɔ:/, /ɑ:/ и дифтонги — /eɪ/, /ɪə/, /ɛə/, /əʊ/, /ʊə/, /ɔɪ/, /aɪ/, /aʊ/. Гласный /ɪ/ встречается в односложных и многосложных словах: miss, live, experiment, interesting; /e/ - get, health, medical, Chemistry, lecture, necessary; /i:/ - treat, disease, receive, evening; /æ/ - Anatomy, practical, application, /u:/ - duty, student, soon; /ʊ/ - book, good; /ʌ/ - but, some, subject; /ɒ/ - hostel, Histology, often; /ɔ:/ - all, course, important; /ɑ:/ - charge, pass, department; /ɜ:/ - research, circle; /eɪ/ - state, great, vacation; /ɪə/ - theatre, hear, period; /aɪ/ - library, fight; /ɛə/ - spare, parents; /əʊ/ - core, hope, home, go; /ʊə/ - during. Записи чтения слов и текста производились в нормальном естественном темпе в гг. Чите и Улан-Удэ. Общее количество составило 77 звуковых файлов.

2.1. Участники эксперимента. Дикторами выступили студенты Читинской медицинской академии и медицинского института Бурятского университета в возрасте от 16 до 26 лет в количестве 85 человек. Представлены мужские и женские голоса.

3. Методика. Для анализа звучащего материала применялись следующие методы: слуховой, акустический, сравнительный, статистический. Анализ качественных и количественных характеристик аллофонов гласных производился при помощи программы по обработке речевых сигналов Praat [3]. При сегментировании предложений, слов и отдельных звуков производился слуховой, сравнительный анализ каждого звука. Частотные характеристики гласных обрабатывались в программе Excel.

4. Результаты 1 этапа эксперимента. Формантные характеристики реализаций английских гласных в составе односложных и двусложных слов в реализации восьми дикторов — носителей русского языка представлены в таблице 1. Условные обозначения таблицы: V — гласный, W — слово, F — форманта, Д — дикторы с мужскими и женскими голосами.

Таблица 1. Частотные характеристики комбинаторных аллофонов гласных /i/, /e/, /æ/ в односложных и двусложных словах

V	W	F	Д1ж	Д2ж	Д3ж	Д4м	Д5м	Д6ж	Д7м	Д8м
/i/	peal	F1	369	456	563	387	365	321	284	292
		F2	2070	2060	2158	1724	2237	2191	2040	2047
/i/	teen	F1	360	434	523	371	338	354	264	283
		F2	2162	2227	2379	1769	2198	2441	1993	2093
/e/	pen	F1	412	647	829	465	595	784	547	527
		F2	2064	1994	2057	1765	1881	1796	1691	1736
/e/	ten	F1	438	659	781	508	591	737	516	529
		F2	1982	1854	2075	1742	1876	1861	1674	1740
/æ/	Pat	F1	443	692	703	505	529	813	564	565
		F2	1952	1924	2132	1741	1898	2030	1688	1723
/æ/	tag	F1	478	679	759	446	502	666	566	558
		F2	1959	1723	2112	1714	1949	2049	1693	1784

5. Результаты 2 этапа эксперимента. Частотные показатели реализаций английских гласных в составе односложных и многосложных слов в реализации дикторов – носителей русского языка при чтении произвольного текста показывает заметное варьирование частотных показателей в плоскости F1- F2. Области распространения гласных в рамках артикуляторно-акустического треугольника расширены по разным направлениям.

6. Дискуссия. Полученные в результате 1 и 2 этапов эксперимента данные были сопоставлены с точки зрения распределения частотных составляющих F1 и F2 в рамках артикуляторно-акустического треугольника отдельно взятом слове и в слове из текста. Примеры реализаций гласных носителями русского языка в составе словоформ показывают более устойчивые частотные характеристики по сравнению с показателями формант в словах из текста. Результаты демонстрируют значимые расхождения в показателях. Гласные реализуются носителями русского языка как звукотипы гласных переднего отодвинутого назад ряда, высокого подъема или звукотипы гласных заднего продвинутого вперед гласного, более низкого подъема, а также звукотипы гласных смешанного ряда, высокого или среднего подъемов. При чтении текста звуки речи чаще и разнообразнее модифицируются. Это связано со словесным и фразовым ударением, редукцией и ассимиляцией гласных. Темп речи оказывает влияние на реализацию гласных и согласных.

7. Заключение. Результаты показывают, что во всех позициях произнесение английских гласных носителями русского языка в составе проанализированных слов видоизменяется по всем пяти дифференциальным признакам. Показатели реализаций гласных близки к более закрытой артикуляции. В то же время отдельные гласные реализуются по-разному по признакам ряд и подъем гласного.

Список литературы

1. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64-70.
2. Зиндер Л.Р. Общая фонетика: Учеб. пособие.— 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Высш. школа, 1979. —312 с.
3. Praat — computer software package for speech analysis in phonetics www.praat.org
4. International phonetic alphabet www.internationalphoneticassociation.org

10.02.19

Ю.Н. Родионов

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков, кафедра фонетики и лексики английского языка,
Москва, un_rodionov1@student.mpgu.edu

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются темпоральные особенности речи дикторов англоязычных новостных телепередач. Результаты электронно-акустического анализа демонстрируют отклонения в просодии дикторской речи от ранее обозначенных медиалингвистами установок на нейтральность и беспристрастность. Полученные наблюдения позволяют говорить об изменяющемся жанро-стилевом статусе новостного теледискурса.

Ключевые слова: медиадискурс, новостной дискурс, темп речи, паузация, просодия, Euronews.

Несмотря на растущую популярность интернет-СМИ, традиционные средства массовой информации до сих пор остаются наиболее популярными источниками знаний о событиях, происходящих в мире.

В новостных медиатекстах всё подчинено двум языковым функциям: функции сообщения и функции воздействия, первая из которых является преобладающей [2]. Функции новостного дискурса находят реализацию в речи ведущего, в том числе на фонетическом уровне, в частности в особенностях просодии. Ряд современных исследований указывают на существенные отклонения от традиционно нейтрального просодического оформления речи англоязычных дикторов теленовостей, что проявляется в использовании шкал с нарушенной постепенностью, эмфатических тонов, низкого и высокого регистров, а также часто встречающемся явлении просодической выделенности [1, с. 206].

В ходе исследований просодии современной англоязычной дикторской речи ранее были выявлены некоторые характерные особенности темпоральной организации. Среди них — ускорение темпа (выше 230 слов в минуту; средняя длительность слога короче 180 мс), что затрудняет восприятие информации, а также наличие беспаузальных отрезков речи, превышающих по протяжённости фонационные отрезки в других жанрах англоязычной речи в два раза [4, с. 174].

Целью нашего исследования являлось определение темпоральных характеристик современной речи дикторов теленовостей, а именно скорости речи и паузации. **Научная новизна** исследования определяется необходимостью изучения особенностей функционирования английской просодии в рамках современной медиакommunikации, характерной особенностью которой стал международный или даже глобальный охват. Английский язык часто выступает в качестве lingua franca — требования к фонетическому оформлению дикторской речи возрастают многократно.

Материалом исследования послужили фрагменты новостных передач англоязычной версии канала Euronews. Выбор данного канала обусловлен обширным охватом вещания, многонациональным кадровым составом, а также ориентацией на нейтральное и беспристрастное освещение событий, что отражается в слогане: “All Views” [6].

В качестве единиц измерения общего темпа речи использовался показатель «количество слов в единицу времени». В некоторых случаях был рассмотрен абсолютный темп (исключая паузы; скорость произнесения), показателем которого послужила средняя длительность слога (СДС) [5, с. 48–49]. При описании особенностей паузации использовалась пятиуровневая градация пауз: сверхкраткая (до 200 мс), краткая (201–500 мс),

средняя (501–800 мс), длительная (801–1200 мс) и сверхдлительная (свыше 1200 мс) [4, с. 37–38]. Показатель длительности пауз был получен методом электронно-акустического анализа с помощью программы Praat.

Были проанализированы отрывки речи четырёх ведущих канала. В ходе анализа выявлены следующие темпоральные особенности речи, общие для рассматриваемых дикторов:

1. Ускоренный темп, граничащий с темпом разговорной речи;
2. Часто — неравномерное членение, наличие беспаузальных отрезков;
3. Сокращение длительности пауз с преобладанием кратких и сверхкратких пауз.

Скорость речи варьируется как в пределах новостной передачи, так и в пределах каждого сюжета. Самой быстрой оказалась речь ведущей утренней передачи Роузи Райт (от 156 до 189 слов в минуту) и Изабель Кумар (153–192 слов в минуту). Речь ведущих дневной (Токунбо Салако) и вечерней (Оливер Уитфилд-Миочич) передач оказалось самой умеренной: 157–177 и 130–169 слов в минуту соответственно. В закадровом формате передач отмечалось снижение как общего, так и абсолютного темпа (Оливер Уитфилд-Миочич: до 130 слов в минуту). Замеры абсолютного темпа речи Токунбо Салако продемонстрировали небольшую разницу в просодическом оформлении в двух форматах передач: в закадровом формате скорость произнесения могла несколько повышаться в сочетании с удлинением пауз.

Во всех рассматриваемых образцах отмечается вариативность темпа в зависимости от степени важности информации: замедление на ключевых словах, ускорение на участках с дополняющей информацией.

Spain's Director **150 mc** for Health Alerts, one of the most visible faces of the government's response, has now **contracted the virus**. (ускорение; замедление; ларингализация предшествующего звука в паузе, эмфатическая просодия на месте опущенных пауз).

Просодическое выделение смысловых центров осуществляется в том числе за счет использования до и/или после ключевых слов кратких и сверхкратких пауз, длительность которых варьируется.

Длительность пауз варьируется как от диктора к диктору, так и в речи отдельно взятого ведущего. Было установлено, что в исследуемом материале преобладают сверхкраткие и краткие паузы. Средние паузы встречаются реже. В речи всех трёх дикторов, вне зависимости от формата передачи, длительные и сверхдлительные паузы отсутствуют. Отмечается общее сокращение длительности пауз, особенно — синтаксически обусловленных пауз между предложениями до уровня кратких и средних синтагматических. За счёт этого речь дикторов воспринимается как быстрая и приближенная к спонтанному говорению. При этом, в передачах с закадровым чтением паузы отличаются чуть большей длительностью, что вероятно является попыткой диктора облегчить зрителю восприятие информации в условиях отсутствия визуального контакта.

Присутствуют перерывы в фонации длительностью около 100 мс, что является слишком малым показателем даже для сверхкраткой паузы. В данном случае стоит говорить о наличии просодического шва минимальной глубины. Просодические швы (далее — ПШ) возникают в процессе просодического членения между элементами текста, а их глубина является «абстрактным количественным показателем сегментирующей силы соответствующего словораздела» [3, с. 8]. ПШ реализуются не только через паузы, но и беспаузальным, нетемпоральным путём. Слуховой и электронно-акустический анализ показал наличие среди маркеров ПШ нетемпоральной природы (как правило, в сочетании с минимальным перерывом фонации) опущение связующего «г», придыхание и ларингализацию разной степени (в том числе, гортанные смычки). Подобная реализация ПШ происходит на фоне общего сокращения длительности пауз и может представлять собой случай сокращения длительности сверхкраткой паузы, когда успешное восприятие ПШ достигается без значимого перерыва в звучании.

More than two thousand three hundred people have died, accounting for almost half of the entire US death toll. (придыхание без перерыва фонации)

С одной стороны, стоит отметить очевидное стремление сотрудников канала Euronews соответствовать заявленной политике канала, которое выражается, кроме прочего, в темпоральной организации речи дикторов. С другой, в речи ведущих данного телеканала заметна неоднородность в подходах к фонетическому оформлению высказывания. Индивидуальный стиль ведущего в сочетании с элементами разговорности демонстрируют ориентацию новостного дискурса на воздействие, чего в образцовых информационных передачах ранее было принято избегать.

Просодические явления, наблюдаемые в речи современных дикторов теленовостей, свидетельствуют о значительных отклонениях дикторской речи от того, что традиционно понималось под новостным дискурсом и жанром информационной новостной передачи. Политика редакций новостных каналов в сочетании с индивидуально-стилевыми особенностями дикторской речи приводят к выходу новостного дискурса за пределы привычных рамок нейтральности и беспристрастности и внесению в жанр новостной передачи элементов, характерных в том числе для информационно-аналитических медиатекстов. В связи с этим целесообразна постановка вопроса о пересмотре жанрово-стилевого статуса новостного дискурса.

Список литературы

1. Дёмина М.А. Телевизионные новости как тип дискурса (лингвистический и прагматический аспекты) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 21 (627). – С. 200-210.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). – М.: Флинта, 2008. – 263 с.
3. Кривнова О.Ф., Князев С.В., Моисеева Е.В. Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2016. № 4. – М.: Издательство Московского университета – С. 7-33
4. Углова Н.Г. Фоностилистические особенности дикторской речи. – М.: Тезаурус, 2014. – 174 с.
5. Шевченко, Т.И., Бурая, Е.А. Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты: учебное пособие для бакалавров, магистров, аспирантов, обуч-ся по спец-ям напр. "Лингвистика" / Под ред. Е. А. Бурой, Т. И. Шевченко. – Дубна: Феникс+, 2017. – 248 с.
6. <https://euronews.com/about> (дата обращения: 02.11.2020).

10.02.19

¹А.В. Сахарова канд. филос. наук, ²Е.Л. Смирнова канд. филос. наук

¹Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, sakharova5@mail.ru,

²Ивановский государственный политехнический университет,
кафедра философии и социально-гуманитарных дисциплин,
Иваново, bere8nice@rambler.ru

ЯЗЫКОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ВЫЗОВЫ ЭПОХИ ПОСТГРАМОТНОСТИ

В статье ставится вопрос о том, какие изменения происходят в коммуникативном пространстве в эпоху постграмотности и какое влияние они оказывают на уровень языковой грамотности. В основе подхода к рассмотрению этих процессов лежит концепция П. Бурдье о природе лингвистического капитала. Показаны коммуникативные тенденции, наиболее рискованны с точки зрения снижения уровня языковой грамотности, и некоторые источники ее развития.

Ключевые слова: *языковая грамотность, постграмотность, лингвистический капитал, дискурсы, языковая коммуникация, масс-медиа.*

Эпоха постграмотности, наступление которой Г.М. Маклюэн провозгласил еще в середине прошлого века, в XXI веке открыто и полномасштабно заявила о себе. Обращение к исследованиям, сфокусированным на изучении этого феномена, позволяет выявить его основные особенности: сочетание большого разнообразия средств передачи информации (дописменные, письменные, постписьменные), обусловленное гетерогенностью коммуникативного пространства [7], образование в течение всей жизни, развитие социальной активности через включение в образовательные программы [8], мультиграмотность. В зарубежных работах акцент делается на значимость образовательных программ с точки зрения поддержания базового уровня и развития грамотности у взрослых людей как способа решения социальных проблем (снижение бедности, социального неравенства) [9].

Рефлексия по поводу постграмотности предполагает уточнение содержания понятия «грамотность». В справочной литературе преобладает функциональный подход, согласно которому грамотность понимается как «определенная степень владения человеком навыками чтения и письма в соответствии с грамматическими нормами родного языка» [3, с. 39], «уровень образованности, характеризующийся способностью использовать основные способы познавательной деятельности (чтение, письмо, счет)» [5, с. 48], «владение человеком навыками устной и письменной речи в соответствии с нормами литературного языка» [4, с. 54].

В более широком смысле грамотность рассматривается в перспективе совершенствования навыков владения языком, позволяя «непрерывно учиться и осваивать новое, получать доступ к богатствам мировой и национальной культуры и тем самым расширять внутренний мир; грамотность определяет способность и готовность человека к активному усвоению знаний и применению в каждодневной жизни» [6, с. 165]. Б.С. Гершунский, указывая на необходимость пересмотра концепта «грамотность», разграничивает прагматичный и личностный подход к его пониманию. Преобразование человека идет по пути постепенного наращивания образовательного и культурного потенциала в течение всей жизни, что прослеживается в цепочке «грамотность – образованность – профессионализм – культура – менталитет» [2, с. 56].

В современной России государством проводится языковая политика, направленная на охрану русского языка и стимулирование интереса к его изучению: принят закон «О государственном языке Российской Федерации», при Правительстве РФ функционирует Совет по русскому языку, Президентом было дано поручение разработать и внести в Государственную Думу законопроект о мерах контроля за соблюдением чиновниками и гражданами правил русского языка; с 2004 года в стране с целью популяризации грамотности проходит тотальный диктат и т.д.

Однако в условиях, когда ценности эпохи постграмотности становятся все более востребованными, создается впечатление, что языковая грамотность отодвигается на периферию образовательного процесса. О проблемах снижения ее уровня, разрушительных тенденциях в современном языковом пространстве пишется достаточно много. Сложившаяся ситуация весьма противоречива: с одной стороны, прослеживается стремление государства возродить интерес к русскому языку как национальному достоянию, с другой, в обществе отсутствует отчетливый запрос на его глубокое и всестороннее (не только в рамках подготовки к ЕГЭ) изучение; признание русского языка как культурной ценности не влечет за собой такое же отношение к нему в социуме.

Размышление над природой этих противоречий обращает нас к концепции лингвистического капитала социолога и социолингвиста П. Бурдьё. В отличие от традиционных представлений о языке как всеобщей кладовой, «откуда все люди свободно черпают, стихийно способствуя ее сохранению» [1, с. 183], французский ученый исходил из следующего. Если член общества владеет набором языковых характеристик, присущих более престижным социальным группам, то эти диспозиции превращаются в культурный ресурс (лингвистический капитал), обеспечивающий доступ к социальным лифтам. В связи с этим возникает вопрос, обладает ли языковая грамотность подобным потенциалом в эпоху постграмотности.

Прежде всего, отметим, что языковая коммуникация испытывает серьезную конкуренцию со стороны большого разнообразия других коммуникативных средств, либо включающих в себя вербальную составляющую (например, масс-медиа), либо минимизирующих ее за счет доминирования видеоряда (клипы, реклама и т.д.).

Происходят серьезные изменения в сфере языкового нормотворчества в связи с переходом этой функции от художественной литературы к масс-медиа. На подвижность языковой нормы сильное влияние оказывает и сегментация языкового пространства, в котором растет число «групп идентичности», формируемых на основе приверженности определенным ценностям. Единая языковая норма литературного языка замещается нормами, отвечающими устремлениям членов локальных сообществ (чаты, социальные сети).

На смену легитимации по принципу «так принято» или «так надо» приходит легитимация, в основе которой лежит стремление закрепиться в данный момент на определенной социальной позиции. Отсюда заметное нарастание в дискурсе агрессивной инвективной лексики, демонстративное нарушение норм письменной и устной речи.

Доминирование устного дискурса над письменным, сокращенные формы сообщений, увеличение креолизированных текстов привели к десемантизации лексики, утрате чувствительности к смысловым нюансам в пользу устойчивых языковых клише, акронимов, языковых мемов.

Как видим, высокий уровень владения языковой грамотностью не является пропуском в конкретные сообщества. К сожалению, в полной мере лингвистический капитал нельзя рассматривать как критерий отбора и в определенные престижные профессиональные группы (так, например, уровень языковой грамотности в сфере масс-медиа или государственной службы далек от эталонного).

Искусство владения языком, в основе которого лежит высокая степень развития языковой грамотности, принадлежит к одной из наиболее персонализированных сфер человеческой деятельности. Это значит, что в условиях наступающей тотальной цифровизации, чреватой уходом с рынка труда целого ряда профессий, перспективы дальнейшего развития сохраняются за теми из них, которые связаны с эффективным поддержанием живого непосредственного человеческого общения.

Социокультурные ресурсы языковой грамотности позволяют повысить качество коммуникативной компетенции, в том числе и в Интернете. В связи с этим сошлемся на популярность, которую набирают интерактивные курсы ораторского мастерства, сторителлинга, написания сценариев, нарративного дизайна или образовательные программы филологического профиля в престижных университетах страны (например, программы «Литературное мастерство», «Инструменты эффективной коммуникации: рассказ как жанр, наука и искусство» в ГУ ВШЭ).

Безусловно, государственная языковая политика является очень значимым инструментом формирования отношения к родному языку, как к одной из системообразующих социально-культурных ценностей. В то же время важно понимать, что достижение этой цели невозможно без развития коллективного представления о том, что говорить на родном языке грамотно и красиво – это престижно.

Список литературы

1. *Бурдые П.* О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2.
2. *Гершунский Б.С.* Грамотность для XXI века // Советская педагогика. 1990. № 4.
3. *Каленникова Т.Г., Борисевич А.Р.* Словарь психолого-педагогических понятий. Справочное пособие для студентов всех специальностей очной и заочной форм обучения. Минск, 2007.
4. *Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю.* Педагогический словарь. М., 2003.
5. *Лузина Л.М.* Словарь педагогического обихода. Псков: ПГПИ, 2003.
6. *Сметанникова Н.Н.* Компетенции чтения и компетентный читатель // Библиотека и чтение в структуре современного образования: материалы межрегиональной научной конференции, 29 октября 2009 г. М., 2009.
7. *Dumont B.* After literacy, teaching: paradoxes of post-literacy work // Prospects. 1979. Vol. 9, Nr 2.
8. *Rogers A.* Using literacy – A new approach to post-literacy materials // Education Research Paper. 1994. Nr 10.
9. *Rogers A.* Rethinking adult literacy and post-literacy from an international perspective: The Robin Kid Memorial Lecture. Indian Journal of Adult Education, 2001.

10.02.19

А.А. Смерчинская

Военный университет Министерства обороны РФ,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка (основного),
Москва, ms.smerchinskaya@inbox.ru

ИНФЕРЕНЦИЯ ИМПЛИКАТУР КАК СПОСОБ ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В работе представлены результаты изучения инференции коммуникативных импликатур как важнейшего процесса реконструкции имплицитных смыслов высказываний, позволяющего провести лингвопрагматический и семантический анализ вербальных и невербальных средств, используемых в кинофрагментах диалогического дискурса, на основе которого наиболее ярко раскрывается характер языковых личностей коммуникантов.

Ключевые слова: *инференция, импликатура, диалогический дискурс, языковая личность.*

Антропоцентрический вектор лингвистических исследований на современном этапе, в частности анализа прагматических и структурно-семантических свойств высказываний диалогического дискурса, обуславливает обращение к проблеме языковой личности участников коммуникации. Согласно теории релевантности одно из главных ее положений заключается в том, что форма высказывания предопределяет его значение, поэтому «полный потенциал значений языкового выражения реализуется только при его интерпретации слушающим» [3, с. 23]. Речевой акт является, эксплицитно или имплицитно, обращенным к кому-либо, он «постулирует наличие собеседника» [1: с. 313], поэтому речемыслительная деятельность адресата наряду с аналогичной деятельностью адресанта играет не менее важную роль в организации семантики дискурса. Таким образом, учет адресанта как носителя актуализированных имплицитных смыслов – импликатур, и адресата как интерпретатора производимых адресантом высказываний с целью инференции импликатур считается обязательным критерием интерпретации как в семантическом, так и прагматическом аспекте анализа диалогического дискурса.

Статья посвящена инференции коммуникативных импликатур как способа лингвопрагматического и структурно-семантического анализа диалогического дискурса с учетом языковых личностей адресанта и адресата. Выражение интенционального и иллокутивного аспектов речевого общения может быть представлено совокупностью языковых средств на мотивационно-прагматическом уровне. Именно данный уровень позволяет раскрыть природу языковой личности в плане ее коммуникативного поведения.

По мнению Сидоровой Н. А., языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность, являющаяся носителем культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок поведенческих реакций. Существенным и важнейшим показателем прагматической характеристики личности является свойственный только ей мотивационно-потребностный мир, который определяет иерархию смыслов и ценностей в языковой картине мира [4, с. 83].

Вслед за Ю. Н. Карауловым, мы полагаем, что в основе понимания сущности языковой личности лежит главным образом организованная коммуникативная компетенция индивидуума, представляющая структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовности производить и воспринимать речевые произведения [2, с. 245]. Импликатуры, создаваемые адресантом, могут возникать на основе некоторых явлений, которые в процессе инференции становятся сигналами для верной интерпретации адресатом интенционального значения высказывания. К этим явлениям могут быть отнесены

особенности семантики входящих в высказывание слов, особенности реализации лексических валентностей некоторых слов, особенности порядка или следования слов в высказывании, особенности просодического оформления высказывания и выбора некоторых грамматических форм, определенные особенности употребления речевых клише в ходе коммуникации, особенности прагматической ситуации, особенности речевых стратегий и тактик, применяемых адресантом в процессе общения, особенности местоположения высказывания в тексте, т. е. анафорические и катафорические связи, общие особенности принятого в данном речевом обществе поведения, особенности «общих знаний» о ситуации, психологические особенности адресанта и др.

Особый интерес в нашем исследовании вызывают коммуникативные импликатуры, заложенные в кинофрагментах диалогического дискурса, в которых демонстрируется коммуникативное взаимодействие коммуникантов на экране. Несмотря на то, что содержание кинопроизведения отображает действительность только условно (через призму опыта и видение картины мира глазами его создателей: режиссера, сценаристов, актерского состава, оператора и т. д.), все же, если сравнивать его с художественным произведением, оно наиболее приближено к реальности. Известно, что значительное место в естественной коммуникации занимают невербальные средства, передающие, согласно разным источникам, от 60% до 80% смысловой и оценочной информации. Вербально-семантических характеристик явно недостаточно для полной оценки ценностного мира индивида и всей силы влияния на него ценностей [4, с. 89]. Применение аудиовизуальных эффектов в создании кинопроизведения позволяет наиболее ярко смоделировать картину коммуникативной действительности и раскрыть личность в современной языковой, социальной и культурной среде.

Следует отметить, что для создания кинодиалога наряду с эксплицитной информацией, передаваемой буквально, передается имплицитный смысл выражения, свойственного разговорной речи. Отсутствие видеоряда в некоторых случаях может послужить препятствием к адекватному пониманию и переводу того или иного фрагмента кинодиалога, смысл содержания которого выражен непрямым текстом. Поэтому на основе кинофрагментов проще понять и интерпретировать смысл предлагаемых импликатур диалогического дискурса, сопоставляя услышанное с увиденным на экране.

Роль коммуникативных импликатур, которые адресант реализует в кинодиалоге, основывается на лингвопрагматическом анализе предъявляемых адресату вербальных и невербальных компонентов диалогического дискурса с целью распознавания скрытых интенций адресанта. При рассмотрении импликатур общения с позиции адресата все имеющиеся смыслы уже актуализованы тем или иным способом адресантом в данном конкретном высказывании, причем они актуализованы так, что второе «дополнительное» значение при интерпретации становится ключевым. Суть данного подхода состоит в эксплицитном представлении смыслового содержания высказывания, которое, как правило, адресат мысленно реконструирует и в результате приходит к определенным выводам и умозаключениям, учитывая прагматические пресуппозиции, характер пропозиции, просодическую и семантическую организацию диалогического дискурса. В качестве примера рассмотрим фрагмент диалога из кинофильма «Unbroken» («Несломленный»):

HARRY: You hit this one and drinks are on me. (Попадёшь в цель – я плачу за выпивку. Здесь и далее перевод мой: А. С.)

LOUIE: I ain't going to a bar with you, handsome. You confuse all the broads (Я с тобой в бар не пойду, красавчик. Ты всех девчонок уведешь.) [5].

Прежде всего, отметим, что участниками коммуникации являются члены экипажа бомбардировщика, общение между ними осуществляется во время проведения боевой операции на борту воздушного судна. Анализ реплики-стимула «You hit this one and drinks are on me.» показывает, что адресант (Harry) полностью осознает, что исход операции может быть плачевным. В связи с этим, он считает своим долгом подбодрить своих сослуживцев, вербализируя данную ценностную установку и смысл в своей реплике. Поэтому инференция

имплицитного смысла данного высказывания заключается в следующем: адресант настраивает весь экипаж на успешное завершение операции и предлагает это отметить, когда они благополучно вернутся на военную базу. Вербально-семантическая и ценностная характеристика языковой личности адресанта складывается, прежде всего, на основе используемых языковых средств.

Адресат (Louie) поддерживает разговор ответной фразой «I ain't going to a bar with you, handsome. You confuse all the broads», которая усиливает коммуникативную цель предыдущего высказывания, т. к. находит положительный отклик у всего экипажа (о чем свидетельствует последующая реакция, включающая в себя эмотивно-оценочные элементы такие как «добродушный смех», «свист», «одобряющие возгласы»), заставив их расслабиться и в какой-то степени отвлечься от напряженной обстановки. Эффект усиливается благодаря разъясняющему комментарию-характеристике с актуализированным семантическим элементом причины, используя такие лингвистические средства как «handsome» и идиому «You confuse all the broads», а также дополняющие его паралингвистические эмотивно-оценочные средства («открытый взгляд», «улыбка», «уверенный голос»), сигнализирующие об отношении к обозначаемому факту (ирония). Все вербальные и невербальные компоненты в своей совокупности характеризует особенности языковой личности адресата, его ценности, а также свидетельствует о его тонком чувстве юмора, его природной харизме.

Таким образом, имплицитный смысл высказывания адресанта должен быть полностью или частично реконструирован в процессе инференции, возлагаемой на адресата как интерпретатора производимых адресантом стимульных реплик. При этом учитывается взаимосвязь и взаимовлияние вербальных и невербальных средств выражения, обусловленными индивидуальным видением мира и мотивационно-прагматическими и ценностными установками языковой личности коммуникантов.

Обобщая вышесказанное, мы приходим к выводу, что инференция имплицатур является одним из важнейших процессов реконструкции имплицитных смыслов высказываний, который позволяет провести лингвопрагматический и семантический анализ вербальных и невербальных средств в кинофрагментах диалогического дискурса, на основе которого наиболее ярко раскрываются мотивы и характер языковых личностей персонажей, образы которых отличаются глубиной и реалистичностью. Такой подход позволяет максимально точно определить интенциональное значение высказывания, выявить модели речевого общения на основе анализа вербальных и невербальных компонентов высказывания, выявить причины их имплицитного выражения.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Изд-во «Прогресс», 1974. – 448 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 2-е, стереотипное/ Ю. Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др.; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
4. Сидорова Н.А., Аксиология речевой коммуникации: Монография [Текст] – Н. А. Сидорова. – М.: ЗАО «Книга и бизнес, 2010. – 318 с.
5. Кинофильм «Несломленный» (на англ. яз.). [Сетевой ресурс]. Режим доступа: <https://hdm.to/unbroken/> (дата обращения 08.06.2020).

10.02.19

Н.Ф. Хасанова канд. филол. наук

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
кафедра иностранных языков,
Казань, discovery81@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИТОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЖАРГОНАХ НАРКОМАНОВ

В данной статье рассматривается репрезентация наркомании как антиценности на примере фитоморфных образов. В результате сопоставительного анализа названий растений в русском и английском жаргонах наркоманов можно установить, какие особенности языка наркоманов выражены фитонимами и какие специфические сферы являются наиболее значимыми их языковой общности.

Ключевые слова: *фитонимы, сопоставительный анализ, антиценность, жаргон наркоманов, оценка, ценности, язык.*

Исследования языка наркоманов является одной из актуальных проблем лингвистики, связанной с проблемой наркомании. В борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков, в том числе профилактике наркотизации населения в стране ведется огромная работа. Как справедливо отмечают общественные деятели, «В вопросе профилактики наркотизации населения помимо правоохранительных ведомств огромную роль должны играть государственные, муниципальные и общественные структуры. Наша общая задача оградить молодежь от наркотиков» [3].

Разрушение – главная семантическая константа «языка» наркоманов, на что указывают и наименования наркотиков. Например, смесь марихуаны и крека в английском языке называют *atom bomb* (атомная бомба). Не случайно и самые новые наименования наркотика героина в английском языке связаны с разрушением и терроризмом: *bin laden* (Бен Ладен), *twin towers* (башни-близнецы), которые вошли в жаргон наркоманов после теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года» [1].

Изучение роли внутренней формы слова в создании фрагмента языковой картины мира наркоманов на материале двух языков позволяет исследователю сопоставить и выявить яркие и неожиданные контрасты, а также определить отдельные тенденции, связанные с обычными для общества наркоманов ассоциациями. Мы рассмотрим наименование растений в русском и английском жаргонах наркоманов. Материалом для сопоставительного анализа послужили названия растений в русском и английском жаргонах наркоманов в корпусе «Словаря русского и английского жаргонов наркоманов» Л.К. Байрамовой и Н.Ф. Халиулловой (в общей сложности 97 лексических и фразеологических единиц) [2].

Фитоморфные образы – одна из традиционных понятийных сфер жаргона наркоманов. Можно выделить наиболее типичные для жаргона наркоманов фреймы «мира растений»:

- 1) Дерево и кустарники: русск. *пальма, пихта*; англ. *African woodbine, cactus, fir, pine*.
- 2) Травяные растения: русск. *бадяга / бодяга, клевер, петрушка, трава, зелень, клевер, мох, камыш*; англ. *big rush, blue sage, Chinese molasses, flower, hemp, parsley*.
- 3) Овощи перец: русск. *помидор, капуста, тыква*; англ. *broccoli, magic mushroom*.
- 4) Фрукты: русск. *лимон*; англ. *banana, lemon, oranges*.
- 5) Ягоды: русск. *абрикос, малинка, клубничка*; англ. *raspberry, strawberry*.
- 6) Семена: русск. *желуди, орех, зерно*; англ. *bean, coriander seeds, coconut, hazel*.
- 7) Части растений: русск. *шишки*; англ. *barbs, bud, leaf*.
- 8) Заготовки из растений: русск. *сено, солома, соломинка, урюк, пшено*; англ. *straw, hey, wheat*.

Сопоставительный анализ фитонимов русского и английского жаргонов наркоманов показал, что фитонимы русского и английского жаргонов можно классифицировать следующим образом:

1. Лексемы, присущие русскому, и английскому жаргону наркоманов. Имеются полностью эквивалентные фитонимы: в данном случае эквивалентны не только сами жаргонные слова, но и их значения. Например, русск. *петрушка* и англ. *parsley* означают марихуану; русск. *травка* и англ. *herb* – ‘марихуана’. Многие фитонимы русского жаргона наркоманов имеют эквиваленты в английском жаргоне, но их значения не совпадают, т.е. они основаны на разных образах. Например, русск. *зёрна* – ‘таблетки, содержащие наркотические вещества’ и англ. *seeds* – ‘марихуана’; русск. *пишено* – ‘папироса с анашой или гашишем’ и англ. *wheat* – ‘марихуана’; русск. *пихта* – ‘высокое одиночное растение конопли’ и англ. *fir* – ‘марихуана’. В русском жаргоне наркоманов много образов создается со словом *травка*, например, *травка божья*, *травушка муравушка*, *трын-травка*. Также и в английском жаргоне слова *herb* и *weed* наиболее часто встречающиеся, например, *herba*, *weed tea*, *ditch weed*, *crazy weed*.

2. Лексемы, встречающиеся только в русском жаргоне наркоманов. Русские лакунарные единицы *абрикос*, *урюк*, *бадяга* / *бодяга*, *жёлуди*, *клевер*, *перец*, *помидор*, *шишки* имеют лакуны в соответствующем английском жаргоне.

3. Лексемы, встречающиеся только в английском жаргоне наркоманов. Английские лакунарные единицы *barbs* [букв. колючки, шипы], *broccoli* [букв. брокколи], *cactus* [букв. кактус], *cocunut* [букв. кокос], *peaches* [букв. персики], *pine* [букв. сосна] имеют лакуны в русском жаргоне.

Внутренняя форма слова является отражением специфики номинации в каждом языке, поэтому сопоставление лексических единиц разных языков по их внутренней форме помогает глубже раскрыть характер лексики. Осознание семантической двуплановости образных наименований растений происходит на уровне единых ассоциаций, в результате чего в сознании наркоманов возникают одинаковые образы. В языковом сознании говорящих на одном языке людей присутствуют ассоциативно-образные стереотипы видения некоторых предметов. Например, *жёлуди* – ‘таблетки с опиумом от желудочных болей’ – ассоциируется носителями русского языка, как правило, по внешней форме таблеток; *травка* или англ. *herb* [букв. трава, лекарственное растение] – ‘марихуана’ – ассоциируется по принадлежности марихуаны к травяным растениям. Данные ассоциативно-образные стереотипы обусловлены особенностями мышления языкового «коллектива» наркоманов.

Фитонимы с метафорической внутренней формой слова поучают интерпретацию на уровне обыденного сознания. Например, *абрикос* – ‘молодой и неопытный наркоман’, а *урюк* – ‘старый и опытный наркоман’ в данном случае название происходит за счет ассоциации молодого плода и переспелого плода. В зависимости от характера внутренней формы и типа мотивированности различают две разновидности образной лексики: 1) морфологически мотивированные слова с метафорической внутренней формой и 2) семантически мотивированные лексические и фразеологические единицы с переносным метафорическим значением.

По результатам сопоставительного анализа было установлено, что 17 фитонимов русского жаргона наркоманов и 25 фитонимов английского жаргона являются метафорически мотивированными. Например, русск. *соломинка* и англ. *straw* – ‘длинная курительная трубка, применяемая для курения гашиша или опия’ (мотивационное значение: трубка похожая на соломинку, через которую пьют сок); *клубничка* – ‘небольшой кусок бумаги с изображением ягоды (в виде почтовой марки размером 5x5 мм), пропитанный диэтиламидом лизергиновой кислоты’ (мотивационное значение: рисунок клубники на бумаге, пропитанный диэтиламидом лизергиновой кислоты). Образное значение этих слов передает характерный признак, ассоциативно представленный через сопоставление с другим предметом. В английском языке *banana* [букв. банан] – ‘сигарета с марихуаной с добавлением кокаина’ (мотивационное значение: сигарета в форме банана).

Отдельную группу слов с метафорической внутренней формой составляют семантически мотивированные наименования фитонимов с переносным метафорическим значением. Семантика таких лексических и фразеологических единиц отражает ассоциативное сближение двух предметов на основании общего признака.

При восприятии наименования растения *капуста* носитель языка устанавливает связь со словом *капуста* в значении 'зеленый цвет, множество тонких листьев'. Осмысление фитонима происходит за счет сближения двух образов (растение – зеленый, листья) на основании общих признаков: 'маковый лист как сырье для получения наркотиков и мелконарубленные зелёные (незрелые) маковые головки' ассоциируются с капустой. К семантически мотивированным образным фитонимам относятся: *малинка* – 'сильнодействующий наркотик, применяемый для усыпления жертвы', *зерно* – 'застывший на головке мака опийный сок', *мох* – 'гашиш-сырец', *пальма*, *пихта* – 'одиночное высокое растение дикорастущей конопли', *пишено* – 'папироса с анашой или гашишем', *камыш* – 'вены с тромбами'; *coriander seeds* [букв. семя кориандра] – 'наличные деньги', *Strawberry fields* – 'наркотик, вызывающий галлюцинации', *magic mushroom* [букв. волшебный гриб] – 'псилоцибин / псилоцин', *jolly bean* [букв. веселая фасоль] – 'амфетамин', *hot dope* [букв. горячая травка] – 'героин', *laughing grass* [букв. смеющаяся травка], *flower tops* [букв. верхушки цветов], *crazy weed* [букв. сорняк, сводящий с ума], *blue sage* [букв. синий шалфей] – 'марихуана'.

Носителями английского жаргона наркоманов выделяется мотивировочный признак, связанный с местом произрастания растения: *railroad weed* [букв. сорняк железной дороги] – 'марихуана' (где *railroad* – железная дорога, *weed* – трава, сорняк), внутренняя форма слова: трава, растущая у железной дороги. Сюда можно также отнести: *Chinese molasses* [букв. китайская меласса] – 'опиум', *Chinese tobacco* [букв. китайский табак] – 'опиум', *ditch weed* [букв. трава канавы] – 'очень низкокачественная марихуана', *Indian hay* [букв. индийское сено] – 'марихуана из Индии', *Mexican mushroom* [букв. мексиканский гриб] – 'псилоцибин / псилоцин', *African woodbine* [букв. жимолость африканская] – 'сигарета с марихуаной'.

Таким образом, в результате сопоставительного анализа названий растений в русском и английском жаргонах наркоманов можно установить, какие особенности языка наркоманов выражены фитонимами и какие специфические сферы являются наиболее значимыми их языковой общности.

Список литературы

1. Алексеев М.А. От редактора / Словарь русского и английского жаргона наркоманов; словарь антиценностей / Л.К. Байрамова, Н.Ф. Халиуллова. – Казань: Центр информационных технологий, 2009 – С. 5.
2. Байрамова Л.К. Словарь русского и английского жаргона наркоманов; словарь антиценностей / Л.К. Байрамова, Н.Ф. Халиуллова. – Казань: Центр информационных технологий, 2009 – 196 с.
3. Еникеев А. «Тестирование на наркотики нужно продолжить» / общественно-политической газета «Республика Татарстан» №14, январь 26, 2006 – С. 2.

10.02.19

Чжан Тао

Южно-Уральский государственный университет,
Институт лингвистики и международных коммуникаций,
кафедра международных отношений, политологии и регионоведений,
Челябинск, taozhang@yandex.ru

КОНЦЕПТ «СЫНОВНЯЯ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ» 孝 (СЯО) В КИТАЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

В данной статье автор, используя лингвокультурный подход, исследует динамику изменения содержания одного из основных концептов китайского языка – «сыновняя почтительность» 孝 (сяо), сформировавшегося под влиянием традиционной китайской культуры. Рассматривая актуальное содержание данного концепта в контексте рекламной деятельности, автор в результате прагмалингвистического анализа рекламных продуктов приходит к выводу о том, что творческое использование в рамках коммуникативных стратегий концепта «сыновняя почтительность» обеспечивает высокую эффективность рекламной коммуникации.

Ключевые слова: китайская реклама, социальная реклама, речевое воздействие, концепт «сыновняя почтительность».

Исследователи китайского общества отмечают особую роль конфуцианства в развитии Китая. Это философско-этическое учение, которое на протяжении многих веков доминировало в цивилизационном пространстве Китая, видело свою задачу в создании системы принципов идеального общества, в котором царит гармония [1].

«Сыновняя почтительность» 孝 (сяо) является очень важным понятием конфуцианства. «孝 (сяо)» – это сыновья почтительность, которую следует проявлять не только по отношению к родителям, но также и к правителю, и к учителю. Принцип 孝 (сяо), устанавливающий преемственность знаний, традиций, ритуала между поколениями, играет важнейшую роль в установлении норм поведения людей в обществе [2].

С учетом указанных обстоятельств конфуцианский принцип «сыновней почтительности» 孝 (сяо) является объектом пристального внимания китайских ученых.

Так, Чен Хуншуай отмечает, что китайская нация привержена традиционной этике, а «сыновняя почтительность» 孝 (сяо) является одним из основных культурных концептов Китая. [4].

В современном обществе культура сыновней почтительности 孝 (сяо) делает больший акцент на любовь детей к своим родителям. Культура 孝 (сяо) проповедует заботу о пожилых и уважение к ним [3].

В настоящее время «сыновняя почтительность» 孝 (сяо) как ценностное понятие широко используется в общественной жизни в условиях стремительного развития рыночной экономики. Поскольку концепт 孝 (сяо) – это часть традиционной культуры китайской нации, его применение в процессе создания рекламных продуктов дает возможность использовать национальные чувства аудитории, улавливать национальную психологию аудитории и удовлетворять эстетические потребности современной аудитории.

В качестве примера приведем анализ рекламы стиральной машины марки «Вэй Ли». Рекламный ролик начинается сценой у реки, где пожилая женщина, выбываясь из сил, стирает одежду. В это время подъезжает грузовик, из которого выгружают стиральную машину марки «Вэй Ли», и на лице женщины появляется улыбка. Этот видеоряд сопровождается текстом: «妈妈, 我梦见了村边的小溪, 梦见了您, 梦见了奶奶. 妈妈, 我要给你

送去一件好东西. 威力洗衣机, 献给母亲的爱! – *Мама, мне снился ручей у деревни, ты и бабушка. Мама, хочу послать тебе хороший подарок. Стиральная машина «Вэй Ли» – это выражение любви к матери».* Данный рекламный ролик был создан для компании «Вэй Ли», находившейся в то время в тройке лидеров индустрии по производству стиральных машин, и этот рекламный продукт оказался весьма эффективным.

Креативность рекламы пищевого масла «金龙鱼 – JINLONGYU» заключается не в рациональных аргументах привлекательного качества и культуры питания, а в рекламном тексте «温暖亲情, 金龙鱼的大家庭 – *теплые семейные чувства, большая семья JINLONGYU*», который обращен к чувствам адресатов рекламы, испытывающим привязанность к своей семье. Благодаря творческому подходу создателей рекламы, которые умело подобранной лексикой оказывают имплицитное воздействие на сознание потребителей рекламного продукта, у последних создается впечатление, что компания, производящая рекламируемый товар, разделяет их ценности, в связи с чем в их сознании возникает положительный образ как компании, так и рекламируемого товара.

Семейная привязанность кровных родственников – это глубокое чувство, от которого люди никогда не смогут отказаться, так как его нельзя ничем заменить. Именно благодаря приверженности потребителей к семейным ценностям, выражающейся в наличии в их сознания концепта «сыновней почтительности» 孝 (сяо), реклама наделяет бренды и товары свойствами, вызывающими эмоциональный отклик у потребителей, что, в результате, позволяет получить перлокутивный эффект.

Приведем пример:

Многих людей тронула социальная реклама на тему почтительного отношения к старшим, показанная на одном из каналов Центрального телевидения Китая. В начале фильма маленький мальчик наблюдает, как его мать моет ноги бабушке. Ребенок, подражая маме, несет из кухни таз с водой. Пока он, спотыкаясь и расплескивая воду, несет таз, звучит детский голос: «妈妈, 洗脚 – *Мама, умой ноги*», на экране появляется соответствующий текст. Потом мужской голос сообщает зрителям: «其实, 父母是孩子最好的老师. – *На самом деле, родители – лучшие учителя для детей*»; этот текст также появляется на экране». В данном рекламном ролике используется простой сюжет для интерпретации традиционной китайской добродетели – сыновней почтительности. В нем рассказывается, что любовь может передаваться из поколения в поколение, а родители – лучшие учителя для детей, потому что каждое слово и поступок родителей влияет на поведение детей. Смысл этой рекламы можно также выразить словами: «Дети, заботьтесь о своих родителях, и ваши собственные дети в будущем будут заботиться о вас». Данный рекламный продукт является весьма удачным, поскольку при его создании для интерпретации традиционных добродетелей китайской нации использован эпизод повседневной семейной жизни, что придает наглядности простым истинам и заставляет людей задуматься.

Рекламные тексты должны иметь яркие индивидуальные черты, чтобы привлечь внимание аудитории и произвести на нее впечатление. Традиционная культура сократила расстояние между рекламодателем и аудиторией, сделав рекламу более приемлемой для аудитории.

Приведем пример. По сюжету рекламного ролика стирального порошка «雕牌 – Diaopai» молодая мама после увольнения носится по городу в поисках работы. Разумная маленькая дочка любит свою маму и помогает ей стирать одежду. Невинный и милый детский голос сообщает: «妈妈说, 雕牌洗衣粉只要一点点就能洗好多好多的衣服, 可省钱了! – *Мама сказала: Небольшим количеством моющего средства Diaopai можно постирать очень много вещей, сэкономив деньги!*» В следующих сценах мы видим, что мать после безуспешных поисков работы возвращается домой. Она собирается поцеловать спящую дочь, но видит листок бумаги, на котором рукой дочери написано: «妈妈, 我能帮你干活了. – *Мама, я могу помочь тебе*». Прочитав записку, мать не может сдержать слёз. Затем на фоне упаковки стирального порошка появляется текст «只选对的, 不买贵的. – *Выбирай только хорошее, не покупай дорогое*». Потребители были глубоко тронуты сценой, в которой маленькая девочка

использовала стиральный порошок, чтобы помочь безработной матери стирать одежду. Стратегия создателей рекламы состояла в том, чтобы использовать концепт 孝 (сяо) для создания у аудитории положительного отношения к рекламодателю. Трогательная сцена сразу сократила дистанцию между создателем рекламы и потребителем. По сравнению с прежней рекламой, которая постоянно обращала внимание на потребительские качества моющего средства, эта реклама создает впечатление сердечной и креативной, передающей дух и традиции сыновней почтительности. Сюжет рекламного ролика довольно убедительный, а передаваемые мысли эфемистичны и неявны, что соответствует психологии восприятия информации китайцами.

Традиционная культура оказывает большое влияние на китайскую рекламу. Применение в рекламных продуктах элементов культурного концепта «сыновнего почтения», как одного из высших проявлений традиционной культуры, может значительно увеличить силу речевого воздействия, способствуя достижению целей рекламной коммуникации.

Таким образом, использование элементов традиционной культуры в рекламных продуктах помогает сократить дистанцию между рекламодателями и потребителями, что придает рекламе большую привлекательность и убедительность. Интеграция концепта 孝 (сяо) и рекламы завоевала поддержку аудитории, что повышает уровень креативности рекламы и способствует адаптации традиционной культуры к требованиям современной жизни.

Список литературы

1. Базарова А.Н. Роль конфуцианства в развитии традиционного образования в Китае / А.Н. Базарова // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2010. – № 8. – С. 169–172
2. Германович А.А. Интерпретации педагогических терминов конфуцианства / А.А. Германович // Историко-педагогический журнал. – 2016. – № 3. – С. 131–142
3. Хэ Тао Поощрение культуры сыновней почтительности и содействие построению гармоничного общества / Тао Хэ // Реформа и открытость. – 2009. – № 9. – С. 99–101 [何涛, 弘扬孝文化, 促进和谐社会建设, 《改革与开放》, 2009 (9)]
4. Чэн Хуншуй. Историческая эволюция и современные ценности китайской культуры сыновней почтительности / Хуншуй Чэн // Вестник Яньбэйского педагогического университета. – 2005 – № 1. – С. 47–49 [程红帅. 中国孝文化的历史沿革及当代价值. 雁北师范学院学报, 2005(1)]

10.02.19

Чжан Хундань

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К.Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Кафедра французской филологии,
Якутск, hongdan.zhang@mail.ru

ВОЕННАЯ МЕТАФОРА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ COVID-19 В СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ СМИ

Статья посвящена анализу особенностей использования военной метафоры в репрезентации COVID-19 на материале китайских СМИ. В результате исследования выявлено пять тематических групп, актуализирующих различные аспекты ведения войны.

Ключевые слова: *китайские СМИ, COVID-19, военная метафора, военная лексика.*

Термины «коронавирус» и COVID-19 вышли за рамки медицинской терминологии и стали феноменом бытовой, политической, деловой и медиа коммуникации.

Осознание серьезности проблемы, необходимости консолидации общества для борьбы прослеживаются в СМИ с начала объявления ВОЗ о пандемии «Социум, разделенный ограничительными карантинными мерами, переосмыслил себя как общность в медиальном пространстве. Важнейшим инструментом такого единения послужили универсальные образы угрозы коронавируса и борьбы с ним, которые создавались с помощью языковых средств выразительности» [3, 205].

Анализируя дискурсы о COVID-19, В.И. Карасик отмечает, что освещение этой эпидемии в средствах массовой информации позволяет выявить ценности, определяющие картину мира наших современников, а с другой стороны, показывающие столкновения разных точек зрения [2, 25].

В настоящее время проводятся лингвистические исследования, описывающие разнообразные репрезентации понятия COVID-19 в медиадискурсах. Отдельного внимания заслуживают исследования речевой манипуляции в медиадискурсе: журналисты часто стремятся максимально экспрессивно и эмоционально описать факты распространения коронавируса, прибегая к метафорам войны, смерти, стихийного бедствия и т.д., тем самым формируют ощущение страха и паники в обществе. Метафора войны рассматривается как один из продуктивных способов концептуализации действительности особенно в периоды сложных социальных потрясений. К военной метафоре прибегают и в немецком политическом дискурсе, она часто используется и в СМИ США [1, 73]. Анализируя статьи на сайте главного китайского информационного агентства «Синьхуа», В.И. Карасик отмечает, что борьба с эпидемией в Китае рассматривается как важнейшая политическая задача, которая находится под контролем лидера страны [Op.cit, 27].

Для того, чтобы всей страной сплотиться и объединить усилия против распространения нового вируса, китайские СМИ определяют борьбу с COVID-19 как войну, используя широкий контекст борьбы с коронавирусом как с новой глобальной угрозой. Понятие войны включает в себя такие элементы, как военные действия, результат войны, оружие, место боевых действий, участники войны, жертвы и герои.

Анализ примеров из китайских СМИ позволяет выделить несколько тематических групп.

1. Военные действия. 战争/战役/战斗/奋战 斗争 война / воевать / вести войну, 抗击/防控 борьба / бороться / вести борьбу, 人民战争 народная война, 阻击战 кинжальная война прорываться, 总体战 тотальная война, 威胁 угроза / угрожать, 袭来 удар / ударить, 歼灭 уничтожать.

疫情阻击战正在紧张展开，万千“白衣战士”，正以勇敢的坚守、无畏的前行《Вспышка кинжальной войны усиливается. Тысячи бойцов в белых халатах бесстрашно идут вперед》[4].

В китайских средствах массовой коммуникации борьбу с эпидемией COVID-19 часто называют «кинжальной войной», вероятно, здесь имеется ассоциация с борьбой с врагом, находящимся на близком расстоянии, на расстоянии острого кинжала, который представляет смертельную опасность, если не быть готовым.

Характеристики действий коронавируса определяются значением таких лексических единиц, как 速度最快 высокая скорость, 难度最大 большая трудность. 范围最广 широта и тд. Например, 这次新冠肺炎疫情是新中国成立以来, 传播速度最快、感染范围最广、防控难度最大的重大突发公共卫生事件. «Эпидемия COVID-19 была самой быстрой по скорости распространения, самой широкой по охвату и самой трудной для сдерживания в стране со времени основания Китайской Народной Республики» [5].

2. Результат войны: 战胜/ 打赢/ 胜利全胜 победить/ победоносный исход / одерживать победу, 败 поражение / принять поражение / проиграть войну.

让我们坚定信心, 同舟共济, 科学防治, 精准施策, 共同打赢疫情防控阻击战!
«На специальном заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин отметил, что необходимо неукоснительно проводить курс на одержание победы в борьбе с эпидемией коронавируса нового типа» [7]. В метафорах войны такие выражения, как 坚定信心 «укрепить уверенность», 同舟共济 «совместно трудиться» и 科学防治 «осуществлять профилактику и контроль на научной основе» обозначают необходимость коллективных усилий во имя общей победы.

3. Метафора боевого оружия: 口罩 маска, 防护服 защитная одежда, 防护用品 средства защиты. Наряду с ними 合作 сотрудничество, 团结 единство, 坚定信心 «укрепить уверенность» также рассматриваются как эффективное оружие в борьбы с эпидемией. Это можно демонстрировать на следующих примерах:

习近平强调: “团结合作是抗击疫情最有力的武器” Си Цзиньпин подчеркнул: единство и сотрудничество – это самое мощное оружие в борьбе с эпидемией [6].

口罩、防护服等医疗防护物品是抗击疫情的武器。Маски, защитная одежда и другие защитные вещи. являются оружием для борьбы с эпидемией [9].

4. Место военных действий: 战场 фронт / линия фронта / фронт борьбы / невидимый фронт борьбы, 前线 передовая / коронавирусная передовая, передовая всемирной борьбы, 阵地 зона / красная зона, 岗哨 пост.

病房就是医生的‘战场’, 危急关头, 哪有时间考虑怕与不怕。救人最要紧, 这是我们的职责 «Палата – это «поле битвы» врача» [4].

在武汉, 6万多名本地医护人员坚守岗位, 与近2万名驰援武汉的战友一起筑成抗击疫情的“白色长城” «В Ухане более 60 000 местных медицинских работников стояли на своих постах» [4].

Метафорический перенос эпидемические зоны и больницы как линия фронта подчеркивается лексемами 没有硝烟的战场 фронт без пороха, 全球的 всемирный, 第一道 передний рубеж.

5. Участники войны, герои и жертвы, а также лица, косвенно относящиеся к военным действиям: 战士 боец, 敌人 враг / невидимый враг, 英雄 герой, жертва, 牺牲者 оборонщик, 突击队 командос.

白衣战士 «Бойцы в белых халатах» [4].

习近平强调, 疫情是我们的共同敌人«Си Цзиньпин подчеркнул, что эпидемия - наш общий враг» [8].

Газета «Жэньминь жибао» 4 августа опубликовала статью об официальном признании на государственном уровне выдающихся заслуг Чжуна Наньшаня в борьбе с новой коронавирусной эпидемией, наградив его "Орденом Республики Китай". Чжун Наншань не побоялся выступить открыто и выдвинул идею о феномене коронавируса, который способен передаваться от человека к человеку, подчеркнув важность строгой профилактики и индивидуальной защиты.

Таким образом, при описании коронавируса в китайских СМИ используется военная метафора, переосмысливается лексика военной сферы вышеназванных тематических групп. Активное использование военной метафоры при описании коронавируса объясняется сходством военных действий, их характера и результата с борьбой человечества против коронавируса. Репрезентация эпидемии COVID-19 как общего врага человечества определяет использования метафоры войны с ее основными характеристиками, аспектами и участниками. Такая метафора помогает вдохновить аудиторию на активную борьбу, избежать паники и страха в обществе перед угрозой нового вируса.

Список литературы

1. Данкова Н.С., Крехтунова Е.В. Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет)//Научный диалог.2020. № 8.С.69-83.
2. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса : факты, оценки, позиции / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). - С. 25-34.
3. Петренко Д.А., Лихачёв Э.В., Чернышова М.В. Средства языковой выразительности в образе COVID-19 (на материале немецкого политического дискурса СМИ) / Д. А. Петренко, // Научный диалог. 2020. № 7. С. 194-209.

Список источников

4. “白衣战士”无畏前行. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.sina.com.cn/c/doc-iimxxstf2590898.shtml>(Дата обращения: 19.02.2020).
5. 白皮书：抗击新冠肺炎疫情的中国行动. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://politics.people.com.cn/n1/2020/0608/c1001-31738064.html?tdsourcetag=s_pcqq_aiomsg(Дата обращения: 08.06.2020).
6. 何为抗击疫情最有力的武器 习近平这样阐释. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.cctv.com/2020/06/21/ARTIXcQXaOGJSvfjq2o3U74u200621.shtml>(Дата обращения: 21.06.2020).
7. 坚定信心 同舟共济 科学防治 精准施策__搜狐网. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mbd.baidu.com/ma/s/MmyFuo5y>(Дата обращения: 02.02.2020).
8. 抗击疫情是一场新形势下的“人民战争”. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.swbd.cn/cont.ASP?WZBH=65872>(Дата обращения: 19.02.2020).
9. 源源不断提供抗击疫情的“武器”——江西部分医疗防护物品生产企业一线直击__搜狐网. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mbd.baidu.com/ma/s/lbvTrLLd>(Дата обращения: 27.01.2020).

10.02.19

Чу Цзяньминь

Южно-Уральский государственный университет,
Институт лингвистики и международных коммуникаций,
кафедра международных отношений, политологии и регионоведений,
Челябинск, chujianmin@yandex.ru

**ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ КАТЕГОРИИ УЧАЩИХСЯ,
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена исследованию лексики, используемой в китайских учебных заведениях. Автор статьи, действуя в рамках лингвокультурологического подхода, исследует и классифицирует по различным критериям как формальную, так и неформальную современную лексику, используемую для обозначения различных категорий учащихся.

Ключевые слова: китайский язык, лексика, учащиеся, китайские учебные заведения

Китайский, традиционный язык ханьцев, является общим языком в Китае и одним из международных языков, принадлежащих к сино-тибетской языковой семье. Китайский язык имеет богатую историю. По меньшей мере 1,5 миллиарда человек в мире используют китайский язык, что составляет более 20% от общей численности населения мира. Это официальный язык Китая, один из четырех официальных языков Сингапура и один из шести рабочих языков Организации Объединенных Наций [4].

В настоящее время в России все больше и больше учащихся изучают китайский язык. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации намерено разрешить вузам при приеме на обучение учитывать результаты единого госэкзамена по китайскому языку с 2020 года [3]. Каждый, кто изучает китайский язык, является учащимся.

Исследователи отмечают, что высочайший престиж образования в Китае обусловлен культурными и философскими традициями страны [1]. По нашему мнению, этот фактор также сыграл большую роль в формировании богатой лексики китайского языка, относящейся к образованию.

В этой статье анализируется лексика, обозначающая категории учащихся в китайском языке, с точки зрения лингвокультурологического подхода.

В китайском языке, учащиеся именуется 学生 xuésheng. Слово «学 xué» означает «учение \ учиться, обучаться», а «生 sheng» означает «люди», то есть, учащиеся, – это люди, которые учатся и которых обучают. 学生 xuésheng «учащиеся» обычно относятся к людям, которые учатся в учебном заведении или где-то еще (военные и др.). Люди, которые имеют образование или учатся в исследовательских учреждениях или на рабочих местах, также называют себя 学生 xuésheng. В китайском языке слово «桃李 táolǐ» «цветы персика и сливы» используется в качестве метафоры для учащегося 学生 xuésheng. По разным этапам обучения 学生 xuésheng можно разделить на 小学生 xiǎoxuéshēng, 初中生 chūzhōngshēng, 高中生 gāozhōngshēng, 大学生 dàxuéshēng, 硕士研究生 shuòshì yánjiūshēng, 博士研究生 bóshì yánjiūshēng.

小学生 xiǎoxuéshēng – это учащиеся начальной школы. В Китае в начальную школу поступают в возрасте 6 лет. Продолжительность обучения в начальной школе составляет шесть лет. Слову 小学生 xiǎoxuéshēng зачастую придается переносный смысл: «учиться чему-то с нуля». Например, Мао Цзэдун написал в предисловии и в послесловии к работе «Исследования в сельской местности»: «和全党同志共同一起向群众学习, 继续当一个小学生, 这就是我的志愿. «Я хочу учиться у масс вместе с товарищами по всей партии и продолжать учиться в начальной школе» [2]».

初中生chūzhōngshēng – это учащиеся, которые учатся в младшей средней школах, и обычно находятся на стадии раннего полового созревания.

初中chūzhōng – это младшая средняя школа, которая является начальной ступенью средней школы. В младшей средней школе учащиеся обычно учатся 3 года.

高中生gāozhōngshēng – это общий термин для учащихся, которые поступают в старшие классы средней школы. Возраст китайских учащихся высшей ступени средней школы составляет примерно 15-18 лет [5].

大学生dàxuéshēng – это те, кто получает базовое высшее образование и профессиональное высшее образование и еще не завершили обучение, а также те, кто получили высшее образование и заняли соответствующее этому образованию место в обществе. Учащиеся высших учебных заведений, студенты» (大学生dàxuéshēng) представляют собой общественный слой молодых и энергичных людей, высокопрофессиональных специалистов, являющихся главной движущей силой инновационного развития и общественного прогресса.

Понятие «студент» (大学生dàxuéshēng) включает в себя следующие категории учащихся: 专科生zhuānkē shēng, 本科生běnkē shēng, 硕士研究生shuòshì yánjiūshēng, 博士生bóshì yánjiūshēng, 保送生bǎosòng shēng, 自考生zìkǎo sheng и т.д.

Понятие 专科生zhuānkē shēng относится к студентам, которые учатся в высшем специальном учебном заведении (с 2 или 3-годовичным сроком обучения).

本科生běnkē shēng – это студенты бакалавриата и выпускники высших учебных заведений. Студенты бакалавриата (本科生běnkē shēng) после окончания учебы могут получить ученую степень бакалавра.

硕士研究生shuòshì yánjiūshēng – это студенты магистратуры, обучающиеся для получения ученой степени магистра. По сравнению с бакалавриатом в магистратуре больше внимания уделяется развитию у студентов исследовательских и аналитических способностей, особенно способности к научным исследованиям и преподаванию по избранному предмету.

博士研究生bóshì yánjiūshēng – это докторанты, обучающиеся с целью получения самой высокой ученой степени.

保送生bǎosòng shēng относятся к студентам, которые рекомендованы к поступлению в высшие учебные заведения некоторыми средними школами Китая, и напрямую допускаются к зачислению после проверки и одобрения соответствующих высших учебных заведений обычного типа, которые освобождены от участия в единых государственных экзаменах.

自考生zìkǎo sheng – это студент, который сдает экзамен для самообучения, проводит самообучение в соответствии с предписанной программой, а затем участвует в едином экзамене экзаменационной комиссии по самообучению Министерства образования.

Существует лексика, по разному обозначающая учащихся применительно к их академической успеваемости, например, 高才生gāocáishēng, 高材生gāocáishēng, 尖子生jiān zǐ shēng, 优等生yōuděng shēng, 三好学生sān hǎo xuéshēng, 差生 chāshēng и т.д.

Под 高才生gāocáishēng «*талантливыми, высокоодаренными учениками*») понимаются студенты, которые от рождения умны или одарены. 高材生gāocáishēng «*способный ученик с отличной успеваемостью*» – это способные студенты, которые имеют хорошую успеваемость. Между понятиями 高才生gāocáishēng и 高材生gāocáishēng имеются следующие отличия: 高才生gāocáishēng могут плохо сдавать экзамены, но 高材生gāocáishēng обязательно быть студентами с отличными оценками; 高材生gāocáishēng не обязательно обладают выдающимися талантами, но их успехи должны быть достигнуты за счет тяжелой работы; 高才生gāocáishēng могут проявлять изобретательность или талант, но, вероятно, еще не достигли выдающихся результатов.

尖子生jiān zǐ shēng – это учащиеся с отличными оценками.

优生 yōuděng shēng – это выдающееся учащиеся со всесторонним развитием,. поэтому 优生 yōuděng shēng не только имеют хорошую успеваемость, но и успехи во всех остальных аспектах.

三好学生 sān hǎo xuéshēng (ученик три хорошо) – это почетное звание, присваиваемое выдающимся ученикам китайскими школами. 三好 sān hǎo «три «хорошо» – это значит хорошо закалять здоровье, хорошо учиться и хорошо работать.

差生 chàshēng – это учащиеся с плохой успеваемостью. Есть два основных типа 差生 chàshēng. Первые – это учащиеся, которые усердно учатся, но все еще имеют низкую успеваемость. Они выделяются среди других учащихся из-за разницы в успеваемости, которая вызывает у них радикальные нарушения управления обучением. Вторые – это те, кто часто нарушают правила поведения в классе, они часто демонстрируют, что у них нет правильного взгляда на жизнь, они не могут адаптироваться к требованиям общества, не могут соблюдать дисциплину и плохо учатся, поэтому их оценки такие же низкие, как и у первых.

Подводя итог, следует отметить, что, приведенная классификация лексических единиц, обозначающая отдельные категории учащихся, по нашему мнению, отражает современное состояние функционирования китайского языка в условиях действующей в Китае системы образования.

Список литературы

1. Базарова А.Н. Роль конфуцианства в развитии традиционного образования в Китае / Базарова А.Н. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 8. – с. 169 – 172.
2. Мао Цзэдун. Избранные произведения Мао Цзэдуна Том 3 / Цзэдун. Мао. – Пекин : Народное издательство, 1991. – 324 с. [《毛泽东选集第3卷》，1991，人民出版社，324页]
3. ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6627699> (дата обращения: 19.08.2020.)
4. Ханьдянь. URL: <https://www.zdic.net/hans/汉语> (дата обращения: 19.08.2020).
5. Энциклопедия Baidu. URL: <https://baike.baidu.com/item/高中生>. (дата обращения: 19.08.2020).

**АННОТАЦИИ
ABSTRACTS**

Л.К. Байрамова
СТИХОТВОРЕНИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «БОРОДИНО»
И ЕГО ДОКУМЕНТАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ,
ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Ключевые слова: война, сражение, умереть, клятва, бородинский бой, Кутузов, гармонический центр.

Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. В статье анализируется отражение в стихотворении «Бородино» М.Ю. Лермонтова исторических фактов и возможность определения центральной идеи стихотворения: её гармонический центр.

L.K. Bairamova
POEM BY M.YU. LERMONTOV "BORODINO"
AND ITS DOCUMENTARY- HISTORICAL,
LITERARY-AESTHETIC BASES

Keywords: war, battle, die, oath, battle of Borodino, Kutuzov, harmonic center.

Dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. The article analyzes the reflection in the poem "Borodino" by M.Yu. Lermontov's historical facts and the possibility of determining the central idea of the poem: its harmonious center.

Н.В. Бараханова
ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ПОВЕСТИ
А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

Ключевые слова: религиозность, христианские мотивы и образы, Град Божий, Вавилонская башня, юродство.

В работе представлены результаты мотивно - образного анализа повести А. Платонова «Котлован» сквозь призму христианства.

N.V. Barakhanova
CHRISTIAN MOTIVES AND IMAGES IN THE NOVEL
"THE FOUNDATION PIT" WRITTEN BY A. PLATONOV

Keywords: religion, Christian motives and images, the City of God, the tower of Babel, foolishness.

The results of the motives' and images' analysis are emphasised in the paper from the perspective of Christianity. The research is based on the novel "the Foundation Pit" written by A. Platonov.

А.Р. Борова, С.Ю. Виндизева
ТРАДИЦИОННАЯ АЛЛЕГОРИЯ В РУССКОЙ
КЛАССИЦИСТИЧЕСКОЙ ОДЕ

Ключевые слова: русская литература XVIII века, М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, ода, аллегория, классицизм.

В статье представлены результаты исследования проблемы интерпретации устойчивых образных фигур в одических текстах эпохи русского классицизма, прослеживается важный эволюционный шаг национального поэтического мышления – переход от барочного по своему происхождению мировидения к классицистической эстетике. Авторы, на примере одических произведений М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина, предлагают свою трактовку трансформации изобразительно-словесных презентаций эпохи русского классицизма в развёрнутые словесные описания автологического характера.

A.R. Borova, S.Yu. Vindizheva
TRADITIONAL ALLEGORY IN RUSSIAN CLASSIC ODE

Keywords: Russian literature of the 18th century, M.V. Lomonosov, G.R. Derzhavin, ode, allegory, classicism. The article presents the results of studying the problem of interpreting stable figurative figures in odic texts of the era of Russian classicism, traces an important evolutionary step of national poetic thinking - the transition from a baroque worldview in its origin to classicist aesthetics. The authors, based on the odic works of M.V. Lomonosov and G.R. Derzhavin, offer their own interpretation of the transformation of pictorial and verbal presentations of the era of Russian classicism into detailed verbal descriptions of an autological nature.

Т.Н. Воронина
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ
В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

Ключевые слова: В.И. Белов, деревенская проза, эсхатология, Книга пророка Ионы, всемирный потоп.

В статье анализируются мотивы и образы конца мира и человека, связанные с судьбой главного героя повести В.И. Белова «Привычное дело». Дан разбор и комментарий отсылки к библейским книгам Бытия и пророка Ионы. Делается вывод, что при отчетливой эсхатологической окрашенности названных образов и мотивов каждый содержит внутренний противовес, связанный с надеждой на обновление, возвращением на круги своя.

T.N. Voronina
ESCHATOLOGICAL MOTIFS IN THE STORY
«BUSINESS AS USUAL» BY VASILY BELOV

Keywords: V.I. Belov, Village prose, eschatology, the Book of Jonah, worldwide flood. The article examines motifs and images of the end of the world and the end of a human's life, which are connected with the fate of a main character of "Business as Usual" by Vasily Belov. Also the article analyzes and provides a commentary on the references to the Book of Genesis and the Book of Jonah. It is concluded that in spite of having distinct eschatological connotations, every motif contains an inner counterpoint related to the expectations of renovation and coming full circle.

Сун Тяньяо
ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА В РАССКАЗАХ М. ШОЛОХОВА
«СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА» И ЛЮ ЧЖЭНЯ «МЕЛОДИЯ ГЕРОЯ»

Ключевые слова: М. Шолохов, Лю Чжэнь, военная литература, Великая Отечественная война, сопоставление литературы.

Данная статья посвящена анализу рассказа М. Шолохова «Судьба человека» и рассказа Лю Чжэня «Мелодия героя». Сравнение двух произведений показало, что вторая волна русской литературы о Великой Отечественной войне оказала существенное влияние на произведения Китая в 1950-1960-е годы, о чем свидетельствует рассказ Лю Чжэня «Мелодия героя». Рассказ «Мелодия героя» не только несет в себе черты второй волны русской военной литературы, акцентирует внимание на людях на войне, но и ещё не полностью избежал влияния первой волны, патриотизм и героизм по-прежнему являются значимыми темами произведения. Таким образом, рассказ «Мелодия героя» сыграл роль связующего звена между двумя этапами китайской литературы о войне XX века.

Song Tianyao
MAN AND WAR IN THE SHORT STORIES OF M.
SHOLOKHOV "THE FATE OF MAN" AND LIU ZHEN
"MELODY OF A HERO"

Keywords: M. Sholokhov, Liu Zhen, military literature, World War II, literature comparison.

This article is devoted to the consideration of M. Sholokhov's story "The Fate of Man" and Liu Zhen's story "Melody of a Hero", a comparison of the two works showed that the second wave of Russian literature about the Great Patriotic War had a significant impact on the works of China in the 1950s and 1960s, as evidenced by Liu Zhen's story "Melody of a Hero". The story "Melody of a Hero" not only carries the features of the second wave of Russian military literature, focuses on people in the war, but has not completely escaped the influence of the first wave, patriotism and heroism are still significant themes of the work. Thus, the story "Melody of a Hero" played the role of a connecting link between the two stages of Chinese literature about the war of the 20th century.

Н.В. Чаунина

МОТИВНО-ОБРАЗНЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ РАННЕЙ ЛИРИКИ
В. ДАНИЛОВОЙ И А. АХМАТОВОЙ*Ключевые слова:* В. Данилова, А. Ахматова, лирика, тематические и мотивно-образные переклички.

В статье представлены результаты сопоставительного анализа художественной практики современной эвенкийской поэтессы В. Даниловой и представительницы поэзии Серебряного века, основоположницы «женской» лирики XX в. А. Ахматовой.

Выявлены и проанализированы переклички на уровне тем и мотивно-образной структуры ранних сборников Ахматовой и Даниловой. Обнаружены сходные и отличительные черты, обусловленные особенностями авторских мироощущений.

В.А. Виниченко

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ МЕДИАТЕКСТА КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА*Ключевые слова:* Имидж, визуализация веб-сайт, медиатекст, федеральный, университет, формирование.

Статья посвящена изучению особенностей визуализации медиатекстов веб-сайта в формировании имиджа СВФУ, влияющего на степень привлекательности образовательных услуг, отношение целевых аудиторий. Медиатексты веб-сайта идентифицируют вуз, транслируют его конкурентные преимущества, основные ценности и символы. Визуализация медиатекстов становится приоритетом в условиях «визуального поворота» современного общества.

З.З. Гилазев

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В МУЗЕЯХ ТАТАРСТАНА (НА
ПРИМЕРЕ ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)*Ключевые слова:* литература, литературные музеи, татарские писатели, музейфикация, музейная сеть.

В статье рассматриваются вопросы истории и современного состояния музейфикации и презентации литературного наследия татарских писателей в музеях Республики Татарстан. Выделяются периоды развития сети музеев, направление их деятельности и связи с литературой.

А.П. Данилов, А.А. Данилов

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ГОСУДАРСТВА И ЭТНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)*Ключевые слова:* этническая журналистика, средства массовой информации, государство, Чувашская Республика.

В работе проанализирован характер взаимоотношений государственных структур и этнических СМИ на региональном уровне. Отмечается, что государственные СМИ получают гарантированную финансовую поддержку, но в недостаточном объеме. На господдержку претендуют в основном государственные газеты, радио и телевидение, хотя и частные издания несут социальную ориентированность. Несмотря на сложности в развитии этнические СМИ Чувашии отмечены достижения последнего времени.

М.Г. Данилова, А.П. Данилов, А.А. Данилов, А.М. Эшкерат
О ВКЛАДЕ ДИНАСТИИ ПЕТРОВЫХ-МИНЕЕВЫХ
В ЧУВАШСКУЮ ЖУРНАЛИСТИКУ*Ключевые слова:* Петровы-Минеевы, этническая журналистика, средства массовой информации, Чувашия, история, династия.

Статья посвящена малоизученной теме - творческому наследию династии Петровых-Минеевых в чувашской журналистике. Подробно изучена жизнь и деятельность журналиста А.П. Петрова (Этмен); творческий путь его дочери - члена Союза журналистов России В.А. Минеевой и ее супруга - военного журналиста С.И. Минеева (Юханкка). Особое внимание уделено их биографии, журналистской деятельности в различных СМИ Чувашской Республики.

N.V. Chaunina

MOTIVE AND FIGURE PARALLELS OF EARLY LYRICS
BY V. DANILOVA AND A. AKHMATOVA*Keywords:* V. Danilova, A. Akhmatova, lyrics, motive and figure parallels.

The article presents the results of a comparative analysis of the artistic practice of the modern Evenk poet V. Danilova and the representative of the Silver age poetry, the founder of the "women's" lyrics of the XX century A. Akhmatova.

Revealed and analyzed the motive and character parallels of early lyrics by V. Danilova and A. Akhmatova. Found similar and distinctive features due to the peculiarities of the author's attitude.

V.A. Vinichenko

VISUALIZATION OF MEDIA TEXT AS A MEANS OF
FORMING THE IMAGE OF THE FEDERAL UNIVERSITY*Keywords:* Image, visualization, website, media text, federal, university, formation.

The article is devoted to the study of the visualization features of the website's media texts in the formation of the image of NEFU, which affects the educational services' attractiveness, the attitude of target audiences. The website media texts identify the university and convey its competitive advantages, basic values and symbols. Visualization of media texts is becoming a priority in the context of the "visual turn" of modern society.

Z.Z. Gilazev

LITERARY HERITAGE IN MUSEUMS OF TATARSTAN
(ON THE EXAMPLE OF TATAR WRITERS)*Keywords:* literature, literary museums, Tatar writers, museification, museum network.

The article considers the issues of history and the modern state of museification and the presentation of the literary heritage of Tatar writers in museums of the Republic of Tatarstan. Periods of development of the network of museums, the direction of their activities and relations with literature are distinguished.

A.P. Danilov, A.A. Danilov

DEVELOPMENT OF THE STRUCTURE OF RELATIONS
OF THE STATE AND ETHNIC MEDIA
(ON THE EXAMPLE OF THE CHUVASH REPUBLIC)*Keywords:* ethnic journalism, mass media, state, Chuvash Republic.

The paper analyzes the nature of relations between state structures and ethnic media at the regional level. It is noted that state media receive guaranteed financial support, but in insufficient volume. State-owned Newspapers, radio and television mainly claim state support, although private publications are socially oriented. Despite the difficulties in the development of ethnic media in Chuvashia, recent achievements have been noted.

M.G. Danilova, A.P. Danilov, A.A. Danilov, A.M. Eshkerat
ON THE CONTRIBUTION OF THE PETROV-MINEYEV
DYNASTY TO CHUVASH JOURNALISM*Keywords:* Petrovs-Mineyevs, ethnic journalism, mass media, Chuvashia, history, dynasty.

The article is devoted to a little-studied topic - the creative legacy of the Petrov-Mineyev dynasty in Chuvash journalism. The life and work of the journalist A. p. Petrov (Batman); the creative path of his daughter - a member of the Union of journalists of Russia V. A. Mineeva and her husband - a military journalist S. I. Mineev (Yukhankka) are studied in detail. Special attention is paid to their biographies and journalistic activities in various media of the Chuvash Republic.

Г.Н. Зайнеева, Г.А. Хуснутдинова, Л.Ш. Гарипова
АВТОБИОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ АВТОБИОГРАФИЙ Г.ИБРАГИМОВА)

Ключевые слова: Г.Ибрагимов, автобиография, чистка партии, общественная деятельность, личность.

Автобиография считается документальным отображением жизненного пути личности. Этот жанр довольно широко распространен в литературоведении, журналистике. В статье рассматриваются все известные автобиографии Г.Ибрагимова, хранящиеся в Государственном архиве РТ. В них прослеживаются фактические биографические материалы.

В.В. Костенкова, Г.А. Абрамова, В.П. Абрамов
СЛОГАН КАК КОМПОНЕНТ РЕКЛАМНОЙ
КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ

Ключевые слова: слоган, рекламная коммуникация, рекламный текст, редактирование рекламных текстов, стилистические приемы.

Объектом работы является текст современного рекламного слогана, а также стилистические приемы, лежащие в его основе. В статье дается типологическая классификация слоганов, выделяются его основные функции, анализируются самые актуальные и эффективные способы создания указанного типа текста. В заключении перечисляется ряд требований, которых должен придерживаться автор при написании и редактировании рекламного слогана.

А.К. Малаховский
К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
ПРЕССЫ НАЧАЛА III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Ключевые слова: кризис журналистики, «The News of the World», Р. Мэрдок, Дж. Хашогджи, «The Washington Post», уровень доверия публики.

В статье рассматриваются два примера, свидетельствующих о кризисе англо-американской прессы второго десятилетия XXI в.: скандал с британской газетой «The News of the World» и скандал, связанной с убийством американского журналиста саудовского происхождения Дж. Хашогджи, сотрудника американской газеты «The Washington Post». Делаются выводы о падении доверия аудитории к СМИ в целом.

А.В. Блохин, Т.А. Колоскова, Е.П. Филиппова, О.С. Шемонаева,
ПРЕОБРАЗОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
В ДНЕВНИКАХ М.А. БУЛГАКОВА

Ключевые слова: М.А. Булгаков, дневники, фразеологические единицы, приемы преобразования фразеологических единиц.

Данная статья посвящена стилистическому использованию индивидуально-авторских приемов преобразования фразеологических единиц в дневниках М.А. Булгакова. В работе рассматриваются такие приемы видоизменения устойчивых оборотов, как замена компонента, контаминация, изменение категориального значения оборота, компаративация, образование устойчивых оборотов по существующим в языке моделям, эллиipsis, перестановка компонентов фразеологизма и др. Авторами делаются выводы о том, что трансформированные единицы становятся образными символами определенных авторских размышлений, приобретают обобщающий смысл, связанный с основной идеей писателя.

В.В. Зубченко
СОВЕТСКИЕ БАСНИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ
САТИРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ЗООМОРФНЫЕ
КОМПОНЕНТЫ

Ключевые слова: дискурс, сатира, басня, зооморфизм, советский сатирический дискурс.

В работе представлены результаты изучения басен советского периода как литературной формы сатирического дискурса в аспекте использования в них образов животных. Отмечено, что в баснях советского периода активно используются разнообразные зооморфизмы, участвующие в осмеянии общественных пороков и негативных свойств личности. Рассмотрена контекстная семантика зооморфного образа собаки в баснях С. Михалкова.

G.N. Zayneeva, G.A. Husnutdinova, L.Sh. Garipova
AUTOBIOGRAPHY AS A SOURCE OF INFORMATION (ON
THE EXAMPLE OF G. IBRAGIMOV'S AUTOBIOGRAPHIES)

Keywords: G. Ibragimov, autobiography, the purge of the party, social activities, personality.

Autobiography is considered a documentary representation of a person's life path. This genre is quite widespread in literary studies and journalism. The article examines all known autobiographies of G. Ibragimov, stored in the State archive of the Republic of Tatarstan. In autobiographies can be traced to the actual biographical material.

V.V. Kostenkova, G.A. Abramova, V.P. Abramov
SLOGAN AS A COMPONENT OF ADVERTISING
COMMUNICATION IN THE EDITING ASPECT

Keywords: slogan, advertising communication, advertising text, editing advertising texts, stylistic techniques.

The object of the article is the text of a modern advertising slogan and stylistic devices underlying it. The article provides a typological classification of slogans, analyzes its main functions and the most relevant and effective methods of creating this type of text. The conclusion lists a number of requirements that the author must adhere to when creating and editing an advertising slogan.

A.K. Malakhovsky
ON CRISIS OF ANGLO-AMERICAN PRESS OF BEGINNING
OF THE THIRD MILLENIUM

Keywords: crisis of journalism, «The News of the World», R. Murdoch, J. Khashoggi, «The Washington Post», audience's level of trust.

The article studies two examples showcasing crisis of Anglo-American press of the second decade of the 21st century, namely The News of the World newspaper scandal as well as scandal caused by the murder of J. Khashoggi, The Washington Post writer of Saudi dissent. The author concludes that as a result audiences lose trust in mass media.

A.V. Blokhin, T.A. Koloskova, E.P. Filippova, O.S. Shemonaeva
TRANSFORMED IDIOMS
IN THE DIARIES OF M.A. BULGAKOV

Keywords: M.A. Bulgakov, diaries, idioms, methods of idiom transformation.

This article describes some individual author's methods of idiom transformation with stylistic purposes in M. A. Bulgakov's diaries. The paper considers such techniques for modifying idioms as the replacement of a component, contamination, the change of the categorical meaning of a component, comparativation, idiom formation based on the models existing in the language, ellipsis, transposition of phraseological components, etc. The authors conclude that the transformed idioms become image-bearing symbols of certain author's thoughts, acquire a generalizing meaning associated with the main idea of the writer.

V.V. Zubchenko
SOVIET FABLES AS A FORM OF SATIRICAL DISCOURSE:
ZOOMORPHIC COMPONENTS

Keywords: discourse, satire, fable, zoomorphism, Soviet satirical discourse.

The paper presents the results of studying the fables of the Soviet period as a literary form of satirical discourse in the aspect of using animal images in them. It is noted that in the fables of the Soviet period, a variety of zoomorphism participating in ridicule of social vices and negative personality traits are actively used. The contextual semantics of the zoomorphic image of a dog in S. Mikhalkov's fables is considered.

О.Н. Кушнир, М.В. Тодика
НАИМЕНОВАНИЯ ВИДОВ ДОКУМЕНТОВ
В АСПЕКТЕ ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Ключевые слова: стандартизация текста, унификация текста, вид документа, документная коммуникация, термин, дефиниция.

В статье поставлен вопрос о терминах – наименованиях видов документов, которые определяют их функциональное назначение. Свойства и функции документов, в том числе способность вызывать юридические последствия, требуют однозначного понимания термина-наименования, из чего следуют требования к структуре и содержанию текста. Место документа конкретного вида (разновидности) в комплексе документов, обеспечивающих определенный процесс, способствует успешности документной коммуникации и позволяет оптимизировать сам процесс.

Е.В. Меркель, Л.А. Яковлева
ФОНЕТИЧЕСКАЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
АДАПТАЦИЯ ЭВЕНКСКИХ ТОПОНИМОВ К СИСТЕМЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: топоним, фонетическое освоение, грамматико-деривационная адаптация.

В статье рассматриваются основные аспекты взаимодействия принадлежащих к генеалогически разным языковым семьям эвенкийских и исконно русских топонимов на территории Якутии. По итогам исследования описаны модели адаптации эвенкийской топонимии русским языком: определены основные процессы фонетического освоения топонимов эвенкийского происхождения в области гласных и согласных фонем, выявлены словообразовательные модели русификации простых и составных эвенкийских топонимов. Представленный материал о схемах взаимодействия двух топосистем позволяет увидеть специфические черты топонимии Якутии.

К.А. Окишева, А.В. Потанина
УРОВНЕВЫЕ ЗАДАНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ
ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ
ПАРОНИМОВ

Ключевые слова: дифференцированный подход, уровневые задания, паронимы, предметный образовательный результат, диагностика.

В статье излагаются теоретические основы понятий «дифференцированный подход», «уровневые задания», представлен пример уровневого задания, описываются особенности использования подобных заданий на уроках русского языка с целью изучения паронимичных образований.

О.О. Петрова
К ВОПРОСУ О КОННОТАТИВНОЙ МЕТОНИМИИ

Ключевые слова: семантика, вторичное значение, метонимия, коннотация, оценка.

В статье рассматриваются вопросы коннотативной лексической метонимии на материале имен существительных. Отмечается, что коннотативная лексическая метонимия в сравнении с коннотативной метафорой явление менее частотное. Однако такого рода вторичные значения можно отметить как на языковом уровне, так и в индивидуально-авторском употреблении. В статье теоретические положения иллюстрируются данными толковых словарей, примерами из художественных и публицистических текстов.

В.В. Радченко, И.М. Гаврилева
ХАРАКТЕР ОЦЕНОК В ТЕКСТАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ

Ключевые слова: конфликтный текст, спорный текст, лингвистическая экспертиза, оценочность, характер оценок.

В данной статье рассматривается характер оценок в текстах, ставших объектом лингвистической экспертизы. На материале публицистического дискурса выявляются характер и способы выражения оценочности как проявления языковой личности в конфликтном тексте, основные функции оценочности в спорных текстах.

O.N. Kushnir, M.V. Todika
NAMES OF TYPES OF DOCUMENTS
IN THE ASPECT OF THEIR FUNCTIONAL PURPOSE

Keywords: text standardization, text unification, document type, document communication, term, definition.

The article raises the question of terms – the names of types of documents that determine their functional purpose. The properties and functions of documents, including the ability to cause legal consequences, require an unambiguous understanding of the term-name, from which the requirements for the structure and content of the text follow. The place of a document of a specific type (variety) in a set of documents that provide a specific process contributes to the success of document communication and allows you to optimize the process itself.

E.V. Merkel, L.A. Yakovleva
PHONETIC AND WORD-FORMATIVE ADAPTATION OF
THE EVENK PLACE NAMES TO THE SYSTEM OF THE
RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: toponym, phonetic assimilation, grammatical-derivational adaptation

The article deals with the main aspects of interaction between the Evenk and native Russian toponyms belonging to genealogically different language families on the territory of Yakutia. The study describes models of adaptation of Evenk toponymy in Russian: the main processes of phonetic development of toponyms of Evenk origin in the field of vowels and consonants are identified, word-formation models of Russification of simple and composite Evenk toponyms are identified. The presented material on the interaction schemes of two toposystems allows us to see the specific features of the toponymy of Yakutia.

K.A. Okisheva, A.V. Potanina
LEVEL-SPECIFIC ASSIGNMENTS AS A MEANS OF
FULFILLING DIFFERENTIATED APPROACH TO
PARONYMS LEARNING

Keywords: differentiated approach, level-specific assignments, paronyms, educational outcome, diagnostics.

The article throws light on theoretical aspects of the terms “differentiated approach”, “level-specific assignments”, gives an example of a level-specific assignment, describes the peculiarities of taking such tasks at Russian Language classes to learn the use of paronyms.

O.O. Petrova
ON THE QUESTION OF CONNOTATIVE METONYMY

Keywords: semantics, secondary meaning, metonymy, connotation, evaluation.

This article examines the issues of connotative lexical metonymy based on the material of nouns. It is noted that connotative lexical metonymy is less frequent in comparison with connotative metaphor. However, such secondary meanings can be noted both at the language level and in individual author's usage. In the article, the theoretical positions are illustrated by data from explanatory dictionaries, examples from artistic and journalistic texts.

V.V. Radchenko, I.M. Gavrilava
THE NATURE OF ASSESSMENTS IN THE TEXTS
OF LINGUISTIC EXPERTISE

Keywords: conflict text, disputed text, linguistic expertise, evaluation, nature of assessments.

This article examines the nature of assessments in texts that have become the object of linguistic expertise. Based on the material of journalistic discourse, the author reveals the nature and ways of expressing evaluativeness as a manifestation of a linguistic personality in a conflict text, and the main functions of evaluativeness in controversial texts.

П.Е. Топорков
ИМЕНА СОСТОЯНИЙ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ
ПРЕДИКАТИВА КАК КЛАССА СЛОВ

Ключевые слова: предикатив, имена состояний, состояние, безличность, грамматическая трансформация.

В статье рассматривается проблема т.н. «имён состояний» в контексте грамматической системы русского языка, а также в сопоставительном и историческом аспекте. Проблема имён состояний анализируется в связи с теорией предикатива как класса слов. Приведены семантические и грамматические характеристики данной группы, в том числе особенности употребления в конструкциях с детерминантами.

В.Е. Глызина, Н.Е. Горская, А.В. Федорюк
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: интензивность, экспрессивность, фразеологические интенсификаторы, прагматический аспект, фразеологический контекст.

В статье исследуются фразеологические интенсификаторы (ФИ), их функционально-прагматические и знаковые особенности. Обосновывается актуальность представленной темы, обусловленная интересом к проблеме категории интензивности и средств ее выражения во фразеологии. Подчеркивается отсутствие среди лингвистов единого понимания понятия «интензивность». Доказано, что главная роль в организации связи между ФИ и фразеологическим контекстом принадлежит иллюкутивной силе, которая способна связать ФИ и контекст в смысловое единство.

В.Е. Глызина, И.В. Пашаева
УСТОЙЧИВОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК
ПРОЯВЛЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ЗАВЕРШЕННОСТИ
СЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова: фразеологическая интенсификация, устойчивость, фразеологическая единица, воспроизводимость, язык, речь.

В статье рассматривается устойчивость фразеологических интенсификаторов в рамках семиологических процессов, а также подтверждается стабильность единства формы и содержания, предполагая их точную воспроизводимость. Представлены различные точки зрения исследователей на данную проблему. Делается вывод о том, что воспроизводить устойчивые единицы лексикона является более экономно, в отличие от выстраивания их каждый раз заново во время коммуникации.

Ю.А. Джурарева
К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ КИНОДИСКУРСОВ
Ключевые слова: кинодискурс, кинодиалог, жанр кинодискурса, фоностилль, стиль речи, направление кинодискурса.
В статье исследуются различные подходы к классификации кинодискурсов. Рассматриваются критерии, по которым классифицируют кинематографический кинодискурс. Выявляются достоинства и недостатки каждого подхода. Отдельное внимание уделяется классификации кинодискурса с точки зрения лингвистики.

Л.М. Зиннатуллина
РЕШЕНИЕ ВОПРОСА МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ
АДВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В
АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: фразеологические эквиваленты, межъязыковые фразеологические эквиваленты, фразеологические единицы, структурно-грамматический, омонимию и полисемию, синонимия, стилистическое значение.
Статья посвящена решению вопроса межъязыковых соответствий адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. В работе предпринята попытка решения проблемы определения критериев выделения

P.Y. Toporkov
STATE NOUNS IN THEIR RELATION TO PREDICATIVES
AS A SPECIFIED CLASS

Keywords: predicative, state noun, state, assessment, impersonality, grammatical transformation.

The article dwells on the problem of so-called "state nouns" in the grammatical system of the Russian language, as well as the comparative and historical aspect of the topic. The problem of state nouns is analyzed in connection with the theory of predicatives as a specified class. The author discusses semantic and grammatical characteristics of the group, including the usage of state nouns in constructions with determinants.

V. E. Glyzina, N.E. Gorskaya, A.V. Fedoryuk
LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING INTENSITY IN THE
ENGLISH LANGUAGE

Keywords: intensity, expressivity, phraseological intensifiers, pragmatic aspect, phraseological context.

The paper aims at analyzing phraseological intensifiers (PI), their functional-pragmatic and sign features. The urgency of the topic presented is proved due to the interest in the problem of the category of intensity and the means of its expression in phraseology. The lack of a common understanding of the concept of "intensity" among linguists is emphasized. It is proved that the main role in organizing the connection between the PI and the phraseological context belongs to the illocutionary force, which is able to connect the PI and the context into a semantic unity.

V.E. Glyzina, I.V. Pashaeva
SUSTAINABILITY OF PHRASEOLOGICAL
INTENSIFIERS AS A DEMONSTRATION OF THE
RELATIVE COMPLETENESS OF SEMIOLOGICAL
PROCESSES IN THE ENGLISH LANGUAGE

Keywords: phraseological intensification, sustainability, phraseological unit, reproducibility, language, speech.

The article considers the sustainability of phraseological intensifiers in the framework of semiological processes in the English language. Pointing out the stability of the unity of form and content the authors assume their full reproducibility. The article deals with different scientific approaches to this problem. The authors come to the conclusion that to reproduce sustainable vocabulary units is more rationally than to create them each time again during communication.

Yu.A. Dzhurayeva
ON THE ISSUE OF CINEMATIC DISCOURSE
CLASSIFICATION

Keywords: cinematic discourse, cinematic dialogue, genre of cinematic discourse, type of cinematic discourse, phonostyle
This article dwells upon different approaches towards cinematic discourse classification. Different criteria according to which cinematic discourse may be classified are discussed. The strengths and weaknesses of each approach are identified. Special attention is paid to the linguistic approach towards the classification of cinematic discourse.

L.M. Zinnatullina
THE PROBLEM OF INTERLINGUAL CORRESPONDENCE
OF ADVERBIAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH
AND RUSSIAN

Keywords: phraseological equivalents, interlingual phraseological equivalents, phraseological units, structural and grammatical, homonymy and polysemy, synonymy, stylistic meaning.

The article is devoted to solving the problem of interlingual correspondences of adverbial phraseological units in English and Russian. There have been taken attempts to solve the problem of determining the criteria for identifying phraseological

фразеологических эквивалентов, аналогов и безэквивалентных или лакунарных единиц, что в свою очередь поможет внести значительный вклад в дело создания двуязычных и многоязычных словарей. Актуальность работы заключается в недостаточном научном освещении определения типов межъязыковых отношений адвербиальных фразеологических единиц. Проведен обзор литературы вопроса, а также представлены выводы по научным исследованиям отечественных и зарубежных ученых в поисках ключа определения типов межъязыковых отношений.

V.S. Mashoshina

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА LOVE В РОМАНЕ Г. МЕЛВИЛЛА «ПЬЕР, ИЛИ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ»

Ключевые слова: концепт, любовь, метафора, Г. Мелвилл.

Статья посвящена анализу примеров метафорического структурирования абстрактного концепта LOVE в романе Г. Мелвилла «Пьер, или Двусмысленности». В работе рассмотрены такие метафорические модели, как LOVE IS A PERSON (ЛЮБОВЬ – ЭТО ЧЕЛОВЕК), LOVE IS A MASTER (ЛЮБОВЬ – ЭТО ГОСПОДИН), LOVE IS A DIVINE POWER (ЛЮБОВЬ – ЭТО ВЫСШАЯ СИЛА), LOVE IS A MYSTERY (ЛЮБОВЬ – ЭТО ЗАГАДКА), LOVE IS A PATIENT (ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЬНОЙ), и LOVE IS A POSSESSION (ЛЮБОВЬ – ЭТО ПРЕДМЕТ ОБЛАДАНИЯ). Результаты исследования позволяют проследить индивидуально-авторское восприятие и этнокультурную специфику представлений о любви в тексте художественного произведения.

А.В. Мерзлякова, Ю.В. Рябкова, П.Л. Голякович ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРАТИВА КАК СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ.

Ключевые слова: императив, социальная реклама, инклюзивный императив.

В статье рассматриваются различные формы императива в немецком языке и особенности их употребления в текстах социальной рекламы. Проводится исследование форм повелительного наклонения с целью воздействия на реципиента. Анализ текстового материала позволяет обобщить использование определенной формы в зависимости от контекста и сообщения рекламы.

V.M. Nasrtdinova

ЗЛОБОДНЕВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: «КОВИДНЫЕ» НЕОЛОГИЗМЫ И ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: неологизмы, окказионализмы, словообразование, лексические единицы

В настоящей статье проанализированы актуальные тенденции словообразования в английском и русском языках, ассоциированные с пандемией коронавирусной инфекции. Автор приходит к выводу, что наряду с обновлённой контекстной семантизацией ранее существовавших лексем и миграцией медицинской терминологии в повседневный дискурс значительное распространение получили неологизмы и окказионализмы, способные доказательно иллюстрировать продуктивность конкретных способов современного словообразования и представить психолингвистические характеристики носителей рассматриваемых языков, ставшие актуальными в связи с глобальным инфоповодом.

О.Н. Поддубская, С.Г. Ларина, А.В. Сахарова СОВРЕМЕННЫЙ СЛЕНГ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Ключевые слова: лексика; сленг; сленгизмы; лингвистический феномен; социокультурный контекст.

Статья посвящена исследованию современного сленга Великобритании, представленного на популярных российских интернет-сайтах, и повседневному сленгу британцев, выявленному в ходе опроса носителей языка. В статье можно найти ответы на вопросы, достоверны ли сайты популярных сленговых выражений и какие сленгизмы действительно входят в повседневную речь жителей Великобритании.

equivalents, analogs and non-equivalent or lacunar units, which in turn will help to make a significant contribution to the creation of bilingual and multilingual dictionaries. The relevance of the work lies in insufficient scientific coverage of the definition of the types of interlingual relations of adverbial phraseological units. A review of the literature on the issue is carried out, and also conclusions have been introduced on scientific research of Russian and foreign scientists in search of a key for determining the types of interlanguage relations.

V.S. Mashoshina

METAPHORICAL REPRESENTATIONS OF LOVE IN H. MELVILLE'S "PIERRE, OR THE AMBIGUITIES"

Keywords: concept, love, metaphor, H. Melville.

The article analyzes the system of metaphorical models of LOVE organizing the textual space of Herman Melville's novel "Pierre, or The Ambiguities" including the conceptual formulae LOVE IS A MASTER, LOVE IS A PATIENT, LOVE IS A POSSESSION, LOVE IS A DIVINE POWER, LOVE IS A MYSTERY, LOVE IS A PERSON. The research findings enable us to define relevant connotations attached to the concept of LOVE by the author as well as reveal culture-specific knowledge verbalized in the literary text under study.

A.V. Merzlyakova, Yu.V. Ryabkova, P.L. Golyalovich THE PECULIARITIES OF IMPERATIVE AS AN IMPACT MEANS IN GERMAN SOCIAL ADVERTISING.

Keywords: imperative, social advertising, inclusive imperative.

The article is concerned with various imperative forms in the German language and features of their usage in texts of social advertising. The research about exact imperative forms and cases as an impact on the recipients is conducted. Social advertisements analysis helps to justify the usage of any imperative form depending on the context and the message of the advertisement.

V.M. Nasrtdinova

TOPICAL WORDBUILDING: COVID-ASSOCIATED NEOLOGISMS AND OCCASIONALISMS IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Keywords: word building, lexical unit, occasionalism, neologism
The given paper analyzes the topical word-building trends in English and Russian languages, associated with coronavirus pandemic. The author makes the conclusion that, along with a renewed contextual semantisation of the well-known lexical units and migration of medical terminology to the casual discourse, neologisms and occasionalisms became widely spread. The latter are capable of illustrating the productive ways of modern word-building and representing the psycholinguistic properties of people, speaking them with regard to the global media event in question.

O.N. Poddubskaya, S.G. Larina, A.V. Sakharova MODERN SLANG OF GREAT BRITAIN

Keywords: lexis; slang; slangisms; linguistic phenomenon; socio-cultural context.

The article is devoted to the study of modern slang of Great Britain, presented on popular Russian Internet sites, and everyday slang of the British, identified in a survey of native speakers. In this article, you can find answers to the questions whether the sites of popular slang expressions are reliable and what slangisms are really included in everyday speech of British inhabitants

Д.А. Романов

ПРОБЛЕМЫ РАСПОЗНАВАНИЯ И ПЕРЕВОД С
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК
ИНФИНИТИВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦЕЛИ

Ключевые слова: английский язык, инфинитив, обстоятельственное придаточное со значением цели, перевод. Распознавание английского инфинитива со значением цели может осложняться наличием у него функции подлежащего в начале предложения и других функций в сочетании "verb + to-infinitive". Значение цели у инфинитива может быть кажущимся.

D.A. Romanov

PROBLEMS OF IDENTIFICATION AND TRANSLATION OF
THE INFINITIVE EXPRESSING PURPOSE FROM ENGLISH
INTO RUSSIAN

Keywords: English, to-infinitive, purpose clause, translation. Identification of English infinitive expressing purpose may become a problem since the infinitive may function as a subject at the beginning of sentence and play other roles in the "verb + to-infinitive" combination. The purpose expressed by the infinitive may be seeming.

О.А. Хабибуллина

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: ономатопея, звукоподражательные единицы, лексическое выразительное средство, функциональный стиль. В статье рассмотрена звукоподражательная лексика английского языка и особенности её функционирования в текстах различных жанров: в художественных и публицистических текстах, газетно-журнальной периодике, деловой документации. Целью исследования явилось определение частотности и своеобразия использования ономатопеических единиц.

O.A. Khabibullina

FUNCTIONAL FEATURES OF SOUND WORDS IN THE
ENGLISH LANGUAGE

Keywords: onomatopoeia, onomatopoeic units, lexical expressive means, functional style.

The article deals with the onomatopoeic vocabulary of the English language and the peculiarities of their functioning in the texts of various genres: in literary and journalistic texts, in newspaper and magazine periodicals, in business documentation. The purpose of the study was to determine the frequency and originality of the use of onomatopoeic units.

Е.Б. Цыганова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА С
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. КЭБОТ)

Ключевые слова: молодежный сленг, переводческие трансформации, адекватность перевода. В работе представлено исследование переводческих приемов перевода молодежного сленга с английского языка на русский. Проводится анализ особенностей перевода сленга. Оценивается адекватность перевода, приводятся примеры из художественной литературы.

E.B. Tsyganova

TRANSLATION FEATURES OF YOUTH SLANG
FROM ENGLISH TO RUSSIAN
(BASED ON THE WORKS OF M. CABOT)

Keywords: youth slang, translation transformations, translation adequacy.

The paper presents the study of translation techniques for youth slang translating from English to Russian. The analysis of slang translation features is carried out. The adequacy of the translation is evaluated and examples from fiction are given.

Л.Ю. Щипицина

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В
ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ОНЛАЙН-ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: искусствоведческий дискурс, театральная постановка, профессиональный, журналистский, любительский, оценка, оценочная лексика, метафора. В работе представлены результаты исследования искусствоведческого онлайн-дискурса и способов выражения оценки в трех его разновидностях – профессиональной, журналистской и любительской. На материале анализа портала nachtkritik.de на немецком языке, где представлены все три вида искусствоведческого дискурса, определяются типичные виды – общая, интеллектуальная и эстетическая – и способы выражения оценки (оценочная лексика, метафоры, повторы).

L.Yu. Shchipitsina

EVALUATIVE MEANS IN ARTISTIC ONLINE DISCOURSE

Keywords: artistic discourse, online, theater performance, professional, journalistic, amateur, evaluation, evaluative vocabulary.

The paper investigates artistic online discourse and ways of expressing evaluation of artistic objects in different varieties of artistic discourse – professional, journalistic and amateur. Research materials are online reviews on theater performances in German, published on the portal nachtkritik.de by professional theater critics, journalists and amateurs. In the findings typical ways of evaluating theater performances are mentioned, which include evaluative vocabulary, metaphors and iterations.

А.В. Абрегова, Р.Б. Кенетова, Р.А. Теуважуква
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКАХ
РАЗНЫХ ТИПОВ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО,
РУССКОГО И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: категория модальности, языки разных типов, сопоставительный метод, идео-этнические особенности, адекватный перевод.

В работе рассматриваются способы выражения модальности в типологически разных языках (русском, английском, кабардино-черкесском). Несмотря на кажущееся единообразие способов выражения модальности, каждый язык имеет присущие только ему идеоэтнические особенности языковой картины мира. В работе делается попытка описать особенности выражения модальности в кабардино-черкесском языке. Приводятся примеры адекватного восприятия и трактовки модальности иноязычного высказывания в сопоставительном изучении.

A.V. Abregova, R.B. Kenetova, R.A. Teuvazhukova
WAYS OF EXPRESSING MODALITY IN LANGUAGES
OF DIFFERENT TYPES
(ENGLISH, RUSSIAN, KABARDIAN-CIRCASSIAN)

Keywords: category of modality, languages of different types, comparative study, ideo-ethnic features, adequate translation. The paper considers ways of expressing modality in the languages of different types (English, Russian and Kabardian-Circassian). Despite the seeming uniformity of the ways of expressing modality, each language has its inherent ideo-ethnic features of the linguistic picture of the world. This work is the first to describe the features of the expression of modality in the Kabardian-Circassian language. Examples of adequate perception and interpretation of the modality of a foreign language utterance are given in comparative study.

Г.А. Афанасьева, К.Г. Егорова
 ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
 КОРЕЙСКОГО ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА
 (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН ГРУППЫ "BTS")

Ключевые слова и фразы: дискурс, песенный дискурс, песенный текст, жанр «к-поп».

В данной работе исследуется корейский песенный дискурс. Рассматриваются теоретические аспекты понятия «песенный дискурс». В работе представлены результаты анализа лингвистических и стилистических особенностей текстов корейского песенного дискурса.

З.Х. Бижева, А. Л. Латипова
 СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА
 ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО
 И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: фоноидеограммы, деривация, словосложение, редукция, аббревиатура.

В статье рассматриваются наиболее частотные способы словообразования, используемые в текстах сообщений диалогов англо- и турецкоязычных пользователей при Интернет-коммуникации. Целью исследования является выявление особенностей словообразования турецкого и английского языков в рамках Интернет-коммуникации. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проводится комплексный анализ лексической структуры Интернет-дискурса на английском и турецком языках.

Т.Г. Боргоякова, А.В. Гусейнова
 ШОРСКИЙ ЯЗЫК В С. МАТУР ТАШТЫПСКОГО РАЙОНА
 РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ
 (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Ключевые слова: шорский язык, языковая лояльность, языковое поведение, языковые убеждения.

Статья посвящена исследованию социолингвистических аспектов функционирования шорского языка. Актуальные вопросы языковых убеждений и языкового поведения шорцев рассмотрены с опорой на материалы социолингвистического опроса.

О.В. Гончарова, С.А. Халеева
 СТРАТЕГИИ МАНИФЕСТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ
 ИДЕНТИЧНОСТИ БИЛИНГВА

Ключевые слова: идентичность, билингвизм, этническая принадлежность, стратегии, коммуникация, культура.

В статье приводятся данные, свидетельствующие о том, что конструкция идентичности армянских билингвов представлена рядом речевых маркеров принадлежности к коллективной этнической идентичности. Данные, почерпнутые из серии интервью и текстов из социальных сетей, написанных армянскими билингвами, позволяют выявить стратегии и тактики репрезентации двуязычной идентичности. Авторы демонстрируют, что конструирование идентичности армянских билингвов в изученных речевых паттернах переплетается с различными культурными и социальными обстоятельствами.

А.В. Гусейнова, А.П. Лопсан
 НОМИНАЦИЯ ТЕМНЫХ СИЛ В ХАКАССКОМ И
 ТУВИНСКОМ ПЕРЕВОДАХ НОВОГО ЗАВЕТА

Ключевые слова: тёмные силы, хакасский язык, тувинский язык, Новый Завет.

Статья посвящена исследованию особенностей перевода на хакасский и тувинский языки библейских обозначений тёмных сил. Авторы отмечают, что в переводе искомым христианским терминов на хакасский и тувинский языки находят отражение некоторые традиционные религиозно-мифологические представления хакасов и тувинцев.

G.A. Afanasieva, K.G. Egorova
 LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE
 KOREAN SONG DISCOURSE (BASED ON THE LYRICS
 OF THE GROUP "BTS")

Keywords: discourse, song discourse, song text, "k-pop" genre. In this paper Korean song discourse is investigated. The theoretical aspects of the concept of "song discourse" are considered. The paper presents the results of the analysis of the linguistic and stylistic features of the texts of the Korean song discourse.

Z.Kh. Bizheva, A.L. Latipova
 DERIVATIONAL FEATURES OF INTERNET DISCOURSE
 LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND
 TURKISH LANGUAGES)

Keywords: phonoideograms, derivation, compounding, reduction, abbreviation.

The article deals with the most common derivational methods used in the dialogues of English and Turkish-speaking users in Internet communication. The aim of the study is to identify the features of derivation of the Turkish and English languages within the framework of Internet communication. The scientific novelty of the work lies in the in the fact that for the first time a complex analysis of the lexical structure of the Internet discourse in English and Turkish was carried out.

T.G. Borgoiakova, A.V. Guseinova
 SHOR LANGUAGE IN TASHTYP DISTRICT OF THE
 REPUBLIC OF KHAKASSIA (ACCORDING TO THE
 RESULTS OF A SOCIO-LINGUISTIC SURVEY)

Keywords: Shor language, language loyalty, language behavior, language views.

The article deals with the study of sociolinguistic aspects of the functioning of the Shor language. Relevant problems of language views and language behavior of Shors are examined relying on the materials of sociolinguistic survey.

O.V. Goncharova, S.A. Khaleeva
 LINGUISTIC AND CULTURAL BILINGUAL IDENTITY
 MANIFESTATION STRATEGIES

Keywords: identity, bilingualism, ethnicity, strategies, communication, culture.

The article cites an evidence to show that the Armenian bilinguals' identity construction is represented by a number of speech markers of belonging to a collective ethnic identity. The data, taken from a series of interviews and texts from social nets, written by Armenian bilinguals, makes it possible to identify strategies and tactics for representing a certain bilingual identity. The authors demonstrate that in the considered speech patterns the Armenian bilinguals' identity construction intertwines with different cultural and social circumstances.

A.V. Guseinova, A.P. Lopsan
 NOMINATION OF THE DARK FORCES IN THE KHAKASS
 AND TUVAN TRANSLATIONS OF THE NEW TESTAMENT

Keywords: dark forces, Khakass language, Tuvan language, New Testament.

The article is devoted to the study of the translation of the biblical designations of the dark forces into the Khakass and Tuvan languages. The authors note that the translation of the sought Christian terms into the Khakass and Tuvan languages reflects some traditional religious ideas of the Khakass and Tuvans.

Н.В. Егоршина, Ю.Ю. Дмитриева, Ю.В. Шуйская
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ПЕРЕВОДЫ РУССКИХ ПОЭТОВ, ВЫПОЛНЕННЫЕ КАК
ФРАГМЕНТ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: Перевод, Гумилев, Сологуб, Мопассан, Буйле, дискурс.

Статья посвящена вопросам перевода художественного произведения, выполненного в рамках специфической дискурсивной задачи – «перевода в переводе». Для анализа выбран стихотворный отрывок Луи Буйле, цитируемый одним из героев Ги де Мопассана, и переведенный как часть прозаического текста. Специфика дискурсивной задачи обусловлена авторской иронией по отношению к рассказчику.

Е.П. Игнатьева

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ АНТРОПОНИМ КАК ЦЕННОСТЬ
И АНТИЦЕННОСТЬ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: энциклопедический антропоним, ценность, антиценность, аксио-логический статус.

В статье энциклопедический антропоним рассматривается в качестве лингвокультурного феномена, содержащего ценностные характеристики. Ценностные характеристики энциклопедического антропонима не носят унифицированный характер, в этой связи энциклопедический антропоним может обладать как положительной, так и отрицательной характеристикой.

Н.М. Краснова

УДАРЕНИЕ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

Ключевые слова: ударение, слог, отклонения, сложные слова. В работе предпринята попытка проанализировать ударение в горномарийском языке. В качестве предмета исследования выступают лексические единицы горномарийского языка. Особое внимание уделено ударению в сложных словах.

М.И. Кысылбайкова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ В СТРУКТУРЕ
КОНЦЕПТА «КУЛЬТУРА» В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: концепт, языковое сознание, концептуальные признаки, семантический гештальт, культура.

В данной статье описаны концептуальные признаки концепта «культура» в языковом сознании носителей якутского языка. Сложная структура исследуемого концепта представлена по результатам выявления концептуальных признаков с помощью «семантического гештальта» Ю.Н. Караулова. Данный метод доказывает свою эффективность при изучении концептов на примере языкового сознания с большим количеством респондентов. Выявленные признаки представляют собой интересную структуру концепта «культура» в исследуемом языке.

Ф.Ф. Ларионов, С.В. Филиппова
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ПОБЕДИТЕЛЯ
В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: образ, Интернет-дискурс, языковые средства, социальные сети.

В данной статье на материале публикаций спортсменов в социальных сетях рассматриваются атрибутивные признаки образа победителя в Интернет-дискурсе. В ходе исследования были использованы методы контекстуального, семантического, стилистического и описательного анализа. В результате проведенного анализа выявлены ключевые признаки образа победителя и языковые средства, при помощи которых конструируется его образ.

А.Е. Михайлов, Н.В. Сабурова
СПОСОБЫ СМЫСЛОФОРМИРОВАНИЯ
КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА НА МАТЕРИАЛЕ
КАРИКАТУР О ПРОТЕСТАХ В ГОНКОНГЕ

Ключевые слова: политический дискурс, политическая карикатура, креолизованный текст, стилистические приемы, presuppositions, феномены языкового сознания.

N.V. Egorshina, Yu.Yu. Dmitrieva, Yu.V. Shuyskaya
PECULIARITIES OF THE TRANSLATION DISCOURSE:
TRANSLATIONS BY RUSSIAN POETS, PERFORMED AS A
FRAGMENT OF A PROSAIC TEXT

Keywords: Translation, Gumilev, Sologub, Maupassant, Bouilhet, discourse.

The article is devoted to the issues of translation of a literary work performed within the framework of a specific discursive task – “translation in translation”. For the analysis, a poetic passage by Louis Bouilhet, quoted by one of the heroes of Guy de Maupassant, and translated as part of a prose text, was selected. The specificity of the discursive task is due to the author's irony in relation to the narrator.

E.P. Ignatieva

VALUE AND DISVALUE OF ENCYCLOPEDIA
ANTHROPONYM IN SEMIOTIC SPACE

Keywords: encyclopedic anthroponym, value, disvalue, axiological status.

The article considers the encyclopedic anthroponym as a linguacultural phenomenon containing value characteristics. The value characteristics of an encyclopedic anthroponym do not have a unified character, in this regard, an encyclopedic anthroponym can have both positive and negative characteristics.

N.M. Krasnova

STRESS IN HILL MARI

Keywords: stress, syllable, exceptions, compound words. The paper presents the results of study of stress in the Hill Mari language. Lexical units are the objects of this research. Special attention is paid to the stress in compound words.

M.I. Kysylbaikova

CONCEPTUAL FEATURES IN THE STRUCTURE OF THE
CONCEPT "CULTURE" IN THE YAKUT LANGUAGE

Keywords: concept, linguistic consciousness, conceptual signs, semantic gestalt, culture.

This article describes the conceptual features of the concept "culture" in the linguistic consciousness of the Yakut language speakers. The complex structure of the concept under study is presented based on the results of identifying conceptual features using "semantic gestalt" in Yu.N. Karaulov. This method proves its effectiveness when studying concepts using the example of linguistic consciousness with a large number of respondents. The revealed features represent an interesting structure of the concept "culture" in the studied language.

F.F. Larionov, S.V. Filippova
REPRESENTATION OF WINNER IMAGE
IN INTERNET DISCOURSE

Keywords: image, Internet discourse, linguistic means, social network.

In the paper, the authors studied the attributes of the winner image on the material of sportsmen's publications in the Internet discourse. In order to achieve the goal of the research, the methods of context, semantic, stylistic and descriptive analyses were applied. The analysis of statements in social networks identified key attributes of the winner image and linguistic means constructing this image.

A.E. Mikhailov, N.V. Saburova
MEANING-FORMATION METHODS OF CREOLIZED TEXT
IN POLITICAL CARTOONS ABOUT HONG KONG
PROTESTS

Keywords: political discourse, political caricature, creolized text, stylistic devices, presuppositions, phenomena of linguistic consciousness

В данной работе исследуется политическая карикатура как часть политического дискурса и как вид креолизованного текста. Рассматриваются вербальные и иконические средства, применяемые в карикатуре, а также феномены языкового сознания в качестве лингвокультурного аспекта. Ведётся дискурсивный анализ политических карикатур на английском языке, с целью выявления средств создания образа Китая в политических карикатурах на тему протестов в Гонконге.

This paper examines political caricature as a part of political discourse and as a type of creolized text. The verbal and iconic means used in caricature, as well as the phenomena of linguistic consciousness as a linguocultural phenomenon are considered. A discursive analysis of political cartoons in English is being conducted to identify the means of creating an image of China in political cartoons on the theme of the Hong Kong protests.

Н.О. Орлова, О.Ю. Богданова, О.Л. Крамаренко
ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВОЕННОГО ДИСКУРСА КАК
ОСОБОГО ТИПА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: институциональный дискурс, военный дискурс, особенности военного дискурса, компоненты военного дискурса.

В статье рассматриваются отличительные особенности военного дискурса, занимающего особое положение в типологии институционального дискурса. Подчеркивается, что военный дискурс является относительно самостоятельным видом дискурса. Актуальность данной темы заключается в необходимости теоретического и практического исследования неотъемлемых компонентов данного вида речевой деятельности. Проводится подробный анализ основных компонентов, входящих в состав военного дискурса. Делается вывод о том, что основными чертами текста военного дискурса являются императивность, стандартизированность, четкость и информативность.

N.O. Orlova, O.Y. Bogdanova, O.L. Kramarenko
MAIN COMPONENTS OF MILITARY DISCOURSE AS
AN INSTITUTIONAL DISCOURSE SPECIAL TYPE

Keywords: discourse, institutional discourse, military discourse, features of military discourse, components of military discourse. The article considers the distinctive features of military discourse, which occupies a special position in the typology of institutional discourse. It is emphasized that military discourse is a relatively independent type of discourse. The study relevance lies in the necessity for theoretical and practical research of this type speech activity's integral components. A detailed analysis of the main components that make up the military discourse is carried out. The conclusion is made that the military discourse text main features are imperativeness, standardization, clarity and information content.

Е.В. Петрушова
К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ СЛОВАРЯ-ТЕЗАУРУСА
ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ БИЗНЕСА

Ключевые слова: тезаурус, фрейм, предметная область, бизнес. В работе представлены результаты построения минимального англо-русского словаря-тезауруса предметной области «Бизнес», основанные на фреймовой модели систематизации знаний.

E.V. Petrushova
TO THE QUESTION OF BUILDING THE DICTIONARY-
THESAURUS OF THE SUBJECT BUSINESS AREA

Keywords: thesaurus, subject field, business, frame. The paper presents the results of building English-Russian mini thesaurus of the subject field "Business" based on the frame model of knowledge systematization.

Д.Н. Потапова, К.Г. Егорова
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
СУБТИТРОВ В КОРЕЙСКИХ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ
ТЕЛЕПРОГРАММАХ

Ключевые слова: субтитр, субтитрирование, развлекательная программа, визуальные субтитры.

В работе раскрываются особенности корейских субтитров в телевидении и их роль. Работа посвящена анализу субтитров, применяемых в процессе создания программы «Новое путешествие на запад». В статье описываются лексические и грамматические особенности визуальных субтитров.

D.N. Potapova, K.G. Egorova
THE LEXICO-GRAMMATICAL FEATURES OF SUBTITLES
IN KOREAN ENTERTAINMENT TV PROGRAMS

Keywords: subtitle, subtitle, entertainment, visual subtitle. The work reveals the features of Korean subtitles in television and their role. The work is devoted to the analysis of subtitles used in the process of creating the program "New Journey to the West". The article describes the lexical and grammatical features of visual subtitles.

Н.Г. Пушкарёва, Л.Д. Раднаева,
Б.В. Соктоева, Н.С. Талдыкина
ПРОБЛЕМЫ УСВОЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО
ПРОИЗНОШЕНИЯ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: английский язык, произношение, акустические характеристики, транскрипция.

Статья посвящена проблеме изучения и усвоения учащимися английского произношения. Фонетические характеристики английских звуков исследуются на основе реализаций звуков английского языка носителями русского языка в процессе неподготовленного чтения отдельных слов и связного текста. Рассматриваются акустические свойства английских гласных в составе односложных и многосложных словоформ. Авторами проведены слуховой, спектральный и статистические анализы модификаций звуков в разных фонетических условиях. Для транскрипции используются символы международного фонетического алфавита [5].

N.G. Pushkar'ova, L.D. Radnaeva,
B.V. Socktoeva, N.S. Taldykina
PROBLEMS OF MASTERING OF ENGLISH
PRONUNCIATION RUSSIAN SPEAKERS

Keywords: English, pronunciation, acoustic characteristics, transcription.

The article is devoted to the problem of studying and mastering English pronunciation by students. The phonetic characteristics of English sounds are investigated on the basis of the realizations of the sounds of the English language by Russian speakers in the process of unprepared reading of individual words and a coherent text. The acoustic properties of English vowels in monosyllabic and polysyllabic word forms are considered. The authors carried out auditory, spectral and statistical analyzes of the modifications of sounds in different phonetic conditions. For transcription, symbols of the international phonetic alphabet are used [2].

Ю.Н. Родионов
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НОВОСТНОГО
ДИСКУРСА

Ключевые слова: медиадискурс, новостной дискурс, темп речи, паузация, просодия, Euronews.

В статье рассматриваются темпоральные особенности речи дикторов англоязычных новостных телепередач. Результаты электронно-акустического анализа демонстрируют отклонения в просодии дикторской речи от ранее обозначенных медиалингвистами установок на нейтральность и беспристрастность. Полученные наблюдения позволяют говорить об изменяющемся жанро-стилевом статусе новостного теледискурса.

А.В. Сахарова, Е.Л. Смирнова
ЯЗЫКОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
КАПИТАЛ: ВЫЗОВЫ ЭПОХИ ПОСТГРАМОТНОСТИ

Ключевые слова: языковая грамотность, постграмотность, лингвистический капитал, дискурс, языковая коммуникация, масс-медиа.

В статье ставится вопрос о том, какие изменения происходят в коммуникативном пространстве в эпоху постграмотности и какое влияние они оказывают на уровень языковой грамотности. В основе подхода к рассмотрению этих процессов лежит концепция П. Бурдьё о природе лингвистического капитала. Показаны коммуникативные тенденции, наиболее рискованные с точки зрения снижения уровня языковой грамотности, и некоторые источники ее развития.

А.А. Смерчинская
ИНФЕРЕНЦИЯ ИМПЛИКАТУР КАК СПОСОБ
ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: инференция, импликатура, диалогический дискурс, языковая личность.

В работе представлены результаты изучения инференции коммуникативных импликатур как важнейшего процесса реконструкции имплицитных смыслов высказываний, позволяющего провести лингвопрагматический и семантический анализ вербальных и невербальных средств, используемых в кинофрагментах диалогического дискурса, на основе которого наиболее ярко раскрывается характер языковых личностей коммуникантов.

Н.Ф. Хасанова
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИТОМОРФНЫХ
ОБРАЗОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЖАРГОНАХ
НАРКОМАНОВ

Ключевые слова: фитонимы, сопоставительный анализ, антиценность, жаргон наркоманов, оценка, ценности, язык. В данной статье рассматривается репрезентация наркомании как антиценности на примере фитоморфных образов. В результате сопоставительного анализа названий растений в русском и английском жаргонах наркоманов можно установить, какие особенности языка наркоманов выражены фитонимами и какие специфические сферы являются наиболее значимыми их языковой общности.

Чжан Тао
КОНЦЕПТ «СЫНОВНЯЯ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ» 孝 (СЯО)
В КИТАЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

Ключевые слова: китайская реклама, социальная реклама, речевое воздействие, концепт «сыновняя почтительность». В данной статье автор, используя лингвокультурный подход, исследует динамику изменения содержания одного из основных концептов китайского языка – «сыновняя почтительность» 孝 (сяо), сформировавшегося под влиянием традиционной китайской культуры. Рассматривая актуальное содержание данного концепта в контексте рекламной деятельности, автор

Y.N. Rodionov
SOME FEATURES OF TEMPORAL ORGANISATION
OF ENGLISH NEWS DISCOURSE

Keywords: media discourse, news discourse, speech tempo, pausation, prosody, Euronews.

The article contains an overview of some temporal features of English-speaking TV-newsreaders. The results of the electronic speech analysis show deviations from the approach of neutrality and impartiality in newsreaders' prosody established earlier in mediallynguistics. The study raises the issue of the changing genre and stylistic status of news discourse.

A.V. Sakharova, E.L. Smirnova
LANGUAGE LITERACY AS A LINGUISTIC CAPITAL:
CHALLENGES OF THE POST-LITERACY ERA

Keywords: language literacy, post-literacy, linguistic capital, discourse, language communication, mass media.

The article raises the question of the changes which are taking place in the communicative space in the post-literacy era and what impact they have on the level of language literacy. The approach to these processes is based on Bourdieu's concept of the nature of the linguistic capital. The article shows the communication trends that are the most risky in terms of reducing the level of language literacy, and some sources of its development.

A.A. Smerchinskaya
IMPLICATURE INFERENCE AS A WAY
OF PRAGMATIC AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF
LINGUISTIC PERSONA

Keywords: inference, implicature, dialogue discourse, linguistic persona.

The paper presents the results of inference of communicative implicatures as the most important process of reconstruction of implicit meanings of utterances, which allows us to carry out a pragmatic and semantic analysis of verbal and non-verbal means used in film fragments of dialogue discourse. On its basis, the nature of the communicants' persona lingua is clearly revealed.

N.F. Khasanova
CONTRASTIVE ANALYSIS OF PHYTOMORPHIC IMAGES
IN RUSSIAN AND ENGLISH DRUG ADDICTS' SLANG

Keywords: phytonyms, contrastive analysis, antivalue, drug addict's slang, appraisal, value, language.

This article is about the representation of narcomania as antivalue on the example of phytomorphic images. As a result of contrastive analysis of phytonyms in Russian and English drug addict's slang, the features of the language can be found out and show the influence of drugs to people.

Zhang Tao
THE CONCEPT "FILIAL PIETY" 孝 (XIAO)
IN CHINESE ADVERTISING

Keywords: Chinese advertising, social advertising, speech impact, the concept of "filial piety"

In this article the author using a linguocultural approach explores the dynamics of changes in the content of one of the main concepts of the Chinese language - "filial piety" 孝 (xiao), which was formed under the influence of traditional Chinese culture. Considering the actual content of this concept in the context of advertising the author as a result of a pragmalinguistic

в результате прагматического анализа рекламных продуктов приходит к выводу о том, что творческое использование в рамках коммуникативных стратегий концепта «сыновья почтительность» обеспечивает высокую эффективность рекламной коммуникации.

Чжан Хундань

ВОЕННАЯ МЕТАФОРА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ COVID-19
В СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ СМИ

Ключевые слова: китайские СМИ, COVID-19, военная метафора, военная лексика.

Статья посвящена анализу особенностей использования военной метафоры в репрезентации COVID-19 на материале китайских СМИ. В результате исследования выявлено пять тематических групп, актуализирующих различные аспекты ведения войны.

Чу Цзяньминь

ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ КАТЕГОРИИ УЧАЩИХСЯ, В
КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: китайский язык, лексика, учащиеся, китайские учебные заведения.

Статья посвящена исследованию лексики, используемой в китайских учебных заведениях. Автор статьи, действуя в рамках лингвокультурологического подхода, исследует и классифицирует по различным критериям как формальную, так и неформальную современную лексику, используемую для обозначения различных категорий учащихся.

analysis of advertising products comes to the conclusion that the creative use of the concept of "filial piety" within the framework of communicative strategies ensures high efficiency of advertising communication.

Zhang Hongdan

MILITARY METAPHOR IN THE REPRESENTATION OF
COVID-19 IN MODERN CHINESE MEDIA

Keywords: Chinese media, COVID-19, military metaphor, military vocabulary.

The article is devoted to the analysis of the features of the use of military metaphor in the representation of COVID-19 on the material of the Chinese media. As a result of the study, five thematic groups are identified that actualize various aspects of warfare.

Chu Jianmin

VOCABULARY DENOTING THE CATEGORIES OF
LEARNERS IN CHINESE

Keywords: Chinese, vocabulary, students, Chinese educational institutions.

The article studies vocabulary used in Chinese educational institutions. The author of the article acting within the framework of the linguocultural approach explores and classifies, according to various criteria, both formal and informal modern vocabulary used to designate various categories of students.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№11 2020

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 09.12.2020

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 09.12.2020

14,3 усл.печ.л. 16,4 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 3830.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»